

ИСТОРИЯ
СМУТНАГО ВРЕМЕНИ
ВЪ РОССІИ.

I.

ИСТОРИЯ
СМУТНАГО ВРЕМЕНИ
ВЪ РОССІИ
ВЪ НАЧАЛѢ XVII ВѢКА.

СЕНАТОРА Д. БУТУРЛИНА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Александра Смирдина.

=
1839.

ПЕЧАТАТЬ П О З В О Л Я Е Т С Я

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Октября 25-го дня 1838 года.

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

ПОСВЯЩАЕТСЯ ОТЪ СОЧИНТЕЛЯ

Г Р А Ф У

И Л А Р І О Н У В А С И Л Ь Е В И Ч У

В А С И Л Ь Ч И К О В У ,

ВЪ ЗНАКЪ ДУШЕВНАГО ПОЧТЕНІЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

=

(1584 — 1605 годы.)

=

Начало XVII-го вѣка въ Россіи ознаменовано событіями чрезвычайными, кои пѣтъ болѣе изумляютъ насъ, что Исторія предшествоващаго полувѣка нисколько не пригошовляетъ къ онимъ. Русскій народъ, двадцать чепыре года сряду безропотно покоряющійся всемъ неисповствамъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго, вдругъ самъ разрываетъ все узы законной подчиненности, и съ неимовѣрнымъ оспервененіемъ вдаешся въ ужасы самовольства и безначалія. Духъ буйства и раздора, предавая все сословія испушменію гвуснѣйшихъ

Часть I.

1

спрасней, попрысаептъ самыя начала государственнаго образованія и очевидно влечептъ Россію къ конечному разрушенію ея самобытности. Но самая безмѣрность зла ужасаетъ спроптивѣвшихъ. На краю бездны Русскіе внемлютъ гласу погибающаго опечества. Сильный, единодушный порывъ уничтожаетъ вѣроломные замыслы вѣшнихъ враговъ и внутреннихъ крамольниковъ, и спасенная Россія успокоивается на обновленныхъ основаніяхъ своихъ. Только внимательный разборъ подробностей происшествій того времени можеть объяснить намъ причины сихъ дивныхъ переворотовъ, важнымъ слѣдствіемъ коихъ было измѣненіе въ общественномъ устройствѣ самаго многочислнѣйшаго сословія въ Россіи.

18-го Марта 1584 года, смерть прекратила ужасные дни Грознаго. Казалось, Русскимъ оставалось только съ восторгомъ благодарить Всевышняго за избавленіе свое отъ мучительствъ его. Но люди искренно преданные опечеству не безъ препятствія встрѣчали новое царствованіе. Извѣстное всѣмъ слабоуміе Ѳеодора, сына и преемника Иоаннова, давало поводъ опасаться, чтобы чрезъ самоуправство не помрачилось величіе государства. Нельзя было не признаться, что свирѣпая, но мощная рука Царя Иоанна, не безъ пользы дѣйствовала къ довершенію великихъ начинаній глубо-

комысленнаго дѣда его, Великаго Князя Іоанна III-го, наспоющаго основателя Россійской Монархіи. Но чрезъ безсиліе недужнаго Θεодора, Россія могла снова утратить столь дорогою цѣною ею пріобрѣтенныя блага.

Впрочемъ событія, казалось, не оправдали сихъ опасеній. Θεодоръ, равнодушный ко всѣмъ почестямъ и обязанностямъ своего высокаго сана, любилъ только на семь свѣтъ колокольный звонъ и достойную супругу свою, Царицу Ирину, родной братья которой, Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ, находился уже въ боярскомъ званіи еще при жизни покойнаго Царя. Сему хитрому, честолюбивому вельможѣ, одаренному опъ природы необыкновенными способностями, не трудно было, чрезъ посредство нѣжно привязанной къ нему сестры, овладѣть совершенно Царемъ, и его именемъ управлять государствомъ. Ему обязана Россія, что четырнадцатилѣтнее Θεодорово царствованіе справедливо почитается одною изъ счастливейшихъ эпохъ въ ея исторіи. Внутреннее благоденствіе народа, укрощеніе опаснаго Черемискаго бунта, озабочивавшаго послѣдніе годы правленія Іоаннова, возвращеніе силою оружія опъ Шведовъ Ивагорода, Ямы, Копорья и Кексгольма, упроченіе и распространеніе завоеваній въ Сибири и, наконецъ, уничтоженіе зависимости Россійской церкви опъ

*

Цареградской, посредствомъ успановленія само-
быннаго Паптріаршества въ Москвѣ, оказали пра-
вительственную мудрость Годунова и, казалось,
служили вѣрнымъ залогомъ прочности Россійскаго
могущества. Однако среди сихъ славныхъ подви-
говъ, два дѣйствія воли Годунова, одно преступ-
ное, другое можетъ быть по тогдашнимъ об-
стоятельствамъ необходимое, посвятали уже съ-
мена будущихъ золъ. Говоримъ о убіеніи Царевича
Димитрія и о законѣ касательно укрѣпленія
крестьянъ.

Смерть Царевича была нужна Годунову для ис-
полненія дерзкихъ замысловъ его. Правитель, (самъ
Паптріархъ пакъ называлъ Годунова), упоенный вла-
стію безмѣрною, съ ужасомъ разсчитывалъ, что
мгновеніе могло лишитъ его оной. Все зависѣло
отъ жизни Царя, которому слабое сложеніе плѣча
не обѣщало ни многолѣтія, ни попомства. Един-
ственнымъ наследникомъ его былъ осьмилѣтній
братъ его, Царевичъ Димитрій, жившій съ ма-
терью своею, изъ фамиліи Нагихъ, въ данномъ ему
въ удѣлъ городѣ Угличѣ. При воцареніи Димитрія
Годуновъ неминуемо содѣлался бы жертвою за-
коренной ненависти къ нему Нагихъ. Къ еспе-
ственному желанію опвратить грозящую ему
опасность, соединились еще въ сердцѣ Годунова
и обольщенія верховнаго сана. Уже Царь на дѣлѣ,

онъ хопѣлъ бытъ и Царемъ по имени. Одинъ Димитрій заграждалъ ему пушъ къ прешолу: учаспъ Царевича была рѣшена!

Замышляя погибель его, Годуновъ искалъ сперва обезславить его въ общемъ мнѣнїи. Приверженцы Правителя разсѣвали повсюду, что царственный опрокъ, оказываемою имъ въ играхъ и Пальцыль и Флетисерь. разговорахъ люпостїю, уже подобился звѣрскому опцу своему. Съ другой спороны, основываясь на происхожденїи его опъ седьмаго брака, православною Церковью запрещаемаго, Годуновъ выставлялъ его незаконнорожденнымъ, и запрешилъ поминашь его имя на Липургїи. Позволишельно предполагать, что Правитель нѣкопорое время думалъ симъ средствомъ опспранишь опаснаго соперника и безъ совершения прешупленїя, коему еще противуборспвовала его совѣспь. Но дальновидность его скоро указала ему ненадежность приняпыхъ мѣрь. Не трудно было угадать, что со смертїю Феодора исчезнешъвсякое сомнѣнїе на счешъ законности рожденїа Димитрія въ глазахъ народа, искренно привязаннаго къ поколѣнїю спаринныхъ Государей своихъ. Опшавалось или опказашься опъ очаровательной мечпы, или содѣлашься злодѣемъ. Годуновъ избралъ послѣднее.

Хопя Правителю удалось закупить Царевиче- Никоновская
Лѣтопись. ву мамку, боярнїю Волохову, однако бдишельность

нѣжной мапери и вѣрной кормилицы не дозволила исполнить первопринятаго намѣренія, тайно извѣстѣ Димитрія. Прибѣгнули къ злодѣйству опкрытому. Посланные отъ Годунова въ Угличь убійцы, Данило Биляговскій и Никиша Качаловъ, съ помощію мамкина сына Осипа Волохова, зарѣзали Царевича, 15-го Мая 1591 года около полудня, на крыльцѣ занимаемаго имъ дворца. Вспревоженный страшною вѣстію, Углицкій народъ толпами бросился ко дворцу, и въ испувленіи горести, при видѣ бездушнаго шрупа, убилъ прехъ злодѣевъ и съ ними опца Биляговскаго и еще прехъ человекъ и одну женщину, подозрѣваемыхъ въ участіи преступленія. Если взять въ соображеніе, сколь нужно было Годунову прервать всѣ нити, по коимъ можно было бы добрасть до настоящаго зачинщика, то не легко оградить себя отъ подозрѣнія, что онъ же былъ тайнымъ орудіемъ гибели своихъ гнусныхъ сообщниковъ, и что по наущенію его же приверженцевъ городскіе жители самоуправно опмстили за смерть Царевича.

Успокоенный касательно явныхъ прошивъ себя уликъ, Правитель еще превожился слухомъ о народной молвѣ, грозно указывающей на него, какъ на перваго виновника преступленія, которое никому иному и полезно бытъ не могло.

Дабы избавишься отъ страшнаго нареканія,

ему не представлялось другаго средства, какъ спарашься доказать, что самое преступленіе было вымышленное. Хотя пруднымъ казалось въ ложномъ видѣ выставить происшествіе, коему свидѣтелемъ былъ, такъ сказать, цѣлый городъ, однако Годуновъ отважился на сіе предпріятіе, и лукавство его и шутъ увѣнчалось успѣхомъ, почти немовѣрнымъ.

По повелѣнію его отправлены немедленно изъ Москвы въ Угличъ три слѣдователя, а именно: бояринъ Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, Окольничей и Царскій дядька Андрей Васильевичъ Клешнинъ и дьякъ Вылузгинъ. Клешнинъ былъ извѣстнымъ угодникомъ Правителя. Ничтожность Вылузгина сокрыла опть попомства его образъ мыслей; нѣтъ сомнѣнія, однако жъ, что онъ избранъ былъ изъ числа преданнѣйшихъ слугъ Годунова. Но все покрывалось громкимъ именемъ Шуйскихъ. Никому безизвѣстно не было, что сіи горделивые попомки Государей Суздальскихъ явно враждовали Годунову, копорый, плаща злобою за злобу, въ недавнемъ времени еще приказалъ удавить двухъ бояръ Шуйскихъ, Князя Андрея Ивановича, и племянника его, знаменипаго защитника Пскова, Князя Ивана Пепровича. За тѣмъ назначеніе Князя Василія Ивановича казалось дѣйствіемъ смѣлымъ, являющимъ безпристрастіе Правителя. Но онъ

уже успѣлъ преклонить на свою сторону Князя Василя Ивановича. Сей вельможа, самъ едва ли успувавшій Годунову въ лукавствѣ и честполубіи, убѣдился, что, въ неровной борьбѣ съ обладаша-лемъ государства, онъ только изгоповилъ бы себѣ неминуемую гибель, и попому рѣшился отказаться отъ семейной ненависти и сблизиться съ убійцею своихъ сродниковъ, въ ожиданіи отъ него важныхъ для себя выгодъ и почестей. Годуновъ, желая упрочить примиреніе съ нимъ, выдалъ свояченицу свою, дѣвицу Екашерину Скурапову, за меньшаго его брата, Князя Димитрія.

Легко себѣ вообразить, что таковыя слѣдова-тели дѣйствовали по направленію Годунова. Еди-нодушное свидѣтельство Углицкихъ жителей бы-ло устранено, а основаніемъ розыска приняты

Собраніе Го-сударствен-ныхъ грамотъ

показанія пѣкопорохъ лицъ, закупленныхъ или за-спраченныхъ. Царю донесли, сполницъ ъбъявили, что Царевичъ самъ заколося въ припадкѣ падучей болѣзни. Сей изворотъ шѣмъ пріятнѣе былъ для Годунова, что давалъ ему поводъ дашь возчувство-вать гнѣвъ свой шѣмъ, кои искренно оплакивали Димитрія. Наказуя будшо бы небреженіе о Царе-вичѣ, Нагихъ разослали въ опдаленные города, а вдовспвующую Царицу, посприженную по неволѣ и нареченную Марѣю, заключили въ монастырь. Угличане также не укрылись отъ злобы Прави-

Морозовская
Лѣтопись.

шеля: Ихъ укоряли въ пролипіи мнимо-невинной крови убійць Царевичевыхъ. До двухъ сощъ изъ нихъ были казнены, другіе разсажены по пемницамъ, а большую часщъ вывели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ. Запустѣніе древняго Углича оспалось для попомсства печальнымъ памяшникомъ меспи и пресшупленія Годунова.

Сибирскіа
Лѣтописи.

Выказывая свое могущесство погубленіемъ пропивниковъ своихъ, вмѣсщъ съ шѣмъ Прависель убѣждался въ необходимости воспользовашься первымъ случаемъ, дабы умножищъ во всѣхъ сословіяхъ число своихъ приверженцевъ благодаріями, щедрою рукою изліянными. Сей случай не замедлилъ предсшавишься, и споль для него благовременно, чшо современники не усумнились приписашь оной его же шайнымъ побужденіямъ. Москва загорѣлась 22-го Мая, не случайно, а по злоумышленію и, ушверждающъ, по повелѣнію Годунова. Пожаръ былъ ужасный. Ущѣляли шолько Кремль и Кишай. Сіе бѣдсшвіе уже шѣмъ было полезно для Годунова, чшо ошвлекало умы ошъ шолковъ о смерщи Царевича. Но Прависель симъ не удовольсшвовался. Онъ явился среди опчаянныхъ Москвшянъ въ видѣ ангела ушѣшишеля, сыпалъ деньгами, давалъ льгопныя грамошы, однимъ словомъ, не шолько всякій получилъ нужное пособіе, но даже для многихъ вознагражденіе превышало убышки. Не-

Никоновская
Лѣтопись,
Пальцынъ и
Маржеретъ.

минуемымъ слѣдствіемъ сей разсечливой распочительности было, что всѣ нареканія прошивъ Годунова умолкли, и имя его громко славилось въ

Никоновская столицѣ.
Лѣтопись.

Такимъ образомъ Правитель приближался къ своей цѣли, какъ вдругъ печальное событіе едва не испровергло всѣ его замыслы. Царица Ирина оказалась беременною, и 14-го Іюня 1592 года родила дочь Осодосію. Но сія неожиданная соперница не долго беспокоила Годунова: она скончалась въ слѣдующемъ году, и преждевременная смерть ея навлекла новое подозрѣніе на Правителя.

Другое дѣйствіе воли Годунова, не менѣе смерти Царевича Димитрія пагубное для Россіи по послѣдствіямъ своимъ, было, какъ уже сказано, укрѣпленіе крестьянъ.

Изстари въ Россіи люди низшаго сословія раздѣлялись на два сословія: *холопей*, находившихся въ домашней службѣ не только у чиновныхъ людей, но и у купцевъ и *крестьянъ*, упражнявшихся въ сельскихъ занятіяхъ. Холопя также были двухъ родовъ: полные и кабальные. Полными назывались тѣ, которые находились, и съ попомствомъ своимъ, въ вѣчномъ и попомственномъ владѣніи у господъ своихъ. Кабальные же, также съ происшедшими отъ нихъ, были крѣпки шому господину, кому давали на себя кабалу шолько на

время его жизни; по смерти же его опять получали свободу. Всякій вольный человекъ, не исключая и крестьянъ, имѣлъ право не одного себя, но даже и дѣшей своихъ, записывать въ полные или кабальные холопа къ какому бы то ни было господину. Что касается до крестьянъ, то они всегда были людьми вольными, не имѣвшими впрочемъ собственности недвижимой. Они пользовались важнымъ правомъ, произвольно переходить ежегодно изъ одного селенія въ другое, разсчитавшись предварительно съ прежнимъ владѣльцемъ. Дабы не дѣлать помѣшательства въ сельскихъ работахъ, срокъ перехода положенъ былъ по окончаніи оныхъ, и ограничивался двумя недѣлями, а именно за недѣлю до осенняго Юрьева дня, и черезъ недѣлю послѣ онаго. Крестьяне, въ вознагражденіе за предоставляемые имъ участки земли, работали на владѣльца, и вмѣстѣ съ пѣмъ платили въ казну подать, которая обезпечивалась посѣянными на ихъ участкахъ хлѣбомъ.

Въ семь, такъ сказать, кочевомъ состояніи хотя крестьяне никогда благоденствовать не могли, ибо владѣльцы, не радѣя о временныхъ работахъ своихъ, обременяли ихъ трудами непомерными, а сироты, увѣчные, преспарѣлые оспаивались безъ приюта и призрѣнія, основывая всю надежду свою пропитаться на прихотливыхъ по-

бужденіяхъ соспрананія чужихъ людей; однако жъ важныхъ государспвенныхъ неудобспвъ не предспвлялось, пока Россія пребывала въ спѣсненныхъ границахъ, и въ особеннспсти пока удѣльная сисспема разръзывала ее на мелкія владѣнія. Не когда съ водвореніемъ единосдержавія и разширеніемъ предѣловъ государспва, кругъ перехода креспьянъ чрезъвычайно увеличился, бродяжничеспво ихъ со дня на день спановилось вреднѣе. Зло сіе дошло до высочайшей спспени съ покореніемъ Казани и Аспрахани, обезопасившимъ все проспранспво земли, между Цною и Волгою лежащее. Сія обширная, плодородная спспана, рѣдко населенная Мордвою, Чуващами и Тапарами, предспвляла важныя выгоды для новыхъ переселеній. Не спрудно было сильнымъ вельможамъ и богатому духовенспву пріобрѣспть спамъ пуспнопорозжія земли, и переманивать на оныя поселанъ изъ внуспренныхъ областей Россіи къ крайнему раззоренію бѣдныхъ мелкопомѣспныхъ владѣльцевъ, не имѣвшихъ возможнспсти доставлять креспьянамъ своимъ льгосп и выгосп, предлагаемыхъ выходцамъ заживочными людьми. Первымъ слѣдспвіемъ сего было запусптніе селъ и деревень въ окреспноспяхъ самой спполицы, какъ свидѣтельспвуепть о помѣ очевидецъ, Англійскій посланникъ, докпоръ Флешчеръ, бывшій въ Москвѣ въ 1589 году. Годуновъ, съ

одной стороны предусматривая ослабленіе государства опъ могущаго произойти въ самыхъ нѣдрахъ онаго безлюдства, а съ другой желая угодишь мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ, составлявшимъ въ погдашнее время главную военную силу Россіи, прибѣгнувъ къ мѣрамъ рѣшиТЕЛЬНЫМЪ. Увлекаясь примѣромъ сосѣдственныхъ земель: Липвы, Лифляндіи и Эстляндіи, гдѣ съ давняго времени крѣпостное право владѣльцевъ селеній распроспранялось и на жищелей оныхъ, онъ запрешилъ переходъ крестьянъ, а вельѣлъ имъ оспаваться навсегда въ шѣхъ мѣстахъ, гдѣ они значились по переписнымъ книгамъ, составленнымъ въ 1593 году. Впрочемъ и шупъ законъ не предоспавлялъ ихъ еще въ полное распоряженіе владѣльцевъ, пакъ чпо никто не могъ своего крестьянина, пропивъ воли его, обратишь въ полное или кабальное холопство *.

Симъ важнымъ постановленіемъ не ограничился Правитель въ преслѣдованіи бродяжничества. Въ 1597 году повелѣно всѣ крѣпости на полныхъ холопей, и всѣ кабалы на кабальныхъ записывашь въ книги въ Холопьемъ Приказѣ, и запрещено холопамъ выкупашья опъ кабалы взносомъ шой

* *Примѣчаніе.* Самый текстъ сего перваго закона до насъ не дошелъ, а только дополненіе онаго, изданное въ 1597 году, и устанавлиющее пятилѣтнюю давность на возвращеніе владѣльцамъ бѣглыхъ ихъ крестьянъ. Смотри Приложение № I.

суммы, за копорую они закабалились. При семъ случаѣ сдѣланъ разборъ вольнымъ людямъ, служащимъ у господъ безъ кабалъ. Тѣмъ изъ нихъ, копорые у кого служили менѣе полугода, предоспавлено было на волю или закабалишься тому же господину, или искашь другаго; но что касается до людей, служившихъ полугода или болѣе непрерывно у одного господина, по таковому выдавалась на нихъ кабала, даже и безъ ихъ согласія, по той причинѣ, что онъ ихъ кормилъ, одѣвалъ и обувалъ *.

Сіи распоряженія, споль спѣшнѣльнныя для личной свободы людей низшихъ сословій, неминуемо должны были породить въ нихъ сильное негодованіе. Сожалѣніе ихъ о упраченныхъ правахъ сохранилось даже до нашихъ временъ въ слѣдующей народной пословицѣ: *Вотъ тебѣ бабушка Юрьевъ день!* Годунову не лзя было не знать о всеобщемъ ропотѣ, но онъ полагалъ, что можетъ пренебречь неудовольствіемъ народнаго класса, хотя и самаго многочисленнаго, но бѣднаго, безоружнаго и слѣдственно беззащитнаго. Увидимъ, что онъ обманулся въ своемъ расчетѣ, и что онъ самъ и Россія дорого заплатили за сію ошибку.

Отеодоръ тихо приближался ко гробу, не оставляя по себѣ наследника, копораго, по тогдашнему образу мыслей, можно было бы назвать закон-

* Смотри Приложение № II.

нымъ. Московскій Великокняжескій домъ гибнулъ подъ ударами собствѣнныхъ чадъ своихъ. Такъ какъ всѣ помышленія глубокомысленныхъ Государей сего дома успремлялись къ водворенію единодержавія, и къ учрежденію престононаслѣдованія по праву предспавленія первородства, а не по старѣйшинству въ родѣ *, по для достиженія сей важной двойкой цѣли, они даже не дорожили связями семейными. Самые ближніе кровные ихъ содѣлались жертвою мрачной полишки. Иныхъ умерщвляли, другихъ предавали вѣчному започенію. Такъ сгубили: Василій Темный двухъ двоюродныхъ братьевъ, Василія Косаго и Димитрія Шемяку, и претѣяго правнучапнаго, Василія Боровскаго съ преме сыновьями его; Иоаннъ III роднаго внука своего, Димитрія Ивановича, и роднаго брата Андрея Углицкаго съ двумя сыновьями его; Василій Ивановичъ, правнучапнаго брата Василія Шемяку Рыльскаго; Правительница Елена деверей

Примѣчаніе. Въ старину въ Россіи, при открытіи наслѣдства Великокняжескаго престола, дядья, какъ старѣйшіе въ родѣ, предпочитались племянникамъ, такъ что послѣ умершаго Великаго Князя наслѣдовалъ не сынъ, а братъ покойнаго. Храбрый сподвижникъ героя Донскаго, Князь Владиміръ Андреевичъ Серпуховскій, первый торжественно отказался отъ сего преимущества въ 1389 году въ пользу сына Донскаго; но 36 лѣтъ спустя, второй сынъ Донскаго, Князь Юрій Дмитріевичъ, оспаривалъ еще престолъ у племянника своего Василія Василіевича Темнаго.

своихъ, Князей Юрія и Андрея Ивановичей, и наконецъ самъ Царь Грозный двоюроднаго брата, Князя Владиміра Андреевича и двухъ сыновей его. Кромѣ того Великіе Князья не охотно позволяли братьямъ своимъ вступать въ бракъ, отъ чего нѣкопорые изъ нихъ умирали холоспыми. При такихъ противныхъ распложенію дѣйствіяхъ, не удивительно, что царскій корень, хотя отъ природы одаренный довольно замѣчательною плодovitію, изсякалъ, и что одинокій Феодоръ оставался безъ сродниковъ, даже дальнихъ, по мужескому поколѣнію.

Впрочемъ, хотя племя Московскихъ Государей рѣшиительно пресѣкалось, однако много еще было въ Россіи Князей, имѣвшихъ въ Рюрикѣ и Мономахъ общихъ съ ними родоначальниковъ, но никто и не мыслилъ, чтобы въ сихъ боковыхъ отрасляхъ, униженныхъ мѣстничесствомъ, могло еще сохраниться право на наследованіе престола Царскаго.

Въ наше время мало понимаютъ мѣстничество. Испорики, не исключая и самого Карамзина, приписываютъ изобрѣщеніе сего чуднаго учрежденія единственно сумазбродному пщеславію спаринной нашей аристократіи, а вкорененіе онаго безопасному послабленію Московскихъ Государей. Но кто же были сіи Государи? Лѣтописи указы-

вають намъ, что мѣспничеспво, начало свое воспріавшее при Іоаннѣ III *, размножилось при сынѣ его Василіѣ Ивановичѣ, а утвердилось и содѣлалось настоящимъ государственнымъ учрежденіемъ при Васильевомъ сынѣ, Іоаннѣ Грозномъ, который письменнымъ закономъ указалъ оному правила и предѣлы. Можно ли съ правдоподобіемъ осуждать въ безопасности и послабленіи Государей, опличившихся необыкновенною дальновидностію и чрезвычайною пвердостію, часто доходившею даже до лютоспи, и не должно ли, напрошивъ того, полагать, что Государи сіи сами желали введенія мѣспничеспва, не безъ важныхъ на то политическихъ причинъ, которыя даже и угадашь не трудно! Спойтъ только вспомнить, что главнѣйшимъ государственнымъ дѣломъ того времени было водвореніе и упроченіе единодержавія. Покореніе Князей удѣльныхъ водворяло уже единодержавіе, но еще для упроченія онаго нужно было уничтоженіе ихъ попомковъ. Для достиженія

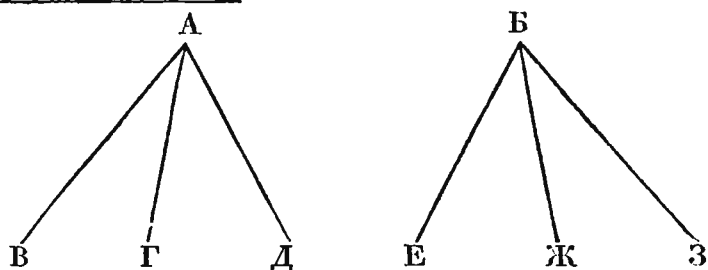
* *Примѣчаніе.* Замѣчательно, что первый примѣръ мѣстничества, о коемъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ, данъ въ 1500 году, бояриномъ Юріемъ Захарьевичемъ, прапрадѣдомъ Царя Михаила Феодоровича Романова. Сей бояринъ отказывался отъ начальства въ сторожевомъ полку, потому что не полагалъ себя меньше начальствовавшего большимъ полкомъ, Князя Данила Щени, хотя сей происходилъ отъ Великихъ Князей Литовскихъ, а по бабкѣ своей былъ двоюроднымъ племянникомъ Государя.

сей цѣли Московскіе Государи, съ свойственною имъ проницательностію, избрали орудіемъ мѣстничества. Такъ какъ служба въ Московскомъ войскѣ была первою обязанностію покореннаго удѣльнаго Князя, шо неминуемо онъ долженъ былъ находиться подъ начальствомъ боярина, коему ввѣрено было войско. Сію случайную подчиненность сшарались обратить въ постоянную. Есть врожденное чувство, даже и въ наше время въ сердцахъ не совсѣмъ угасшее, по коему сынъ знатнаго сановника счислаетъ себя выше сына чиновника, подъ начальствомъ отца его служившаго. Основываясь на семъ, мѣстничество послановило правиломъ, что когда кто начальствовалъ надъ кѣмъ, шо сынъ начальствовавшаго не можетъ безъ позора находиться на службѣ ниже сына того, кто былъ подчиненъ отцу его *.

* *Примѣчаніе.* Мѣстничество было учрежденіе довольно многосложное. Военскія и придворныя должности раздѣлялись на разные степени достоинства. Такъ напримѣръ первый воевода большаго полка, то есть главнокомандующій, почитался степенью выше перваго воеводы правой руки, а сей степенью выше перваго воеводы передоваго полка, и слѣдственно первый воевода большаго полка былъ уже двумя степенями выше перваго воеводы передоваго полка, и такъ далѣе. Также не всѣ сыновья одного отца пользовались одинакимъ старшинствомъ. Напротивъ того, если взять въ примѣръ двухъ отцевъ А и Б, изъ коихъ у А было три сына В, Г и Д, а у Б также три сына Е, Ж и З

новоучреждаемой въ XVI вѣкѣ аристокраціи для подавленія прежнихъ знатнѣйшихъ родовъ, Квашнины, Бупурлины, Воронцовы, Шереметевы и многія другія дворянскія фамиліи, вступили на высшую степенъ достоинства передъ Князьями Долгорукими, Лобановыми, Гагаринными и прочими попомками Рюрика. Въ семъ положеніи могли ли сіи еще мечшашъ о правахъ своихъ на пресполъ Великокняжескій?

Однако не лзя пройши въ молчаніи, что родъ Князей Шуйскихъ, происходящій опть Великаго

и положить, что А былъ выше Б одною степеню, то В будетъ имѣть преимущество одной же степени надъ В, двухъ степеней надъ Ж и трехъ надъ З; Г будетъ равенъ Е и одною степеню выше Ж, и двумя степенями выше З; наконецъ Д будетъ одною степеню ниже Е, равенъ Ж и одною степеню выше З. Легко себѣ вообразить, что въ многочисленныхъ семьяхъ расчеты сіи производили довольно запутанности, и часто лишали правительство возможности употреблять людей по мѣрѣ ихъ дарованій. Но сіи неудобства, хотя и дѣйствительныя, были преувеличены писателями, всегда и безъ всякой разборчивости охулявшими мвстничество. Въ важныхъ случаяхъ, гдѣ государственная польза требовала болве имѣть въ виду настоящее достоинство лицъ, чѣмъ воспоминаніе о заслугахъ пред-

*

Князя Андрея Ярославича, впрочема брата Александра Невского, и следовательно составляющей отрасль, ближайшую всех прочих, от Московской ветви, не утратил еще своей знаменитости и мало кому уступал в первенстве. Представителем правь сего рода по первородству был Князь Михайло Васильевич Шуйский-Скопинь, которого природа как бы приуготовляла к высокому назначению, одарив его свойствами необыкновенными, доспойно развившимися к чести и славе опшечества. Но будущий герой был еще двенад-

ковъ, Царь останавливалъ дѣйствіе мѣстничества, приказывалъ служить *безъ мести*. Тогда никто не могъ отказаться поступить подъ начальство къ тому, надъ кѣмъ имѣлъ старшинство, но за то такого рода случаи записывались въ разрядахъ съ отмѣтою, чтобы оными никогда не руководствоваться, а считать ихъ дѣйствіями небывалыми и следовательно оставлявшими всехъ чиновниковъ при прежнемъ ихъ старшинствѣ. Хитро-сплетенный механизмъ сего глубокообдуманнаго учрежденія дѣйствовалъ такъ удачно, что одного вѣка достаточно было для довершенія униженія Княжескихъ родовъ безъ всякихъ самопроизвольныхъ и угнетательныхъ мѣръ. Въ началѣ XVII столѣтія мѣстничество, будучи уже безъ цѣли и выказывая одни неудобства свои, ввроятно было бы уничтожено, если бы Царскій домъ не прѣсекся. Но даже помраченный блескъ фамилій, происходящихъ отъ Рюрика, могъ еще казаться опаснымъ для первыхъ Государей новой династіи Романовыхъ, и они долго не касались мѣстничества. Существованіе учрежденія, пережившаго свой вѣкъ, продолжалось до 1682 года, въ коемъ Царь Феодоръ Алексѣевичъ отмѣнилъ оное, съ согласія собранной для того Земской Думы.

цапи-лѣпнымъ сиропю , и имѣлъ только дальнихъ родственниковъ, изъ коихъ ближайшій, правнучапный дядя его, Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, уже предавшійся Правителю, не легко бы рѣшился опказатьсь опъ ожидаемыхъ опъ него милоспей для поддержанія правъ опрока , коего пользы мало касались до него.

Если обрапипсья къ женскому поколѣнню Царскаго дома, то и въ ономъ Годуновъ не опасался уже соперничества. Ближайшею сродницею Царю Феодору въ семь поколѣннн была его внучапная сесипра, вдовспвующая Королева Ливонская, Марія Владиміровна, дочь Князя Владиміра Андреевича Серпуховскаго. Послѣ смерти супруга ея, мнимаго Короля Магнуса, она съ малолѣпною дочерью своею, Евдокіею, смиренно жила въ Курляндскомъ городѣ Пильпенѣ, купленномъ Магнусу опцемъ его, Королемъ Дашскимъ. Но Годуновъ, еще въ 1587 году, успѣлъ и мать и дочь завапъ въ Москву, обѣщая матери богато устроить учаспъ ея и пріискать ей достойнаго жениха. По прибытнн же ихъ въ столицу, объявили несчастной матери, что она должна поспричься , если не хочепъ быпъ разлучена съ своею дочерью и окончипъ дни свои въ пемницѣ. Марія избрала монастырь, упѣшаясь Флетчеръ. мыслею, что удержишпъ при себѣ милое дитя. Но Евдокія могла ли избѣжать учаспн , ожидавшей

Надгробныя
надписи въ
Троицкой
Лаврѣ.

пѣхъ, коихъ существованіе превозжило Годунова? Она скончалась въ 1589 году и, если вѣрится преданіямъ, по смерти ея была несчастлива. Горестная мать, еще провела нѣсколько лѣтъ въ глубокой печали и наконецъ сама скончалась въ 1597 году. Послѣ нея оспался ближайшимъ родственникомъ Θεодору, по царскому женскому поколѣнію, его внучашный племянникъ, Князь Θεодоръ Ивановичъ Мстиславскій, котораго бабка, Княгиня Наспасья, была дочь Царевича Казанскаго, Петра, и Царевны Евдокии, дочери Великаго Князя Иоанна III. Но Правитель не опасался Князя Мстиславскаго. Сей слабодушный вельможа, совершенно чуждый обольщеніямъ властолюбія, искренно спрашивалъ тяжкаго бремени вѣщеносцевъ, и твердо хотѣлъ всегда оспаваться первымъ подданнымъ. Къ тому же онъ споль боялся Годунова, что даже далъ ему обѣщаніе не вспунать въ бракъ. Хотя сестра Мстиславскаго, Наспасья, при бракѣ своемъ не могла имѣть ни малѣйшаго права на престоль, но она была въ замужствѣ за Симеономъ Бекбулатовичемъ, Царевичемъ Татарскимъ, котораго Царь Иванъ Васильевичъ, при учрежденіи Опричины, объявилъ Царемъ и Великимъ Княземъ всея Россіи, а попомъ когда уничтожилъ Опричину, то велѣлъ управлять ему Тверью съ наименованіемъ Царя и Великаго Князя Тверскаго. Сн

чрезвычайныя почести, подкрѣпляемыя свойствомъ съ Царскимъ домомъ, придавали такую знамени-тость Симеону, что, не смотря на довольно огра-ниченныя способности его, многіе помышляли о возведеніи его на царство по ожидаемой кончинѣ Θεодора. Сія мысль, сообразная духу мѣстничества, въ особенностіи должна была нравиться великимъ боярамъ, которые охотнѣе подчинились бы по-му, кто, нося хотя только имя Царя, споялъ уже на высшей передѣ ними спесени достоинства, чемъ кому либо изъ среды ихъ же самихъ избран-ному и слѣдственно до полѣ имъ равному. Сіе расположеніе умовъ не могло укрыться опъ Го-дунова. По повелѣнію его, Симеонъ былъ изгнанъ изъ Твери и сосланъ въ одну изъ своихъ деревень; но и пущъ казался еще опаснымъ Правителю, который будио бы въ знакъ доброжелательства прислалъ ему на именины Испанскаго вина. Симеонъ выпилъ онаго и ослѣпъ, какъ самъ полагалъ, опъ Маржеретъ и Никоновская Лѣтопись. смѣшаннаго съ виномъ ядовитаго зелія.

Сими злодѣянїями очистивъ себѣ пущъ, Году-новъ спарался поселить въ умахъ понятїе, что по пресѣченіи царскаго корня, вѣнецъ никому при-личнѣе поднесенъ бытъ не можеть, какъ ближай-шему родственнику послѣдняго Государя, безъ раз-бора о происхожденіи сего родственника. Многіе, вѣрояшно, полагали дѣйствіе сего правила обра-

тишь въ пользу дома Романовыхъ, вообще любимого въ народѣ по воспоминанію о добродѣтельной матери Царя Θεодора Іоанновича, Царицѣ Анастасіи Романовой, изъ сего дома происшедшей. Ближайшимъ родственникомъ Царя былъ двоюродный его братъ, а Царицы Анастасіи родной племянникъ, бояринъ Θεодоръ Никипичъ Романовъ. Не такъ расчипывалъ Годуновъ! По назначенію его, Царь духовнымъ завѣщаніемъ опказывалъ престолъ супругъ своей, Царицѣ Иринѣ. Честолюбецъ зналъ, что смиренная Ирина не пожелаетъ царствовать, но для исполненія замысловъ своихъ ему нужно было положить державу въ руку ея хотя на нѣсколько дней. Такимъ образомъ послѣднимъ Государемъ былъ бы уже не Θεодоръ, а Ирина, а у ней могъ ли быть родственникъ ближе брата ея роднаго?

Избирательныя грамоты на царство Бориса Годунова и Михаила Романова.

Все совершилось по желанію Правителя. 7-го Января 1598 года Θεодоръ скончался и съ нимъ пресѣклось на престолѣ царское поколѣніе, 755 лѣтъ сряду дававшее повеліицелъ Россіи! Θεодоръ, умирая, оставилъ, по словамъ важнаго современнаго акпа, *на скипетродержаніи Россійскаго Царствія* Царицу Ирину. Въ сей рѣшительный часъ Годуновъ бодрствовалъ. Онъ немедленно напомнилъ боярамъ, что должно присягнуть Царицѣ. Никто не только не прошивался, но даже всѣ съ радо-

стію видѣли въ воцареніи Ирины удобнѣйшее средство къ удаленію роковой минушы, гдѣ должно будетъ занятыся опаснымъ и затруднительнымъ выборомъ новаго Государя. Чиновники и граждане, одинаковыми чувствами одушевленные, съ усердіемъ послѣдовали примѣру знашнихъ сановниковъ.

Не на долго успокоилась Москва. 15-го Января Царица объявила, что, желая принять монашескій чинъ, отрывается отъ престола и ввѣряетъ правленіе боярамъ и Патриарху до шѣхъ поръ, пока успѣютъ собраться въ Москвѣ все чины Московскаго Государства для избранія новаго Царя. Напрасно духовенство, сановники и граждане заклинали Ирину именемъ сиротспвующаго опечесства не оставлять державы: она пребыла непреклонною и удалилась въ Ново-дѣвичій монастырь, гдѣ и посприглась подъ именемъ Александры.

Годуновъ послѣдовалъ за ней, по видимому оспавляя бразды правленія на произволь судьбы, какъ бы самъ ища успокоенія послѣ упоминельныхъ трудовъ. Но многочисленныя приверженцы его не дремали! Они повсемѣстно внушали гражданамъ, что одна, на опытѣ доказанная, государственная мудрость Бориса можетъ въ сихъ трудныхъ обспояшельствахъ сохранить величіе и спокойствіе Россіи. Подспрекаемый сими ухищреніями, народъ толпился въ Кремль вокругъ палаты, гдѣ

Допесеніс
Австрійскаго
гошца Шля.

засѣдали Папріархъ и бояре. Вышедшій изъ оной Государственный Дьякъ и Печатникъ Щелкаловъ предложилъ, чшобы всѣ цѣловали крестъ на имя думы Боярской. Ему отвѣчали, что не хощятъ и знашь бояръ, и что присягали уже Царицѣ, копорую и въ черницахъ почишають Государынею своею. Щелкаловъ доложилъ о семъ думѣ, и снова вышелъ къ народу объявляя, что Царица рѣшительно не хочеть заниматьсѣ дѣлами свѣтскими, и что если не присягнутъ боярамъ, то должно спрашиться смуть, опгь безначалія происходящихъ. Тогда всѣ возопили: «*И такъ да царствуетъ братъ ея!*» Папріархъ Іовъ, обязанный высокимъ своимъ саномъ Годунову, былъ ему совершенно преданъ. Бояре же, легко угадывая, что все уже угоповлено самимъ Борисомъ для исполненія давнишнихъ замысловъ, не смѣли противорѣчить. Положили немедленно ипши всѣмъ соборомъ въ монастырь, дабы просить Царицу, благословить на царство брата своего. Но сіе избраніе не казалось довольно торжественнымъ Борису. Желая получить державу не опгь одной Москвы, но опгь цѣлой Россіи, онъ лицемѣрилъ, клялся, что никогда не смѣлъ и помышлять о вѣнцѣ Мономаховомъ, говорилъ, что въ Россіи много вельможъ, превышающихъ его знапностію и мудростію, и наконецъ рѣшительно опрѣкся опгь престола, присовоку-

пивъ впрочемъ, что не жалѣешь себя для службы
опечеству и съ *Боляры радѣти и промышляти* Избиратель-
радѣ не токмо по прежислу, но и свыше перваго. ныхъ грамоты
на царство
Бориса Го-
дунова.

Боляре поняли значеніе сихъ словъ: Борисъ, ду-
оспаляя за ними призракъ власти, не хопѣлъ ни
выпускать изъ рукъ своихъ сущность оной, ни
дашь породиться мысли, что и безъ него Госу-
дарство обойтись можетъ. Рѣшили, что въ
ожиданіи послановленій сзываемаго великаго Зем-
скаго собора, Болярекая дума будетъ управлять
именемъ Царицы инокини Александры. Само со-
бою разумѣется, что въ самомъ дѣлѣ ничего не
пворилось безъ соизволенія Годунова.

Между пѣтьмъ клеветы его дѣйствовали усерд-
но не только въ столицѣ, но даже и во всей Рос-
сін; ихъ стараніемъ разнеслась молва о впадѣніи
Хана Крымскаго, и они внушали, что для защи-
ты опечества опъ угрожаемой опасности непре-
мѣнно нужно ускорить избраніемъ въ Цари мужа
опышнаго! Маржереть.

Государственный Земскій соборъ открылся въ
Кремль 17-го Февраля. Онъ состоялъ изъ зна-
нѣйшаго духовенства, боляръ, дворянъ и выбор-
ныхъ людей изъ всѣхъ городовъ Россійскихъ, все-
го около пяти сотъ особъ *. Првній не было.

* *Примѣчаніе.* Соборъ составляли: Патріархъ, 4 Мит-
рополита, 6 Архіепископовъ, 3 Епископа, 23 Архимандри-

Патріархъ первый предложилъ избрать на царство Бориса Θεодоровича Годунова. Согласіе многочисленнаго собранія было громогласное и единодушное. Долго раздавалось одно имя Бориса. Многіе искренно видѣли въ его воцареніи залогъ будущаго благоденствія Россіи. Другіе можетъ быть въ сердцѣ своемъ питали ненависть къ счастливому честолюбцу, и не безъ внушеннаго омерзенія содѣйствовали успѣху замысла, на злодѣяніи основанному; но какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, опасаясь обнаружить настоящія чувства свои, болѣе всѣхъ предавались восторгу.

Дабы отвратить въ народѣ всякое подозрѣніе на счетъ искренности отказа Годунова отъ престола, Патріархъ посвящалъ слѣдующіе два дня на моленія въ Успенскомъ Соборѣ, чтобы Всевышнему угодно было смягчить сердце Борисово, и склонить его не отказываться отъ бремени, опсечесивомъ на него налагаемаго. Только 20-го

та, 31 Игуменъ, 21 Старецъ, соборныхъ съ разныхъ монастырей, 11 Протопоповъ, 22 Болрина, 17 Окольниковъ, Печатникъ, Думной дворянинъ, Постельпичей, Намѣстничей, стряпчій съ ключемъ, Бояринъ Земскаго дворца, Сокольниковъ, Ясельничей, 4 думныхъ дьяка, 42 стольника, 26 приказныхъ дьяковъ, 95 дворянъ, 21 стряпчій съ платьемъ, 34 выборныхъ изъ городовъ, 7 головъ стрѣльцкихъ, 4 бараша, 11 дворцовыхъ ключниковъ, 40 жильцевъ, 22 гостя, 5 гостиныхъ сотенъ старостъ и 16 черныхъ сотенъ сотниковъ; всего 474 osoby. Смотри Приложенія № III.

числа Свяшипель съ главнымъ духовенствомъ и боярами отправились въ Дѣвичій монастырь, объявивъ Годунову о рѣшеніи Земскаго собора. Но Борисъ еще не переспавалъ хитришь. Онъ не только въпорично опвергнулъ подносимую державу, но и клялся, что никогда не приметъ ее, и съ приговорнымъ гнѣвомъ выслалъ изъ монастыря духовенство и вельможъ.

Наконецъ 24-го Февраля насталъ послѣдній день сего игрища. На разсвѣтъ духовенство съ крестами и хоругвями вышло изъ Кремля и, при колокольномъ звонѣ и пѣніи, церковнымъ ходомъ отправилось въ Дѣвичій монастырь. Попомъ шли бояре, дворяне, боярскіе дѣти, приказные и выборные люди. За ними поднялась вся Москва. Всѣ паки передъ Царицею инокинею, прося ее, чтобъ повелѣла Борису не противиться волѣ Божіей и народной. Папріархъ объявилъ даже, что если желаніе народное не будетъ выполнено, то онъ не только Годунова оплучитъ опъ Церкви, но что даже онъ самъ и всѣ Епископы сложуть съ себя свяшипельскій санъ, оставяишь кресты и хоругви въ Дѣвичьемъ монастырѣ и запрешають во всѣхъ церквахъ всякое священнодѣйствіе. Царица долго колебалась; наконецъ благословила брашна на царство. Годуновъ еще упорствовалъ. Но Царица уже рѣшипельно прѣбовала опъ него повиновенія,

и онъ съ припворнымъ смиреніемъ и какъ бы не смѣя пропивиться той, которую еще почипалъ своею Государынею, объявилъ наконецъ, что исполнитъ желаніе народное. Радость была неописанная. Все плакали, обнимали другъ друга. Казалось, что новое царство прочно основывалось на торжественномъ единомысліи всехъ сословій. Но горе тому, кто безусловно полагается на любовь народную, споль прихотливую и споль перемѣнчивую!

Еще при года продолжалось счастье Бориса и благоденствие Россіи. Въ дѣлахъ внѣшнихъ, Царь, не обнажая меча, умѣлъ сохранить достоинство своей державы и внушить всѣмъ сосѣдямъ своимъ должное къ себѣ уваженіе: Царь Иверійскій искалъ его покровительства отъ утѣсеній Султана Турецкаго и Шаха Персидскаго, Крымскіе Татары оспивались въ улусахъ своихъ, не смѣя превозпитъ набѣгами южные предѣлы Россіи. Шведы тщательнo спарались не давать повода къ новому разрыву. Одинъ Король Польскій медлилъ продолжитъ перемиріе, заключенное 15-го Августа 1587 года на 15 лѣтъ между Россіею и Польшею, но когда срокъ перемирія сблизился, и онъ оказался подапвивѣе. Присланные отъ него въ Москву послы подписали 11-го Марта 1601 договоръ, по силѣ коего перемиріе продолжено еще на двадцать лѣтъ, считая съ истеченія прежнихъ пятнадцати.

Внутреннее управленіе Государства оплнчалось также счастливымъ сліаніемъ твердоспи и кропоспи. Трепсали одни злодѣи! Умѣренность въ налотахъ, свобода въ торговлѣ и общая безопасность, повсюду открывали новые испочники промышленности и богатства. Казалось, что сіе цвѣтущее положеніе опечества должно было усугубить любовь народную къ Борису. Явилось проотивное!

Для людей, одаренныхъ несобыкновенными способностями, часто бываетъ камнемъ препыканія нескромное желаніе опереживать свой вѣкъ. Рѣдко сіе удается и не много Петровъ Великихъ въ Испоріи. Самому мудрому Борису суждено было испытать на себѣ, что испинно государспвенный человекъ не долженъ замышлять повизитъ, къ коимъ соопечественники его еще доспашочно не пригошвлсны. Вообще въ Россіи гнушались иноспранцами и ихъ обычаями, а всякое иновѣрческoe богослуженіе было даже предметомъ набожнаго омерзенія. Не смотря на то Царь, умѣвшій цвннть Европейское просвѣщеніе, прельспился онымъ. Онъ не только ласкалъ иноземцевъ, но даже для удержанія ихъ въ Москвѣ, чеспилъ и награждалъ Беръ. ихъ болѣе чѣмъ вѣрнѣйшихъ своихъ Русскихъ слугъ, и наконецъ, въ угожденіе имъ, позволилъ выпспроить въ Яузской слободѣ Люшеранскую церковь съ коло-

кольнею. Онъ также имѣлъ намѣреніе завести Университетъ, а между тѣмъ, дабы пріохотить Русскихъ къ наукамъ, послалъ 18 молодыхъ дѣтей боярскихъ учиться въ Любекъ, въ Лондонъ и во Францію. Не ограничиваясь симъ, онъ коснулся и старинныхъ обычаевъ, и видѣлъ съ удовольствіемъ, какъ при самомъ Дворѣ его пожилые люди, желавшіе ему подслужиться, подспиргали себѣ бороды.

Палачишъ. Спо лѣпъ спуся , Петръ I-й, Царскій сынъ и внукъ, едва могъ себѣ позволить таковыя дѣйствія. Но для новой династіи Годуновыхъ не было другаго средства укорениться, какъ тщателью справившись всѣми возможными нпшми связаться съ прошедшимъ, безъ всякихъ помышлений о небываломъ. Борисъ, въ упоеніи самонадѣлнности, дошелъ чуднымъ успѣхомъ оправдываемой, не поспигъ наспоющаго своего положенія и безъ нужды подалъ поводъ недоброжелателямъ своимъ возбуждать негодованіе въ народѣ. Не должно забыватьъ при семъ случаѣ, что не смотря на блестящее состояніе Государства, было много недовольныхъ. Истинно преданнымъ Царю можно было только считатьъ средній классъ народа, состоящій изъ купечества, обогащавшагося подѣ сѣнію его твердаго и умнаго управленія, и мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, коихъ благосостояніе обезпечивалось запрещеніемъ перехода крестьянъ.

По самое запрещеніе сіе оставляло въ сильномъ неудовольствіи какъ земледѣльцевъ, оплакивавшихъ утраченную свободу, такъ и большихъ владѣльцевъ, видѣвшихъ въ новомъ постановленіи ограниченіе выгодъ своихъ. Вольные слуги, пропивъ воли въ холопство обращенные, также не могли доброжелательствовать Борису. Къ тому же и гордымъ вельможамъ неспешенно было бы безъ досады преклонять колѣна передъ бывшимъ поварницею, коего большая часть изъ нихъ превосходили значеніемъ породы.

Извѣстившись о всеобщемъ ропотѣ, Царь изумился. Но вмѣсто изысканія надежнѣйшихъ средствъ къ прекращенію неудовольствій, онъ обратился къ мѣрамъ, долженствовавшимъ усугубить оныя. Не довѣря никому, онъ сталъ поощрять наушниковъ и доносчиковъ. Язва доносовъ, едва ли не болѣе всѣхъ прочихъ золъ опягчающихъ человѣческія общества, кажется имъ несносною, пошому что охлаждая гражданскія и семейственныя связи, она лишаетъ каждого спешнѣйшаго пріюта отъ кручинъ, съ жизнію сопряженныхъ. Легко себѣ вообразить, что ненависть къ Борису усилилась.

Знаменитѣйшею жертвою подозрѣній Царя содѣлалось семейство Романовыхъ. Борисъ уже и на

Часть I. 3

прешло въ превожилъ еще мыслию, что по смерти его, молодой Феодоръ, сынъ его, можетъ най-
ти опасныхъ соперниковъ въ Романовыхъ, опли-
чавшихся собственною знатностію, сильно под-
крѣпленною родственными связями съ первѣйши-
ми фамиліями въ государствѣ. Сначала онъ искалъ
сблизиться съ ними. Феодоръ Никипичъ былъ уже
бояриномъ. Борисъ далъ еще боярство второму
его брату Александру, а меньшую сестру ихъ,
Ирину выдалъ замужъ за свойственника своего
Ивана Ивановича Годунова. Но когда говоръ обща-
го негодованія дошелъ до него, по возмечавъ,
что пайными виновниками онаго были Романовы,
онъ спалъ искалъ случая погубить ихъ. Подкуп-
ленный свойственникомъ Царя, Семеномъ Годуно-
вымъ, слуга Романовыхъ, Баршеневъ, донесъ, что
господа его умышляютъ извести Царя, и въ до-
казательство представилъ найденныя въ кладовой
у Александра Никипича мѣшки съ кореньями, при-
готовленными какъ увѣрялъ онъ, для оправданія
Бориса. Какъ будто бы злодѣйскіе припасы храняш-
ся въ кладовыхъ? Не смотря на негѣпость обви-
ненія, дума боярская, въ угожденіе Царю, осудила
Романовыхъ. Феодора Никипича и супругу его, Ксе-
нію Ивановну, поспригли пропивъ воли, нарекли
Филаретомъ и Мареою, и сослали въ дальніе мо-
настыри. Опала распространилась и на всѣхъ

Дѣло о ссыл-
кѣ Романо-
выхъ.

ближних ихъ. Также были разсланы по сѣвернымъ городамъ и монастырямъ: Оеодора Никитича сынъ и дочь, пеща, чепыре брата, сестра дѣвица и двѣ сестры замужнія съ супругами ихъ, Князьями Сицкимъ и Черкасскимъ, и съ сыномъ послѣдняго. Сродники Романовыхъ, Князья Сицкіе, Шестуновы, Карповы и Репнины подверглись такой же участи. Всѣхъ сихъ несчастныхъ вещицы и помѣстья роздали другимъ, а дома и движимое имѣніе ихъ взяли въ казну. Не коснулись только одной изъ сестеръ Романовыхъ, Ирины Годуновой, уважая въ ней имя супруга ея.

Гибель сихъ знатныхъ вельможъ, очевидно невинныхъ, усилила раздраженіе умовъ прошивъ Царя. Впрочемъ, еще зло могло называться частнымъ; общее спокойствіе государства оспавалось непарушимымъ, подъ сѣнію твердаго управленія Бориса, и сіе обстоятельство, казалось, упрочивало державу въ сильной рукѣ его. Но часть суда Божія уже наспуналъ для вѣнценосца, злодѣйствомъ достигшаго верховнаго сана! Вся государственная мудрость его должна была сокрушиться передъ готовившимся для цѣлой Россіи, однимъ изъ ужаснѣйшихъ бѣдствій, коими Провидѣніе въ несповѣдимыхъ совѣсахъ своихъ казнить народы, и коихъ ни какая предусмотрительность человѣческая онивратить не можешь!

Весною 1601 года, начались проливные дожди
Палицынъ. и продолжались непрестанно въ печеніи десяти недѣль. Посѣянный хлѣбъ не созрѣвалъ. Успрашенныя земледѣльцы всю надежду свою возлагали на поздніе жары; вмѣсто того, 15-го Августа сдѣлался сильный морозъ, побившій не только не дозрѣвшіе колосья въ поляхъ, но и всякаго рода плоды и овощи въ садахъ и лѣсахъ. Сжапыій послѣ споль преждевременной спужы хлѣбъ, оказался не только въ маломъ количествѣ, но и безъ надлежащей питательности. Хотя еще много было запасовъ стараго хлѣба, но цѣна на жизненные припасы чрезмѣрно возвысилась. Для бѣдныхъ пропитаніе сдѣлалось затруднительнымъ. Общая бѣда разорвала въ народѣ послѣднія узы преданности къ Борису, уже не могущему славиться счастливымъ царствіемъ. Волненіе и ропотъ споль усилились, что Царь почелъ нужнымъ нѣсколько упѣшить земледѣльцевъ. Онъ зналъ, сколь ненавистнымъ для нихъ казалось запрещеніе вольнаго перехода отъ одного владѣльца къ другому, но не хотѣлъ опмѣнить постановленія, основаннаго на важныхъ государственныхъ причинахъ, и привлекающаго къ нему сердца мелкопомѣстныхъ военныхъ людей. Дабы не лишиться своей державы сей послѣдней опоры, онъ рѣшился допустить только нѣкоторыя исключенія, легшыя для земле-

дѣльцевъ, но безобидныя для цѣлаго класса мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ. Въ Июль 1601 года, Царь объявилъ, что позволяется переходъ крестьянъ въ Юрьевъ день и двѣ недѣли спустя опого, но только отъ одного мелкопомѣстнаго помѣщика къ другому такому жъ, и съ шѣмъ еще ограниченіемъ, что одинъ владѣлецъ, изъ-за одного, могъ переманивать въ одинъ срокъ не болѣе двухъ крестьянъ. Впрочемъ сія льгота не касалась Московскаго уѣзда, гдѣ запрещеніе перехода оставалось во всей силѣ, такъ какъ и для крестьянъ Царскихъ и владѣльцевъ духовныхъ и великопомѣстныхъ во всемъ государствѣ. Не трудно угадать причину сей разности въ послѣднемъ отношеніи. У богатыхъ владѣльцевъ крестьяне были счастливы и спокойны; въ угнетеніи находились только земледѣльцы у мелкихъ помѣщиковъ, слѣдственно не было нужды измѣнять положенія первыхъ. Не такъ легко объяснить, почему льгота не распространилась на весь Московскій уѣздъ; Впрочемъ, съ нѣкошорою вѣроятностію можно предположить, что тамошніе мелкопомѣстные владѣльцы не смѣли, такъ сказать, подъ глазами правительства, во зло употреблять свою власть, и что съ другой стороны, народонаселеніе сего уѣзда находилось въ такомъ цвѣтущемъ положеніи, что пра-

випельство не желало ни уменьшенія, ни умноженія онаго *.

Можесть бысть Борисъ успѣлъ бы возстановить спокойствіе въ государствѣ, если бы Небо перестало карасть Россію. Но, къ сокрушенію ея, за первымъ неурожайнымъ годомъ послѣдовали два такіе же. Наши лѣтописцы приписываютъ вину неурожая 1602 года легкомыслію самихъ земледѣльцевъ. Въ Россіи всегда стараются засѣвать поля новымъ хлѣбомъ, считая, что оный способнѣе спараго для произращенія. Крестьяне, всегда руководимые слѣпымъ обычаемъ, не усумнились и ипуть послѣдовать оному, и употребили въ посѣвъ новый хлѣбъ, поцій и совершенно лишенный распительной силы. Ни гдѣ не было всходовъ. Что касается до неурожая 1603 года, по современники не объявляютъ намъ причину онаго. Изъ сего можно заключить, что настоящаго неурожая не было, но что мало собрали хлѣба единственно отъ того, что большая часть полей осталась не засѣяною, какъ отъ недосыатка зеренъ, такъ и отъ изнуренія нѣлесныхъ силъ пахарей.

Голодь свирѣпствовалъ съ необычайною лютопстію. Современники, къ ужасу позднѣйшаго потомства, передали намъ страшное описаніе пе-

* Смотри Приложеніа № IV.

слѣдствій онаго. Дороговизна на хлѣбъ сдѣлалась непомѣрною. Четверть ржи, обыкновенно продаваемая опъ 12 до 15 копѣекъ, возвысилась до Маржереть, Беръ, Петрей и Палаццынъ. трехъ рублей, составляющихъ десять нынѣшнихъ серебряныхъ. Люди, нуждою доведенные до отчаянiя, явно попирали не только священнѣйшія правила нравственности, но даже самыя законы природы и въ оспервененiи своемъ уподобясь злѣйшимъ изъ звѣрей, пожирали другъ друга. Въ связи общественыя и семейныя распоргалась. Господа изгоняли слугъ своихъ, мужья покидали женъ и дѣтей, чтобы не дѣлились съ ними скуднымъ пропитанiемъ. Дошло до того, что человѣческое мясо продавалось въ пирогахъ на Московскихъ рынкахъ. Но что всего ужаснѣе, и чего безъ содроганiя написать нельзя: матерн или собственныя младенцевъ своихъ!

Правительственныя мѣры для отвращенiя спхъ бѣдствій оказались не только недостаточными, но даже въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ и вредными. Напрасно сраженный горестію Борисъ являлъ себя царемъ срдобольнымъ и заботливымъ; Россія уже не видала въ немъ ни прежняго благоумiя, ни прежней твердости. Онъ не щадилъ сокровищъ своихъ, но употреблялъ ихъ не всегда съ должною осмотрительностію. Такъ напримѣръ, по повелѣнію его были учреждены въ Мо-

сквѣ, близъ деревянной городской стѣны, чепыре ограды, въ конхъ каждое упрѣ раздавалось бѣднымъ каждому по одной московкѣ, а въ воскресные и праздничные дни по деньгѣ *. Сколь ни пилгостна была сія раздача для казны, пособіе для немущихъ было почти ничтожно, потому что на московку едва ли можно было купишь и полфунта хлѣба. Не смотря на то народъ, всегда жадный къ деньгамъ, добываемымъ безъ работы, кинулся толпами къ сполницѣ, сперва изъ окрестныхъ, а потомъ даже изъ дальнихъ мѣстъ. Туда спѣшили даже и такіе, которые на родинѣ своей могли бы кое-какъ прокормиться. Неминуемымъ слѣдствіемъ такового спеченія было для Москвы умноженіе дороговизны, и нераздѣльныхъ съ оною бѣдствій. Наконецъ Царь нашелся вынужденнымъ прекратить раздачу денегъ. Тогда несчастные пришельцы, возвращаясь безъ малѣйшаго пособія, успивали прупами своими все пути, отъ столицы ведущіе.

Впрочемъ если взять въ соображеніе какъ изобиліе прежнихъ лѣтъ, такъ и по обстоятельству, что кажется урожай не распространялся на восточныя области государства, то не остается сомнѣній, что было еще много спа-

* *Примѣчаніе.* Тогдашній рубль дѣлился на 100 копѣекъ или денегъ, на 200 московокъ и на 400 полушекъ.

рыхъ запасовъ въ Россіи; но съ одной стороны корыстолюбіе шало ихъ, а съ другой, трудность подвоза представляла важныя препятствія. Однако Борисъ успѣлъ, хотя отчасти, преодолѣть оныя. Онъ приказалъ освидѣтельствовать царскія гумны, гдѣ нашлись давнишнихъ лѣтъ огромныя скирды, копорые обмолотили и хлѣбъ доставили въ Москву. Тамъ ежедневно продавалось бѣднымъ изъ царскихъ житницъ по нѣсколько тысячъ четвертей за половинную цѣну. Вдовамъ же и сиротамъ, и въ особенности Нѣмцамъ, Царь велѣлъ опустити значительное количество даже безденежно. Такое приспособленіе къ иноземцамъ, во всякомъ случаѣ по крайней мѣрѣ проповное оспорожной полициѣ въ сихъ плачевныхъ обстоятельствахъ, оказывалось еще болѣе оскорбительнымъ и ненавистнымъ. Не одни царскія гумны изобиловали еще хлѣбомъ; многіе помѣщики также не нуждались въ ономъ, и поощренныя высокою цѣною, вѣроятно изыскали бы средства къ перевозкѣ, если бы правительство не вмѣшивалось неумѣстно въ ихъ дѣйствія. Царь не разсудивъ, что благошвореніе можетъ быть внушаемо, а не предписываемо, вздумалъ принудити продавцевъ, изъ уваженія къ общему бѣдствію, отказашься отъ ожидаемыхъ ими выгодъ, и приказалъ опобращать у нихъ хлѣбъ за такую низкую цѣну, что

можеть быть иные не получили должнаго вознагражденія и за понесенныя ими самими издержки. Случилось, чего ожидать было должно: никто не только не смѣлъ выказывать болѣе своего хлѣбнаго имущества, но даже всѣ спаранія приложены къ сокрытію онаго.

Только нѣкопорые достойные вельможи, жалившись надъ общею нищетою, спали еще продавать хранящейся въ ихъ житницахъ хлѣбъ дешевле существующей цѣны. Но какъ ихъ, такъ и царскія щедроты не принесли всѣй возможной пользы опть неблагоразумія раздачи. Въмѣсто того, чпобы изъ анбаровъ продавать неимущимъ семействамъ только нужное количество хлѣба для ихъ дневнаго пропитанія, отпускали имъ оный безъ разбора. Сребролюбіе воспользовалось сею оплошностію, и Московскіе барышники, посредствомъ бѣдныхъ людей, купили нѣсколько тысячъ бочекъ муки, копорую попомъ перепродавали цѣною непомятною.

Никоновскал
Лѣтопись. Гораздо разсудительнѣе Борисъ поступилъ, приказавъ начать огромное каменное строеніе въ въ Кремлѣ, дабы посредствомъ работы доставить пропитаніе нуждающимся. Милость царская изливалась не на однихъ живыхъ. Москва наполнялась мерзвыми тѣлами, конхъ хоронить было нѣкому. Учрежденные присавы подбирали ихъ, омывали,

заверпывали въ бѣлыя саваны, обували въ красныя Бурьяны. кошы, и опвозили на три за городомъ успроенныя кладбища, гдѣ въ два года и чепыре мѣсяца, такимъ образомъ похоронено 127,000 тру- Палицынъ. повъ. Если къ сему присокупить, что множе-ство еще пѣлъ было погребасмо богобоязливими людьми при приходскихъ церквахъ, конхъ въ сполицѣ тогда считалось болѣе 400, то смѣло кажешся можно положишь, что въ одной Москвѣ до 200,000 человекъ сдѣлались жерствою голода.

Но не одна столица бѣдствовала. Царь не оставилъ безъ призрѣнія и прочія мѣсна своего государства. Ивангородъ, Новгородъ, Псковъ, Смо- Маржереть и Розрядныя ленскъ и другіе нуждавшіеся города получили важ- книги. ныя денежныя пособія. Казна царская, богато накопленная въ семнадцатилѣтнее благоденствіе Россіи, являлась неиспощимою.

Обыкновеннымъ слѣдствіемъ голода бывають повальныя болѣзни. И сего бѣдствія не избѣжала Россія: въ пѣконюрыхъ мѣспахъ, а въ особенно-сти въ Смоленскомъ уѣздѣ, являлась слишкомъ для нашего времени извѣстная холера (cholera morbus). Правительство вынужденнымъ нашлось учредить Пинковская Лытоишь. заставы для пресѣченія сообщеній съ заражен-нымъ краемъ.

Наконецъ благословенный урожай 1604 года возстановилъ прежнее изобиліе, такъ что цѣна

Карамзинъ. четверти ржи опъ прехъ рублей упала до 10 копѣекъ *. Но памятникомъ голода осталась на всегда нововведенная мѣра хлѣба. Прежде продавали оный полько бочками, и четвертями и осьминами оныхъ. Съ голодныхъ же лѣтъ бочки вышли изъ употребленія, а вмѣсто того извѣспны-

Примѣчаніе. Не извѣстно, почему Н. М. Карамзинъ полагаетъ, что голодъ прекратился еще въ 1603 году. Лѣтописи единогласно утверждаютъ, что оный продолжался не два, а три года, и ни одинъ современный писатель не противорѣчитъ сему. Беръ именно говоритъ, что бѣдствіе сіе продолжалось до 1604 года, и описывая прїездъ въ Россію въ Іюнь мѣсяцъ того года Императорскаго посланника, барона фонъ Логау, упоминаетъ объ усиленіяхъ Царя, чтобы скрыть дороговизну отъ новопрїезжихъ; слѣдственно дороговизна сія еще существовала. Сходно сему и Палицынъ пишетъ, что въ теченіи двухъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ похоронено въ Москвѣ 127,000 жертвъ голода. Карамзинъ самъ принимаетъ сей расчетъ за неоспоримый, но какимъ же образомъ двадцать восемь мѣсяцевъ мерли отъ голода, когда оный продолжался только два года? Напротивъ того все объясняется, если взять въ соображеніе, что обыкновенно новый хлѣбъ въ Россіи собирается въ Августъ мѣсяцъ. Но отнюдь не лзя предполагать, чтобы въ ожиданіи новаго урожая, всякой оставался при послѣднемъ кускѣ своемъ, и чтобы смертность тотъ часъ же началась. Напротивъ того вѣроятно, что первую зиму еще люди находили средство пропитаться кое-какъ, тѣмъ паче, что и дороговизна могла сдѣлаться чрезмѣрною только тогда, когда по открытіи весны исчезла всякая надежда на новый урожай. Такимъ образомъ смертность должна была начаться въ Апрель 1602, и продолжаться до Августа 1604, что именно составляетъ двадцать восемь мѣсяцевъ.

ми спали четверики, то есть четвертая часть осьмины.

Несчастливая Россія долго еще не должна была наслаждаться спокойствіемъ. Самымъ пагубнѣйшимъ слѣдствіемъ претерпѣннаго ею бѣдствія было ослабленіе всѣхъ нравственныхъ понятій. Развращъ распространился на всѣ сословія. Господа до того столь тщательно спаравшіеся умно- Паллицынь. жать число своихъ холопей, распустили ихъ во время голода, иные по дѣйствительной невозможности прокормить ихъ, другіе изъ корыстолюбія, чтобы обогатиться продажей хлѣба, которыхъ, по долгу своему, обязаны были употребить на ихъ пропитаніе. Нѣкоторые изъ нихъ по крайней мѣрѣ снабжали холопей формальными оппускными, но многіе, не столь совѣщливые, изгоняли ихъ отъ себя безъ всякаго вида съ преступною мыслию, возвращить ихъ опять къ себѣ въ подданство по минованіи дороговизны. Такимъ образомъ государство наполнилось бродягами, изъ коихъ многіе, забывъ страхъ Божій, обратились къ разбойничеству. Въ разныхъ мѣстахъ образовались большія шайки, изъ коихъ важнѣйшая, подъ предводительствомъ нѣкоего Хлопка, свирѣпствовала Никоновская Лютись. въ окрестностяхъ самой Москвы, и неоднократно разбивала посылаемые противъ нея сыскныя опряды. Царь наконецъ нашелся вывужденнымъ

прошивупоспавишь симъ презрительнымъ врагамъ цѣлое войско, подъ начальствомъ □окольного Ивана Ѳеодоровича Басманова. Хлопко не успрашился вступити съ нимъ въ бой близъ Москвы. Съ обѣихъ споронъ сражались упорно, и Басмановъ былъ убитъ; но сія удача злодѣевъ обратилась имъ на пагубу. Царскіе воины, ожесточенные смертію начальника, бросились на нихъ съ новымъ стремленіемъ и наконецъ сломили ихъ. Самъ Хлопко Маржереть. защищался храбро, но въ изнеможеніи опъ многихъ ранъ былъ взятъ и съ 500 шоварицами своими, отправленъ въ Москву, гдѣ всѣ они были казнены; многіе оспались на мѣстѣ сраженія. Прочіе же ушли на Украину, гдѣ умножили число, и безъ того уже значительное, тамошнихъ негодѣевъ.

Еще Царь Иванъ Васильевичъ, желая для Палицьшъ. укрѣпленія границы Россіи опъ Польши и Татаръ, заселилъ какъ можно болѣе Украинскіе города людьми къ рашному дѣлу способными, предписывалъ тамошнимъ восводамъ не превозити ихъ, кои будущъ укрываться въ сихъ городахъ, избѣгая заслуженнаго ими въ Россіи наказанія. Борисъ Ѳеодоровичъ послѣдовалъ той же политикѣ, и наводненная отважными злодѣями Украина, содѣлалась опаснымъ вершепомъ, гдѣ самая власть правительства не всегда находила должное послу-

шаніе. Такъ напримѣръ, напрасно Царь приказывалъ сыскивать и вѣшать удалившихся пуда соборниковъ Хлопко. Воеводамъ трудно было исполнить повелѣніе сіе надъ пресупниками, покровительствуемыми соспращіемъ подобныхъ имъ разбойниковъ. Безчиніе уже посявало въ сей странѣ сѣмена новыхъ и пагубнѣйшихъ бѣдствій для Россіи.

Всѣ ужасы, уже прешерпѣнные государствомъ, были, шакъ сказать, шолько преддверіемъ гонимой для него наслощсй бѣды. Около 1600 Маржереть. года, пронеслась въ Москвѣ молва, что Царевичъ Димитрій, копораго полагали убитымъ въ Угличѣ, находится въ живыхъ. Хотя одно имя невинной жертвы должно было казаться грознымъ для ея убійцы, но смерть Царевича была дѣйствіемъ споль явнымъ, споль достовѣрнымъ, что Борисъ мало превожился слухомъ, кого неосновательность была очевидна. Однако онъ спарался узнать, что могло подать поводъ къ нелѣпой баснѣ, и еще болѣе успокоился, когда добрался до презрительнаго источника оной. Все казалось шолько дѣломъ бессмысленнаго суесловія молодаго монаха, жившаго у Патріарха.

Сей юноша, предназначенный изумлять попомство дивными похожденіями своими, и служилъ орудіемъ Провидѣнія для казни пресупнаго Бо-

Никоновская
Львошисъ. риса, былъ сынъ бѣднаго сына боярскаго города Галича, и назывался Юріемъ Отрепьевымъ. Оставшись послѣ смерти отца своего почти безъ всякаго пріюта, онъ поспригся на 15-мъ году возраста, и принялъ имя Григорія. Но иноческій клобукъ не предохранилъ буйной головы его отъ порыва пламенныхъ страстей свѣтскихъ. Нѣскольکو времени скипался онъ по разнымъ обителѣямъ, и наконецъ основался въ Чудовъ монастырѣ, въ кельѣ у дѣда своего Замятни Отрепьева, который давно уже шамъ монашесествовалъ. Будучи одаренъ природою способностями необыкновенными, умомъ пылкимъ и предпримчивымъ, и опважностію болѣе свойственною воину, чѣмъ монаху, онъ вмѣстѣ съ пѣмъ оказывался легкомысленнымъ, и заносчивымъ до безразсудности. Съ самаго младенчества своего съ успѣхомъ занимался книжнымъ дѣломъ, онъ выучился не только читать и чисто писать; но даже сочинялъ каноны Святымъ, лучше старыхъ грамотѣевъ. Такія, по тогдашнему времени чрезвычайныя, познанія обратили на него вниманіе Патріарха, который посвяпилъ его въ дьяконы и взялъ къ себѣ для списыванія книгъ. Тутъ имѣлъ онъ случай познакомиться съ людьми, хорошо знавшими всѣ обшпательства, до царскаго дома относящіяся. Черезъ нихъ могъ узнать, что по довольно обыкновенной игрѣ при-

роды, Царевичъ Димитрій послѣдъ на пѣль нѣкошорые однакіе съ нимъ признаки, а именно, что у Царевича, какъ и у него, были бородавки на лицѣ и одна рука короче другой *. Мысль дерзкая, по первому взгляду вовсе сумасбродная, породилась въ душѣ его. Онъ возмечталъ, что можетъ выдать себя за убіеннаго Царевича и, съ помощію одного самозванца, низложить Бориса, располагавшаго еще всѣми силами обширнаго государства. Въ упоеніи непостижимой самонадѣянности, онъ началъ оглашать съ свойственною ему въпреноснѣю свои заплѣи, и часно въ разговорахъ своихъ съ Чудовскими монахами увѣрялъ ихъ, что будетъ Царемъ на Москвѣ. Инокѣ, не воображая, чтобы значеніе сихъ дерзкихъ словъ заключало въ

* *Примѣчаніе.* Н. М. Карамзинъ, кажется, сомнѣвается, чтобы Царевичъ дѣйствительно имѣлъ на себѣ такія примѣты. Правда, ни одинъ изъ нашихъ лѣтописцевъ не упоминаетъ объ оныхъ. Но рѣдко лѣтописцы сіи занимались описаніемъ наружнаго вида, не только Царскихъ дѣтей, но даже и самихъ Царей, а съ другой стороны нельзя не взять въ соображеніе, что если бы сіи признаки на Царевичѣ были выдумкою Самозванца, или его приверженцевъ, то по смерти Отрепьева бояре не преминули бы противорѣчить воеводѣ Мнишку, который ссылался именно на сіи примѣты, какъ на одну изъ главнѣйшихъ причинъ, приведшихъ его въ заблужденіе на счетъ подлинности мнимаго Димитрія. Напротивъ того, увидимъ, что сіе важное обстоятельство оставлено ими безъ всякаго возраженія, и что во всѣхъ манифестахъ, выдаваемыхъ на изобличеніе Самозванца, даже о семъ вовсе умалчивалось.

Часть I.

4

себѣ что либо важнѣе шушки, впрочемъ весьма непристойной, довольствовались шѣмъ, что смѣялись надъ хвастуномъ и плевали ему въ глаза. Но Ростовскій Митрополищъ Иона, коему сіи рѣчи переданы были, судилъ о нихъ иначе. Онъ спалъ примѣчая за поступками наглаго дякона и убѣдился, что въ душѣ его кроются опасныя для общаго спокойствія замыслы. Сперва Митрополищъ счелъ долгомъ своимъ предупредить о семъ Патріарха; но Первосвященель, коему Григорій правилъ, не хотѣлъ вѣрить, чтобы онъ могъ зазнаться до такой степени, и въ самой неспособность взводимаго на него преступленія находилъ доказательство неосновательности извѣща. Тогда Иона рѣшился о всѣхъ замѣченныхъ имъ обступельствахъ донести самому Царю, который, соображая оныя съ носившимися уже слухами, хотя также не почелъ ихъ дѣломъ, заслуживавшимъ большое вниманіе, однако приказалъ дяку Смирному Васильеву послать вряля дякона въ Соловецкую пустынь подъ крѣпкое начало. Васильевъ опирываясь о семъ повелѣніи дяку же Семену Ефимьеву, который былъ родственникомъ Опреньевыхъ, и пошому просилъ Васильева не спѣшить исполненіемъ Царской воли, дабы дать Григорію время приготоовиться къ дальнему пути. Васильевъ, не воображая, чтобы молодой монахъ могъ быть

важнымъ преступникомъ, не только согласился удовлетворить желанію товарища своего, но даже въ послѣдствіи, среди другихъ заботъ, и совершенно забыть о данномъ ему приказаніи. Пользуясь его безпечностію, Григорій ушелъ изъ Москвы и укрылся сперва въ монастырь Николы на Хронограѣ. Угреши; но не посмѣлъ остаться въ столь близкомъ распояніи отъ столицы, и удалился въ городъ Галичъ, въ Желѣзнодорожскій монастырь, откуда перешелъ въ Муромъ въ Борисоглебскую обитель. Принимать такимъ образомъ въ монастыряхъ странствующихъ монаховъ ни сколько ^{Никоновская} ^{Автопись.} противно не было господствующимъ обычаямъ того времени. Къ тому же Григорій болѣе другихъ еще могъ снискивать благосклонность незнакомыхъ ему людей, потому что былъ дѣйствительно краснорѣчивъ и имѣлъ наружность хотя не красивую, но довольно привлекательную. Борисоглебскій спростилъ далъ ему лошадей и отпустилъ его обратно въ Москву.

Проходя такимъ образомъ по разнымъ областямъ государства, Опрельевъ могъ убѣдиться въ общей ненависти къ Борису, и тѣмъ болѣе ^{Хронограѣ.} укрѣпиться въ мысли, отъискивая престола подъ именемъ Царевича. Но разсудивъ, что въ столицѣ оставаться ему не безопасно, и что только приговорясь исподоволь и дѣйствуя сна-

чала изъ-далека, онъ могъ ожидать успѣха въ дерзновенномъ предпріятіи, попому рѣшился искать убѣжища въ Польшѣ, дабы тамъ подѣ покровительствомъ всегда непріязненнаго для Россіи правительственна надежище успроить ковы свои.

23-го Февраля 1602 года, онъ опять выѣхалъ изъ Москвы, въ сопровожденіи подговоренныхъ имъ двухъ Чудовскихъ, плыству преданныхъ монаховъ: священника Варлаама Яцкаго и крылошанина Мисаила Повадина. На напильныхъ ими подводахъ они черезъ Болховъ и Карачевъ достигли Новгородѣ-

Челобитная
чернца Варлаама Царю
Василью
Ивановичу и
Никоновска
Лятошнсь.

Сѣверскаго, гдѣ въ Спасскомъ монастырѣ приняты были такъ милостиво, что Опрепьева Архимандритъ помѣстилъ въ собственной своей кельѣ.

Поживя нѣсколько недѣль, Григорій спалъ проснулся у Архимандрина ѣхалъ съ поварицами своими въ Путивль, гдѣ, говорилъ онъ, будто имѣеть сродниковъ. Архимандритъ не только опустилъ ихъ, но даже далъ имъ лошадей и провожающаго. Но не Путивль былъ цѣлю Опрепьева: его намѣреніе было пройти въ Польшу, и для того онъ взялъ еще съ собою Діѣпровскаго Кіевскаго монастыря монаха, Пимена, находившагося случайно въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, и обѣщавшаго провести его за границу. По выѣздѣ своемъ изъ города, монахи отогнали отъ себя провожающаго, который хотѣлъ ихъ направитъ на Путивльскую

дорогу, и вмѣсто того поѣхали по Кіевской. Провожашый, возвращаясь къ Архимандриту, донесъ ему объ обманѣ. Негодованіе Архимандрита было велико, но его ожидало еще бѣльшее огорченіе. Когда онъ ложился спать, то нашелъ въ изголовьи последи своей записку, оставленную тамъ Отрепьевымъ, слѣдующаго содержанія: *«Азъ есмь Царевичъ Дмитрій, сынъ Царя Іоанна, и какъ буду на престолѣ на Москвѣ отца своего, и я тебя пожалую за то, что меня покоилъ у себя въ обители. Архимандритъ ужаснулся, но недоумѣвая какъ поступить въ споль неожиданномъ случаѣ, рѣшился никому не объявлять объ ономъ.»*

Между тѣмъ бродящіе монахи не смѣли прямою дорогою ѣхать въ Кіевъ, опасаясь пограничныхъ заставъ, и поворошили сперва на Синародубь, откуда Пимень провелъ ихъ лѣсными троппами за Польскій рубежъ до села Слободки. Продолжая уже безопасно путь свой, черезъ замокъ Лосвь и городъ Любечь, они прибыли въ Кіевъ. Печерскій Архимандритъ Елисей принялъ ихъ въ свою обитель, гдѣ и прожили они три недѣли, но испещивъ конхъ отправились въ Оспрогъ къ Кіевскому воеводѣ, Князю Консваншину Оспрожекому, знаменитому поборнику православія Греческой Церкви противъ нововведенной Уніи, которую Польское правительство сильно распростираши въ при-

надлежавшихъ ему Русскихъ обласпяхъ. Опрепьевъ не смѣлъ открытъ почтенному вельможѣ своихъ тайныхъ замысловъ, и ограничился только просьбою принять его съ поварицами подѣ свое покровительство. Набожный Князь не отказался признать бѣдныхъ монаховъ; дьяконъ Григорій служилъ при немъ на обѣднѣ, и голосъ его понравился ему. Бѣглецы монахи все лѣто провели въ Острогѣ, а при наступленіи осени, Князь послалъ ихъ въ Дерманскій монастырь. Но Опрепьевъ не для того бѣжалъ въ Польшу, чтобы тамъ монашествовать. Онъ, покинувъ своихъ поварицъ,

Письмо Кн. перешелъ въ городъ Гацу и приспалъ къ Ана-
Василья Ост-
рожскаго къ бапписпамъ. Тутъ въ первый разъ свергнувъ съ
Королю Си-
гизмунду III. себя пноческій клобукъ, онъ ходилъ въ школу, при-

Рукопись То-
лицкаго. лежно занялся науками, затвердилъ довольно хоро-

шо испорію, и усовершенствовался въ Польскомъ языкѣ. Онъ даже обучался и по Латинѣ, но не съ большимъ успѣхомъ. Впрочемъ, мирныя шруды сіи не долго занимали его. Въ бытность его въ Кіевѣ, онъ познакомился съ прѣзжавшими туда Запорожскими Казаками. Жизнь беззаботная и безнравственная ихъ удалой вольницы нравилась ему. Съ другой стороны онъ чувствовалъ, что готовя себя къ важному назначенію, ему непременно нужно пріучиться къ военному ремеслу. И такъ рѣшившись, по веснѣ 1605 года, ѣхалъ къ Запорож-

цамъ, и разбойничалъ съ ними въ шайкѣ спар- Грамота Па-
шины Герасима Евангелика. Воинспвенныя наклон- триарха къ
ности его скоро получили надлежащее развитіе: Архимандри-
ту Сольвиче-
годскому и
рукописное
сказаніе еже
содѣяся въ
Москвѣ и о
Разстригѣ.

онъ выучился мастерски владѣть оружіемъ и сдѣ-
лался опважнымъ наѣзникомъ.

Однако, не смотря на всѣ усилія его, чпобы сдѣлаться достойнымъ высокаго имени, какое же- лалъ онъ присвоить, нѣтъ сомнѣній, что всѣ про- спранные замыслы его ограничились бы смѣха достойнымъ пуспсловіемъ, и что онъ ничего важ- наго предпринять никогда не былъ бы въ состоя- ній, если бы не нашелъ себѣ сильной опоры въ Езуипахъ, копорые, къ счаснію его и къ несча- стію Россіи, узнали о его шайной думѣ, и возна- мѣрились воспользоваться имъ, какъ орудіемъ для исполненія собспвенныхъ своихъ видовъ.

Кому не извѣсны духъ любоначалія и рев- ность къ обращенію въ папешство сего, впрочемъ ученостію и глубокомысліемъ знамениаго, собраш- ства? Тогда находилось оно въ самомъ цвѣту- щемъ положеніи, и Езуипы вліяніе и происки свои распроспраняли почши на всѣ государства обо- ихъ земныхъ полушарій. Не спѣсняясь правилами строгой нравспвенности, они для достиженія цѣ- ли своей избирали средства надежнѣйшія, безъ за- рѣвія прибѣгая, судя по обстоятельствамъ, по къ высочайшей добродѣтели, по къ злѣйшему

преступленію, то къ достохвальнѣйшему праводушію, то къ гнуснѣйшему ухищренію. Могущество ихъ въ Польшѣ сдѣлалось неограниченнымъ со вспуленіемъ на престольт Шведскаго Королевича Сигизмунда III-го, Государя пренепоненнаго ханжесива. Слѣдствія слѣднаго довѣрія Короля къ нимъ оказались пагубными для Малороссіи.

Болѣе двухъ столѣтій полуденная Россія находилась подъ державою Государей Липовскихъ или Польскихъ; но Русскіе жиптели оной и подъ чужимъ ярмомъ сохраняли свою народноснѣ, управлялись своими соопниччями, судились своими законами и на собспивенномъ языкѣ, и чпо всего важнѣе, безвозбранно исповѣдывали правовѣріе. Когда совершилось конечное соединеніе Липвы съ Польшею, при Королѣ Сигизмундѣ Августѣ, Русская земля и княженіе Кіевское были опдѣлены опгъ Липвы и присовокуплены къ Польшѣ. При семъ случаѣ прежнія права Русскихъ были подптверждены данною Королемъ привилегіею, въ коей, повпоряя слова прежнихъ привилегій, *что Русскіе присоединяются къ Полякамъ, какъ равные къ равнымъ и свободные къ свободнымъ*, торжественно обѣцалось сохраненіе равенства между Церквами Римскою и Греческою, и одинакое производсво въ Сенаторскія и прочія доспоннесива людямъ обоихъ исповѣданій. Самъ Сигизмундъ III-й при

восшествіи своемъ на престолъ не смѣлъ отступити отъ прежнихъ правилъ, и въ 1588 году на сеймѣ коронаціи подивердилъ всѣ спарринныя права православнаго Русскаго духовенства. Но Езуиты, успѣвшіе овладѣть умомъ сего Государя, не долго дозволили ему оставаться при сей благоразумной вѣроисповѣданности. По несчастію они нашли сообщниковъ въ самыхъ главнѣйшихъ сановникахъ Малороссійской церкви. Прельщенные обѣщаніями милостей Королевскихъ, Епископы: Луц-<sup>Исторія Рус-
совъ.</sup>кій, Владимірскій, Хельмскій и Пинскій, Архіепископъ Полоцкій и самъ Митрополитъ Кіевскій Михайло Рагоза, уговорились между собою присоединиться къ Римской Церкви на правилахъ давно забытаго Флорентійскаго собора, и отправили въ Римъ съ покорностію своею Епископовъ Владимірскаго и Луцкаго. Чрезмѣрно обрадованный Папа Климентъ VIII-й милосивно принялъ ихъ, и обѣщаль исходатайствовать у Короля право заседать въ Польскомъ Сенатѣ всѣмъ Епископамъ, которые согласятся отстать отъ православія и признать его власнь. Но отступники-священники много ошиблись, если полагали, что не трудно имъ будетъ совратить съ пути истинны единоверцевъ своихъ. Предлагаемая ими *Унія* (такъ называется соединеніе Греческой церкви съ Римскою) была принята съ омерзениемъ какъ духовен-

ствомъ, пакъ и мірянами. Въ особенності, возспали прошивъ пся: Гедеонъ Балабанъ, Епископъ Львовскій, Михайло Копыспенскій, Епископъ Премышльскій и Князь Конспанпинъ Оспрожскій, Восвода Кіевскій. Напрасно клятвопреспунный Мипрополитъ надѣялся на созванномъ имъ въ Брестѣ соборѣ, подъ надзоромъ Польскихъ Пословъ, склонитъ или принудитъ всѣ Малороссійскія Епархіи къ принятію Уніи: вѣрные сыны Церкви не поколебались. Епископъ Львовскій доказалъ, что Унія принимала безусловно всѣ догматы Римскіе, оспавляя только одни обряды Греческіе, для обмана просподушныхъ. Соборъ раздѣлился на два, предающихъ проклятію одинъ другаго. Но не смотря на явное покровительство Польскаго сейма, къ споронъ приверженцевъ Уніи пришло весьма мало людей. Напрошивъ того, православіе удержало при себѣ несравнеңно большее число какъ духовныхъ, такъ и вельможъ и проспыхъ мірянъ. Тогда Сигизмундъ, разгнѣванный неудачою и подспрекасмый Езуитами, рѣшился прибѣгнути къ принудительнымъ мѣрамъ. По повелѣнію его опнимали у православныхъ храмы ихъ и опдавали уніятамъ, насильно выгоняли народъ на уніятское богослуженіе, и во время онаго Польскіе Жолнеры, съ обнаженными саблями, вынуждали православныхъ при чшеніи Символа вѣры гро-

могласно произносишь Римское прибавленіе исхожденіе Духа Святаго: *и отъ Сына*. Наконецъ перптѣіе Малороссіянъ испоцилось. Тамошніе Казаки принялись за оружіе подъ знаменами избраннаго ими Гешмана Наливайки. Сначала дѣйствіа его ознаменованы были важными успѣхами; но наконецъ Коронный напольный Гешманъ Жолкъвскій разбилъ Казаковъ совершенно. Самъ Наливайко былъ взятъ въ плѣнъ и въ Варшавѣ живой сожженъ въ мѣдномъ быкѣ. По смерти сего мученика православія Поляки съ люпосптію торжеспвовали надъ несчастною Малороссією. На сеймѣ 1597 года, народъ Русскій объявляеть *отступными, впроломными, бутливыми*. Старинныя права его все были уничпожены. Православное шляхеспство оплучили опъ всехъ должностей военныхъ и судебныхъ, и назвали холопами. Также опобрали опъ православныхъ староспва и ранговыа имѣніа ихъ. Малороссіа наводнилась Польскими воинами, копорые подъ предлогомъ поданія нужной помощи унилпамъ, свободно безчинспвовали. Одно корыстоплюбіе оспавило еще нѣсколько храмовъ для Греческаго исповѣданія. Они были опданы на опкупъ Жидамъ, копорые только за деньги позволяли православнымъ исправлять шребы свои, и брали съ нихъ опъ одного до пяши шалеровъ за каждое служеніе, и опъ одного до пяши злоповъ за кр-

щеніе и похороны. Впрочемъ гоненія сіи не ослабили твердости вѣры простаго народа, который по большей части не измѣнилъ своему долгу. Но честолюбивое шляхетство показало болѣе малодушія. Дабы не преграждать себѣ пути къ получению спарсенствъ и высшихъ государственныхъ достоинствъ, господа рѣшились принять не только Унію; но даже и самую Римскую вѣру. Не соглашаясь съ соотечественниками своими въ спавствѣ столь важной, какова есть религія, имъ неминуемо предположало уже совершенно опчуждиться отъ родины, что они и исполнили, замѣнивъ въ обществѣ своемъ Русской языкъ Польскимъ. Такимъ образомъ коренные Русскіе вельможи, изъ коихъ многіе происходили отъ племени Рюрика, къ стыду своему, содѣлались насильцами Поляками, и способствовали имъ въ угнетеніи своихъ единокровныхъ.

Езуиты не одну Малороссію готовились одарить своимъ лжевѣріемъ. Они хорошо чувствовали, что нельзя было Воспочной Церкви нанести сильнѣйшаго удара, какъ оппорженіемъ отъ нея Великороссійскихъ епархій. Съ нѣкоторыхъ лѣтъ помысленія ихъ были устремлены на сей предметъ, и одно время они питались надеждою успѣшь въ семъ важномъ предпріятіи. Въ 1581 году Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, желая окончанія ца-

губной для него войны съ Стефаномъ Баторіемъ, Королемъ Польскимъ, прибѣгнулъ къ посредничеству Папы Григорія XIII-го, который послалъ Езуиша Антонія Поссевина, для примиренія воюющихъ Государей. Поссевинъ возмечталъ, что можетъ воспользоваться симъ случаемъ для присоединенія Россіи къ Римской Церкви. Къ живѣйшему удовольствію его, намекн его на сей счетъ были принимаемы Іоанномъ безъ гнѣва, и даже съ вѣкопорымъ доброхотствомъ. Но Грозный Царь перехитрилъ самаго лукаваго Езуиша. Пока имѣлъ нужду въ Поссевинѣ, то Іоаннъ оказывалъ подашливость къ его ученію; но когда, опть-часки спараніями его, миръ подписанъ былъ между Россією и Польшею, то Царь съ презрѣніемъ опвергнулъ дальнѣйшія домогательства его о вѣрѣ. Оскорбленные Езуишы выжидали съ неперпѣніемъ удобнаго времени для возобновленія спараній своихъ съ лучшимъ успѣхомъ. Когда же они извѣстились о замыслахъ мнимаго Димитрія, то съ свойственною имъ смѣшливостію, исчисливъ всѣ выгоды, копорыя изъ оныхъ извлечь могли, вознамѣрились всѣми силами помогать ему. Самое самозванство его было для нихъ полезнымъ обстоятельствомъ. Имѣвъ дѣло съ природнымъ Русскимъ Царевичемъ, не такъ бы легко было имъ уговорить его пожертвовашъ правовѣріемъ въ уваженіи обѣщанныхъ

ими пособій; но нельзя было ожидать такой совѣспливости опть щеславнаго бродяги, уже покушавшагося на злое дѣло.

Всѣ свѣденія, получаемыя Езуитами изъ Россіи, согласовались въ томъ, что Государство находилось въ большомъ волненіи опть преперпѣнныхъ бѣдствій, и что множество людей изъ ненависти къ Царю Борису ожидали только удобнаго случая къ возстанію пропивъ него. Имѣя въ виду не упускать споль благопріятныхъ обспоятельствъ, Езуиты положили приспустить къ дѣлу безъ дальнѣйшаго оплагательства. Бѣроально по наущенію ихъ, Опрепевъ вошелъ въ услуженіе къ Князю Адаму Вишневецкому, вельможѣ знапному, но слабоумному и легковѣрному. Въ бышность его у Князя въ домѣ, въ Брагинѣ, онъ припворился опасно больнымъ, и призвавъ духовника, сказалъ ему:

Никоновская
Лѣтопись.

по смерти моей погреби меня честно, яко же Царскихъ дѣтей погребаютъ; а селъ тебѣ тайны не скажу, а есть тому всему у меня письмо вскрытъ подѣ моего постелею, и какъ отыду къ Богу, и ты сіе письмо возьми и прочти его себѣ втайнѣ, никому же о томъ не возвѣсти. Богъ уже мнѣ такъ судилъ. Священникъ немедленно передалъ слова сіи Князю, который самъ пришелъ къ слугѣ своему, и не смотря на припворное сопротивленіе его, вынулъ изъ-подѣ постели положен-

ную Ошрепьевымъ бумагу, въ коей онъ, называя себя Царевичемъ Димитріемъ, рассказывалъ нелѣпослышенную имъ басню о спасеніи своемъ въ Угличѣ, гдѣ спараніемъ жившаго при немъ иносстраннаго медика, по имени Симеона, убитъ вмѣстѣ его, равесникъ его, мальчикъ поповскій сынъ, какъ буд-
то цѣлый городъ Угличъ, гдѣ всѣ хорошо знали Царевича, могъ бытъ приведенъ въ заблужденіе въ отношеніи къ шѣлу, чепыре дня лежавшему въ церкви, куда допускали всякаго званія людей! Далѣе Ошрепьевъ утверждалъ, что медикъ, скрывъ его, отдалъ на воспитаніе боярскому сыну, копоряго не называлъ и копорый присовѣщивалъ ему искашъ убѣжища между ивоками, а что потомъ его выпроводили въ Польшу нѣкошорые вѣрныя бояре и дяки Щелкаловы. Вишневецкій слѣпо повѣрялъ нескладной бреднѣ. Тогда Ошрепьевъ, какъ будто убѣжденный въ невозможности долѣе скрывать свое происхожденіе, показалъ Глязю носимый имъ на груди золошой крестъ, драгоценными каменьями украшенный, копорый, какъ увѣрялъ, былъ данъ ему ошцемъ его крестнымъ, Гляземъ Ивановъ Ѳедоровичемъ Мспиславскимъ. Крестъ сей, вѣроятно гдѣ либо украденный или полученный ошъ Езуишовъ, довершилъ ослѣпленіе Вишневецкаго, копорый спалъ чешншъ прежняго слугу своего, какъ испиннаго Царевича.

Выписка изъ
Архива Ино-
странныхъ
дѣлъ.

Рукопись То-
мивскаго.

Князь Адамъ познакомилъ его съ братомъ своимъ роднымъ, Княземъ Конспаннинномъ, который звалъ его въ имѣніе свое Жалосць. Туда же явился первый лжесвидѣтель подлинности Царевича: по былъ слуга сына Болрскаго Михнова, и назывался Пепирушею. Въ 1601 году, Михновъ опъѣзжая въ Вильну при посольствѣ боярина Салшыкова, взялъ его съ собою; но онъ обокравъ его, бѣжалъ и нашелъ убѣжище въ домѣ Канцлера Липовскаго, Льва Сапѣги, гдѣ исправлялъ самая низкія должности, называя себя Юрьемъ Пепровскимъ. Сей негодяй увѣрялъ, что служба прежде въ Угличѣ, (гдѣ въ самомъ дѣлѣ никогда не бывалъ), знаетъ хорошо Царевича и просилъ, чтобы ему показали его. Когда же исполнили желаніе его, то онъ указавъ на одинакія примѣны, которыя Опреньевъ имѣлъ съ Царевичемъ, объявилъ, что видитъ въ немъ истиннаго Димитрія.

Дѣла Польскія въ Архивѣ.

Такого же рода смѣходостойное предшавленіе гоповилось еще въ другомъ мѣстѣ. Князь Конспаннинъ повезъ Опреньева въ Самборъ, къ пещю своему, Юрію Мишку, Восводѣ Сепдомярскому, между холопами ксого находился слуга, взяпый Русскими подѣ Псковомъ, и жившій вѣсколькo лѣтъ въ плѣну въ Москвѣ. Сей человекъ увѣрялъ, что видалъ тогда Царевича въ младенчествѣ, и что онъ точно походилъ на того, который пе-

перь назывался его именемъ. Какъ будто можно было распознать черты двухъ или трехъ-лѣтняго ребенка, на лицѣ юноши двадцати одного года!

Не смотря на нелѣпость сихъ свидѣтельствъ давныхъ впрочемъ лицами ни малѣйшаго вѣроятія не заслуживающими, Князь Константинъ Вишневецкій и Юрій Мнишекъ не успѣдились выдавать ихъ за несомнѣнныя доказательства подлинности мнимаго Димитрія. Въ особенносте старецъ Мнишекъ горячо заступался за самозванца, будучи привлеченъ къ нему ожиданіемъ важныхъ выгодъ и почестей для собственнаго семейства своего. У него была дочь Марина, юная, прелестная дѣвица. Отрепьевъ, или дѣйствительно влюбился въ нее, или почелъ нужнымъ показываться спраснымъ, дабы привязать къ судьбѣ своей одну изъ знатнѣйшихъ Польскихъ фамилій Мнишекъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ мечталъ о возможности видѣть дочь свою на Московскомъ престолѣ, а Марина, не менѣе опца своего преданная гордости и честолюбію, старалась также выказывать склонность къ мнимому Димитрію.

Между тѣмъ Езуиты ревностно дѣйствовали въ пользу Отрепьева, въ Краковѣ при дворѣ послушника своего, Короля Сигизмунда. Первымъ стараніемъ ихъ было доставить Самозванцу покровительство Папскаго Нунція Рангонцъ, кошо-

Alessandro
Cilli Historie
di Moscovia.

рый сначала хопя и показывалъ видъ, что не жа-
лаеть мѣшаться въ такое темное дѣло, но на-
конецъ будно убѣжденный сильными доводами,
рѣшился принять участіе въ несчастномъ жре-
бїи царственнаго изгнанника. Тогда Езуиты спали
за одно съ Нунціемъ внушаютъ Королю, сколь слав-
но, выгодно и даже душеспасительно будетъ для
него видѣть на Московскомъ престолѣ Государя,
который, обязанный ему своимъ величіемъ, доста-
витъ Польшѣ прочный союзъ съ Россією и ко-
торый, оказывая готовность къ принятію Рим-
ской вѣры, подастъ великую надежду къ обраще-
нію въ папество многочисленныхъ подданныхъ
своихъ. Сигизмундъ, съ свойственнымъ убоумію
упрямствомъ, не преставалъ преклонялъ ухо, къ
совѣтамъ Езуитовъ, хопя шаковые уже спонли
ему наследственнаго его государства, Швеція, ко-
торая, вспрѣвоженная имъ по предмету исповѣ-
дываемой ею Люперанской вѣры, опложилась опъ
него и признала Королемъ своимъ дядю его род-
наго Карла IX-го. Король Польскій позволилъ увѣ-
ришь себя, что воцареніе мнимаго Димитрія по-
дастъ ему способъ общими силами Польши и Рос-
сіи снова возложитъ на главу свою утраченный
вѣнецъ Вазы. Подъ вліяніемъ сихъ ласканныхъ меч-
таній, Сигизмундъ приказалъ Мнишку и Вишне-
вецкому предсавитъ предъ себя Самозванца.

Въ началѣ 1604 года, Опрепьевъ прибылъ въ Краковъ, гдѣ Нунцій посѣпивъ его, объявилъ ему, что если желаетъ Королевской помощи въ опысканіи справедливыхъ правъ своихъ, то предварительно долженъ опречься опъ Треческой вѣры, принявъ Римскую и вручить себя покровительству Папскаго престола. Самозванецъ съ умиленіемъ обѣщаль все сіе исполнить, что чрезъ нѣсколько дней въ домъ у Нунція не только подтвердилъ на словахъ въ присупствіи многихъ знатныхъ особъ, но даже далъ въ помъ письменное обязательство. Послѣ сего, Рангони угощаль его пышнымъ обѣдомъ, по окончаніи коего опвезъ къ Королю на аудіенцію. Сигизмундъ принялъ Лжедимитрія стоя опершись на сполникъ, и съ обыкновенною своею величавостію подалъ ему руку. Опрепьевъ, поцѣловавъ оную, разсказаль ему вымышленную испорію свою и просилъ у него защиты и помощи. Тогда Коронный Оберъ-Камергеръ далъ знакъ ему и всѣмъ присушествующимъ на аудіенціи выйти въ другую комнату. Только Нунцій оспался на единъ съ Королемъ, копорый совѣщовался съ нимъ, какъ опвѣчать. Попомъ снова призвали Самозванца. Сей вошелъ съ смиреннымъ видомъ, и положивъ руку на сердце болѣе вздохами, чѣмъ словами старался свискашь королевскую милоспъ. Сигизмундъ съ веселымъ видомъ приподнявъ шляпу, сказаль ему:

★

Да спасетъ васъ Богъ, Дмитрій Князь Московскій!
мы признаемъ васъ въ семь высокою званіи, убѣжда-
ясь естѣмъ слышаннымъ нами и представленными
нами письменными доводами, и въ знакъ нашего доб-
рожелательства назначаемъ вамъ на ваши потребности
ежегодно 40,000 золотыхъ (поже нынѣшнихъ се-
ребряныхъ рублей); кромѣ того, какъ пріятелю,
принятому подъ наше покровительство позволяемъ
вамъ сноситься съ панями нашими и получать отъ
нихъ все вспоможеніе и заступленіе, какое только мо-
жете желать. Смущенный радоспію, Опрепьевъ
не нашелъ словъ, чпобы выразишь свою призна-
пельность. Нунцій за него благодарилъ Короля, и
опвезъ его обратно въ домъ къ Сендомирскому
Воеводѣ, гдѣ обнимая его совѣпывалъ ему при-
няпья за дѣло какъ можно скорѣе, и въ особен-
ности напоминалъ ему, чшо изъ благодарности
за оказанныя ему милости, онъ долженъ спѣшнѣ
приняпъ Римскую вѣру и водворншь какъ оную,
пакъ и Езунповъ не полько въ Государствѣ сво-
емъ, но даже сколь возможно будетъ въ дальнѣй-
шихъ спранахъ Воспока.

Такимъ образомъ совершилось публичное при-
знаніе Самозванца за испинцаго Царевича при дво-
рѣ Польскомъ; событіе важное для наглаго бро-
дьяги, ибо подавало ему неожиданныя средства къ
достиженію своихъ до поль несбыточныхъ пред-

начерпаній. Въ пылу своей признашельности къ Езуишамъ, онъ рѣшился безъ дальнѣйшаго опла- Annæ Litterarum Societatis Jesu, an. 1604. гашельства принять ихъ вѣру; но условились не оглашать сего до удобнѣйшаго случая, дабы преждевременно не вооружить противъ него Русскаго народа, свято привязаннаго къ старинному исповѣдованію своему. Опрепьевъ, закрывая лицо, и переодѣвшись въ нищенское платье, пришелъ въ сопровожденіи одного Польскаго вельможи въ домъ Краковскихъ Езуишовъ. Тамъ онъ опресея уопъ Восточной Церкви, исповѣдывался Езуишу и принялъ причастіе изъ рукъ Папскаго Нунціа, копорый также совершилъ надъ нимъ муропомазаніе. Попомъ Самозванецъ, не прешавая слѣдовать совѣпамъ Нунціа, собственноручнымъ письмомъ Гревенбрухъ. просилъ покровительства Папы Клименша VIII, копорый не замедлялъ ему отвѣчать весьма милосивно.

Король Сигизмундъ хощя на публичной аудіенціи и не обѣщалъ разспригъ самъ помогашъ ему силою оружія, но подспрекасмый Езуишами, онъ пишалъ тайное желаніе принять дѣяшельное участіе въ замышляемомъ Опрепьевымъ походѣ противъ Бориса. Къ исполненію сего предспавлялись большія препятствія. Государь Польскій, не будучи самодержавнымъ, не могъ безъ одобренія народнаго сейма ошкрыть войну съ сосѣдомъ, не

подавшимъ въ тому важнаго повода. Съ другой стороны Сигизмундъ опасался, что сеймъ не согласится на разорваніе недавно заключеннаго двадцатипятилѣтняго перемирія съ Россією, и не захочетъ возстановить противъ Польши новаго сильного врага, когда Поляки не могли еще управиться со Шведами, сившимися опята у нихъ Лифляндію. Въ сихъ обстоятельствахъ Король вознамѣрился попытаться убѣдить главнѣйшихъ вельможъ своихъ въ томъ, что важныя государственныя причины не дозволяютъ предложить на разрѣшеніе сейма воевать или вѣсть съ Россією, и что несомнѣныя выгоды Республики Польской, пребудутъ выступить немедленно въ походъ противъ Царя Бориса.

Знаменитѣйшимъ вельможею въ Польшѣ былъ
Иемцевичъ. тогда спарсецъ Замойскій, Канцлеръ и великій
Гепманъ Коронный: Король написалъ ему, что
если Республика доставитъ царскій вѣнецъ Димитрію, то найдетъ въ немъ надежнаго союзника, на случай войны съ Турками; что съ другой стороны представится возможность не только очистишь Лифляндію, но даже возстановить власнь Королевскую въ Швеціи, поному что тѣ же войска, которыя будутъ употреблены для прпровожденія Димитрія до Москвы, могутъ быть оттуда устремлены на Лифляндію и Финляндію;

что кроме того откроется для Польши обширный торгъ не только съ Россією, но чрезъ нее и съ Грузією и Персією, и что во всякомъ случаѣ нельзя было доставить лучшей рыцарской забавы пылкой, безпокойной молодежи Польской. Впрочемъ, Сигизмундъ изъявлялъ желаніе, чтобы совѣщанія о великомъ дѣлѣ семь производились въ тайнѣ, между Замоискимъ и Архіепископомъ Гнѣзискимъ Тарновскимъ, безъ доклада сейму, потому что слишкомъ часто на сихъ народныхъ сѣздахъ выгоднѣйшія для рѣчи Посполитой предложенія бывали отвергнуты единственно по недоброжелательству частныхъ лицъ, и что такъ какъ рѣши на сеймѣ не могутъ быть производимы безъ огласки, то Царь Борисъ будетъ предупрежденъ о замышляемомъ противъ него дѣлѣ и такимъ образомъ получитъ возможность, сильно приготовившись къ борьбѣ призваніемъ на помощь къ себѣ Татаръ и другихъ варварскихъ народовъ. Сигизмундъ худо зналъ Замоискаго, если надѣялся оказываемою ему довѣренностію выманить у него одобреніе своихъ замысловъ. Старый поборникъ Шляхескихъ вольностей не измѣнилъ своимъ правиламъ. Онъ отвѣчалъ Королю, что не совѣщаетъ ему вступать въ ненадежный бой, и что во всякомъ случаѣ нельзя ничего предпринять безъ соизволенія сейма шѣмъ паче, что если двѣснви-

пельно дойдеть до войны съ Россією, по усиліи ограниченныя и скороспѣшныя окажутся недоспа-почными, а должно будетъ прибѣгнутьъ къ мѣрамъ, соотвѣтствующимъ важности цѣли, и выставить въ поле огромное войско.

Другіе вельможи Польскіе, и между прочими Напольный Коронный Генералъ Жолквскій и Князь Василій Константиновичъ Острожскій были одного мнѣнія съ Замойскимъ. Всѣ они представляли Королю, что имѣя уже дѣло со Шведами неосомнительно было бы вдаваться безъ всякой нужды въ новую войну.

Езуиты видя неудачу съ сей спороны, спали тогда внушать Сигизмунду, что если вельможи не хопятъ открыто воевать противъ Бориса, то можно будетъ изъ-подъ руки вредить ему, и что Король имѣлъ на сіе все право, попому что самъ Борисъ дѣйствовалъ не иначе. Въ доказа-
Нарушевичъ. пельство пому представляли, что не смотря на существующее перемиріе Царь пропустилъ черезъ Ингрію Шведскія войска, посланныя Карломъ изъ Финляндіи въ Лифляндію, и что кромѣ того Русскіе градоначальники во Псковѣ и другихъ мѣстахъ имѣли приказаніе снабжать Шведовъ нужными для нихъ жизненными припасами. Не трудно было склонить Сигизмунда на отплату Царю тою же монетою. Король рѣшился, не оглашая

дѣйствія правительсва, воспользовашься оказывасмою охопою къ войнѣ вѣкопорыхъ Пановъ Липовскихъ и многихъ Жолнеровъ, оспававшихся на Убрайнѣ безъ службы, для составленія рапи изъ вольницы, копорую сначала намѣревался подчинить Князю Збаражскому, воеводѣ Брацлавскому. Но шакъ какъ Князь сей не скрывалъ убѣжденія своего въ шомъ, что мнимый Димитрій былъ Самозванецъ, то Король поручилъ все дѣло Мнишку, позволивъ ему употребить на оное доходы Сендомирскаго воеводства. Тогда Мнишекъ Карамзинъ. опшезъ обратно разспригу въ Самборъ, гдѣ шакъ какъ и въ окрестностяхъ Львова, начинались уже наборы войска для похода въ Россію.

По возвращеніи своемъ въ Самборъ, Отрепьевъ спалъ открыто домогашься руки Марини. Предложенія его были приняты съ восторгомъ; однако гордый вельможа не намѣренъ былъ жершвовать дочерью своею на удачу. Свадьба была опложена до утвержденія Лжедимитрія на Московскомъ престоѣ, но между тѣмъ воевода Сендомирскій взялъ съ него запись, 15/28-го Мая собственною рукою его подписанную, но силѣ коей Самозванецъ съ щедростію, свойственною человѣку, располагающему чужимъ добромъ, обѣщался топчасъ послѣ своего воцаренія женитья на Маринѣ, и заплатитъ опцу ея Мнишку 1,000,000

злопыхъ (поже нынѣшнихъ серебряныхъ рублей), кромѣ того онъ обязывался опдашь въ удѣлъ будущей супругѣ своей Государства Новгородское и Псковское, съ свободою вводити въ оныя исповѣдуемую сію Римскую вѣру, копорую и самъ признавалъ за свою съ увѣреніемъ, что ничего не упуститъ для водворенія оной и во всей Россіи.

Но Мнишекъ не довольствовался успроеніемъ участи своей дочери. Вспрѣчая неожиданную подашливость въ нарѣченномъ зяпѣ своемъ, онъ, нѣсколько дней спустя, выманилъ у него, уже собственно въ пользу свою и въ пользу Государства Польскаго, новыя успупки, весьма разорительныя для Россіи. Впорою записью, писанною также въ Самборѣ, $\frac{2}{12}$ -го Іюня, Самозванецъ опдавалъ будущему пещипю своему Княжество Сѣверское и половину Смоленскаго съ городомъ, а другую половину Смоленскаго Княжества (вѣроятно лежащую по правой сторонѣ Днѣпра) и шесть городовъ изъ Сѣверскаго успупалъ Польшѣ. Кромѣ того Самозванецъ обѣщался еще по всшупленіи своемъ на пресполь, придашь Мнишку столько городовъ и земель изъ прилегающихъ къ Смоленскому Княжеству областей, сколько нужно будетъ для вознагражденія за убавленіе въ доходахъ Княжествъ Сѣверскаго и Смоленскаго, произшедшихъ отъ дѣлаемыхъ Польшѣ успупокъ. Исполненіе сихъ су-

мазбродныхъ обязательствъ вовлекло бы Россію въ такія пожертвованія, къ копорымъ самая несчастная война едва ли могла бы ее вынудить *.

Мнишекъ, разлакомленный выговоренною имъ богатою наградою, хопя и не щадилъ имѣнія своего, однако собирающаяся подъ знаменами его шляхта не соспавляла довольно значительнаго войска, чшобы съ одною сею помощію самозванецъ могъ поколебать престолъ Бориса. Главнѣйшія надежды его въ семъ предпріятіи основывались на сподвижникахъ, конхъ ожидалъ найши въ нѣдрахъ самой Россіи. Но и въ семъ случаѣ, Поляки много благопріятствовали ему. Пограничныя Польскіе начальники всемѣрно спарались разсѣвать по Сѣверской землѣ подмешныя письма разсприги, въ конхъ онъ, объявляя себя Царевичемъ Димитріемъ, призывалъ народъ къ возстанію противъ Бориса. Въ особенности такимъ образомъ ревностно дѣйствовалъ въ его пользу Михайло Рапомскій, спароста Осшерскій, копорый не только мунилъ жителей Чернигова и окрестностей, но еще послалъ шляхтича Щаснаго Свирскаго къ Донскимъ Козакамъ, конхъ наклонность къ самозванцу была уже извѣстна.

Дѣла Польскія и Нѣмецкія.

Донскіе Козаки не составляли еще сего строя-

* Смотри Приложение № V и № VI.

наго и воинственнаго общества, въ наши времена столь усердно и храбро подвизавшагося за Россію. Тогда они только были сволочью людей безпріютныхъ, ненавидящихъ всякую подчиненность и однимъ удалствомъ подобившихся знаменитымъ потомкамъ своимъ. Промышляя единственно разбоемъ, они много вредили Россійской торговлѣ съ Грузією и Персією, и даже самовольными нападеніями своими на Турецкія владѣнія весьма затрудняли мирныя сношенія, копорыя Россійское правительство желало сохранить съ Порпою. Царь Борисъ, разгнѣванный ихъ неисповствами, принялся укрощать ихъ, и пѣмъ ожесточилъ ихъ пропивъ себя. Они явно отказались отъ всякаго повиновенія и съ радостію встрѣтили пронесшуюся между ими молву, что Царевичъ Димитрій находится въ живыхъ. Дерзость ихъ возрасла до такой степени, что еще въ Январѣ 1604 года они осмѣлились напасть на Околыничаго Степана Степановича Годунова, проюроднаго брата Царя, посланнаго съ порученіемъ въ Астрахань. Козаки разбили провожавшій его конвой; Годуновъ самъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Многіе изъ его людей были убиты, а другіе взяты въ плѣнъ, изъ коихъ нѣкоторыхъ Козаки послали къ Царю съ вѣстію, что они скоро придуть въ Москву съ Царевичемъ Димитріемъ.

Въ сихъ обшюпательствахъ весьма естествен-
но, что шляхтичь Свирскій получилъ добрый
пріемъ отъ Козаковъ. Они приговорили отпра-
вить пошчасъ въ Польшу къ Александрю
ашамановъ своихъ Андрея Корелу и Михайлу Нъ-
жакожа. Сіи посланные застали еще Самозванца Архивскія
бумаги.
въ Краковъ, и видѣвъ, что при самомъ Королев-
скомъ дворѣ онъ принимается за истиннаго Ца-
ревича, не усумнились признать его за своего за-
коннаго Государя. Возвратившись же на Донъ, они
убѣдили товарищей своихъ готовиться къ похо-
ду за Димитрія.

Уже нѣкоторые изъ Русскихъ бѣглецовъ, въ
Польшѣ находящихся, прислали къ Самозванцу и
образовали первую его дружину Русскую, которая
была ему весьма нужна, дабы оправдать отъ
себя нарѣканіе, что онъ съ одними иноплемenni-
ми силами намѣревается вступить въ Россію. Но
дружина сія была не многочисленна, и спаранія
разсприги, чтобы умножить ряды оной не всегда
были успешны. Многие изъ Русскихъ выходцевъ,
гнушаясь обманомъ, не хотѣли принять участія
въ зломъ дѣлѣ. Между сими отличился въ особен-
ности сынъ боярской Яковъ Пыхачевъ и старшій
разспригитъ товарищъ монахъ Варлаамъ Яцкій,
которые прибыли въ Краковъ для избличенія
Самозванца передъ Польскими вельможами. Но на- Целобитная
Варлаама.

прасно Варлаамъ увѣрялъ, что мнимый Димитрій естъ монахъ Григорій Опреньевъ, съ коимъ вмѣстѣ онъ самъ бѣжалъ изъ Москвы въ Кіевъ. Король не хотѣлъ слушать истины, проотивной его желаніямъ, и приказалъ опправить обоихъ обвинителей къ Самозванцу въ Самборъ. Тамъ Варлаама заключили въ пемницу, какъ непочтительнаго клеветника, а Пыхачева казнили подъ предлогомъ, что онъ подосланъ Борисомъ для умерщвленія Царевича.

Избавивъ себя такимъ образомъ отъ опаснаго свидѣтельства, разсприга не менѣе того весьма превожился мыслию, что наспоющее имя его содѣлалось извѣстнымъ. Для опвращенія худыхъ для него слѣдствій, могущихъ произойти отъ сего опкрытія, онъ прибѣгнулъ къ новому обману. При немъ находился вышедшій изъ Крыпецкаго Монастыря безродный монахъ Леонидъ, человѣкъ пьяный, но весьма преданный Самозванцу, который велѣлъ ему называться Григоріемъ Опреньевымъ. Такимъ образомъ онъ надѣялся опврапитъ отъ себя подозрѣніе, что самъ онъ былъ сямъ Опреньевымъ.

Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и разстригѣ и Морозовская летопись.

Не возможно, чтобы Царь Борисъ скоро не извѣстился о дерзкихъ проискахъ Самозванца, какъ въ Россіи такъ и въ Польшѣ. Въ первомъ смущеніи своемъ, онъ началъ самъ нѣскольи сомнѣваться

въ убіеніи истиннаго Димитрія. Мать Димитріе- Беръ.
ву, Царицу Марѳу, привезли въ Дѣвичій монастырь ^{Показаніа}
подъ Москвою; Царь ѣздилъ къ ней съ Патріар- ^{Хрущева.}
хомъ, допрашивалъ ее, дѣлалъ по всюду почвѣй-
шіе розыски, и убѣдился, что несчастная жертва
его властолюбія дѣйствительно пала за трид-
цать лѣтъ предъ тѣмъ подъ нанесенными ей въ
Углицѣ ударами. Между тѣмъ посланные въ Поль-
шу лазутчики донесли, что опважный обман-
щикъ, дерзнувшій принять на себя имя Царевича,
былъ ни кто иной, какъ Чудовскій дьяконъ
Григорій Ошрепьевъ, который избѣжалъ ссылки
въ Соловецкій монастырь, единственно по небре-
женію дьяка Смирнаго, не исполнившаго Царскаго
о немъ указа. Борисъ не хотѣлъ однако наказанъ
дьяка за сіе ослушаніе, дабы не придашь важно-
сти случаю, который спарался еще представ-
лять ничтожнымъ. Но злоба Царская противъ
вѣтреннаго чиновника не угасала. Съ лицемѣріемъ, ^{Никоновская}
противнымъ достоинству Государя, не смѣя ка- ^{Автопись.}
рапать его за насоящее пресупленіе, онъ спалъ
подыскиваясь подъ него. Смирнаго, обвиненнаго
въ расхищеніи дворцовой казны, засѣкли до смерти.

Положеніе Бориса было затруднительно. Если
благоразуміе предписывало гошовишься къ отвраще-
нію угрожающей опасности, то съ другой спо-
роны шакже полезнымъ казалось не выказывать

никакого безпокойства, дабы не возвысиль въ глазахъ всепревоженнаго народа соперника, коего допоть можно было еще полагать достойнымъ одного презрѣнія. Въ семъ недоумѣніи, Царь рѣшился ограничиться мѣрами двучинными. Хопя зараза въ Смоленскомъ увздѣ слабѣла, но учрежденныя между Москвою и Смоленскомъ заставы, были пропхануны до Брянска, дабы затруднить сообщенія съ Липвою. Кромѣ того Царь приказалъ Окольничимъ Пешру Шереметьеву и Михайлѣ Салпыкову собрать войско подъ Ливнами, подъ предлогомъ полученныхъ извѣстій изъ Крыма о замышляемомъ нападѣніи Татаръ на Русскіе предѣлы. Выборъ Ливенъ для сборнаго мѣста войска былъ дѣйствишельно удаченъ, ибо опшуда легко было обратить оное или на Донъ противъ Козаковъ, или къ Днѣпру противъ Польши.

Но Царь еще надѣялся, не обнажая меча одною силою испины побѣдить разспригу, разувѣривъ его приверженцевъ. Для сего онъ опправилъ къ Донскимъ Козакамъ дворянина Хрущева, а боярамъ своимъ приказалъ послать къ Польскимъ вельможамъ разспригина дядю роднаго, Смирнаго Отреньева, для изболчненія псыяника въ при-

Показаніа
Хрущева.

Дѣла Польскія и показанія Хрущева.

существованіи ихъ. Посылки сіи не имѣли и не могли имѣть успѣха, потому что ополчающіеся на Россію злодѣи искали не испины, а одной собспвен-

ной выгоды. Польскіе вельможы не хотѣли показашь Смирному Опрепьеву Самозванца, опзываясь, что имъ до него не было ни какого дѣла и что они ему ни въ чемъ помогашь не намѣрены. Хрущева порученіе кончилось еще хуже. Козаки схватили его и окованнаго опсправили къ Самозванцу. Успрашенный Хрущевъ измѣнилъ своему долгу. Представленный Лжедимитрію, онъ повергся къ стопамъ его увѣряя, что по сходству его съ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ узнаеспъ въ немъ истиннаго Государя своего. Разсприга съ любопытствомъ распрашивалъ его о расположеніи умовъ въ Россіи и о намѣреніяхъ Царя Бориса. Хрущевъ въ опвѣскахъ своихъ спарался единственно угождать Самозванцу, и говорилъ много долженствующихъ ему нравиться небылицъ.

Король Сигизмундъ, самъ не смѣя воевать противъ Царя Бориса, не менѣе того возбуждалъ противъ него новыхъ враговъ. Посылая въ Крѣмль гонца Церкашенина, онъ писалъ съ нимъ къ Хану Казы-Гирско, что Царевичъ Димитрій готовился вспунить въ Россію, для поддержанія законныхъ правъ своихъ, и что Полякамъ пріятно будетъ, если Ташары спанушъ помогашь ему въ семъ предпріятіи.

Между тѣмъ жипели окрестностей Львова и Самбора терпѣли большія притѣсненія и обиды

Рукопись
Жолкев-
скаго. опть развратной шляхты, собравшейся подъ хо-
ругвию Лжедимитрія. Всѣ желали какъ можно ско-
рѣе избавишься опть ней. Но наборъ производился
медленно, хопя Мнишскъ и не щадилъ денегъ.
Самозванецъ, въ неперпѣннн своемъ, рѣшился не
дожидаться, чптобы все ополченіе было готово, и
15-го Августа 1604 года выѣхалъ изъ Самбора въ
Гревенбрухъ. сопровождаенн двухъ Езуитовъ, Николая Черни-
цкаго и Андрея Лавицкаго. Разстрига, 30-го
пного жъ мѣсяца, прибылъ въ Глинныяны, гдѣ на-
значенъ былъ смотрѣ войску. Оное соспояло
Паерле. только изъ 500 человекъ пѣхоты и 1,100 всад-
никовъ, раздѣленныхъ на пять хоругвей, а имен-
но: Царскую, Пана Мнишка Старосты Саноцка-
го *, Пана Дворжицкаго, Пана Фредро и Пана
Неборскаго. Хопя Король и поручилъ все дѣло
спарому Мнишку, но необузданная вольность гор-
дой шляхты претовала ея согласіа на избраніе
начальника. На собранномъ въ Глинныяхъ Коля
Масквичъ. (сходкѣ), Воевода Сендомирскай провозгласиъ Геп-
маномъ войска, а подъ нимъ назначены два Пол-
ковника Паны Жулицкой и Дворжицкой.

Рукопись
Ротмистра
Борша изъ
Пулавской
библіотеки.

5-го Сентября войско двинулось изъ Глиннѣхъ
по направленію къ Кіеву. Много другихъ шляхет-
скихъ хоругвей, не докончившихъ еще своего обра-

Примѣчаніе. Сей былъ сынъ Юрія Мнишка, Воево-
ды Сендомирскаго.

зованія, получили приказаніе, по совершенномъ изгошовленіи, слѣдовать тѣмъ же путемъ и спѣшившъ соединеніемъ съ прочими товарищами своими. Приближаясь къ Кіеву, Самозванецъ и Мнишекъ были встревожены появленіемъ войска Князя Оспрожскаго, изъ нѣсколькихъ тысячъ челоувѣкъ сосполщаго. Зная, сколь Князь сей желалъ сохраненія мира между Польшею и Россією, они опасались нападенія его, и почли нужнымъ принять мѣры чрезвычайной оспорожности. Воины ихъ проводили ночи безъ огня и держали лошадей своихъ осѣданными. Но Оспрожскій не имѣлъ намѣренія вооруженною рукою дѣйствовать противъ людей, коихъ предпріятіе хопя имъ не одобряемое, было тайно покровительствовуемо самимъ Государемъ его. Онъ имѣлъ только въ виду охраненіе жищелей Кіевскаго воеводства отъ грабительствъ Самозванцевыхъ сподвижниковъ, и для того приказалъ войску своему довольствоваться наблюденіемъ за ними во время слѣдованія ихъ до Днѣпра.

Разсприга, прибывшій въ Кіевъ 7-го Октябрия, встрѣшилъ шупъ неожиданное препятствіе. По повелѣнію Оспрожскаго всѣ перевозки на Днѣпръ были сняты. Нѣсколько дней прошло въ опыщиваніи паромовъ, и только 15-го числа совершилась переправа въ чепырнадцать версахъ выше

*

Кіева, близъ устья Десны. Уже Самозванецъ былъ
Паерле. обрадованъ прибытіемъ перваго подкрѣпленія изъ
Россіи, состоящаго изъ 2,000 Козаковъ, приве-
денныхъ съ Дону Свирскимъ. Такимъ образомъ въ
войскѣ, съ коимъ онъ готовился пересупить за
границу, считалось до 4,000 человекъ.

Переправляясь за Днѣпръ, разстрига началъ
дѣйствовать рѣшительно. 16-го Октября онъ
Диспикъ по- перешелъ за Русскій рубежъ и спалъ лагеремъ за
хода Минш- ка въ Россію. Сваромьемъ, а 17-го за Жукинымъ. Вступленіе его
въ предѣлы Россіи неслыханно возмутило спроп-
тивый народъ Сѣверской земли. Вездѣ чернь, не-
навидѣвшая Бориса, радостно принимала Само-
званца съ хлѣбомъ и солью. Первымъ Русскимъ
укрѣпленнымъ мѣстомъ былъ въ сей споронѣ за-
мокъ Муромскъ. Еще Опрепьевъ споялъ въ прид-
цани верстахъ отъ онаго, какъ уже тамошніе
жители прислали ему сказать, что покоряющія
его власни. Разстрига спѣшилъ воспользоваться
ихъ добрымъ расположеніемъ и 19-го числа, вы-
ступя изъ-подъ Жукина, оспановился при Полчо-
вѣ, десяти верстѣ не доходя замка. Тутъ Муром-
ляне представили ему связанныхъ воеводъ своихъ,
Бориса Лодыгина и Елизаря Безобразова. Само-
званецъ почелъ нужнымъ ознаменоватъ милосерді-
емъ первыя царскія дѣйствія свои. Не вмѣняя въ
Карамзинъ. вину воеводамъ вѣрность ихъ къ Борису, онъ

единственно жалѣлъ объ ихъ заблужденіи и приказалъ освободить ихъ. 21-го числа Опреспевъ вступилъ въ Муромскъ.

Вѣсть о вторженіи врага въ Россію изумила Бориса. Хиприпъ было уже не время. Предстояла необходимостъ противуставить силу силъ. Царь приказалъ собрать войско въ Брянскъ, но и шуть еще или дѣйствительно не постигая важности обѣщательствъ, или припворяясь не вѣрующимъ оной, онъ не хотѣлъ прибѣгнуть къ усиліямъ чрезвычайнымъ. Въ погдашнее время въ Россіи ополченія были двухъ родовъ: большія, состоящія изъ пяти или иногда и шести полковъ, и впороспепенныя, раздѣлявшіяся на три полка. Собиравшееся въ Брянскъ войско было прехъ полковое, и состояло подъ главнымъ начальствомъ боярина Князя Димитрія Ивановича Шуйскаго, Разрядныя книги. копорый имѣлъ при себѣ во вторыхъ въ большомъ полку Князя Михайлу Осодоровича Кашина, въ передовомъ были Иванъ Ивановичъ Годуновъ и Князь Михайло Самсоновичъ Туренинъ, а въ спорожевомъ бояринъ Михайло Глѣбовичъ Салпыковъ и Князь Оеодоръ Звенигородскій. Кромѣ того посланы знапные чиновники въ пограничные города; въ Пупнвль: Михайло Михайловичъ Салпыковъ, да съ нимъ осадный воевода Князь Василій Михайловичъ Мосальскій-Рубецъ, а въ Черниговъ: Бояринъ

Князь Никита Романович Трубецкой, Окольниковъ Пейрць Ѳеодоровичъ Басмановъ и Голова Андрей Восиковъ; но сіи при чиновника уже не могли достигнуть своего назначенія.

Самозванецъ не терялъ времени. Оставя въ Муромскъ малой отрядъ для охраненія замка, онъ, 22 Октябрю, двинулся вдоль праваго берега Десны, и 25-го стоялъ уже лагеремъ въ семи верстахъ отъ Чернигова, а двухъ тысячный Козацкій отрядъ, составившій его передовую дружину подступилъ подъ самый городъ, достапно снабженный пушками и имѣвшій крѣпкій замокъ. Жители сначала хотѣли защищаться и убили многихъ Козаковъ, выпавшихся войми силою. Но когда узнали что Муромскъ сдался добровольно, то и они положили не противиться Царевичу. Напрасно начальствующій въ городѣ, Князь Иванъ Андреевичъ Ташевъ, надѣялся еще удержаться въ замкѣ, съ бывшими при немъ 300 стрѣльцами и 20 орудіями. Чернь, пригласивъ на помощь Козаковъ, соединенными силами хлынула къ замку. Тогда стрѣльцы, увлеченные общимъ примѣромъ, отворили ворота и выдали воеводу своего. Ташевъ оказался спольже малодушнымъ, сколь и Хрущевъ; онъ вошелъ въ службу къ Самозванцу, и сдѣлался вѣрнѣйшимъ изъ его клеветниковъ. Впрочемъ Черниговцы получили достойное наказаніе за свою шаш-

Борисъ и
Иаерле.

косшь. Впущенные ими Козаки грабили городъ, какъ будто взяли оный приступомъ. Извѣщенный о шомъ разсприга, немедленно послалъ къ Козакамъ двухъ Польскихъ Пановъ для прекращенія беспорядковъ, могущихъ охладить наклонности къ нему обывателей другихъ городовъ. Но Паны сіи уже нашли все ограбленнымъ. Самозванецъ, самъ прибывшій на другой день въ Черниговъ, приказалъ возвратить похищенное, однакожь Козаки успѣли скрыть часть своей добычи, и хозяева не все утраченное получили обратно.

Разсприга ошановился въ Черниговъ, чшобы дать отдохновеніе своему войску, въ космъ оказывался нѣкопорый ропотъ. Въ особенности шляхша жаловалась, что за неимѣніемъ денегъ, обносилась и нуждается въ продовольствіи. Къ счастью Самозванца въ замкѣ нашлось въ сборѣ 3,000 рублей (10,000 нынѣшнихъ серебряныхъ). Онъ роздалъ ихъ Полякамъ.

По осьмидневномъ отдыхѣ, Опрепьевъ выпушилъ опять въ походъ по направленію къ Новгороду-Сѣверскому. Передовые Козаки подѣ начальствомъ Поляка Бучинскаго, явились подѣ симъ городомъ 9-го Ноября. Но шущъ встрѣпили мятежники первое важное сопропивленіе. Князь Трубецкой, Басмановъ и Воековъ, ошправленные Царемъ въ Черниговъ, не могли опередить шамъ

Самозванца, и рѣшились защищать Новгородъ-Сѣверскій. Хопя Бояринъ Трубецкій былъ гораздо чиновнѣе Окольничаго Басманова, но послѣдній заправлялъ всѣмъ. Въ смутное время часто истинное достоинство беретъ верхъ, и обыкновенные люди охотно уступаютъ искуснѣйшимъ власшь и отвѣстственность. Басмановъ отличался столько же честолюбіемъ, сколько и храбростію, швердосію и знаніемъ ратнаго дѣла. Онъ предупреждая измѣну обывателей, ввелъ ихъ всѣхъ въ замокъ, самъ заперся въ ономъ съ бывшими при немъ 600 спръльцовъ, а городъ велѣлъ выжечь.

Козаки, принятыя пальбою изъ замка, основались, а Бучинскій съ малою свипою подѣхалъ къ спѣнъ для начатія переговоровъ, къ коимъ Русскіе, кидая шапки свои въ верхъ, казалось приглашали его. Басмановъ самъ находился на спѣнѣ и спросилъ его, чего онъ потребуешь? Полякъ объявился такимъ образомъ: *я присланъ моимъ всемилостивѣйшимъ Государемъ, сыномъ блаженной памяти Великаго Князя Иоанна Васильевича, Дмитріемъ Иоанновичемъ. Небесный промыслъ сохранилъ его отъ смерти, приготовленной въ Углицѣ измѣнникомъ Борисомъ: онъ здравствуетъ и чрезъ меня, слугу своего, объявляетъ, что если вы, подобно жителямъ Чернигова и Муромска, покоритесь ему и ударите челомъ, какъ законному Госу-*

дарю, то будете пощипованы; если же не согласитесь на сіе, то знайте, что всѣхъ васъ предастъ онъ смерти, и мужей и женъ, и старыхъ и малыхъ; самымъ младенцамъ въ матерней утробѣ не будетъ пощады. Басмановъ ошвѣчалъ: *Государь нашъ и Великій Князь Борисъ, теперь въ Москвѣ: онъ повелитель всей Россіи! Тотъ же, о комъ говоришь ты, есть измытникъ и негодлай; скоро онъ будетъ на комъ со всѣми его клеветали! Спѣши удалиться туда, откуда пришелъ ты, если хочешь остаться въ живыхъ.* Сія рѣчь мало понравилась Бучинскому, копорый расположивъ опрядь свой на горѣ, куда Русскіе пули не достигали, спѣшилъ самъ извѣстить Самозванца, что путь одною лестію успѣшь не можно.

Разсприга самъ подступилъ подъ замокъ 11-го числа, и расположившись, на пепелище города послалъ нѣсколькихъ Польскихъ Паповъ и Муромскихъ Русскихъ уговаривать къ сдачѣ осажденныхъ, но Басмановъ не хотѣлъ вступать въ дальнѣйшіе переговоры и приказалъ спрѣлать по посланнымъ.

Видя его упорство, Самозванецъ приступилъ къ формальной осадѣ, хопя не имѣлъ при себѣ достапочнаго снаряда для сего предпріятія. Спали копать траншеи и плестъ шуры, за конми выславили 8 небольшихъ полевыхъ пушекъ и 6 фалконетовъ. Поляки, подъ покровительствомъ

почти ничтожной пальбы изъ сихъ бапарей, вздумали 14 числа итти на приступъ. Гусары ихъ * подступили къ замку и охотники изъ нихъ слезши съ лошадей, двукратно бросались къ стѣнѣ. Осажденные опспрѣливались такъ удачно, что непріятель оба раза былъ опраженъ съ урономъ. Не смѣя болѣе дѣйствовать опкрыто, Поляки подѣлали деревянные срубы, копорые поспавя на сани, въ ночи съ 17 на 18, двинули къ замку, а сами тихо шли позади, заслоняясь, оными. За гусарами слѣдовали еще 500 человекъ съ соломою и хвороспомъ, чемъ должны они были завалишь ровъ замка, и попомъ поджечь сн припасы въ надеждѣ пожаромъ одолѣшь осажденныхъ. Такимъ образомъ Поляки безвредно подошли ко рву, но шупъ встрѣпили споль мужеспвенное сопропивленіе со спороны вѣрныхъ воиновъ, Басмановымъ одушевленныхъ, что предпріятіе ихъ не имѣло успѣха. Тщепно въ ярости своей продолжали они штурмъ во всю ночь. Рѣшишельно опбишые, они вынуждены были наконецъ опспустишь съ немалою поперею.

Неудача сія, повергла Лжедимишрїя въ чрезмѣрную горестъ. Сопропивленіе ничтожной крѣ-

* *Примѣчаніе.* Польская конница была двухъ родовъ: *Гусары* назывались латники или нынѣшніе кирасіры, а легкая конница означалась подъ именемъ *Пятигорцевъ*.

поспи, каковою былъ Новгородъ-Сѣверской, казалось ему разрушеніемъ всѣхъ мечтаній его. Въ порывѣ досады своей, онъ укорялъ Поляковъ, и говорилъ, что не находилъ въ нихъ ожидаемаго имъ удалства. Обидившіеся Поляки ошвѣчали, что штурмовать городъ, не сдѣлавши прежде пролома въ стѣнѣ, было дѣломъ сумазброднымъ. Обоюдныя неудовольствія возрасли до такой степени, что шляхта хотѣла уже возвратиться въ Польшу. Къ счастью разсприги, чрезвычайно благоприятныя для него извѣстія, полученныя имъ въ то самое время, когда онъ самъ началъ предаваться опчаянію, ободрили всѣхъ приверженцевъ его и побудили ихъ не оставлять начатаго предпріятія.

Пламень бунта быстро распространялся по всей полуденной Россіи. Самозванцевы лазутчики, коимъ способствовала очевидная склонность къ нему прѣспанаго народа, проникали по всюду и раз- Хропографы. ствляли манифеспы его, въ коихъ онъ оглашая себя Царевичемъ Димитріемъ, чудеснымъ промысломъ Всевышняго спасеннымъ отъ удара, изгопьяемаго ему Годуновымъ, напоминалъ присягу, данную отцу его Царю Іоанну, и увѣщевалъ всѣхъ опспашъ отъ злота Бориса и покориться его законной власти. Чернь съ умиленіемъ слушала сіи манифеспы и съ радостію опспазывалась отъ

Никоповская
Летопись и
Гревесбрухъ.

Дневникъ
Маршъ.

послушанія ненависнаго ей Бориса. Одни чиновные люди сохраняли еще нѣкошорую приспосылность. Правда многіе изъ нихъ, выданные Самозванцу, служили уже ему, но вину ихъ можно еще было приписать спраху и принужденію. Первымъ добровольнымъ измѣнникомъ оказался одинъ изъ попомковъ Рюриковыхъ, Князь Василій Михайловичъ, Мосальскій-Рубецъ. Начальствуя во впорыхъ въ Пушывль, онъ вмѣсто того, чшобы обуздывашь жипслей и вонновъ, самъ возмушилъ ихъ, связалъ главнаго начальника Окольнічаго Михайлу Михайловича Салпыкова и присягнулъ разспригъ со всѣми людьми своими, кромъ 200 Московскихъ спрѣльцевъ, пребывшихъ вѣрными, копорыхъ обезоружили, а голову и сопшиковъ ихъ послали къ Самозванцу. Пушывль, многолудный и обнесенный каменною оградю, (чшо означало важность мѣста, попому чшо тогдашнія укрѣпленія городовъ Россійскихъ были почти вездъ деревянныя), считался главнымъ городомъ въ Сѣверской землѣ. Молва о покореніи онаго Самозванцу разнеслась съ пенмовѣрною скоросшію, и подала поводъ къ новымъ измѣнамъ. Пагубному примѣру послѣдовали Рыльскъ, Сѣвскъ, Комарицкая волость, Борисъ-городъ, Бѣлгородъ, Осколь, Валуйки, Курскъ, Кромы, Ливны, Елецъ и Воронежъ, такъ чшо въ Южной полость Россіи, на просяженіи 600 верешъ ошъ

Запада къ Воспоку, всѣ признавали разспригу за законнаго своего Государя.

Обрадованный симъ неожиданнымъ успѣхомъ, Самозванецъ приложилъ новыя спаранія къ овладѣнію Новгородомъ-Сѣверскимъ. По повелѣнію его привезли изъ Пупивля пяць орудій осадныхъ и 8 полевыхъ, кои 1-го Декабря открыли огонь по замку. Почши цѣлую недѣлю, спрѣльба сія продолжалась непрерывно денно и ночью. Деревянные стѣны замка часно были пробиваемы, но Басмановъ не унывалъ, хопя въ одинъ день выбѣжало опъ него 80 человекъ, и хопя собранное подъ Брянскомъ Царское войско ничего не предпринимало для его избавленія. Начальникъ сего войска, Князь Димитрій Шуйскій, въ извиненіе своего бездѣйствія писалъ въ Москву, что ненадежно сразилъсѣ съ Лжедимитріемъ безъ важнаго надъ нимъ превосходства силъ, и что попому онъ въ необходимости просилъ подкрѣпленія.

Борисъ и дьячки Марьяны.

Пиконовская Лытошсь.

Опложеніе обширныхъ областей, робость высланнаго противъ враговъ войска и болѣе всего непояшное ослѣпленіе народа, вездѣ и даже въ самой Москвѣ оказывающаго несомнѣнную склонность къ Самозванцу наконецъ убѣдили Бориса въ дѣйствительности угрожающей ему бѣды. Видя неуспѣшность дальнѣйшаго выказыванія прищворной самонадѣянности, онъ рѣшился употребить

на уничтоженіе злодѣя всѣ еще весьма сильныя средства, коими могъ располагать самодержецъ Россійскій. Князь Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславской получилъ приказаніе собрать новое войско въ Калугѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружено общее земское ополченіе, отъ коего не избавлялись даже имѣнія духовенства, какъ и прочія, по мѣрѣ владѣемой земли. Сими ратными приговорами не ограничилось правительство. Царь и Патриархъ во всѣхъ храмахъ и на всѣхъ шоргахъ приказывали провозглашать церковное проклятіе надъ Опрельевымъ, какъ надъ злымъ ерешикомъ, шцившимся похищать Царство Московское, испребишь православную Христіанскую вѣру и ввести проклятую Папешскую. Въ Москвѣ Князь Василій Ивановичъ Шуйскій на лобномъ мѣстѣ торжественно увѣрялъ народъ, что будучи главнымъ лицомъ свѣдѣтельнаго наряда о убіеніи Димитрія, онъ самъ хоронилъ его тѣло, и пошому лучше всѣхъ можетъ свидѣтельствовать, что дѣйствительно въ Угличѣ убилъ былъ никто иной, какъ самъ Царевичъ. Но рѣчи сіи и подобныя Патриарха и другихъ Бояръ дѣлали мало впечатлѣнія надъ предубѣжденными слушателями, копорые промежъ себя шолковали, что шакъ говорили имъ по наученію Бориса, копорому нечего иного и дѣлать было, какъ скрывать истинну.

Хронографы
и грамоты
Патриарха къ
Сольвычегод-
скому Архи-
мандриту.

Царь среди всѣхъ окружающихъ его опасностей, сохранялъ еще присвойную величавость въ отношеніи иноспранныхъ державъ. Карлъ IX Король Шведской, естественный врагъ Польши, вызвался прислать ему вспомогательное войско, но Борисъ отвѣчалъ, что Россія при Царѣ Иоаннѣ въ одно время воевавшая съ Турками, Татарами, Поляками и Шведами, сама управившаяся съ своимъ зломъ. Впрочемъ Царь самъ не желая помощи опъ иноспранцевъ, также искалъ опнять оную и у Самозванца. Въ семъ намѣреніи онъ послалъ къ Королю Сигизмунду дворянина Огарева съ грамотою, въ коей описывая все происхожденіе Оп-репьева, доказывалъ его самозванство прибавляя что если бы даже и дѣйствительно онъ былъ Димитріемъ, то и нуть не имѣлъ бы ни какого права на престоль, ибо Царевичъ, рожденный опъ седьмого брака, церковью не признаваемого, не могъ почитаться законнымъ наследникомъ. Огаревъ имѣлъ порученіе жаловаться на помощь, даваемую Поляками распригъ, на побужденіе Татаръ про-шійеъ Россіи, на возмущеніе Козаковъ Липвиномъ Свирскимъ и на занятіе Княземъ Вишневецкимъ, вопреки перемирія, городища Прилуки, который Россія считала своею собственностію. Въ заклю-ченіе, онъ долженъ былъ требовашь рѣшительнаго опвѣна: чего желаетъ Польша, войны или

Парушевичъ
и отвѣты Си-
гизмундо-
выхъ пословъ
въ 1608 году.

мира съ Россією? Вспрѣвоженный сею наспойчивостію, Сигизмундъ прибѣгнулъ къ лицемѣрнымъ увѣреніямъ, что хочеть свято наблюдать перемиріе, и что если нѣкоторыя Поляки, во зло употребляя дарованныя имъ законами вольности, въ чемъ либо нарушили поспановленія сего перемирія, то будутъ строго наказаны.

Дѣла Польскія.

Духовенство Россійское съ своей стороны, всячески, старалось предостеречь оупъ обмана духовенства Польское. Паппіархъ, Митрополипъ и всѣ Архіепископы и Епископы, послали къ оному гонца Бунакова съ грамопою, гдѣ всѣ они священнымъ словомъ своимъ, изобличали Опрепьева въ самозванствѣ. Кромѣ того Паппіархъ послалъ оупъ себя въ Кіевъ гонца Пальчикова съ письмомъ къ Князю Оспрожскому, коего онъ увѣщевалъ, приказать поймать разспригу и прислать его въ Москву. Но совершившіяся событія упредили оупъшы на оба сіи посланія. Учаспъ государства уже зависѣла оупъ успѣха войны.

Князь Мспиславскій, собравъ на скоро нѣсколько войска въ Калугѣ, повелъ оное въ Брянскъ на соединеніе съ войскомъ Князя Димитрія Шуйскаго; совокупныя силы сіи соспавили сороко-пысячное ополченіе, раздѣленное на пять полковъ. Мспиславскій принялъ главное начальство, имѣя при себѣ во впорыхъ въ большомъ полку Князя Ан-

дрея Андреевича Теляшевскаго; въ другихъ полкахъ начальствовали: въ правой рукѣ Князь Димитрій Ивановичъ Шуйскій и Князь Михайло Осодоровичъ Кашинъ; въ лѣвой рукѣ Василій Петровичъ Морозовъ и Князь Лука Осиповичъ Щербатовъ; въ передовомъ Князь Василій Васильевичъ Голицынъ и Михайло Глѣбовичъ Салпыковъ; наконецъ въ спорожевомъ Иванъ Ивановичъ Годуновъ и Князь Михайло Самсоновичъ Туренинъ. Мспиславскій выступилъ немедленно на выручку Новгорода-Сѣверскаго, и на пути, достигнувъ Трубчевска, писалъ воеводѣ Сендомирскому пребуя, чтобы онъ немедленно оставилъ Самозванца и вышелъ съ Поляками своими изъ Россіи, не имѣющей брани съ Польшею. Но Миншкскъ не отвѣчалъ, ибо еще надѣялся на счастье нареченнаго зятя своего.

Дѣла Польскія.

18-го Декабря Россійское войско достигло рѣки Узруя, въ восьми верстахъ отъ Новгорода-Сѣверска, и переправилось чрезъ сію рѣку не смотря на сопротивленіе Самозванцевой передовой спражи, которая вынужденною нашлась опустить до его лагеря.

Хопя Акедимитрій и былъ уже подкрѣпленъ прибытіемъ изъ Польши послѣднихъ шамъ образующихся шляхетскихъ ропъ, и вступленіемъ къ нему въ службу многихъ бродягъ Сѣверскихъ, однако со всѣмъ тѣмъ нельзя полагать, чтобы онъ

имѣлъ при себѣ болѣе 15,000 человекъ, изъ коихъ прешья часть Поляковъ, и слѣдственно силы его казались весьма недоспапочными, чпобы пропивнпсья наступающему на него сорокоптысячному непріятелю. Но онъ хорошо постигъ, что опъ одной слѣпой опваги долженъ былъ ожидать удачи въ чудномъ предпріятіи своемъ, и попому вознамѣрился, не смотря на чрезвычайное неравенство силъ, вступишь въ сраженіе, надѣясь впрочемъ, что измѣна поддавшихся ему городовъ будетъ имѣть вліяніе и на самихъ воиновъ Мспиславскаго, и что они не охотно подымутъ оружіе пропивъ того, копораго обширная часть Россіи признавала уже за истиннаго Государя своего.

Въ слѣдствіе сей рѣшимости 20-го Декабря онъ вывелъ войско свое изъ лагеря на обширную равнину, гдѣ стоялъ Мспиславскій. День проведенъ въ маловажныхъ спычкахъ и бесполезныхъ переговорахъ. Только Басмановъ частыми вылазками превожнялъ пылъ Самозванца, копорый для удержанія его вынужденъ былъ опрядить нѣсколько сотъ Козаковъ.

Мспиславскій 21-го числа подступилъ къ непріятельскому лагерю. Лжедимитрій опяшь смѣло вышелъ ему на встрѣчу и готовясь къ бою, почель нужнымъ воспламенишь усердіе своихъ спо-

Рукопись
Ворша.

движниковъ, плодовишою рѣчью, въ коей дерзаль Пасрле. призывашь Царя Бориса къ суду Божію. Хотя измѣны, на копорую считалъ Самозванецъ, и не оказалось, однако недоумѣніе разливалось въ рядахъ Царскихъ воиновъ и приводило ихъ въ такое оцѣпеніе, что сраженіе продолжалось не долго. Правда Москвитяне опразили первое нападеніе Польской конницы, но сія искра храбрости скоро угасла. Правое Царское крыло не выдержало новаго написка свѣжихъ Польскихъ хоругвей и опрокинулась на Большой полкъ; сей также дрогнулъ, не смотря на благородныя усилія главнаго вождя, Князя Мстиславскаго, копорый не щадилъ себя, и ошягченный многими ранами, палъ съ коня; подоспѣвшая къ нему на помощь дружина спрѣльцовъ едва успѣла спасти его опть пльва. Въ шже время, Польская пѣхопа выписнула другихъ Царскихъ спрѣльцовъ изъ занимаемой ими лоцины. По свидѣтельству очевидца, казалось, что у Россіанъ не было рукъ для стьги, и Лжедмитрій вѣроятно одержалъ бы побѣду совершенную, если бы въ рѣшишельную минушу пустилъ въ дѣло запасныя войска свои, но по неопытности онъ не сдѣлалъ сего, и такимъ образомъ далъ возможность Царскимъ воеводамъ, послѣ двухъ или шрехъ-часнаго боя, ошсшупишь хотя не безъ урона, но по крайней мѣрѣ съ сохранені-

Борисъ и
Маржереть.

*

Дневникъ
Минька и
Боршъ.

емъ соспава войска. Самозванецъ преслѣдовалъ ихъ на пространствѣ девяти верстъ. Сіе постыдное дѣло стоило Русскимъ до 4,000 человекъ убитыхъ; Поляковъ пало только 120.

Впрочемъ одержанная Самозванцемъ побѣда ни сколько не была рѣшительною, а полууспѣха не достапочно было, чтобы улучшить его положеніе. Царская армія отошла не далеко, и основалась въ четырнадцать верстахъ отъ мѣста сраженія въ лѣсу, гдѣ прикрылась окопами и засѣками. Лжедмитрій не смѣлъ, пакъ сказавъ подъ ея глазами, продолжавъ осаду Новгорода-Сѣверска, не смотря на ожидаемое имъ сильное подкрѣпленіе. Старые товарищи его, Запорожцы, привлеченные надеждою богатой добычи, шли къ нему на помощь въ числѣ 12,000 человекъ, изъ коихъ 4,000 пѣшихъ прибыли въ станъ его на другой день сраженія. Прочіе 8,000 конныхъ, съ 14 пушками, также находились уже въ близкомъ разстояніи. Но если пакимъ образомъ, число разспригна войска значительно увеличивалось, съ другой стороны напоящая сила онаго, ослабѣвала, потому что Поляки, составлявшіе лучшую его дружину, отказывались долѣе служить ему. Иноземцы сіи, изъ одной корысти принявшіе его сторону, роптали на предпоящіе имъ труды и неотступно прѣбовали обѣщаннаго имъ жало-

ванья. Лжедимитріева казна не достапочно была для удовлетворенія ихъ. Въ сихъ прудныхъ обспояшельстввахъ, Самозванецъ рѣшился дасть опдохновеніе войску своему на зимнихъ кварпирахъ, въ изобильной съѣспными припасами Комарицкой волоспи. Въ семь намѣреніи, 2-го Января 1605 года, онъ оставилъ Новгородъ-Сѣверскій и переправясь черезъ Десну, направился на Сѣвскъ.

Между тѣмъ неудовольствіе Поляковъ возраспало ежедневно, и уже на впоромъ переходѣ опъ Новгорода-Сѣверска они оказывали мало охотпы углубляться далѣе въ Россію. Тогда поварищи хоругви Пана Фредро, кричавпіе болѣе всѣхъ прочихъ, велѣли тайно сказаць Самозванцу, чпо если опъ однимъ имъ дастъ жалованье, по они оспанушеся въ его службѣ, а чпо глядя на нихъ и другія хоругви не покинутъ его. Разсприга къ несчастію своему повѣрилъ имъ, но хотпя раздача имъ денегъ была сдѣлана не гласно и въ ночное время, другія хоругви узнали объ оной, и тогда возмущеніе сдѣалось всеобщимъ. Напрасно Самозванецъ скакалъ изъ хоругви въ хоругвь, увѣщевая недовольныхъ повременишь еще возвращеніемъ въ Польшу. Его не слушали и буйспво дошло до такой спепенн, чпо Поляки сорвали съ него собою шубу и чпо одинъ изъ нихъ осмѣлился да же сказаць ему: *Ей, ей быть тебѣ на столбѣ.*

Разгнѣванный Лжедимитрій наказалъ его пощечною, но шубу свою не иначе получилъ обратно, какъ послѣ того, когда Русскіе его приверженцы выкупили оную за 300 злотыхъ (шоже нынѣшнихъ серебряныхъ рублей). Бунтъ окончился шѣмъ, что старый Мнишекъ, который былъ тогда болѣнъ, вынужденнымъ нашелся обѣщать самъ вестъ обратно въ Польшу соопечественниковъ своихъ. Такимъ образомъ большая часть Шляхы 4 Января оставила Лжедимитрія и направилась мимо Пущивля на Пыряшинъ. При Самозванцѣ осталось всего на всего не болѣе 1,500 Поляковъ. Мало утѣшенный прибытіемъ остальныхъ Запорожцевъ, онъ засѣлъ въ Чемлинскомъ острогѣ, откуда потомъ перешелъ въ Сѣвскъ.

Разряды
1605 года.

Царскіе воеводы столь поражены были претерпѣнною ими неудачою подѣ Новгородомъ - Сѣверскимъ, что отъ стыда даже не смѣли донестъ Борису о происшедшемъ. Когда же Самозванецъ снялъ осаду Новгорода - Сѣверска, то они сами спустились къ Стародубу. Царь, извѣщенный спорной о подробностяхъ несчастной битвы, въ справедливомъ гнѣвѣ своемъ, послалъ чашника Вельяминова - Зернова, укорять Князя Димитрія Шуйскаго и товарищей его въ непроспительномъ молчаніи. Но вмѣстѣ съ шѣмъ Борисъ почелъ благоразумнымъ не умножать унынія въ рашныхъ

людяхъ, и для того не только удержался отъ заслуженныхъ ими упрековъ, но даже припворяясь, будто неизвѣстенъ о малодушныхъ ихъ дѣйствіяхъ, поручилъ Вельяминову сказать милоспвное слово всему войску и засвидѣтельствовать признательность свою почтенному Князю Мстиславскому, для излѣченія коего послалъ изъ Москвы докшора и аптекаря.

Храбрые защитники Новгорода-Сѣверска также не оспались безъ награжденія. Князь Трубецкой и Басмановъ, призванные въ Москву были весьма чешими, а въ особенностяхи Басмановъ, которому Царь изъ своихъ рукъ далъ золотое блюдо, въсомъ въ 6 фунтовъ, насыпанное червонцами и сверхъ того 2,000 рублей (6,666 нынѣшнихъ серебряныхъ) и много серебра изъ Царской казны. Но первѣйшимъ занятіемъ Царя было пославить военныя силы свои въ такое положеніе, чпобы успѣхъ былъ несомнѣннымъ. Для сего, онъ отправилъ еще подкрѣпленія къ главному войску, а вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ Осдору Ивановичу Шеремешеву собирать новый запасный корпусъ въ окрестностяхъ Кромъ. Мѣры сіи казались достаточными, но Борисъ безпокоился мыслию, что до выздоровленія Князя Мстиславскаго верховное начальство въ главномъ войскѣ находилось въ рукахъ Князя Дмитрія Шуйскаго, уже на оныѣ

Беръ и Никоновская
Лѣтопись.

Разряды
1605 года.

оказавшаго свою ничпожностъ. Впрочемъ Царь не хотѣлъ обидить вельможу сего, кошорый былъ ему сволюкомъ, и попому рѣшилса назначить спаршаго брапа его роднаго, Князя Василю Ивановича, прибыльнымъ восводою въ большомъ полку, что давало ему въ войскѣ первое мѣсто послѣ Мепиславскаго.

Боршь и
Маржереть.

Князь Василю Ивановичъ, въ сопровожденіи многихъ спольниковъ и спряпчихъ, опсправился изъ Москвы и нашель войско близъ Стародуба. Хопя оное уже проспиралось до 70,000 человекъ, однако восводы не только ничего не предпринимали, но даже какъ бы сами скрывались среди лѣсовъ. Новый вождь объявилъ имъ волю Царскую, немедленно ипши на непріятеля, и всѣ двинулись къ Сѣвску. Узнавъ о приближеніи ихъ, Ажедимитрій совѣповался съ Польскими и Козацкими спарщинами. Поляки предспавляли, что шакъ какъ было еще болѣе несоразмѣрности въ силахъ, чѣмъ подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ *, по

* *Примчаніе.* Отрепьевъ не имѣлъ при себѣ болве 23,000 человекъ подъ ружьемъ. Н. М. Карамзинъ даетъ ему только 15,000, но онъ основываетъ сей расчетъ на показаніяхъ Бера и Пасрле, которые очевидно вездѣ увеличиваютъ число Царскихъ войскъ и убавляютъ таковое жъ Самозванцевыхъ. Достоверно то, что въ Сѣвскѣ было при Ажедимитрій 12,000 Запорожцевъ и 1,500 Поляковъ, какъ показываетъ очевидецъ, служившій тогда въ числѣ Польскихъ Полковниковъ, Панъ Боршь. Кроме того другой

казалось благоразумнѣе уклоняться опъ споль неравнаго боя, и сколь возможно медлишь дѣйствіями въ ожиданіи удобнѣйшаго случая. Но Запорожскіе Ашаманъ и Полковники были пропивнонаго мнѣнія, и предлагали смѣло итти на встрѣчу Царскимъ воинамъ, въ надеждѣ смушнись ихъ самою опвагою предпріяшя. Такъ какъ Запорожцы соспавляли значнѣйшую часпъ войска Лжедимишрїя, шо онъ почель необходимымъ послушались ихъ, къ чему еще былъ побуждаемъ воспоминаніемъ Новгородъ-Сѣверской удачи.

Въ слѣдствіе сего Самозванецъ двинулся 20-го Января изъ Сѣвска вдоль лѣваго берега рѣки Сѣвы, и подъ вечеръ встрѣшилъ Царское войско, пѣсно расположенное въ селѣ Добрунѣ. Разсприга, хопя рѣшившійся на бой, искалъ однако нападеніемъ въ располхъ нѣсколько вознаградишь неравенспво силъ; въ селѣ намѣреніи онъ приказалъ преданнымъ ему Добрунскимъ жипелямъ ночью зажечь село, а самъ готовился внезапно ударишь на разспроенныя превогою Царскія войска. Но Борисо-

очевидецъ, Маржереть, пишеть, что разсприга въ бытность свою въ Комарицкой волости собралъ, сколько могъ Русскихъ воиновъ, и присоединилъ къ нимъ довольно земледѣльцевъ, коихъ пріучилъ владѣть оружіемъ. Не безъ вѣроятія полагать можно, что опъ имѣлъ въ сборѣ до 10,000 Русскихъ воиновъ.

вы восводы оспереглись , и зажигатели не могли совершитъ своего предпріятія.

Оспавалось сразитъся въ открышомъ полѣ. На разсвѣтъ 21-го Января Царская конница выступила по обѣимъ споронамъ селенія, сильно занятаго пѣхопою: Князь Мспиславскій, можетъ быть не совершенно еще изцѣлившійся отъ полученныхъ ранъ, но не желавшій уступить одному Князю Василью Шуйскому честь побѣды, довольно вѣролпвной, сѣлъ на коня и распоряжалъ войскомъ. Лжедимитрій съ своей спороны предполагая нанесъ главные удары правому крылу Царскаго войска, самъ съ палашемъ въ рукахъ повелъ на оное Польскія хоругви и свои Русскія дружины. Вътѣтъ съ пѣмъ онъ опрядилъ конныхъ Запорожцевъ въ право, для удержанія лѣваго Царскаго крыла, а пѣшимъ Запорожцамъ приказалъ съ тяжелыми орудіями оспановитъся за горою, въ нѣкоторомъ разстояніи позади дѣйствующихъ войскъ, коимъ они должны были служитъ резервомъ; распоряженія довольно замѣчательныя, открывающія замысловатое намѣреніе, въ случаѣ успѣха отброситъ Царское войско на рѣку Сѣву. Разсприга, съ обыкновенною своею словоохотливостію, говорилъ войску рѣчь почти одинаковаго содержанія съ произнесенною имъ подъ Новгородомъ

домъ - Сѣверскимъ , но не всегда нечестивая наглость оспаешся безъ заслуженнаго наказанія.

Послѣ небольшой спычки между передовыми опрядами, ошкрылась пушечная пальба, въ слѣдъ за коей Самозванецъ приказалъ Полякамъ спуспишься въ лоциму, прикрывающую правое Царское крыло, и спарашься опрѣзать оное опъ селенія, Боршь, въ ценсрѣ находящагося. Семь Польскихъ хоругвей, подѣ предводипельспвомъ Гепмана Дворжицкаго *, выпспроились въ одинъ рядъ и бросились впередъ спремглавъ, будучи поддерживаемы послѣднею осьмою хоругвю Польскихъ гусаръ и всею Русскою конницею, копорой приказано было надѣшь свержъ лапъ бѣлыя рубахи, для различія опъ Пасрлс. Царскихъ всадниковъ. Князь Мспиславскій, не выждавъ нападенія, самъ двинулъ на вспрѣчу неприя- Маржереть и Боршь. шелю правое крыло свое, въ головѣ косяго находились двѣ дружины иноземцевъ, подѣ начальспвомъ Лифляндца Фонъ Розена и Француза Маржереша. Поляки неслись съ шакою ярспію, что иноземцы послѣ кратковременнаго спрошивленія были опрокинушы, а глядя на нихъ и вся Царская конница праваго крыла обрапилась въ бѣгспво. Тогда Дворжицкой, повернувъ въ право, направилъ

Примѣчаніе. Послѣ отъезда Мнишка, Дворжицкой былъ назначенъ главнымъ начальникомъ оставшихся при Отрепьевѣ Польскихъ войскъ.

на селеніе, занимаемое Царскою пѣхошою, которая допустивъ непріятеля на весьма близкое разстояніе, сдѣлала по немъ залпъ изъ 10 или 12 тысячъ ружей. Спрѣльба сія хошъ не довольно мѣшкая, чптобы много вредить Полякамъ, привела однако ихъ въ большое замѣшательство, которое обратилось въ совершенное разстройство, когда одинъ изъ соотечественниковъ ихъ прискакалъ съ извѣстіемъ, что конные Запорожцы, вспревоженные прескомъ и дымомъ ружейной палбы, оставили мѣсто сраженія и не бывъ ни кѣмъ пѣснымы, опроремъ побѣжали по Рылской дорогѣ. Смущенная сею неожиданною робостію Днѣпровскихъ удалцевъ, конница Польская и Русскихъ злодѣевъ также обратила пылъ и понеслась въ слѣдъ за Козаками, оставивъ на жерщву Запорожскую пѣхошу, которая немедленно была окружена и совершенно истреблена, послѣ мужественнаго сопротивленія. Бѣглецы безоглядно промчались до города Рылска, находящагося въ 80-ти верстахъ отъ мѣста сраженія. Ихъ преслѣдовалъ шеститысячный отрядъ Царской конницы, но только на проспранствѣ 8 верстъ. Впрочемъ блистательная побѣда сія стоила не дорого; уронъ Царскаго войска состоялъ только изъ 500 Россіянъ и 25 иностранцевъ. Непріятель потерялъ 15 знаменъ и шпандаршовъ, 13 орудій и

Петрей.

до 6,000 человекъ убитыми, кромѣ попавшихся въ плѣнъ. Самъ Лжедмитрій находился въ величайшей опасности. Раненый въ ногу конь его уже отказывался нести его; спасеніемъ своимъ онъ былъ одоленъ Князю Ташеву, который выпроводилъ его до Рыльска.

Никоновская
Летопись.

Запорожскіе Козаки также искали убѣжища въ Рыльскѣ, но тамошніе жители, упрямая ихъ Беръ въ измѣнѣ Димитрію и въ шрусости, не только не согласились впустить ихъ къ себѣ, но даже спрѣляли по нимъ. Не лучше имъ сдѣланъ былъ пріемъ и въ Путивль, почему и рѣшились они оставить Россійскіе предѣлы и возвратиться въ Запорожье.

Царскіе воеводы отправили къ Борису съ донесеніемъ объ одержанной побѣдѣ Чашника Михайлу Борисовича Шенна, и также послали въ Москву плѣнныхъ Поляковъ и Запорожцевъ. Русскіе же измѣнники, попавшіеся въ плѣнъ, были повѣшаны передъ войскомъ.

Никоновская
Летопись.

Маржереть.

Самозванецъ отдохнувъ два дня въ Рыльскѣ перѣхалъ въ Путивль. Не смотря на легкомысленную его самонадѣянность, положеніе, въ которомъ онъ находился, казалось ему самому опчаяннымъ. Послѣ претерпѣннаго пораженія, оспавались при немъ только горсть людей, съ коими не лзя было ему надѣяться еще продолжать вой-

Боршь.

ну. Правда Сѣверскій народъ не ошспавалъ опъ него и гошовъ былъ еще служипъ ему, но за недоспапкомъ денегъ , новые набранцы оспавались бы безъ оружія и безъ пропипанія. Въ сей крайности , Отрепьевъ замышлялъ уже отказавшись опъ предпріяпія неудачнаго, тайно уйпи въ Польшу. Но Русскіе приверженцы его не позволили ему исполнить сего намѣренія. Учаспъ Добруньскихъ плѣнниковъ показывала имъ, что нельзя было имъ ожидать пощады опъ Бориса, и они рѣшились до конца опшыскивать успѣха, хопя почти вовсе немовѣрнаго, но въ коемъ находили для себя единспвенный залогъ безнаказанности. Они объявили Лжедимитрію, что не выпускашь его изъ Пущивля, и что ему предспоипъ пипъ одинакую чашу съ ними и спастись или погибнуть всемъ вмѣстѣ. Даже грозили ему, если опъ не ободрился, выдать его Царю и шѣмъ еще попытаться выслужипъ себя помилованіе. Разсприга, такимъ образомъ вынужденный продолжашъ свое самозванство, снова ревностно принялся за дѣло. Первымъ спараніемъ его было удержашъ при себѣ оспатки разбиааго войска. Поляки гошпвипсь уже разойпипсь по домамъ. Онъ уговорилъ большую часть изъ нихъ еще не покидашь его, и такъ какъ они въ несчастной бывѣв переломали или побросали все копьа, то онъ приказалъ имъ

Хронографы
и отвѣты
Польскихъ
Пословъ въ
1606 году.

сдѣлашь новыя. Между шѣмъ онъ не упустилъ также изыскивать средствъ къ возобновленію силъ своихъ, какъ извнѣ такъ и вънутри Россіи. Въ семъ намѣреніи, онъ послалъ Князя Ташева просить у Короля Сигизмунда немедленнаго вспоможенія. Для умноженія же числа своихъ приверженцевъ въ Россіи, онъ издалъ новыя манифесны, гдѣ нѣсколько проспераннѣе прежняго рассказывалъ вымышленную исторію свою, но новыхъ доказа- Пасрл. шельствъ въ подлинности оной ни какихъ не предсхавилъ, а ссылаясь, какъ и прежде, на свидѣтельство людей все умершихъ, какъ то, Князя Ивана Мстиславскаго, дьяка Андрея Щелкалова и Липовскаго Канцлера Сапѣгу. Впрочемъ нашлось много людей легковѣрныхъ, которые, слѣпо вѣря идравлящейся имъ баснѣ, спѣшили въ Пупивль, дабы предложить услуги свои тому, кого считали несчастною жертвою власполюбія ненавистнаго имъ Бориса. Въ особенності разсприга упѣшенъ былъ возвращеніемъ къ нему въ Пупивль 4,000 Донскихъ Козаковъ. Неизвѣстно куда они ходили изъ подъ Новгорода - Сѣверска, но достоверно только то, что ихъ не было при Самозванцѣ подъ Добрыничами. Что же касается до посылки Князя Ташева, то она не имѣла успѣха. Король Сигизмундъ, видя худой оборотъ дѣлъ Ошрепьева,

Отвѣты
Польскихъ
Пословъ въ
1606 году.

не хотѣлъ податъ повода Россіи негодовать на Польшу, и отказался принять Ташева.

Разрядныя
книги и Беръ.

Между шѣмъ Шенинъ нашелъ Бориса на богомольѣ въ Троицко-Сергіевомъ Монастырѣ. Извѣстїя, привезенныя имъ, чрезмѣрно обрадовали Царя, кошорый пожаловалъ вѣспника въ Окольнічїи и немедленно послалъ чрезъ любимаго спольника своего, Князя Мезецкаго золошья * воеводамъ и 10,000 рублей (55,555 нынѣшнихъ серебряныхъ) для раздачи войску. Можеть бытъ здравая полишника прѣбовала бы, чшобы при семъ случаѣ Государь обуздалъ строгоспъ, по крайней мѣрѣ прѣждевременную, оказывасмую воеводами надъ Русскими пльными. Должно было предвидѣшь, чшо не минуемымъ слѣдствїемъ оной будешъ опдалишь всякую мысль покорноспи въ сподвижникахъ Самозванца, и принудишь ихъ къ

Примѣчанїе. Присылка золотыхъ сїхъ поселила раздоръ между воеводами. Начальникъ лъвой руки, Василій Петровичъ Морозовъ, не принялъ Царскаго дара потому что второй воевода большаго полка Князь Андрей Андреевичъ Телятевскїй, котораго онъ считалъ моложе себя, получилъ золотой одинаковаго достоинства съ присланнымъ ему. Онъ былъ отозванъ, но на мѣсто его назначенный Замятня-Сабуровъ, также обижался быть только начальникомъ полка лъвой руки, когда Князь Василій Васильевичъ Голыцынъ, коему онъ не уступалъ въ старѣйшинствѣ, начальствовалъ надъ болѣе почетнымъ передовымъ полкомъ.

опчаянному сопротивленію. Но Борисъ былъ зло-
памященъ и жестокосердъ. Въ уполніи давно не-
перпѣливо ожидаемой имъ побѣды, онъ не только
далъ волю воеводамъ, но даже претовалъ опъ нихъ
большей суровости, полагая дѣло уже совершенно
конченнымъ и что оставалось ему только пѣ-
шиться казнями пѣхъ, которые осмѣлились столь
нагло попретовить его спокойствіе.

Житіе Ди-
митрія Царе-
вича, св. Ди-
митрія Рос-
товскаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что все могло бы быть кон-
ченнымъ, если бы воеводы живо воспользовались
пораженіемъ врага, но они дѣйствовали вяло и
какъ будто нехотя. Царское войско подспунило
подъ Рыльскъ на другой день выѣзда Самозванца
изъ сего города. Жители, воспламененные началь-
никами своими, Княземъ Григоріемъ Рощено-Долго-
рукимъ и Яковомъ Зміевымъ, злыми привержен-
цами разсприги, не хотѣли сдаваться. Воеводы
рѣшившись добывать городъ формальною осадю,
приказали плестъ шуры, копать траншеи и спа-
вить башарей, изъ коихъ открыли огонь. Ры-
ляне также сильно опстрѣливались и просили
помощи у Самозванца, который послалъ имъ 500
Поляковъ и 2,000 Русскихъ. Опрядъ сей, поль-
зуясь безпечностію Царскихъ воеводъ, успѣлъ
ночью тайно пробраться въ городъ и значитель-
но усилить упорство осажденныхъ. Наконецъ
Царскіе воеводы, послѣ пятнадцати - дневнаго

Никоновская
Лѣтопись и
Борись.

сполнія, сняли осаду Рыльска и ополедь въ Комарицкую волость, расположились тамъ близъ Рагодепскаго острога, дабы до весны дасть опдохновеніе войску, весьма упомянутому зимнимъ **Маржереть.** походомъ. Оставался еще въ полѣ нѣсколько Шереметевъ, который потчасъ по полученіи имъ извѣстія о Добруньской побѣдѣ, собралъ предводительствуемый имъ запасный корпусъ и съ онымъ обложилъ городъ Кромы, коего жители, послѣдую примѣру Рылянъ, изготовились къ оборонѣ.

Обыватели Комарицкой волости изъясляли большую преданность Самозванцу, когда онъ съ войскомъ своимъ споллъ у нихъ, и сею измѣною безъ сомнѣнія заслужили наказаніе. Но благомыслящее правительствво, исполняя печальный долгъ, — карать преступниковъ, умѣетъ быть строгимъ безъ люлости. Не такъ поспунили Царскіе воеводы. Ожесточенные пререпѣнною ими подъ **Св. Димтрій** Рыльскомъ неудачею, они звѣрски вымѣщали за **Ростовскій,** оную надъ несчастными Комарицкими жителями. **Беръ и Шаер-** Вся волость была немилосердо опустошена; жителей мучили и убивали. Не только крестьянъ, но женъ ихъ и дѣтей вѣшали за ноги на деревьяхъ и потомъ спрѣляли въ нихъ изъ ружей, какъ въ цѣль. Пишутъ, что такимъ образомъ погибло до нѣсколькихъ тысячъ душъ.

Сими неисповествами можетъ быть воеводы желали еще выслужиться у злобнаго Царя. Но Борисъ, горестно удивленный опустошеніемъ войска опть Рыльска, былъ внѣ себя опть досады. Опшоживъ благоразуміе, оказанное имъ послѣ несчастной Новгородъ-Сѣверской битвы, онъ послалъ въ Рагодешской оспрогъ Окольничаго Петра Никипича Шеремешева и думнаго дѣлка Афанася Власьева, объявивъ свой гнѣвъ не только воево-^{Никоновская} дамъ, но и всему войску, оспавляя на ихъ опвѣп-^{Льтопись.} ственности бѣдствія, могущія произойти опть ихъ нерадѣнія, коему обязанъ былъ разсприга своимъ спасеніемъ. Между тѣмъ пребывалъ, чшобы вмѣсто опдохновенія, шли немедленно подъ Кромы на соединеніе съ опрядомъ Шеремешева, и совокупными силами непремѣнно взяли сей городъ. Ослушавъ еще не смѣли, но льтописцы наши замѣчаютъ, что вся рапъ оскорбилась укорнымъ словомъ Царя, и что съ тѣхъ поръ многіе, до полъ вѣрныя, спршася жестокой опалы, спшали помышлять, какъ бы избыть Бориса и поддаться Самозванцу.

Сосредоточеніе всѣхъ силъ Царскихъ подъ Кромами соспавляло ополченіе болѣе чѣмъ во сто тысячъ человекъ, пропивъ усилій коихъ казалось вовсе невозможнымъ успоать ничтожному городу. Но защитники онаго, въ изспуленіи

сшраспей, обыкновенно междоусобными раздорами возжигаемыхъ, и не помышляли о сдачѣ, а готовились къ опчаянному оппору. Впрочемъ, судя по малолюдству ихъ, ошважная рѣшимость сдва ли бы служила имъ спасеніемъ, если бы Самозванецъ не поснѣшилъ прислать къ нимъ на помощь 4,000 Донскихъ Козаковъ и Русскихъ. Въ семъ случаѣ Царскіе воеводы оказали такую же оплошность, какъ подъ Рыльскомъ. вспомогагельный опрядъ, сшпаравшійся ночью пробраться въ Кромьы, былъ замѣченъ когда уже находился подъ спѣнами осажденнаго мѣста, и Царскія войска могли только шѣнить хвостъ испрїятеля, и не воспрелпспвовали ему войти въ городъ.

Огорченные сею неудачею, воеводы рѣшились нещадить городъ, и выставили сильныя батареи изъ пушекъ и мортиръ. Осажденные не робѣли и съ усердіемъ подвергались шрудамъ и опасностямъ, слѣдуя примѣру начальниковъ своихъ, Григорья Акишѣва и Донскаго Ашамана Корелы. Въ особенноти доблестью и испуспвомъ оплнчался Корела, такъ что между современниками онъ прослылъ чародѣемъ. Не надѣясь на деревянную спѣну, составляющую единственное укрьпленіе города, онъ приказалъ обвести оный валомъ со рвомъ, а подъ валомъ подѣлать землянки, гдѣ осажденные находили вѣрное убѣжище отъ навѣсныхъ ударовъ. Сими оборонитель-

ными мѣрами не довольствовались Козаки : они изо-рва, прокопали нѣсколько конпръ-апроштъ, откуда часто выползали и превожли бапарен и траншен осаждающихъ. Когда же Царскія дружины собирались для нанесенія имъ сильнаго удара, то они уходили въ норы свои, куда не смѣли за ними слѣдовать Царскіе войны.

Князь Мстиславскій съ товарищами, спыдъсь наконецъ терять бесполезно людей и время подъ стѣнами маловажнаго города, приступили къ рѣшительному дѣйствію. Подосланные ими войны Никоновская
Льтовись. ночью зажгли деревянную городскую стѣну. Пожаръ сдѣлался ужасный; стѣна сгорѣла, а осажденные, гонимые пламенемъ, покинули городъ и искали убѣжища въ острогѣ. Царскія войска безпрепятственно зашли на валу, такъ что городъ можно было почестъ взятымъ; оставалось только покорить острогъ, гдѣ непріятель за тишеною мѣста не долго бы въ состояніи былъ держаться. По несчастію, одинъ изъ воеводъ, Михайло Глѣбовичъ Салпыковъ, уже выступалъ на позорное поприще измѣны, на коемъ долженъ былъ доставить печальную извѣстность имени своему, и навлечь на себя проклятіе опечества. Безъ приказа главныхъ вождей и безъ совѣта товарищей своихъ, онъ свелъ съ вала застѣвшихъ тамъ воиновъ, и велѣлъ имъ опспупить въ траншен,

какъ говорящъ лѣтописцы *нарова толму окоянному Гришкѣ*. Такимъ образомъ осажденные, по упу-
шеніи пожара, получили возможность вышши изъ
оспрога и снова заняшъ городской валъ.

Узы подчиненности до такой степени нахо-
дились ослабленными въ Царскомъ войскѣ, что
Мстиславскій и Шуйскій, не подумали, или не
посмѣли наказать Салтыкова. Они даже не удали-
ли его отъ себя, и злодѣй сохранилъ важное мѣ-
сто, предоставляющее ему способы замышляшъ
новыя измѣны.

Послѣ сего неудачнаго покушенія, воеводы
не предпринимали болѣе ничего важнаго. Впро-
чемъ нѣсколько времени спустя войско находи-
лось въ такомъ печальномъ состояніи, что не-
справедливо было бы осуждать вождей въ бездѣй-
Хронографъ. ствіи. Необыкновенная суровость поздней зимы
имѣла пагубное вліяніе на здоровье Царскихъ во-
иновъ. Жестокій поносъ свирѣпствовалъ въ нихъ
спанъ и причинилъ большую смертность. Царь
съ свойственною ему заботливостію, прислалъ
Никоновская изъ Москвы нужныя лекарства, коихъ спаситель-
Лѣтопись. ное дѣйствіе прекратило болѣзнь.

Безплодное сполніе Борисовыхъ воеводъ подъ
Кромами умножало въ народѣ недовѣріе къ прави-
тельствству и склонность къ Самозванцу. Даже въ
Москвѣ громко шолковали, что само Провидѣніе

видимо покровишельспвуетъ Димитрію, котораго
одолють не могутъ несмысленныя силы, выславлен-
ныя пропивъ него. Ожесточенный Царь люто
наказывалъ болтливыхъ : многимъ рѣзали языки, Хронографъ.
другихъ даже предавали смерти. Суровость сія
могла воздержать нескромныхъ, но не перемѣняла
расположенія сердець, съ непонятнымъ ослѣпле-
ніемъ влекомыхъ къ Лжедимитрію. Особенно въ
Сѣверской землѣ всѣ единодушно признавали раз-
спригу за истиннаго Царевича. Напрасно Борисъ
пытался еще разъ вразумить памошній народъ.
По повелѣнію его при монаха, знавшіе Опрельва,
когда онъ былъ діаконъ, опправились въ Пу-
шнвалъ съ грамопами опъ Царя и Паптріарха къ Пасрле.
духовенству и обыващеламъ, въ конхъ увѣщевали
схвапиль Самозванца и съ приверженцами его оп-
правишь въ Москву. Иноки, прочитавъ грамопы,
сами съ своей спороны заклинали народъ невѣ-
ришь гнусному обману, и говорили, что Лжедими-
трій никто иной, какъ старый ихъ шовариць
Опрельвъ. Разсприга велѣлъ немедленно поймать
ихъ, и подвергнушь пыткѣ. Двое, которые были
помоложе, выдержали муку, но претій, уже спа-
рнкѣ, оказалъ малодушіе. При самомъ началѣ испя-
занія, онъ обѣщаль повиниться во всемъ, и про-
силъ переговорить съ Самозванцемъ на единѣ.
Разсприга согласился допустить его до себя, и

слѣдствіемъ ихъ свиданія было то, что двое изъ окружающихъ Лжедимирія сановниковъ, оговоренные спарымъ монахомъ, были выданы народу и разспрѣяны на площади, подъ предлогомъ, что вели шайную переписку съ Борисомъ и обѣщали ему оправить Лжедимирія. Доноситель былъ щедро награжденъ, а его непреклонныхъ товарищей заключили въ темницу.

Третій мѣсяць уже протекалъ послѣ Добруньской битвы, а важнаго перевѣса не было ни на той ни на другой сторонѣ. Правда, дѣла Самозванца, оправившагося послѣ спрашнаго пораженія, видимо улучшились, и онъ не утратилъ ни одного изъ передавшихся ему городовъ, но всеѣмъ нѣмъ, онъ не былъ еще въ состояніи снова выступить въ поле и вынужденнымъ находился осаживаться въ Пущинскъ, въ оборонительномъ положеніи. Казалось, что междуусобію суждено было длиться, какъ вдругъ внезапное событіе, произвело несчастный переломъ. Ничто не предвѣщало близкой кончины Царю Борису. Онъ имѣлъ отъ роду только 55 года, былъ бодръ, и здоровье его казалось надежнымъ; хотя онъ съ давнихъ лѣтъ и спрадалъ подагрой, но всеѣмъ извѣстно, что сей недугъ не проливень долготѣлію. Не смотря на то, могла уже готовилась для него. По утру, 15-го Апрѣля, онъ еще зани-

мался дѣлами, попомъ объѣдалъ, но когда вспалъ ^{Никоновскія} изъ-за спола, по вдругъ почувствовалъ сильную ^{Лѣтопись.} немощь. Едва успѣли причастить его и поспричь подъ именемъ Боголѣпа. Послѣ двухъ - часовыхъ спраданій онъ скончался. Скоропоспичная смерть сія, породила разные толки. Многіе полагали, что Царя оправдали Самозванцевы приверженцы; другіе думали, что самъ Борисъ, опчаявался осилѣть Лжедимишрїя, принялъ ядъ. Но можно ли допустить, чшобы Борисъ, нѣжно любившій дѣшей своихъ, рѣшился прекрапитъ жизнь свою, не принявъ никакихъ мѣръ къ ихъ спасенію? Нельзя также не замѣтить, что когда по низверженіи разсприги, всенародно обвиняли его не только въ дѣйствительныхъ, но даже и въ вымышленныхъ злодѣяніяхъ, никогда однако не упрекали смертію Бориса, что не преминули бы сдѣлать, если бы оспавалось малѣйшее сомнѣніе на счетъ соучастія его въ оправленіи Царя. По симъ причинамъ долгъ безпристрастнаго Историка есть держаться разсказу Маржерета, который смерть Бориса приписываетъ апоплексіи.

Память Царя Годунова сохранилась въ народѣ, какъ злоснаго и коварнаго хищника престола. Только въ наше время нѣкоторые писатели стараются оправдать его въ приписываемыхъ ему пресупленіяхъ, намѣкая, что лѣтописцы неспра-

ведливо очернили его въ угодностьъ враждебной Годуновымъ фамиліи Романовыхъ. Но не одни льтописцы наши описываютъ злодѣянія Борисовы. Самые имъ нѣжно чеспимые иноземцы, какъ на примѣръ Беръ, Маржерешъ и другіе одинакимъ образомъ съ Русскими изъясняются объ немъ. Послѣ споль единогласнаго свидѣтельства современниковъ, прошивурѣчилиъ оному двѣсти лѣтъ спустя было бы гоняться за бездоказанною новизною.

Впрочемъ каковъ ни былъ Борисъ, смерть его была бѣдою для Россіи, ибо предвѣщала поржество гнуснаго самозванства. Если Борису, при всей государственнѣйшей опытности его, не удалось сокрушитиъ Лжедимириѣя, то можно ли было ожидать лучшаго успѣха отъ юношеской руки шестнадцатилѣтняго сына и преемника его, Осодора Борисовича? Напрасно новый Царь, прекрасный плѣтомъ и душой, опличался умомъ и познаніями чрезвычайными. Качества сіи не замѣняли зрѣлости и твердости, необходимыхъ правителямъ въ смутное время, для обузданія волнующихся спрасней. Мать Осодорова, вдовствующая Царица Марья Григорьевна, коей предположено руководствоваться любезнаго ей сына, сама споль же мало, какъ и онъ, имѣла навыка въ дѣлахъ.

Однако въ сполницѣ вспуленіе на престолѣ

Льтописецъ
Кубасова.

Феодора совершилось спокойно. Спроншивость умовъ еще воздерживалась невольнымъ уваженіемъ къ установленному правительству, повиноваться коему не легко разучиться. При семъ случаѣ съ большою пользою дѣйствовалъ Папріархъ, искренно преданный дому Годуновыхъ. Примѣру и увѣщаніямъ его ни кто еще не смѣлъ проповѣдаться. Москва присягнула юному Царю, хотя не единодушно, но крайней мѣрѣ, единогласно.

Но утверженіе Феодора на престолѣ зависѣло не столько отъ согласія столицы, сколько отъ покорности войска, собраннаго подъ Кромами. По несчастію Царица и сынъ ея не довѣряли знавшимъ боярамъ, начальствующимъ надъ онымъ, и опасались, чтобы они не вздумали, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, оплодятся отъ независимаго для ихъ гордости повиновенія, къ коему покойный Царь привелъ ихъ единымъ страхомъ своего могущества. Положили опоздать Князя Мстиславскаго и обонхъ Шуйскихъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, что юному Царю необходимо окружить себя совѣтниками мудрыми. На мѣсто Мстиславскаго назначили главнымъ начальникомъ Боярина Князя Михайла Пестровича Капырева-Росновскаго, мужа честнаго, но не дальновиднаго, коему для совѣща и руководства придали, въ качествѣ вполнаго воеводы большаго пол-

Никоновская
Лѣтопись.

ка, Басманова, уже на дѣлѣ оказавшаго себя вождемъ смѣлымъ и вѣрнымъ *. Самое обстоятельство, что Басмановъ не былъ вельможею родовитымъ, казалось залогомъ его преданности въ помѣ предположеніи, что онъ, возмущенъ цѣною неожиданной имъ милости, будетъ всецѣло спараться заслужить оную. При отпускѣ его къ войску Царица и Царь говорили ему, что на него полагаютъ всю надежду свою, и просили его служить имъ, какъ служилъ Царю Борису. Басмановъ обѣщалъ, клялся, что не пощадитъ усилий, дабы направить всѣхъ на путь истинный, и увѣреніями своими успокоилъ царевичаго юношу. Но скорѣ несчастный Осодоръ и горестная мать его должны были испытать, что часто правители ошибаются, полагаясь на непоколебимую признательность выведенныхъ ими временщиковъ.

Съ Каширевымъ и Басмановымъ посланъ былъ также подъ Кромь Митрополитъ Новгородскій Исидоръ, для приведенія къ присягѣ всего войска.

* *Примѣаніе.* Слѣдствіемъ сего назначенія было также перемѣщеніе другихъ воеводъ. Бывшій вторымъ воеводою большаго полка, Князь Телятевскій, принялъ начальство надъ сторожевымъ полкомъ, а командовавшій симъ послѣднимъ, Околыничей Годуновъ, поступилъ въ первыя воеводы передоваго полка вмѣсто Князя Василья Голицына, которому передали, оставшеся за отозваніемъ Князя Дмитрія Шуйскаго празднымъ, начальство надъ полкомъ правой руки.

Они уже не нашли въ спанѣ Мстиславскаго и Шуйскихъ. Опозваніе сихъ первыхъ вельможъ въ Государствѣ было совершено съ такою оскорбительною для нихъ недовѣрчивостію, что предписывая имъ немедленно ѣхать въ Москву, тайли Маржереть. еще отъ нихъ смерть Борису. Войско извѣстилось объ оной только 17 Апрѣля, по прибытіи новыхъ вождей и Митрополита, которые имѣнемъ Осодора обѣщали вѣзмъ богатыя милости по опправленіи сорочинъ Борисовыхъ. Сдѣлалось большое волненіе. Благомыслящихъ людей печалило предчувствіе опасностей, угрожающихъ опечесству; многіе напрошивъ того не скрывали пресупной радости, внушаемой имъ надеждою на Львовскія
Дѣлописи. исполненіе коварныхъ замысловъ. Однако всѣ цѣловали крестъ Осодору, иные искренно, другіе нехотя и единственно отъ того, что не успѣли условиться въ дѣйствіяхъ съ своими единомышленниками.

Шаткое расположеніе умовъ не только въ Государствѣ, но даже въ самомъ войскѣ, не могло укрыться отъ пронизательности Басманова, и погружало его въ глубокую думу. Сей мнимый поборникъ правды, былъ только низкимъ честолюбцемъ. Въ Новгородѣ - Сѣверскомъ онъ вѣренъ былъ не долгу своему, а еще неприкосновенному могуществу Борису. Теперь же предусма-

привая неминуемую гибель для Осодора, онъ не имѣлъ ни какой охоты жертвовать собою для поддержанія колеблющагося престола своихъ благопорицателей. Съ другой стороны онъ съ почтоспїю, безчувствїю свойственной, исчислялъ всѣ выгоды, которыя могъ себѣ доставить посредствомъ измѣны. Передавъ порученное его бдишельности войско тому, въ самозванствѣ коего не сомнѣвался, онъ дѣйствительно налагалъ на главу его Царскій вѣнецъ, и сія столь важная услуга открывала ему надежду, что Самозванецъ его наградишь, какъ бывающъ награждаемы сообщники похищителей чужаго достоянїя, по естѣ съ безвѣрностїю, которой ожидашь не лзя отъ законныхъ владѣтелей. Симъ побужденїемъ могли проинвуоборствовать только правила чести и добросовѣстности, но они были чужды Басманову, и онъ рѣшился обезславить себя на вѣки.

Нѣсколько времени Басмановъ не приступалъ еще къ исполненїю коварнаго намѣренїя своего. Прежде всего ему нужно было, посредствомъ пайныхъ происковъ, уговориться съ пѣми, на общесмысл конхъ онъ полагался. Во всѣхъ сословіяхъ нашлись измѣшники, даже между главными вождями. Неудивительно, что уже осрамившїйся Михайло Глѣбовичъ Салпыковъ вошелъ въ заговоръ; но чего ожидашь не такъ легко было, поже

сдѣлалъ одинъ изъ первѣйшихъ вельможъ въ Государствѣ, Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, и его поспыдному примѣру послѣдовалъ братъ его родной, Князь Иванъ. Сии попомки Димитрія Донскаго и Гедимина, въ безумномъ порывѣ гордоспи, считали большимъ униженіемъ для себя повиноваться роду Годуновыхъ, чѣмъ лобызать руку бродяги, кошорый по крайней мѣрѣ господство свое основывалъ на высокомъ имени. Къ симъ знашнымъ крамольникамъ приспали дѣши боярскіе городовъ: Рязани, Тулы, Каширы и Алексина, гдѣ по смерти Борисовой уже признавали за Государя мнимаго Димитрія. Еще начальники заговора шревожились мыслию, что при войскѣ находился чепырехтысячный опрядъ иноземцевъ, по большей часпи Нѣмцевъ, которые будучи облагодѣшельствованы Царемъ Борисомъ, казались должны были спояшь за его сына. Но иноземцы, служба единспвенно изъ личной выгоды, легко забываютъ долгъ свой, когда опъ измѣны могутъ ожидать болѣе пользы, чѣмъ опъ вѣрности. Убѣжденные въ сей испиннѣ Басмановъ и Голицынъ рѣшились въ тайной бесѣдѣ съ начальникомъ иностранцевъ, Лифляндцемъ Фонъ Розеномъ, опкрышь ему свои замыслы и показашъ, что при общемъ расположеніи умовъ въ пользу Самозванца, для Феодора не оспавалось никакой

Пасрлс.

возможности удержаться на престоле, и что ему Розену безумно было бы, гонясь за призракомъ чести, обрекатьъ себя на гибель столь же бесполезную, сколь и неминуемую. Если Розенъ еще нѣсколько колебался, по единственно опть того что думалъ, что воеводы ищутъ только испытать его преданность къ Θεодору; но удостовѣрясь наконецъ въ дѣйствительности намѣренія ихъ предаться Лжедимитрію, онъ поспѣетъ же общаться имъ дѣйствовать съ своею дружиною съ ними заодно.

Между тѣмъ какъ сіи ковы соплсались подъ Кромами, въ Пупинѣ разсприга ждалъ съ нетерпѣніемъ, какія слѣдствія будетъ имѣть смерть Борисова, о коей первое извѣстіе онъ получилъ 27 Апрѣля опть выбѣжавшаго къ нему изъ Царскаго спана дворянина Бахмѣева. Сперва онъ не вѣрилъ столь для него радостному событію, но въ скоромъ времени со всѣхъ споронъ получаема въспніи подтвердили показаніе Бахмѣева. Также приверженцы его доносили ему, что вездѣ низкаго состоянія люди, изъ ненависти къ памяти Борисовой, гнушались повиноваться его сыну и что даже въ спанѣ подъ Кромами многіе не тали своей наклонности опложиться опть Годуновыхъ. Въ сихъ обстоятельствахъ онъ чувствовалъ, что для ускоренія перелома въ свою пользу,

Письмо Славованца къ Мкинку отъ 11 Маѣ 1605.

полезно было бы ему снова выступить въ поле. Но хотя Рапомскій, староста Островскій, и привелъ ему новое подкрѣпленіе изъ Польши, всего на всего было при немъ только 2000 Поляковъ и 10,000 Русскихъ воиновъ. Силы сіи для наспу- Боршгъ. папельныхъ дѣйствій казались недоспапочными Самозванцу, упрасившему послѣ Добруньской неудачи прежнюю самонадѣянность свою. Самъ не смѣя еще выступить изъ Пупивля, онъ рѣшился выдвинуть только по направленію къ Кромамъ отрядъ, состоящій изъ трехъ хоругвій Польскихъ и 3,000 Русскихъ воиновъ, подъ начальствомъ Поляка Запорскаго.

Городъ Кромы лежатъ на лѣвомъ берегу рѣки того жъ имени; на правомъ же берегу находил- Пасрле. ся и главный станъ осаждающихъ войскъ. На противоположной же сторонѣ рѣки стоялъ только отрядъ для наблюденія дорогъ, изъ Пупивля ведущихъ. Гапарская конница, посланная опъ сего отряда для развѣзда, донесла о приближеніи Запорскаго. Сіе извѣстіе произвело въ станѣ нѣкоторое смяшеніе, которымъ Басмановъ не преминулъ воспользоваться для приведенія въ исполненіе своего постыднаго намѣренія. По повелѣнію его, 7 Мая Розень съ иностранною дружиною переправился за рѣку Крому и выступилъ

на обширной равнинѣ , прилегающей къ правому берегу сей рѣки. За нимъ слѣдовали Русскіе полки , уже приготовленные къ измѣнѣ своими начальниками. Когда и они окончили переправу, по Басмановъ явился на мосту , громогласно провозгласилъ Государемъ Царя Димитрія, и обращаясь къ воинамъ, еще не подговореннымъ, звалъ шѣхъ изъ нихъ, копорые желаютъ служить сыну Царя Иоанна, соединиться съ вѣрными его дружинами, уже переправившимися за рѣку. Почти всѣ бросились къ мосту. Напрасно Окольнічій Годуновъ спарался проповѣсть сему спремленію; его схватили и связали. Еще вѣрные своему долгу, просподушный Князь Капыревъ-Росповскій и Князь Теляшевскій, видя малое число оставшихся при нихъ воиновъ, спѣшили отступитъ съ ними до самой Москвы. Жители Кромскіе, съ удивительною твердостью выдержавшіе прехъ - мѣсячную осаду , съ радостью отворили ворота новымъ друзьямъ своимъ.

Послгнувъ на дѣло проповное долгу и чести, Басмановъ дѣйствовалъ смѣло и откровенно; онъ понималъ, что впрядь участь его дѣлалась нераздѣльною съ участію Самозванца, и попому рѣшился предаться ему шѣломъ и душою. Но робкій Голицынъ еще лукавствовалъ. Онъ самъ ве-

Никоновская
Летопись.

лъль связать себя, дабы въ случаѣ неудачи Лжедимитрія, еще можно было бы ему приписать принужденію признаніе его за своего Государя. Но живымъ поспухомъ слышь онъ не успѣлъ обмануть ни попомсво, ни современниковъ, а только подалъ поводъ Басманову опередить себя въ милости у Самозванца.

Первымъ стараніемъ измѣнниковъ было поелать въ Пупивль къ Лжедимитрію съ повинною, опть имени войска и Государства, Князя Ивана Васильевича Голицына съ выборными людьми опть

всѣхъ уѣздовъ. Легко себя вообразить воспоргъ Самозванца. Дополъ назывался только Царевичемъ, Письмо Отрешева къ Минску отъ 14/21-го Мая 1605 года.

онъ не усумнился болѣе принять имя Царя, которое ему давали уже восемьдесятъ тысячъ Русскихъ воиновъ. Милосливо принявъ присланныхъ изъ - подъ Кромъ, онъ послалъ повелѣніе войску ожидать его подъ Орломъ, а самъ выступилъ изъ Пупивля 15-го Мая, съ бывшими при немъ Польскими и Русскими дружинами.

На пупи привѣстествовали его измѣнившіе воеводы, сперва Салтыковъ и Басмановъ, а потомъ Князь Василій Голицынъ и съ нимъ пріехалъ также Шереметевъ,

который, во время осады Кромъ, начальствовалъ въ Орлѣ. Воеводы сіи проводили Самозванца до Орла, гдѣ собранное войско приняло его съ радост-

Отвѣты Польскихъ Пословъ.

ными восклицаніями. Тѣ, кой и несохотно пере-
Никоновская давались разспригѣ, не менѣе прочихъ изъясляли
Лѣтопись. ему свое усердіе, дабы не подвергнуться злой уча-
сти несчастныхъ, доносчиками изобличенныхъ въ
преданности къ Θεодору, копорыхъ разослали по
темницамъ. Бывшій начальникъ передоваго полка,
Окольничій Годуновъ, также подвергся заключе-
нію. Наказавъ такимъ образомъ своихъ прошив-
никовъ, Самозванецъ немедленно приказалъ распу-
спить недѣли на двѣ или на трии всѣхъ воиновъ,
Маржеретъ. имѣющихъ подмосковныя помѣстья. Прочимъ же
далъ повелѣніе двинуться къ Москвѣ подъ глав-
нымъ начальствомъ Князя Василія Голицына, и
спарашься пресѣчь подвозъ сѣспныхъ припасовъ
въ столицу, если тамъ еще будутъ прошививься
его воцаренію. Самъ Лжедимитрій, имѣя при себѣ
Воригъ. 2,000 Поляковъ, слѣдовалъ за войскомъ, но не со-
всѣмъ довѣряя еще оному, на каждомъ ночлегѣ
оспанавливался за 5 или за 6 верспъ отъ глав-
наго спана и всегда около его кватриры сто По-
ляковъ содержали ночной караулъ. Сии мѣры пред-
осторожности могли быть не совсѣмъ бесполез-
ными, ибо дѣйствительно многіе изъ дворянъ,
Никоновская ѣздившихъ съ Княземъ Иваномъ Голицынымъ изъ
Лѣтопись. подъ Кромъ въ Пущивль, узнали въ мнимомъ Ди-
митріѣ Чудовскаго дьякона, и въ пайныхъ бесѣ-

дахъ съ горестію оплакивали, что вѣдлись въ споль наглый обманъ.

Теодоръ еще царствовалъ въ унылой Москвѣ, но вѣнцъ Мономаховъ уже спадалъ съ юной главы его. Правительственная дума его, въ безпамятствѣ опчаянія, не принимала никакихъ мѣръ, ни для замедленія шествія Самозванца, ни для опысканія вѣрнаго убѣжища для Царскаго семейства, и заботилась единственно объ удержаніи въ повиновеніи Московской черни, коей грозное молчаніе предвѣщало близкую бурю. Уже гонцы Лжедимипріевы пріѣзжали почти ежедневно въ столицу съ возмущительными грамотами, но ихъ подсперсгали, ловили и предавали смерти. Беръ.

Не смотря на то, разсприга надѣялся еще взволновать столицу. Ему казалось нужнымъ, для упроченія своей державы, быть призваннымъ первопреспольнымъ городомъ, какъ законный Государь, а не врываться въ оный силою оружія, на правѣ безчиннаго побѣдителя. Для сего онъ отправилъ еще дворянъ, Наума Плещсева и Гаврилу Пушкина, но не въ самую Москву, а въ полторы ^{Никоновская} версты отъ оной лежащее Село Красное, гдѣ ^{Летопись в} ^{Беръ.} жили богатые купцы и ремесленники, имѣвшіе въ столицѣ многихъ друзей и родственни-

ковъ. Съ сими посланными Самозванецъ писалъ, что онъ еще не винилъ Москвитянъ, которые, будучи обмануты Годуновыми, медлятъ признавать его, но что онъ надѣется, что наконецъ и они, по примѣру всей Россіи, откроютъ глаза; что покорность ихъ будетъ награждена, для бояръ прибавкою вощинъ, для дворянъ и приказныхъ людей разными милостями, для торговыхъ людей убавленіемъ пошлинъ и подапей, для всего народа благоденствіемъ и пишиною. При томъ Ажедимипрій напоминалъ имъ, что въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія съ ихъ стороны, они не избѣгутъ заслуженнаго наказанія *.

Красносельцы приняли честно Плещева и Пушкина, съ умиленіемъ читали привезенную ими грамоту и вызвались шумною толпою проводить ихъ въ столицу. Сіе происходило 4-го Іюня. Несчастнѣйшій Осодоръ еще надѣялся смирить красномельниковъ, и выслалъ противъ Краснаго Села воинскую дружину. Но въ шѣхъ, кон еще и не измѣняли ему, не было уже ни бодрости ни усердія. Оробѣвшіе воины его не дошли до Села и безъ боя обратили шылъ. По ихъ слѣдамъ Красносельцы ворвались въ Москву, и дойдя до лоб-

Смотри Приложенія № VII.

наго мѣста, спали сзывашь народъ для прочтенія Лжедимитріевой грамоты. Московскіе обыватели спѣшили на сборище, гдѣ сподвижники Самозванцевы полковали имъ, что бояре и войско не передались бы Димитрію, если бы онъ не былъ истиннымъ Царевичемъ, что настало время повиниться ему и что долѣ проповишься было бы только безумно жертвовашь собою, даже безъ пользы для ненавистнаго дома Годуновыхъ, ибо Москва, защищаемая только горстью воиновъ, уpekшихъ изъ подъ Кромъ, не могла успѣвать проповишь великихъ силъ, направляющихся на нее. Увѣщанія подѣйствовали. Всѣ согласились провозгласишь Димитрія, иные повинуюсь внутреннему убѣжденію, другіе имѣя только въ виду собственную безопасность.

Въ то время, какъ такимъ образомъ возмущался народъ на лобномъ мѣстѣ, Осодоръ съ матерью и сестрою, прелестною Ксенією, трепетали во дворцѣ, окруженные знашными сановниками Государства, еще вѣрными данной юному Царю присягѣ, но съ ужасомъ предусматривающими уже неминуемое шоржество Самозванца. Бодрствовали одинъ Патриархъ! Онъ заклиналъ Бояръ иппи вразумишь народъ, и направишь его на путь долга и правды. Внемля ему Князь Мспиславскій, Маржереть.

Веръ.

Князь Шуйскій, Бѣльскій и другіе вышли на лобное мѣсто и пышно пыпались усовѣспншь взволновавшуюся чернь. Грозный вопль мяшежа заглушалъ рѣчи ихъ. Имъ кричали : *Не гибнуть намъ за Годуновыхъ! Да здравствуетъ Дмитрій! Мы были во тѣмъ крольшиней! Красное солнце наше восходитъ!* Съ сими словами, бунповщики хлынули ко дворцу. Еще Кремлевскія спѣвны могли бы оспановить ихъ спремленіе, но въ безпамятствѣ спраха никто не помыслилъ затворить крѣпостныя ворошы. Не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, буйныя толпы ворвались во дворець, схватили Царя, Царицу и Царевну, но среди самага несповспва спвовольничества, сохрания еще нѣкоторое уваженіе къ прежнимъ повеленіямъ своимъ, отвели ихъ безвредно на старый дворъ Годунова. Воздержность сія пѣмъ болѣе была замѣчательна, что ненависть народная къ памяти Царя Бориса существовала во всей силѣ. Всѣ родственники его, Годуновы, Сабуровы и Вельяминовы были заключены; дома ихъ разломали, имѣніе разграбили не только въ сполитцѣ, но даже попомъ и въ помѣстьяхъ и вошчинахъ ихъ. Имѣніе иностранныхъ медиковъ также подверглось расхищенію, единственню опъ того, что покойный Царь любилъ и жаловалъ ихъ.

Никоповская
Летоншь.

Веръ.

Наконецъ Бояре, уже дѣйствующіе именемъ Димитрія, упишили мяшежъ. Вся Москва цѣловала крестъ Самозванцу, и 5-го Іюня боярская дума выслала къ нему съ покорностію столицы Бояръ: Князя Ивана Михайловича Воротынского и Князя Андрея Андреевича Теляшевскаго, Окольного Петра Шеремешева и думнаго дьяка Власьева. Посланные сіи наши разспригу въ Туль, уже извѣщеннаго о событіяхъ Московскихъ, чрезъ полученные имъ донесенія отъ Плещеева и Пушкина. Самозванецъ принялъ на себя видъ законнаго Государя, справедливо раздраженнаго слишкомъ продолжительнымъ упорствомъ своихъ подданныхъ. Первымъ наказаніемъ для прибывшихъ вельможъ служило то, что Опрельевъ прежде ихъ допустилъ къ рукъ своей присланныхъ къ нему съ Дону Козаковъ. Когда же позволилъ явиться предъ собою предшавишелямъ думы Боярской, то грозно упрекалъ ихъ въ непокорности, а Князя Теляшевскаго не хотѣлъ даже простить за то, что подъ Кромами онъ не приспалъ къ измѣнившимъ въ пользу его воеводамъ. Онъ приказалъ посадить его въ шюрьму, и позволилъ въ глазахъ своихъ Козакамъ бить его почти до полусмерти.

Опираясь на покорность войска и столицы, Опрельевъ уже могъ вездѣ дѣйствовать какъ Царь

Розрядныя
книги.

Никоновская
Летопись.

законный. По повелѣнію его въ опдаленнѣйшіе города Россіи разослали указы, для приведенія всѣхъ людей къ присягѣ Царицѣ инокинѣ Марѣѣ Ѳеодоровнѣ, и сыну ея Царю Димитрію Іоанновичу *. Ни гдѣ не встрѣпилось ни малѣйшаго сопротивленія, и цѣлая Россія безпрекословно цѣловала крестъ дерзкому бродягѣ.

Однако Самозванецъ еще медлилъ вступленіемъ своимъ въ Москву. Его превозжила мысль, что память будетъ встрѣченъ Патріархомъ, которому лично былъ извѣстенъ. Также не мало заботило его и то, что не ловкіе клеветы его въ день возмущенія позволили народу оспавить въ живыхъ Царя Ѳеодора. Если бы разстрига дѣйствительно былъ настоящимъ Димитріемъ, то могъ бы великодушно миловать Ѳеодора, котораго въ глазахъ его былъ бы только невиннымъ сыномъ его злодѣя, но для Самозванца существованіе законнаго Государя представляло ежедневную опасность, ибо только явленіе настоящего Димитрія могло справедливо уничтожить права на престолъ Ѳеодора, законно наследовавшаго послѣ отца, коего избраніе было единогласнымъ дѣломъ цѣлой Россіи. Къ тому же, прекрасныя качества Ѳеодора при-

* Смотри Приложенія № VIII и IX.

выскаки къ нему сердца всѣхъ, конхъ не ослѣпляла закоснѣлая ненависть къ Царю Борису. Опрепьевъ не былъ нрава свирѣпаго, не любилъ проливать крови, но въ семъ случаѣ желаніе упрочить свое владычество заглушало въ душѣ его гласъ совѣсти и человѣколюбія. Онъ рѣшился убіеніемъ Θεодора избавишься онъ докучнаго соперничества.

Принявъ сіе гнусное намѣреніе, Самозванецъ отправилъ передъ собою въ Москву Басманова съ частію войска. Но сердце человѣческое вмѣщаетъ въ себѣ различныя степенни злодѣйства! Басмановъ могъ бытъ измѣнникомъ, а не палачемъ! Онъ взялъ на себя только удерживать въ повиновеніи столицу. Для свяпошашества же и царубійства Лжедимипрій избралъ споль же низкаго душою, скольвысокаго родомъ Князя Василья Голицына, и ему придалъ въ товарищи подобнаго ему въ беспыдствѣ, Князя Василья Рубца-Мосальскаго, который въ Пущивлѣ первый изъ чиновныхъ людей добровольно предался Самозванцу. Съ ними же былъ посланъ дякъ Сусуповъ, человѣкъ одинакихъ съ ними свойствъ. По прибытіи своемъ въ Москву, злудѣи занялись сначала изгнаніемъ Патріарха. Посланные ими люди ворвались въ Успенскій соборъ, гдѣ священнодѣйствоваль Іовъ, и не воздерживаясь свяшостію мѣста, въ самомъ алшарѣ

Никоновская
Летопись.

спали рвапъ съ него свяпипшельскую одежду. Іовъ не унизилъ высокаго сана своего неприспойною слабоспію. Снявъ самъ съ себя панагію, онъ положилъ ее у чудопворной иконы Владимірской Богоматери, и со слезами возопилъ: *О всемилостивая прегистая владычица Богородица! Сія панагія и санъ святительскій возложенъ на мя недостойнаго во храмъ твоель, Владычица, у честнаго образа твоего чудотворной иконы; сею азъ гръшнній испрвляхъ слово сына твоего Христа Бога нашего двьдцать лтъ; сія православная христіанская вѣра нерушима была; нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, видимъ на сію православную христіанскую вѣру находлице еретию, мы же грѣшныи молимъ, улюми прегистая Богородица сына своего, Христа Бога нашего, утверди сію православную христіанскую вѣру непоколебимо. Сіе упредипельное воззваніе пропивъ гоповящихся для правовѣрія напасей еще болѣе озлобило пропивъ свяпипшеля Лжедимипривыхъ слугъ, копорые одѣвъ его въ черную рясу проспаго монаха, позорно шаскали по храму и по площади, и наконецъ посадивъ въ пелѣгу, послали на обѣщаніе въ Спарницкій Богородицкій монаспырь.*

Совершивъ посныднній подвигъ надъ Паптріархомъ, Князя Голицынъ и Мосальскій не замедли-

ли исполнишь и ужасный приговоръ надъ царскимъ семействомъ. Взявъ съ собою Михайлу Молчанова, Андрея Шелестединова, да шрехъ стрѣльцевъ, они ошправились на Годуновъ дворъ, гдѣ нашли Царя, Царицу и Царевну сидящихъ вмѣстѣ. Ихъ немедленно развели по разнымъ комнапамъ, и принялись за злодѣйское дѣло. Царица пошчасъ же была удушена, но молодой Оеодоръ защищалъ жизнь свою какъ разъяренный левъ. Долгое время онъ боролся прошивъ чепырехъ убійць и палъ мерпвъ только тогда, когда получилъ ударъ, опившій у него всѣ силы *. Царевну Ксенію, копорой дивная красота возбуждала сладостраспіе часпо видавашаго ее въ Чудовѣ монастырѣ Самозванца, была сбережена для похоти палача ея несчастнаго семейства, и опведена безвредно въ домъ позорнаго угодника Лжедимитріева, Князя Мосальскаго. По убіеніи державнаго юноши и его матери, безбожный Князь Голицынъ спарался разгласить въ народъ, что они сами со страха оправили себя. Но поелнку Самозванецъ не инако могъ извлечь

Рукописное
извѣстіе о
Самозванцѣ.

Примѣчаніе. Вотъ точныя слова лѣтописца: *Царевнахъ многіе часы давиша, якоже не младости в тѣ поры далъ Богъ ему мужество, тѣ же ихъ злодѣи зубицы жакошеся, яко единъ съ чепырмя борлшеся; единъ же отъ нихъ злодѣи зубица взялъ его за тасныя... и раздавы.*

пользу опъ смерти Θεодоровой, какъ удостовѣривъ въ оной всю Россію, по и вынуждены были выпавить всенародно трупы несчастныхъ жертвъ, шакъ что всякой могъ убѣдиться, что смерть имъ приключилась опъ давленія. Самый прахъ Царя Бориса не оставленъ въ покоѣ ; шѣло его было выкопано изъ Архангельскаго собора , переложено въ простой гробъ , и вмѣстѣ съ шѣлами супруги и сына погребено въ Варсонофіевскомъ монастырѣ на родовомъ кладбищѣ Годуновыхъ. Заключенные со дня мяшежа , родственники Годуновыхъ, были разсланы по Низовымъ и Сибирскимъ городамъ. Только Семена Годунова, сосланнаго въ Переславль Залѣскій, памъ удушили. Сія казнь служила ему наказаніемъ за то, что при Царѣ Борисѣ онъ былъ главнымъ орудіемъ гоненій на Романовыхъ, къ коимъ Самозванецъ выказывалъ любовь свою , уважая въ нихъ родственную связь съ брапомъ , будпо милымъ сердцу его, Царемъ Θεодоромъ Ивановичемъ.

Очистивъ такимъ образомъ столицу опъ всѣхъ проптивниковъ своихъ, разсприга рѣшился итти къ оной. На пути въ Серпуховъ онъ въ великолѣпныхъ шапрахъ угощаль обѣденнымъ споломъ до 500 знатныхъ особъ. Попомъ 16-го Іюня перешелъ въ село Коломенское , гдѣ днелалъ пѣ-

Петрей.

Никоновская
Льтоишь.

Боригъ.

сколько дней, чтобы предварительно развѣдать о расположеніи Москвитянъ, коимъ не преспавалъ Беръ. еще не довѣрять. Но опасенія его казались совершенно неосновательными. Сановники Московскіе спѣшили къ нему въ Коломенское съ хлѣбомъ, солью и богатыми дарами. Лазутчики его также единогласно извѣщали, что столица ждетъ его съ радостнымъ нетерпѣніемъ.

Самозванецъ рѣшился наконецъ вступить въ Москву 20-го Іюня, но и среди торжественнаго шествія своего онъ для личной безопасности принималъ мѣры, копорыя обнаруживали невольное смущеніе пресупной души. Правда, его окружали шестидесятъ Русскихъ вельможъ, но впереди и Петрей. сзади ѣхали дружины Польской конницы; попомъ слѣдовали иностранное войско, Козаки, и наконецъ Русскіе стрѣльцы замыкали шествіе во все время, коего гонцы скакали безпрестанно вадъ и впередъ по всѣмъ улицамъ, и ежминутно доносили Лжедимитрію о состояніи столицы. Но все кипѣло радостію и усердіемъ. Во всѣхъ церквахъ звонили въ колокола. Народъ толпился на улицахъ, по коимъ проѣзжалъ Самозванецъ; кровли домовъ и церквей усыпаны были зрителями. При появленіи Лжедимитрія, народъ кланялся въ землю и кричалъ: *Здравствуй отецъ нашъ! Государь и Вели-*

кой Килзь Всероссійскій! Даруй Боже тебѣ многія лѣта! Да осытитъ тебѣ Господь на всѣхъ путяхъ жизни чудесною милостію, которою онъ спасъ тебѣ въ селѣ мѣрть. Ты наше солнце красное! Самозванецъ опвѣчалъ: *Здравствуйте, мои дѣти, оставайтесь и молитесь за меня Богу!* Время было прекрасное, но въ ту самую минупу, какъ Самозванецъ чрезъ живой моспъ и Москворѣцкія воропа выѣхалъ на площадь, поднялся страшный вихрь, шакъ чшо лошади едва не попадали. Народъ, въ ужасѣ, принялъ сіе за худое предзнаменованіе для новаго царствованія. Однако шествіе продолжалось и Самозванецъ достигнулъ лобнаго мѣспа, гдѣ ожидало его духовенство съ крестами и иконами, сошелъ съ коня, приложился къ свящынѣ и приказалъ пѣшь молебень, въ продолженіи коего, къ соблазну и первому негодованію Москвитянъ, Поляки, не слѣзшіе съ лошадей, прубили въ прубы и ударили въ бубны. Попомъ разсприга пошелъ въ Кремль и въ Царскихъ палапахъ сѣлъ на престолѣ мнимаго опца своего Іоанна Грознаго. Провожавшее его Польское войско помѣщено было все вмѣспѣ на Посольскомъ дворѣ. Лжедимитрій, не опспранившій еще опъ себя недовѣрія къ Москвитянамъ, желалъ иноземцевъ сихъ имѣшь всегда у себя подѣ рукою. Только въ послѣдствіи

Никоновская
Лѣтопись.

Боригъ.

времени, изъ уваженія къ жалобамъ Поляковъ на претерпѣваемую ими пѣсношу, позволилъ нѣкошорымъ изъ нихъ перейти на особыя кварширы.

Впрочемъ подозрѣнія Самозванцевы имѣли нѣкоторое основаніе. Не возможно, чтобы въ продолженіи шествія его, почти черезъ весь городъ, ни кто изъ Московскихъ жителей не узналъ въ немъ дякона Опрѣшева. Уже многіе шептали между собою, что по явному поущенію Божію, Русскіе за грѣхи свои подпали подъ иго наглаго обманщика. Хотя шаковые толки еще прошиву- Николовская
Лѣтопись. рѣзущіе общему мнѣнію и не оглашались, но не менѣе того лазутчики Дзедимиріевы довели ихъ до его свѣдѣнія. Самозванецъ опасался, чтобы рано или поздно истина не разъяснилась, далъ порученіе Окольничему Богдану Бѣльскому, упредить Беръ- грозный гласъ ея новымъ лживымъ свидѣтельствомъ. Бѣльскій, старый любимецъ Царя Іоанна Васильевича, былъ человѣкомъ щцславнымъ и гибкосовѣстнымъ. Онъ вышелъ на лобное мѣсто въ сопровожденіи другихъ вельможъ, и напомнивъ народу, что по избранію Царя Іоанна былъ пѣсношномъ малолѣтнаго Царевича Димитрія, кляпвенно увѣрялъ, что Самозванецъ былъ истиннымъ сыномъ Іоанна, спасеннымъ по особенной Божеской милости, и наконецъ поцѣловавъ висящій на груди его образъ Николая Чудотворца, воскликнулъ:

Брегите и чтите своего Государя. Слушатели единогласно отвѣщивали: Богъ да сохранитъ Царя Государя и погубитъ вѣсьхъ враговъ его. Симъ крикующимъ дѣйствіемъ вѣроломнаго спарца доспойно заключилось позорное торжество сего несчастно незабвеннаго дня, въ кошорый Русскіе, пакъ сказапъ на раменахъ своихъ, внесли удалаго злодѣя въ священные черпоги древнихъ своихъ Державцевъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

=

(1605—1606 годы.)

=

Съ перваго взгляда казалось бы, что человекъ, изъ низкаго сословія достигнувшій верховнаго сана, уже долженъ начинаться преодолевшимъ главнѣйшія препятствія, сопряженныя съ споль многошруднымъ предиріапіемъ, и что ему оспаеся только спокойно наслаждаться плякко добытымъ величіемъ. Но Исторія какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ временъ, почти всегда являетъ намъ пропивное. Она многими примѣрами удостоверяетъ, что скорѣе можно похипипть пресполь, чѣмъ удержаться на похищенномъ. Впрочемъ, сіе довольно объясняеся и тѣмъ, что никто безъ особенной опважности и слѣпой дерзости, не

можетъ безмѣрно возвыситься, а самыя свойспива сіи исключаютъ благоразуміе, необходимое для упроченія верховной власпи и, напропивъ того, внушая чудному счастливицу опасную самонадѣяность, ведутъ его къ опрометчивости и своенравію, всегда пагубнымъ для правителей. Одинакія причины должны имѣть и одинакія послѣдствія: участь Лжедимитрія предугадывается.

Всякое новое царствованіе, каково бы оно ни было въ послѣдствіи, всегда начинается похвально. Первые дѣйствія Самозванцева правленія шѣмъ болѣе означены были милостями, изліянными почини на всѣ сословія, что онъ самъ говаривалъ, что въ его понятіяхъ державцамъ представляются только два способа для укрѣпленія своей власти: удерживать всѣхъ въ повиновеніи чрезмѣрною суровостію, или милостями и щедростями стараться привязывать къ себѣ людей, не жалея для сего никакихъ сокровищъ, и что онъ, по побужденію сердца своего, избралъ послѣднее средство.

Письмо Бу-
чинскаго къ
Разстригу
отъ Января
1606.

Не только мнимые родственники новаго Царя, Нагіе, и также Романовы, но и всѣ прочія жертвы мстительнаго и подозрительнаго Царя Бориса были возвращены изъ ссылки. Невольно посприженнаго въ монахи Филарета Никипича

Хронографы. Романова посвящали въ Митрополиты Роспов-

скіе и Ярославскіе. Слѣпой Царь Симеонъ Бекбу-^{Разрядным} лашовичъ былъ вызванъ въ сполциу и принялъ ^{книги.} съ великою чеспію. Самые родственники Годунова испытали важное облегченіе въ своей участи. Ихъ не только освободили опъ заключенія, но даже дали имъ воеводскія мѣста въ Сибири и другихъ опдаленныхъ городахъ. Басмановъ первый получилъ боярство. Потомъ многіе изъ знатныхъ особъ были пожалованы въ бояре, другіе въ Окольничіе. Всѣмъ служивымъ людямъ удвоили денежное жалованье. Торговля была объявлена со-^{Беръ.} вершенно свободною, какъ для Русскихъ, такъ и для иноземцевъ. Приказамъ повелѣно вершить дѣла безъ всякихъ посулъ. Объявлено, что самъ Царь будетъ въ каждую Среду и Субботу у себя на крыльцѣ принимать челобитныя опъ всѣхъ людей. Лжедимитрій не только самъ хотѣлъ хвалиться справедливостію, но даже оказывалъ гоповность исправлять неправды прежнихъ лѣтъ. Такъ на примѣръ, мнимый отецъ его, Царь Иванъ Васильевичъ, по злостному своенравію своему мало ^{Письмо Бу-} заботившійся о священной неприкосновенности ^{чинскаго къ} частной собственности, забиралъ у многихъ лицъ ^{разстригъ отъ} деньги, копорыя никогда возвращаемы не были ^{Января 1606.} не только самымъ Грознымъ Царемъ, но даже и въ правленіе Бориса Годунова. Самозванецъ приказалъ выдашь всѣ суммы сіи, кому опъ принадле-

жали. Слѣдую принятому намѣренію, по возможности задобривать всѣхъ, онъ хотѣлъ было угодить и духовенству, призвавъ Епископовъ въ Государственную думу, которую предполагалъ преобразить на подобіе Польскаго Сената. Но сдѣланное уже имъ на сей предметъ предначертаніе не было произведено въ исполненіе, вѣроятно потому, что онъ еще опасался на первыхъ порахъ, въ столь важномъ дѣлѣ, огорчить Русскихъ оскорбительнымъ для ихъ народной гордости подражаніемъ Польскому установленію *.

Примѣчаніе. Н. М. Карамзинъ полагаетъ напротивъ того, что действительно Сенатъ былъ учрежденъ Аѳедимітріемъ. Мнѣніе сіе основано только можетъ быть на существованіи въ архивѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ росписи (Смотри Приложенія № X.) Московскимъ Сенаторамъ, писанной по Польски въ Іюнь 1605 года рукою Разстригина Секретаря, Яна Бучинскаго, и еще на томъ обстоятельстве, что Беръ называетъ Сенаторами Самозващевыхъ думныхъ Советниковъ. Но если взять въ соображеніе, что ни одинъ изъ Русскихъ летописцевъ не упоминаетъ о преобразованіи думы, и что даже въ 1606 году указы писались отъ имени однихъ Боярѣ, то не льзя ли полагать, что роспись Бучинскаго оставалась прожтомъ безъ исполненія, и что Беръ называетъ тогдашнихъ Боярѣ Сенаторами, только изъ подражанія Полякамъ, такъ переводившимъ Русское слово *Боярина*, и съ коими онъ дружилъ болѣе, чѣмъ съ Русскими. Только действительно при Дворѣ введены были нѣкоторыя новыя должности, какъ напримѣръ *Великаго Метрика*, каковое наименованіе дается и въ Государственныхъ бумагахъ того времени Князю Щуйскому-Скочинпу.

Одни низкаго сосполнія люди не видали опгь Самозванца облегченія въ учаспи своей. Но Лжедимишрїй имѣя въ особенноспи въ виду привязапъ къ себѣ военныхъ людей, не хопѣлъ лишипъ ихъ великихъ выгодъ, предоспавляемыхъ имъ законами Годунова о креспьянахъ и холопяхъ. Только нѣсколькo мѣсяцевъ спустя объявленъ былъ боярскїй приговоръ, кошорый хопя уптверждамъ крѣпостное право владѣльцевъ, но по крайней мѣрѣ обуздывалъ ихъ наклонноспъ къ несправедливымъ припизанїямъ. По силѣ сего приговора, бѣжавшіе креспьяне возвращались безпрекословно прежнимъ владѣльцамъ, кромѣ покинувшихъ жилища свои въ голодные 1602, 1603 и 1604 годы, попому что на родинѣ не чѣмъ было имъ проппцаться. Таковые оспавались за шѣми владѣльцами, въ домахъ или имѣнїяхъ коихъ нашли доспапочное призраііе въ нужное время. Также если креспьянинъ какого владѣльца, поступившїй въ голодные года къ нему въ холопи, спалъ бы опбывать холопства подѣ предлогомъ, что ему въ креспьянствѣ было чѣмъ прокормипься, но что его закабалилъ владѣлецъ насильно, то повелѣвалось разыскивать, записана ли кабала въ городѣ въ книгѣ? Если записана, то челобипчикъ оспавался въ холопствѣ по шой причинѣ, что не жаловался о насилїи при лвкѣ кабалы; напропивъ

же того, не явленными кабаламъ не позволялось давати вѣры, и въ такомъ случаѣ холопъ обращался по прежнему въ крещьянство. Впрочемъ, уже введенная въ обыкновеніе цѣпильная давность, на опысканіе бѣглыхъ крещьянъ, была утверждена во всей ея силѣ *.

Оспрѣшеніе Іова оставило празднымъ первосвященнелевское мѣсто въ Россіи. Самозванцу нужно было видѣти на ономъ челоуѣка уклоннаго, котораго бы согласился содѣлаться соучастникомъ тайныхъ замысловъ его проповѣдъ православія. Выборъ его палъ на Игнатія, Архіепископа Рязанскаго. Сей паспырь, льстивый и двуязычный Грекъ, былъ прежде Архіепископомъ Кипрскимъ; но изгнанный Турками, онъ нашелъ сперва убѣжище въ Римѣ, а потомъ пріѣхалъ въ Россію, гдѣ по особому благоволенію Царя Бориса, поручили ему Рязанскую Епархію. Въ возмездіе дому Годуновыхъ за сіе благодѣяніе, онъ первый изъ священнелевъ выѣхалъ въ Тулу на срѣшеніе Самозванцу. Возведенный на Папріаршій престолъ, онъ съ робкимъ молчаніемъ царедворца смотрѣлъ на всѣ соблазны, коими Самозванцу суждено было огорчати правдолюбивыхъ.

Карамзинъ.

* Смотри Приложение № XI.

Но ни посвященіе надежнаго Паптріарха, ни какое либо государспвенное дѣло, не были тогда для Лжедимишрія предметомъ главнѣйшихъ заботъ. Все вниманіе его было усшрмлено на успѣхъ начашыхъ имъ шайныхъ сношеній съ Царицею инокинею, Марею Федоровною, машерью насшоящаго Царевича Димишрія. Признаніе ею Самозванца за своего сына было для него необходимымъ условіемъ прочноспи его воцаренія. Подосланнымъ опть него людямъ велѣно было напо-
мнить Царицѣ ожидающія ея почешпи, а съ дру-
гой споронь внушить ей, что если она опшва-
жипся изобличать его во лжи, то неминуемо обречешъ на вѣрную погибель не только себя, но и весь свой родъ. Прельщеніями и угрозами увлеченная Царица, наконецъ согласилась способспвовать обману. Обрадованный Самозванецъ послалъ къ ней въ Выксинскій монастырь—звать ее въ споллицу,—Великаго Мечника, Князя Михайлу Васильевича Скопина - Шуйскаго, съ блестящею свшшою. Часть перваго свиданія обманщика съ мнимою машерью для обѣихъ споронъ былъ шруднымъ испыпаніемъ. Оспорожность шребовала не давать оному свидѣтелей, но шакже не благовидно было бы Самозванцу не встрѣчать Царицы. Для соглашения сихъ прошивуположностей, онъ выѣхалъ 18-го Юля въ Село Тайнинское, гдѣ по приказа-

Окружил
грамота Ца-
рицы Марьи
21-го Мая
1606 года.

Дневникъ
Марины.

Беръ.

нію его былъ разбишь шаперъ близъ большой до-
роги. Царица одна, введенная въ шаперъ, ожидала
уже въ ономъ Царя, который также одинъ во-
шелъ къ ней. Тупъ повпоря ей обѣщанія и угро-
зы, онъ уговорилъ ее выказывашъ къ нему при-
творную нѣжностъ. Оба вышли изъ шапра обни-
мая другъ друга къ умиленію легковѣрныхъ зрипелей,
копорыхъ собралось великое число. Царица съла
въ карешу, а Самозванецъ съ обнаженной головою
шелъ возлѣ нея пѣшкомъ около прехъ верспъ, опи-
рался на подножку карешы. Попомъ онъ сълѣ на
лошадь и поскакалъ впередъ, дабы встрѣпшишь ее
на порогѣ Царскихъ Палапъ. Въ послѣдствіи, Ца-
рица перешла въ богато изгопвовленные для нея
покои въ дѣвичьемъ Вознесенскомъ монаспырѣ,
гдѣ получила царское содержаніе и была ежеднев-
но посѣцаема мнимымъ сыномъ своимъ. Чрезъ
три дня послѣ ея прѣзда, Самозванецъ вѣнчался
на царство въ Успенскомъ соборѣ, съ обыкновсн-
ными обрдами.

Палицынгъ.

Хоня повидимому все споспѣшествовало Лже-
димитрію, однако много еще заботъ ему пред-
сипяло для сокрытія истины. Наспоящая мапъ
его, Варвара Опрешева, родной братъ и дядя
Смирной Опрешевъ, не обинуясь всему Галичу
объявляли о гнусномъ обманѣ. Смирной за сіи рѣ-
чи былъ сосланъ въ Сибирь, по гласъ природы

не заглушался еще въ сердцѣ Самозванцевомъ; онъ не отважился распростиранить мѣстѣ свою на родилельницу и на единоупробнаго своего *, и безнаказанность сихъ лицъ придавала еще болѣе вѣсу ихъ уликамъ.

Не въ одномъ семействѣ Отрепьева нашлись смѣлые поборники правды. Среди самой Москвы, явился монахъ, всенародно удосповѣряющій, что давно знаешь Отрепьева, котораго учился у него грамотѣ и жилъ съ нимъ въ одномъ монастырѣ, и что сей же именно человекъ овладѣлъ Царскимъ престоломъ подъ именемъ Димитрія. Монахъ былъ схваченъ и тайно умерщвленъ въ тюрьмѣ.

Петрей.

Сколь ни важны были свидѣтельства сіи, но

* Н. М. Карамзинъ, полагаясь на современное сочиненіе (*légende de la vie et de la mort de Demetrius*) иностраннаго купца, жившаго тогда въ Москвѣ, утверждаетъ, что мать и братъ Самозванцевы были заключены въ темницу, но иноземецъ могъ только вѣрно описывать что происходило въ его глазахъ, а не въ отдаленныхъ мѣстахъ Государства. Келарь Авраамій Палицынъ, коего свидѣтельство гораздо достовернѣе, упоминая о рѣчахъ Варвары Отрепьевой и ея сына и деверя, прибавляетъ только, что Смирной былъ сосланъ и *принялъ много озлобленія* отъ своего племянника. Троицкій монахъ, не упускающій ни одного случая поносить Самозванца, часто даже съ нѣкоторымъ пристрастіемъ, не преминулъ бы поставить на видъ жестокое обращеніе его съ самою матерью своею. Но Палицынъ сего не дѣлаетъ, и следственно Варвара Отрепьева оставлена въ покоѣ.

порый сгѣшилъ предосперечь Лжедимитрія. Раз- Сказанія же
гласишелей схватили и пытали: многихъ изъ нихъ содѣся.
разослали по шемницамъ, но двухъ болѣе прочихъ
изобличенныхъ въ дерзкихъ рѣчахъ пропивъ обла- Никоновская
дашеля престола, а именно дворянина Пепра Тур- Лѣтопись.
генева и мѣщанина Федора Калачника казнили Палицытъ.
смерщю. Калачникъ, гошоваясь положить голову
на плаху, съ швердосщю говорилъ народу: *се при-*
яли есте образъ антихристовъ, и поклонитесь по-
сланному отъ сатаны, и тогда разумѣте, егда
вси отъ него погибнете. Но еще не разувѣренная
чернь ругалась ему и кричала, что по дѣломъ по-
гибаетъ клеветникъ.

Оспавалось наказашъ главнаго виновника опас-
ной молвы, Князя Шуйскаго. Но мужъ сей споля
на споля высокой степени въ общемъ мнѣннн,
что Самозванецъ, для безпрепятственнаго совер-
шенія надъ нимъ казни, почелъ необходимымъ при-
бѣгнушь къ мѣрамъ чрезвычайнымъ, какъ при по-
спановленнн приговора, шакъ и при исполненнн
оного. Шуйскій предшаль предъ соборомъ, со-
спавленномъ, какъ въ шо время водилось шолюко
при рѣшеннн великихъ Земскихъ дѣлъ, изъ Духо-
венства, Бояръ и выбранныхъ людей всѣхъ сосло-
вий. Всѣ единогласно признали Шуйскаго винов- Маржеретъ.
нымъ въ оскорбленнн Царскаго Величества дерз-
кою клеветкою, и приговорили его къ опсѣченню

головы. Въ назначенный для казни день осужденный выведенъ былъ на лобное мѣсто, которое Хронографъ. окружали вооруженные Спирѣльцы и Поляки и гдѣ уже палачъ готовилъ сѣкиру и плаху. На Кремлевскихъ стѣнахъ и башняхъ выславлены были шакаже войны съ оружіемъ въ рукахъ. Народъ ройся по площади. Бояре Салпыковъ и Басмановъ, раздѣжая между шолпами, читали слѣдующее провозглашеніе: *Сей Великій Болринъ, Князь Василій Шуйскій, митъ природному своему Государю Царю и Великому Князю Димитрію Иоанновичу всея Россіи измѣняетъ, и разсваетъ неприличныя рѣчи, не хотя мени на Государство Царель видѣти, и остужаетъ со встли Болры и людли Московскаго Государства, и со встли православными Христіаны; называетъ мени еретикомъ, Гришкого Отрепьевымъ, Разстригою, и за то его осудили мьи смертію казнити, да улреть. Ибо сіе не лютою, не ново уложилось, но отдревле, отъ прародителей нашихъ, что за измѣну казнити, не щадя ни дяди, ни брата, ни сродниковъ своихъ, ни великихъ Болрѣ. Слушатели, удержанные въ повиновеніи присущствіемъ войскъ, однимъ унылымъ молчаніемъ выражали свое негодованіе. Шуйскій не оказывалъ робости. Когда палачъ спалъ раздѣвапъ его, по онъ еще громко воскликнулъ: *Братя! улмираю за Вѣру Христіанскую и за сасъ! Уже онъ клалъ**

голову на плаху, какъ вдругъ въ Спасскихъ воротахъ раздается крикъ: «стой! стой!» Выбѣжавшій изъ Кремля Нѣмецъ, съ Царскою грамопою въ рукахъ, объявляетъ, что Царь, по ходатайству Поляковъ, даруетъ жизнь преступнику. Радость была всеобщая.

Въ самомъ дѣлѣ не Полякамъ Шуйскій обязанъ былъ своимъ спасеніемъ. Напрошивъ того, многіе изъ нихъ, изъ самыхъ приближенныхъ къ Лжедимирию, предусматривали большую опасность въ помилованіи споль важнаго врага. Но за Князя Василія Ивановича явился ходатай, котораго предспашельства не могъ отвергнуть и самъ Самозванецъ. Царица Инокія Марѳа, вынужденная пошворствомъ своимъ упрочивать богопрошвнній обманъ, помилась душевною поскою; для уменьшенія пягопившаго ея совѣсть грѣха, она рѣшилась по крайней мѣрѣ не допускать до казни значнѣйшаго свидѣтеля истины и пребовала опъ мнимаго сына своего смягченія жребія несчастнаго Шуйскаго. Лжедимириемъ не смѣлъ противиться ея желанію, но вмѣстѣ съ тѣмъ опъ разгласилъ, что умилошвился по просьбѣ Поляковъ, вѣрояшно, чтобы участіе Царицы въ семь дѣлѣ скрышь опъ народа, которому дѣйствительно могло казаться спраннымъ видѣнь мать, заботящуюся о избавленіи злѣйшаго и опаснѣйшаго

Часть I.

Письмо Яна Бучинскаго къ разстригѣ, въ Январѣ 1606 года.

Маржеретъ и Никоповская лѣтопись.

врага сына своего. — Князь Василій Ивановичъ съ двумя родными братьями своими, Диміріемъ Хропографъ. и Ивановъ, были сосланы въ пригороды Галицкіе, а имѣніе ихъ опобрано въ казну.

Представился еще другой случай, гдѣ также Царица вмѣнила себѣ въ священную обязанность пропивихься волю Самозванца. Тѣло наспоющаго Царевича Димитрія похоронено было въ Угличѣ въ соборной церкви. Сія почесть несомѣстна была съ воцареніемъ мнимаго Димитрія, копо-
Петрей и ру- рый призналъ необходимымъ для себя, вырыть
кописъ Жо- пѣло и похоронить на общемъ кладбищѣ, какъ
кѣвскаго. простаго поповскаго сына. Но не дерзая испол-
нить сего безъ соизволенія Царицы, онъ просилъ се не пропивихься споль нужному для его спо-
койствія дѣйствію. Царица ужаснулась и рѣши-
псельно опказалась предать на поруганіе оспаш-
ки милаго ея сердцу опрока. Всѣ усилія Самозван-
ца, чптобы поколебать ея упорство, были безу-
спѣшны, и онъ вынужденнымъ былъ опказаться опъ своего предпріятія. Впрочемъ, одно намѣреніе попревожитъ прахъ сына, такъ ожеспочило мать, чпто она спала искасть пайнаго средствеа, важнымъ свидѣтельствомъ своимъ, изобличить въ самозван-
ствѣ гнуснаго обманщика. При ней находилась у ней воспитанная молодая Лифляндка Розень, взя-
пшая въ плѣнъ ребенкомъ во время Лифляндской

войны. Сія дѣвушка вошла въ сношеніе съ жившимъ въ Москвѣ Шведомъ, копорый по убѣжденію ея поѣхалъ въ Польшу съ порученіемъ Царицы, извѣстивъ Короля, что похищитель Московскаго престола не есть ея сынъ, хотя она для своей безопасности явно и признала его за такового.

Около того же времени случилось большоемяшеніе въ столицѣ. Прибывшіе съ Самозванцемъ Поляки много безчинствовали, полагаясь на пошворство Царя. Одинъ изъ ихъ товарищей шляхтичъ Липскій, уличенный въ пресупленіи, былъ Боршъ. схваченъ и приговоренъ къ наказанію кнупомъ. Но когда, по тогдашнему Русскому обыкновенію, осужденнаго водили по улицамъ, Поляки бросились опбивать его. Сдѣлалась сильная драка, въ коей съ обѣихъ сторонъ было много убитыхъ и раненыхъ. Такъ какъ число Русскихъ поспешенно увеличивалось, то Поляки укрылись въ занимаемомъ ими посольскомъ дворѣ, копорый немедленно былъ окруженъ нѣсколькими десятками тысячъ разъяренныхъ Московскихъ обывателей. Все предвѣщало кровопролитіе, еще ужаснѣе прежняго. Для опвращенія сей бѣды, Царь послалъ объявить гнѣвъ свой Полякамъ и шребовать опъ нихъ выдачи зачинщиковъ своевольства, угрожая имъ въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, приказать подвесить пушки для разгромленія ихъ убѣжища. Поляки опвѣчали,

*

что ожидали болѣе благодарности отъ него, кого вывели на плечахъ своихъ, и что лучше желаютъ всѣ погибнуть, чѣмъ самимъ выдать на вѣрную смерть кого либо изъ своихъ соотчичей. Тогда Лжедмитрій впорочно послалъ склоняя ихъ къ оказанію необходимой податливости, представляя имъ, что только выдачею зачинщиковъ можно надѣявшись усмирить мятежную чернь, и что впрочемъ онъ обѣщаетъ въ скоромъ времени возвратитъ безвредно виновныхъ. Тогда Поляки выдали прехъ поварищей: Держбицкаго, Щигельскаго и Шелиборскаго, коихъ посадили въ пѣсную темницу. Московскіе обыватели, получивъ удовольствованіе, коего домогались, разошлись по домамъ, а на другой день всѣхъ прехъ поварищей отправили обратно къ Полякамъ.

Сіе происшествіе достапночно показывало Лжедмитрію, что не легко будетъ подданнымъ его ужиться съ приведенными имъ иноземными господами. Увлекался сроднымъ ему самонадѣяніемъ, онъ возмечталъ, что можетъ обойтись и безъ иностранной помощи, и вѣришь охраненіе своей особы однимъ Русскимъ, коихъ надѣялся совершенно привлечь къ себѣ щедротами своими и крошестію правленія. Въ слѣдствіе сего онъ оставилъ у себя на службѣ только роту Пана Доморацкаго, прежде бывшую его собственною, и распустилъ всѣ про-

Въездъ въ
Москву
Польскихъ
пословъ въ
1606 году.

чія Польскія хоругви, заплашивъ съ каждаго кова
гусарамъ по 40 злотыхъ, а пѣшигорцамъ по 57 Письмо Ян
Бучинскаго
къ разстриг
Января 1601
года.
злотыхъ (тоже нынѣшнихъ серебряныхъ рублей).
Но не многіе изъ Поляковъ сохранили сіи деньги.

Прочіе, получивъ по тогдашнему времени весьма
значительное жалованье, еще на Москвѣ все про-
мошани, пропили или проиграли въ кости, и во-
ропились ни съ чѣмъ въ свое опечесство, жалуясь
на скупость Царя, хотя сами были виновниками
своей нищеты.

Самозванецъ, имѣя въ виду задобрить Русскихъ
милосердіемъ необычайнымъ, рѣшился прекратитъ
ссылку Шуйскихъ, даже прежде нежели они до-
стигли назначенныхъ для жительства ихъ мѣстъ.
Имъ возвратили взятое у нихъ имѣніе и все преж- Пасрле.
ніе чины и почести. Послабленіе опасное для Са-
мозванца, который не разсудилъ, что безвредно
для себя миловать преступниковъ принадлежишь
однимъ законнымъ Государямъ и составляетъ
исключительное преимущество ихъ священнаго
права.

По крайней мѣрѣ, если Лжедмитрій полагалъ
утвердитъ престолъ свой на любви народной, долж-
но было ему тщательнѣе оберегаться своего лег-
комыслія, и въ особеннѣе спарашься не выка-
зывать ни ошвращенія къ обычаямъ Русскимъ,
ни наклонности къ Польскимъ. Напрошивъ того,

Беръ и На-
рушевичъ.

онъ вездѣ и всегда пренебрегалъ опечественными обрядами, и упражненія и попѣхи свои устроивалъ на иноземный образецъ. Русскіе слышали съ омерзѣніемъ, что у него во время стола гремѣла музыка, что онъ почти всегда одѣвался по Польски, ѣлъ пшляпину, не молился иконамъ садясь за обѣдъ, и не умывалъ рукъ по окончаніи онаго. Удивлялись также тому, что онъ не ходилъ въ баню по Субботамъ и не спалъ послѣ обѣда, а вмѣсто того выходилъ изъ дворца, самъ другъ, для посѣщенія аптекарей, серебряниковъ или какихъ другихъ ремесленниковъ. Самое удалство его мало нравилось. Онъ упражнялся въ пляскѣ, живо вскакивалъ на бѣшеныхъ лошадей, билъ самъ медвѣдей. Все сіе было неприличнымъ въ глазахъ людей, привыкшихъ къ степенной величавости прежнихъ Царей, которые не иначе переходили изъ одного покоя въ другой, какъ поддерживаемы подъ руки къмъ либо изъ окружающихъ ихъ многочисленныхъ царедворцевъ, а когда садились на коня, то всегда два боярина подносили скамью, чтобы облегчить трудъ Государя. Не удивительно, что слѣдствіемъ столь рѣзкой переменъ было общее охлажденіе къ Лжедимитрію, и что не усматривалъ въ немъ ничего, означающаго Царское происхожденіе, стали называть его *Польскимъ свистуномъ*.

Впрочемъ не одна наружность была позорна въ Самозванцѣ. Онъ и въ поступкахъ и дѣйствіяхъ большей важности оказывался безразсуднымъ и развратнымъ до безконечности. Къ величайшему соблазну своихъ подданныхъ онъ приказалъ опвесить Езуитамъ, для свободнаго священнодѣйствія по Римскому обряду, обширный дворъ по близости дворца. Въ Боярской думѣ, гдѣ заставлялъ почти ежедневно, хотя и ошличался нѣкошорымъ Беръ-оспроуміемъ, но вмѣстѣ съ шѣмъ приводилъ въ сильное негодованіе бояръ, беспрестанными упреками за ихъ невѣжество и совѣтами учился у иноземцевъ. Вообще съ вельможами онъ обходился неосмотрительно: иногда дружился съ ними безъ надлежащаго приличія, за шо часно ругалъ ихъ и бивалъ палкою, и шо и другое къ явному нарушенію Царскаго достоинства. Любоспращіе его также не знало ни какихъ границъ; онъ безче- Хропографъ. сшилъ даже юныхъ монахинь, и въ довершеніе неисповснвъ своихъ, взялъ себѣ въ наложницы несчастную жертву своего власполюбія, Царевну Ксенію. Еще справедливо обвиняли его въ чрезмѣрной распочительности. Издержавъ въ первые три мѣсяца своего правленія до семи съ половиною милліоновъ рублей (до 25 милліоновъ нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) онъ не переспавалъ сыпашъ деньгами, и шо не для государшвенныхъ нуждъ, Нарушевичъ.

Письмо Мишка къ Лжедмитрію изъ Кракова, отъ 25 Декабря 1606 года.
Письмо Бучинскаго къ Самозванцу, Января 1606 года.

а для удовольстворенія собственныхъ прихотей; шарашился на музыканшовъ и другихъ угодныхъ

Дневникъ по-
словъ Поль-
скихъ 1606
года.

ему пунедцевъ, и самъ любилъ роскошь и необы- чайную. Какъ будто пренебрегала прежнимъ жили- щемъ Царей, онъ выспроилъ въ Кремль, на бере- гу Москвы рѣки, деревянный дворець, великолѣпно убранный, насупрошивъ коего выпавилъ огромна- го мѣднаго Цербера, съ блестящими челюстями. Сіе изображеніе адскаго чудовища ужасало набож- ныхъ Россіянъ, и уснлило уже начинавшее распро- страляться въ нижнихъ сослоініяхъ мнѣніе, что пресполомъ овладѣлъ чародѣй.

Къ довершенію безразсудныхъ дѣйствій сво- ихъ, Самозванецъ гоповилъ исполнить данное имъ Миншку обѣщаніе, вступитъ въ бракъ съ дочерью его Мариною, хопя легко могъ предви- дѣть, что выборомъ невѣсты иновѣрной и при- надлежачей къ народу, всегда враждебному Россіи, онъ крайне возстановитъ прошивъ себя своихъ подданныхъ. Но не преспавая пренебрегать мнѣ- ніемъ Россіянъ, онъ назначилъ посланникомъ въ Польшу надворнаго казначея Аванасія Власьева, для порожественнаго испрошенія согласія Короля на обрученіе его съ Мариною, и для немедленна- го совершенія сего обрученія, по силѣ даннаго ему полномочія.

Прежде еще опъѣзда Власьева изъ Москвы,

прибыль шуда посланникомъ ошъ Короля Сигизмунда секретарь его, Александръ Гонсевскій Староста Велижскій. Кромъ поздравленія Лжедимирия съ возшестьвиемъ на престолъ и увѣдомленія о намѣреніи Короля, вступитъ въ бракъ съ Австрійскою Эрцгерцогинею Коншанціею, Гонсевскій имѣлъ еще порученіе увѣдомитъ Самозванца о пронесшемся въ Польшу слухъ, что Борисъ Годуновъ еще живъ и находится въ Англии. Объящая всякое нужное содѣйствіе Польши, для внутренняго успокоенія Россіи, онъ требовалъ взаимности со стороны Царя въ отношеніи къ Польшу, и просилъ его не дружитья со Швеціею и предоспавитъ Полякамъ такой же свободный торгъ во всей Россіи, каковымъ пользуются Русскіе въ Польшу. Посланнику ошвѣчали, что слухъ о Годуновѣ не имѣетъ никакой основательности, что Польскимъ купцамъ будетъ свободный пропускъ по всему Государству, но что нельзя еще вполне удовлетворить желанію Короля касательно Швеціи, потому что хотя Царь и гнушается преступными дѣйствіями похитителя Шведскаго престола, однако не можетъ приступитъ къ насущному разрыву съ нимъ, пока не увѣрится въ истинной пріязни къ себѣ Короля Сигизмунда, который, уменьшая титулъ Государя Россійскаго, подавалъ поводъ сомнѣваться въ своемъ добро-

Тайная рѣчь
Гонсевскаго
и отвѣтъ на
опую.

желашельствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Король въ письмѣ своемъ не называлъ Лжедимитрія Царемъ, а шолько Господаремъ и Великимъ Княземъ *. Сіе штъмъ болѣе оскорбляло Самозванца, что даже шипуль Царскій казался не довольно пышнымъ для сего, счастьемъ возмелѣяннаго пришельца. Онъ самъ себя называлъ непобѣдимымъ Цесаремъ, и домогался сего именованія и опъ иностранныхъ дворовъ.

Въ слѣдъ за Гонсѣвскимъ прѣхалъ также въ Москву съ поздравленіемъ опъ Папы Павла V посланникъ, Графъ Александръ Рангони, племянникъ Папскаго Нунція въ Польшѣ, первоначально споль много содѣйствовавшаго успѣху предпріятія Лжедимитріева. Необычайная довѣренность Короля Сигизмунда къ его дяди была уже довольно извѣстна Самозванцу, и пошому онъ рѣшился, не обинуясь, объясниться съ Графомъ по предмету сношеній своихъ съ Польшею и просить его шайно представить Королю, что не смощря на возникшія между ними взаимныя неудовольствія, онъ ни когда не забудеть прежнія Сигизмундовы милоспи, что Король съ своей стороны не долженъ претбовать условенной уступки городовъ, до тѣхъ поръ, пока не ушвердится власть новаго Царя достаточно для безопаснаго и безпрепятшвеннаго исполненія сей спашьи, неминуемо долженшву-

* Смотри Првложенія № XII.

ющей огорчить Россіянъ, и наконецъ, что хопя онъ и помышленія не имѣеть воевать съ Польшею за шипуль, но никогда не откажешся опъ слѣдующей ему почести, и будешь ожидать справедливаго удовлетворенія опъ дружескаго къ себѣ расположенія Короля *.

Между тѣмъ Власевъ, уже отправившійся въ Польшу, продолжалъ путь свой, и прибывъ въ Краковъ 30-го Октябрия, остановился въ домѣ у ^{Дневникъ} воеводы Сендомирскаго. 4-го Ноября онъ имѣлъ ^{Марини.} поржешественную аудіенцію у Короля, коему вручивъ грамоту Самозванцеву, свидѣтельствовалъ о желаніи Государя своего вступити въ тѣсный союзъ съ Польшею въ особенности противъ Турокъ; на второй же аудіенціи, данной ему чепыре дня спустя, онъ просилъ Сигизмунда, позволить бракъ Лжедимишрія съ Мариною Мнишковою, на что Король пошчасъ же изъявилъ свое согласіе.

Но пакъ какъ въ то же время прибылъ въ Краковъ посланный изъ Москвы опъ Царицы Мары Шведъ, то Сигизмундъ не упалъ опъ ^{Жолѣвска-} Мнишка привезенное имъ извѣстіе объ отреченіи ^{го} самой Царицы опъ мнимаго сына. Не смотря на важность сего свидѣтельства, щесплюбивый вое-

* Смотри Приложенія № XIII.

Дневникъ
Марини.

Измещивъ.

вода пренебрегъ онымъ, и напрошивъ пого рѣшился поспѣшить обрученіемъ своей дочери. По прїѣздѣ Власьева, Марины еще не было въ Краковѣ. Она съ матерью своею прибыла туда 9-го Ноября, а 12-го совершилось обрученіе съ большою пышностію, въ присушствїи самого Короля. Священнодѣйствовалъ, по Лашинскому обряду, Кардиналъ Маціовскій, Епископъ Краковскій. При семъ случаѣ Власевъ, по происхожденію своему человекъ не знашій, не умѣлъ сохранишь доспонисиво высокаго сана, въ которій былъ облеченъ по прихоти или по довѣрію Самозванца, и оказывалъ подобоспраспїе, проспиравшееся до грубѣйшей проспобы. Такъ напрімѣръ, на обычный вопросъ Кардинала, не давалъ ли прежде Царь обѣщанія женишься иной невѣстѣ, онъ отвѣчалъ: *А мнѣ какъ знать? о томъ не имѣю ни какого порученія.* Только по настоянію прислужниковъ своихъ рѣшился примолвить: *Если бы обѣщали другой невѣстѣ, то не смалъ бы меня сюда.* Когда дошло до перемѣны колець, то посланникъ вынулъ изъ малаго ларчика перспень съ полспымъ амазомъ, величиною съ хорошую вишню, и подалъ Кардиналу, который надѣлъ оной Маринѣ на палець. Кардиналъ хотѣлъ пакже невѣстинъ перспень надѣтъ на палець предспавляющаго лица Дмитрія, посланника. Власевъ, не

только не дозволилъ сего, но даже отказался принять перстень въ голыя руки, а просилъ Епископа опустить оный въ топъ же ларчикъ, въ которомъ принесенъ былъ Царскій алмазь. Продолжая причудничать, посланникъ, когда по приглашенію Кардинала долженъ былъ взять руку Марины, хотѣлъ непременно обернуть свою въ чистый платокъ, и не безъ труда успѣли увѣрить его, что обрядъ требовалъ, чтобы онъ съ невѣстою споялъ рука въ руку. По совершеніи обрученія, по-^{Дневникъ} сланникъ кланялся въ землю передъ невѣстою.^{Марины.} Богатство поднесенныхъ имъ при семъ случаѣ даровъ изумило самыхъ роскошныхъ Поляковъ *.

Послѣ обрученія, воевода Сендомирскій угощалъ всѣхъ присутствующихъ великолѣпнымъ обѣдомъ.^{Измещичъ.} За особымъ столомъ сѣли Король, невѣста, Сигизмундова сестра Королева Шведская, Королевичъ Владиславъ, Русскій посланникъ, Папскій Нунцій и Кардиналъ Маціевскій. Прежде кушанья всѣмъ имъ подали воды для умовенія рукъ; одинъ Власевъ не хотѣлъ умыться. Также замѣтили, что онъ ничего не ѣлъ, кромѣ хлѣба съ солью, и щцателью оберегался, чтобы плащъ его не касалось плащя сидѣвшей подлѣ него Марины. Напрасно Король посылалъ уговаривать его, чтобы

* Смотри Приложенія № XIV.

ѣль; онъ опозвался, что непристойно холопу ѣсть при такихъ высокихъ особахъ, и что ему и по велика чести смопрѣшь, какъ они кушаютъ. За обѣдомъ слѣдовали пляски, копорья началъ самъ Король съ невѣспою. Наконецъ Воевода Сендомирскій приказалъ дочери своей преклонить колѣна передъ Королемъ и благодарить его за всѣ его милости. Сигизмундъ, вспавъ съ своего мѣста, и скинувъ шапку, поднялъ Марину. Попомъ надѣвъ опяшь шапку, говорилъ ей слѣдующую рѣчь: *Ваша милость отъѣзжаетъ въ чужую землю, къ иноземному народу, къ обрученному жениху, который, по Божіей воли и по нашей милости, достигъ тамошняго престола! Когда, ваша милость, будете тамъ, прошу васъ, ради Бога, не оставляйте умножать и укрѣплять хвалу Божію и миръ съ нами и съ тою державою, въ которой вы родились и въ которой оставляете отца, братьевъ, сестеръ и родственниковъ своихъ. Ваша милость и будущему супругу своему напоминайте, чтобы онъ не забывалъ нашу благосклонность и наше содѣйствіе, исполняя данныя намъ и нашей державы обѣщанія, утвержденныя его присягою, и не только во всю жизнь оказывалъ бы намъ благорасположеніе и дружество, но даже передавалъ бы чувства сіи и могущимъ родиться у него дѣтямъ. Невѣспа отвѣчала: Стану молить Бога, дабы будущій господинъ*

мой супругъ, умѣлъ угодить Богу и умножать его хвалу и служеніе, и вѣстль съ тѣмъ оказывалъ Королю, вашей милости, и державѣ Польской должную признательность за изліяныя на него милости и одолженія... Тутъ слезы прервали ея слова. Кардиналъ Маціовскій продолжалъ благодарить Короля, опть имени ея и воеводы Сендомирскаго.

На другой день былъ оппускъ посланнику. Канцлеръ Липовскій объявилъ ему, что Король черезъ него поздравляетъ Царя съ благополучнымъ обрученіемъ, а что въ разсужденіи союза прошивъ Турокъ, нужно будетъ, по дальнѣйшимъ сношеніямъ обстоятельнѣе уговориться. Власевъ, не смотря на свое невѣжество и на преданность свою Лжедимирию, былъ Русскимъ въ сердцѣ и ненавидѣлъ Поляковъ. Такъ какъ при оппускѣ его, Канцлеръ называлъ Государя Россійскаго только Великимъ Княземъ, то Власевъ не упустилъ жаловаться на сіе. Также онъ оскорблялся и тѣмъ, что на канунѣ невѣста Царская кланялась въ землю Королю. Ему отвѣчали, что пока Марина не покинетъ Польскаго края, она не престанетъ быть подданною Короля.

25-го Ноября Марина отправилась въ Промникъ, замокъ, лежащій въ 5-ти верспахъ опть Кракова, гдѣ должна была ospаваться, пока опецъ ея

не устроишь дѣлъ своихъ въ Краковѣ. Напрасно Власевъ увѣщевалъ Мнишка не медлить отъѣздомъ своимъ въ Россію; воевода отпывался неизмѣніемъ денегъ на подъемъ и на расплату съ многочисленными займодавцами своими. Хотя посланникъ имѣлъ повелѣніе самъ провожать невѣсту до Москвы, однако для удобности въ переездѣ уговорились, чтобы онъ одинъ отправился впередъ и ожидалъ Мнишкова въ Слонимѣ, куда они оба ждали прибыть поспѣе по полученіи ожидаемыхъ ими отъ Самозванца пособій. На первый

Письмо Мнишка къ Самозванцу изъ Кракова отъ 25-го Декабря 1605.

случай Власевъ рѣшился самъ ему дать 14,000 Польскихъ злотыхъ (позже нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) да суконъ и мѣховъ, взятыхъ у Русскихъ купцовъ въ Люблинѣ, на 12,400 злотыхъ.

Съ своей стороны, Лжедмитрій еще до полученія извѣстія о совершеніи обрученія, послалъ въ Краковъ съ секретаремъ своимъ, Яномъ Бучинскимъ, 200,000 злотыхъ для врученія ихъ воеводѣ Сендомирскому. Кажется, что разсприга, не смотря на вѣтренность свою, самъ постигалъ, что благоразуміе преобладало, чтобы Марина, по прибытіи своемъ въ Москву, хотя по наружности, сообразовалась съ обычаями и церковными обрядами Русской земли. Въ данномъ Бучинскому наказѣ, онъ предписывалъ ему настаивать, чтобы невѣста его не убивала себя волосъ, и чтобы Папскій Нунцій доз-

Грамота Лжедмитрія къ Мнишку изъ Москвы отъ 5-го Ноября 1605.

Наказъ Бучинскому.

волилъ ей въ день вѣнчанія принявъ причастіе отъ Патріарха, поспишься въ Середу вмѣсто Субботы и ходишь иногда въ Греческую церковь, что не могло ей служишь препяпспвіемъ исполняшь во внутренности покоевъ своихъ всѣ обряды исповѣдываемой ею Лапинской вѣры.

Бучинскій, прибывшій въ Краковъ 24-го Декабря, не успѣлъ склонить Рангони на просимую Самозванцемъ снисходительность. Хопя Езуиты, всегда руководимые свѣпскою мудроспїю, и охотно допускающъ единовѣрцевъ своихъ къ свяпхульному лицемѣрїю, когда сіе оказывается для нихъ нужнымъ или выгоднымъ, но вѣроятно въ семъ случаѣ они почли необходимымъ вынудить Лжедимипрїя явнымъ дѣйспвіемъ сдѣлашь первый присупъ къ обѣщанной имъ перемѣнѣ вѣры въ своемъ Государспвѣ, и такимъ образомъ снова возбудишь видимо охладѣвшую въ немъ ревность къ папешспву. Въ самомъ дѣлѣ разсприга, принявшій Римскій законъ не по убѣжденію, а единспвенно въ угодность лицъ, отъ коихъ зависѣла погда его учаспъ, не шоропизся исполненіемъ опаснаго предпрїятїя. Можешъ бышь, видя искреннюю и глубокую преданность Русскихъ къ спаринному своему исповѣданію, рѣшился бы онъ и совѣмъ оспавишь ихъ при ономъ, но боялся оскорбишь Короля Сигизмунда и лишишь пре-

Часть I. 12

споль свой надежнѣйшей опоры, которую находилъ только въ содѣйствіи Польши. По крайней мѣрѣ искалъ выиграть время, и на всѣ подстрекашества Римскаго духовенства отзывался что такое великое дѣло не можетъ быть совершено безъ предварительныхъ приуготовленій.

Письмо Самозванца къ Папѣ Павлу V-му изъ Москвы отъ Декабря 1605 и Нунція Рангони къ Самозванцу изъ Кракова отъ 5-го Февраля 1606.

Недовольные сею медлительностію Езуиты склонили Нунція оповѣщать Самозванцу, что онъ долженъ непременно, силою самодержавной власти своей, оградить нарѣченную супругу отъ всякаго принужденія по предмету исполненія обрядовъ исповѣдуемой ею вѣры.

Дневникъ Марини.

Лжедмитрій, извѣспившись о обрученіи Марини, послалъ съ благодарительными письмами къ Королю и къ Мнишку гонца, Ивана Безобразова, который прибывъ въ Краковъ 4-го Января, началъ исполненіемъ главнаго своего порученія. Но гораздо важнѣйшее дѣло было еще тайно вѣршено Безобразову. Онъ пользовался всею довѣренностію Князя Шуйскаго, по совѣту коего Самозванецъ отправилъ его въ Польшу. Шуйскій, полагаясь на его благоразуміе и на приверженность его къ себѣ, приказалъ ему довести до свѣдѣнія Короля о неудовольствіи Бояръ прошивъ Самозванца. Въ слѣдствіе сего, Безобразовъ просилъ тайно переговорить съ Канцлеромъ Лишовскимъ Сапѣугою, но Король нашелъ, что важность

Рукопись Жолкевскаго.

сана, занимаемаго Сапѣгою , слишкомъ обращала на него общее вниманіе, и что попому трудно было бы сокрыть свиданіе съ нимъ. опѣ Бучинскаго и Русскихъ чиновниковъ, въ Краковѣ находящихся. Уговорились, чтобы вмѣсто Сапѣги, гоноецъ опкрывся воропившемуся изъ Москвы Гонсѣвскому. Безобразовъ объявилъ ему, что Шуйскіе и Голицыны негодуютъ на Короля, давшего имъ въ Государи человекъ нрава легкомысленнаго и свойспѣвъ низкихъ, копорый предаваясь суровости, распуштству и распочишельности, какъ будпо самъ спарается оказать себя недоспойнымъ Царскаго вѣнца ; что они рѣшились изыскивать средспва избавишься опѣ него, и что наконецъ онъ шакъ имъ несноснымъ казался, что лучше бы хошѣли вмѣсто его видѣшь на Московскомъ пресполь Сигизмундова сына, Королевича Владислава. Сіе неожиданное предложеніе породило, на пагубу Россіи , въ умѣ Сигизмунда мысль со временемъ воспользоваться онымъ для удовольстворенія врожденнаго въ немъ шщеславія. Однако онъ не посмѣлъ еще, по первому вызову, войши въ дальнѣйшія сношенія по сему предмету съ Русскими вельможами, и попому приказалъ опвѣчать имъ, что прискорбно ему слышать, какъ неспово ведеть себя шопѣ, копорого дошоль онъ почишалъ насшоящимъ Димитріемъ, что онъ висколь-

*

ко не намѣренъ препяшпшовавъ имъ дѣйствовавъ прошивъ него, какъ заблагоразсудяшъ, и что наконецъ, касашельно сына своего, пакъ какъ онъ самъ имѣешъ за правило не увлекашься властполюбіемъ, шо желашъ, чтообы шаковою же умѣренностію руководспвовался и Владиславъ, предавалъ впрочемъ будущность волѣ Божіей. Изъ сего двусмысленнаго опзыва Безобразовъ заключишь долженъ былъ, что по крайней мѣрѣ Сигизмундъ не будешъ спояшъ за Самозванца, — обстоятельспво важное для успѣха въ замышляемомъ заговорѣ.

Хотя Король, Сапѣга и Гонсѣвскій не нарушили даннаго ими обѣщанія, не оглашашъ вѣрною имъ шайны, но какъ сіе довольно обыкновенно бывашъ въ дѣлахъ шакого рода, слабый и неопредѣлительный опголосокъ Русскихъ жалобъ, раздался по Кракову, и дошелъ даже до Бучинскаго, копорый писалъ Лжедимитрію, что худая молва разносится о немъ въ Польшу, что гордые цаны сильно негодуюшъ на него за домогашельспва его о новомъ шипулѣ, и что одинъ изъ нихъ, а именно воевода Познанскій, не обинуясь

Письмо Бучинскаго къ Лжедимитрію изъ Кракова отъ Января 1606.

говорилъ о смѣходоспойной надменности, съ каковою онъ самъ себя называлъ *непобѣдимымъ*, и пакже о томъ, что въ самой Москвѣ уже догадываются, что онъ за человекъ.

Казалось что значная сумма денегъ, привезенная Бучинскимъ Мнишку, не оспавляла никакого предлога воеводѣ еще мѣшкапъ своимъ опъѣздомъ въ Россію. Дѣйствительно, Марина выѣхала изъ Промника 11-го Января 1606 года, но вмѣсто того чпобы направиться прямымъ путемъ, черезъ Сандомиръ, Люблинъ и Бреспъ къ Слониму, гдѣ ее ожидалъ Власевъ, она поѣхала съ опцемъ своимъ въ имѣніе его Самборъ. Открылись обоюдныя неудовольствія. Самозванецъ оскорблялся, что невѣста его не отвѣчаетъ на его письма и не оказываетъ ни малѣйшей готовности поспѣшати къ нему. Мнишекъ съ своей стороны жаловался, что присланныхъ денегъ не доставочно ему для уплаты долговъ своихъ, и выговаривалъ разспригъ, что держитъ у себя въ наложницахъ Царевну Ксенію. По послѣднему предмету Лжедимитрій шѣмъ охотно согласился сдѣлать ему должное удовлетвореніе, что онъ скучалъ уже Ксенією. Поспrijженная подъ именемъ Ольги, она была отправлена въ монастырь, гдѣ печальная жизнь ея продолжалась еще 16 лѣтъ. Безъ невольнаго содроганія нельзя помыслить объ ужасныхъ превратностяхъ ея судьбины. Одаренная отъ природы необычайною красотою и прелекательными свойствами ума и сердца, она цвѣла беззаботно подъ стѣною родительской любви. Все предвѣщало ей блистатель-

Дневникъ
Марины.

Письмо Ста-
нислава Бу-
чинскаго къ
Мнишку изъ
Москвы отъ
27-го Декаб-
ря 1605.

Грамота
Лжедимит-
рія тому же
изъ Москвы
отъ 29-го Ян-
варя 1606.

Письмо
Мнишка къ
Самозванцу
изъ Кракова
отъ 25-го Де-
кабря 1605,
изъ Минска
отъ 4-го
Апрѣля и изъ
Борисова отъ
8 го Апрѣля
1606.

Надгробная
надпись въ
Троицко-
Сергіевомъ
монастырѣ.

ную будущность. Уже попечительный Борисъ располагался навсегда упрочить ея благоденствіе, присканіемъ для нее доспойнаго жениха. Выборъ его палъ на юнаго Герцога Іоанна, роднаго брата Христіерна IV Короля Датскаго. Герцогъ, сано-виный и радушный випязъ, понравился Царевнѣ, которая весело ожидала брака. Но не на радость обречена была Ксенія! Первымъ испытаніемъ было для нее болѣзнь и кончина жениха. За снмъ ударомъ рока слѣдовали еще люпъйшіе. Переживъ гибель отца, матери и брата, прелестная дѣва вынужденною была позорно удовлетворять пресупнымъ желаніямъ убійцы милыхъ сердцу ея ближнихъ. Кто можетъ исчислить душевныя терзанія ея въ объятіяхъ злодѣя! Къ довершенію ея бѣдствій, смерть не спъшила положить конецъ ея спраданіямъ, и осужденная влачить жизнь свою еще многіе годы, она долго томилаcь воспомина-ніями о постыдной и горестной участи своей. Несповѣдимый гнѣвъ Божій спрашно разражался надъ несчастнымъ семействомъ злодѣйски властолюбиваго Бориса.

Однако Миншекъ все еще оставался въ Самборѣ, или дѣйствительно занимаясь необходимыми приготовленіями, для снаряженія огромной своей свиты, или устрашенный и до него доходившимъ отголоскомъ Московскихъ толковъ. Власевъ,

болѣ мѣсяца бесполезно ожидавшій его съ невѣ-
спою въ Слонимѣ, рѣшился наконецъ самъ ѣхать
къ нему въ Самборъ, дабы лично объяснить, что Дневникъ
Марины. дальнѣйшее мешканье, раздраживъ Самозванца, мо-
жетъ бытъ вредно для собственннхъ его выгодъ.
На сей разъ его увѣщанія не оспались безуспѣш-
ными. Марина выѣхала изъ Самбора 20-го Фе-
враля, въ сопровожденіи отца, брата, Власьева,
Бучинскаго и множества родныхъ и знакомыхъ
своихъ.

Хомя весенняя распушица и прудность продо-
вольствія для многочисленной свинны всѣхъ сихъ
пановъ, представляли большія препятствія въ пу-
ши, однако огромный обозъ подвигался довольно
поспѣшно по направленію Люблина, Слонима,
Минска и Орши. Дорогою Мнишекъ получилъ
еще изъ Россіи 55,000 злотыхъ (то же нынѣш-
нихъ серебряныхъ рублей), да кромѣ того Само-
званецъ прислалъ Маринѣ 5,000 червонцевъ. — Въ
сѣдѣ за невѣспою, Король Сигизмундъ отправилъ Письмо Са-
мозванца къ
Бучинскому
изъ Москвы
отъ 28-го
Февраля
1606. также въ Москву великихъ пословъ своихъ, Ни-
колая Олесницкаго Каштеляна Малагоскаго, и
бывшаго уже въ Россіи, Александра Гонсѣвскаго,
староспу Велижскаго.

Пока все сіе происходило въ Польшѣ, безраз-
судность Лжедмитрія все болѣе и болѣе умно-
жала негодованіе Русскихъ, и подозрѣнія ихъ на счесть

его самозванства. Съ безпокойствомъ замѣчали что онъ посѣщая другія церкви и обители, ни когда не бывалъ въ Чудовъ монастырь, къ коему мнимые предки его имѣли всегда особенное благоговѣніе. Также шептали между собою, что Пафнуцій, Милпрополисъ Крупицкій, бывший Архимандритомъ въ Чудовъ, когда монашествовалъ тамъ Опрельевъ, хорошо узналъ подъ Царскимъ вѣнцомъ юнаго инока своего, но молчалъ единственно отъ страха.

Légende de la vie et de la mort de Demetrius.

Алѣксандрій, извѣщенный о неблагопріятномъ для него народномъ говорѣ, и соображая оный съ полученными имъ предостереженіями изъ Польши отъ Мнишка и Бучинскаго, призналъ необходимымъ опложитъ прежнюю довѣрчивость свою. Не смѣя уже полагаться на любовь подданныхъ, онъ вздумалъ, для удержанія ихъ въ повиновеніи, усилитъ власть свою особенною преданностію къ себѣ военныхъ людей. Въ семъ намѣреніи, онъ спалъ опмѣнно ласкаетъ и награждаетъ спрьльцевъ, въ Москвѣ находящихся. Но и сего не почиталъ онъ достаточнымъ для личной безопасности своей. Спрьльцы были Русскіе, и пошому, не смотря на всѣ милости его, могли бытъ увлечены общимъ мнѣніемъ своихъ соотечественниковъ. Еще надежнѣе ему казалось окружитъ себя иноземными шлохранителями. Въ Январѣ

Беръ и Маржереть.

1606 года онъ набралъ 300 Нѣмцовъ и раздѣлилъ ихъ на три сотни, изъ коихъ одна шпрѣжковая, была подъ начальствомъ Француза Маржереша; другіе двѣ соспоили изъ алебардщиковъ, и имѣли начальниками Лифляндца Кнушсена и Шопландца Вандемана. Всѣ они получали большое жалованье, были богато одѣшны и смѣнялись черезъ сутки, такъ что ежедневно половина изъ нихъ находилась безоплучно при Лжедимипріѣ. Даже когда Самозванецъ ѣздилъ по улицамъ, то и шупъ всегда являлся окруженнымъ сими иноземными Палицышъ. спражами, копорые не допускали къ нему и самихъ Русскихъ бояръ, вынужденныхъ слѣдовать за ними.

Разсприга, полагая, что совершенно обезопасилъ свою особу, почти ни о чемъ болѣе не спалъ помышлять, какъ о весельи и забавахъ. Во дворцѣ не преспавали пляски, музыка и игра въ зернь. Всякой день долженъ былъ казаться праздничнымъ. Въ угожденіе ему не только вельможи, но даже и просполюдины вынуждены были не по соспоянію своему прашипъся на наряды. Никпо въ скромной одеждѣ къ нему доступа не имѣлъ; даже и на улицахъ онъ не любилъ встрѣчашъ людей не въ богатыхъ нарядахъ. Самозванецъ думалъ, что наружная веселоспъ означаетъ благоденспвіе народное.

Маржерегъ. Легкомысліе его по крайней мѣрѣ не всегда оказывалось злонравнымъ. Годуновъ, во все время своего могущества, не дозволялъ женишься Князь-люмъ Ѳедору Ивановичу Мспиславскому и Василю Ивановичу Шуйскому, дабы не умножались уваженія, которыми они пользовались въ народѣ, и которое и безъ того уже казалось ему нѣсколько опаснымъ. Князья сии, хотя въ преклонныхъ лѣтахъ, скучали своимъ одиночествомъ. Они просили Самозванца не препятствовать имъ вступить въ бракъ. Лжедмитрій пѣмъ охотно согласился удовлетворить ихъ желанію, что при семъ открывался новый случай къ любимымъ имъ пиршествамъ. Князь Мспиславскій взялъ въ супружество двоюродную сестру Царицы Марѣы, а Князь Шуйскій помолвилъ на Княжну Буйносовой, также свойственницу Нагихъ.

Упопая въ забавахъ, Самозванецъ не менѣе того помышлялъ и о воинской славѣ. Успѣхъ борьбы его съ Борисомъ, хотя единственно основанный на измѣнѣ, такъ усилилъ врожденную въ немъ самонадѣянность, что онъ дѣйствительно считалъ себя непобѣдимымъ, и хотѣлъ всему свѣту выказать свое богатство. Въ то время Турецкая Имперія была еще во всей полнотѣ своего могущества, и сношенія ея съ Россією, хотя не совсемъ пріязненные, не подавали однако повода къ

явному разрыву. Не смотря на сіе Лжедимипрій, изъ одного самохвальства, гошовилса объявить войну Опшоманской Поршѣ, не жалѣя важныхъ пожертвованій, коимъ безъ нужды подвергалъ свое государство. Разосланы были повелѣнія для сбора, по всеяѣ, значительнаго войска у Ельца, куда уже Палицынъ. везли множество пушекъ. Другая рать, плавная, назначалась для спуска по Дону. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Лжедимипрій искалъ содѣйствія прочихъ державъ, сосѣдственныхъ съ Турками. Порта уже вела войну съ Шахомъ Персидскимъ за Грузію, и съ Римскимъ Императоромъ за Венгрію и Седьмиградскую землю; но Императоръ оказывалъ большую склонность къ примиренію. Лжедимипрій назначилъ посольство къ Шаху, чтобы уговориться съ нимъ о обоюдныхъ дѣйствіяхъ противъ общаго непріятеля, а съ другой стороны онъ писалъ къ Папѣ, Письмо Раигоши къ Самозванцу изъ Кракова отъ 25-го Февраля 1606. прося его ходатайства не только на удержаніе Императора отъ преждевременнаго мира, но даже на побужденіе его къ заключенію тѣснаго наступательнаго союза съ Польшею и Россією, для подавленія вѣчнаго врага христіанства. Но Польскій Король уклонился отъ участія въ семъ предпріятіи подъ предлогомъ, что по врожденному опиранию не легко Полякамъ дружить съ Нѣмцами, и что не вѣроятно, чтобы всѣ Имперскіе чины согласились принять обязательство не только со-

вокупными силами поддерживаешь Императора, но даже ни въ какомъ случаѣ опдѣльно отъ Польши не мириться съ Порпою, безъ каковаго завѣренія Польша подверглась бы опасности—быть оставленною на жертву Туркамъ. Папскій Нунцій Рангони, извѣщая Самозванца о семъ Сигизмундовомъ опзывѣ, писалъ къ нему, что въ сихъ обспоятельстввахъ Папа находишь полезнымъ ограничиться обращеніемъ Русскихъ и Польскихъ силъ на истребленіе Крымскихъ Тапаръ, чѣмъ, пакъ сказаешь, обрѣжущся крылья у Порпы, и слѣдственно нанесется ей сильный ударъ, съ соблюденіемъ прямыхъ выгодъ обѣихъ участвующихъ въ семъ подвигѣ Государствъ, копорымъ не предспавлялось другаго средства для обезопасенія навсегда предѣловъ своихъ отъ беспреспанныхъ хищническихъ нападений гнусно-безпокойныхъ сосѣдей сихъ. Въ семъ же смыслѣ Рангони объяснялся и съ Поляками на собранномъ въ Краковѣ сеймѣ. Должно признаешься, что Папское предложеніе было основано на благоразумныхъ и дальновидныхъ соображеніяхъ, но оно, кажешся, не понравилось разспригъ, копорый въ запѣваемомъ имъ предпріятіи искалъ не настоящихъ выгодъ Россіи, но выказыванія на обширномъ поприщѣ своихъ рашныхъ качествъ.

Намѣреніе его было начашъ походъ взятіемъ

Азова. Дабы ознакомить главных Русских военачальниковъ съ осаднымъ искусствомъ, онъ приказалъ обвесить ледяною крѣпостью Вязюмской Беръ-монастырь, лежащій въ 37-ми верстахъ отъ Москвы, и прибылъ туда съ Нѣмецкими пѣлохранишелями, двумя отрядами Польской конницы и всѣми боярами и знашными чиновниками Рускими. Защищать крѣпость поручено было Рускимъ, а Самозванецъ самъ повелъ Нѣмцевъ на приступъ. Съ обѣихъ сторонъ снѣжные комья должны были замѣнять оружіе; но Нѣмцы, избалованные всегда оказываемою имъ Лжедимипріемъ попачкою, преврапили попѣху въ кровавую драку. Они вмѣстѣ съ снѣгомъ спали бросать въ Русскихъ каменями, и переранили многихъ бояръ. При столь неравномъ боѣ, не трудно было одолѣть защитниковъ крѣпости. Разсприга первый ворвался въ оную, и воскликнулъ: *Дай Боже взять со ореленемъ такимъ же образомъ и Азовъ!* Подали всѣмъ пива, меду и вина, а между тѣмъ Самозванецъ велѣлъ готовиться къ продолженію рапной попѣхи, но ему донесли, что Рускіе, ожесточенные вѣроломствомъ Нѣмцевъ, запасаются для опмщенія длинными ножами. Успрашенный Царь приказалъ прекратить опасную игру и возвратился въ Москву.

Пренебрегая очевидными признаками народного

къ себѣ охлажденіа, Лжедимиѳрій, какъ будто умышленно, изыскивалъ новыя средства къ возбужденію противъ себя всѣхъ сословія. Самое много въ Россіи тогда уважалось духовенство не избѣгло его приписаній, сопряженныхъ съ явнымъ и оскорбительнымъ нарушеніемъ правъ собственности. Арбатскіе и Чернопольскіе священники были выгнаны изъ своихъ домовъ, для помѣщенія въ оныхъ Нѣмецкихъ пѣлохранилель, которыхъ Самозванецъ хотѣлъ имѣть даже и внѣ службы по близости Кремля. Но симъ частнымъ угнѣщеніемъ духовныхъ лицъ не ограничился Лжедимиѳрій. На пріуготовленія къ замышляемому имъ походу требовались издержки, для коихъ уже не доспавало безупнно истощенной имъ Царской казны. Для пополненія оной, сперва онъ занималъ безвозвратно деньги въ богатыхъ монастыряхъ, а наконецъ рѣшился захватить монастырскія имѣнія. По приказанію его всѣ обители были осмопрѣны, и составлены вѣдомости о ихъ доходахъ и о цѣнности ихъ вѣчинъ, изъ коихъ за ними оставлены только необходимыя для содержанія монаховъ, всѣ прочія были отобраны въ казну, а доходы съ нихъ обращены на жалованье собирающемуся войску.

Гревенбрухъ,
Légende и
Беръ.

Мѣры сіи, совершенно противныя духу времени, умножали раздраженіе умовъ противъ Самозванца и придавали новый вѣсъ разносившейся о

немъ худой молвъ. Лжедимишрій, уже оплоднв-
шій прежнее милосердіе, пайно, но жестоко, на-
казывалъ пѣхъ, кои называли его разспригою.
Многихъ изъ нихъ заключали въ пемницы; другихъ ^{Палицынъ.}
же попили въ ночное время. Но безпреспанно
являлись новыя обличители, которые, съ безстра-
шіемъ повноряя рѣчи прежнихъ, волновали народъ,
указывая въ особенноти на наклонность Само-
званцеву къ пренебреженію церковныхъ обрядовъ
и правъ духовенства. Даже среди самихъ стрѣль-
цовъ, весьма имъ ласкаемыхъ, нашлись люди, ко-
торые порицали его въ разореніи православной
вѣры. Одинъ изъ ихъ поварицей донесъ о томъ
Басманову, а Басмановъ самому Лжедимишрію, ко-
поруій, призвавъ во дворець Стрѣльцевъ всѣхъ
приказовъ, поспавилъ передъ ними обвиняемыхъ,
числомъ семь человекъ, и жаловался на ихъ дерз-
новеніе. Тогда Стрѣлецкій голова Григорій Мику- ^{Никоновская}
линъ, подученный Самозванцемъ, воскликнулъ: ^{Летопись, и}
Осво- ^{показанія Бу-}
боди, Государь, миль, я у тѣхъ твоихъ Государевыхъ ^{чинскихъ въ}
измѣнниковъ не только что головы покусая, и че- ^{Мавъ 1606.}
рева изъ нихъ своими зубами поытаскаю. Сказавъ
сіе, Микулинъ мигнулъ стрѣльцамъ, которые въ
доказательство своей преданности бросились на
песчашныхъ, и всѣхъ семерыхъ изрубили въ куски.
За сей достойный палача подвигъ Микулинъ былъ
пожалованъ въ думные дворяне.

Въ то же время подвергнулся опалъ просподушный слѣпецъ, Царь Симеонъ. Сей Тапаринъ по роду, былъ Русскимъ по сердцу и по духовному убѣжденію. Благодарность къ Самозванцу, воропившему его изъ ссылки, заглушалась въ немъ омерзениемъ, внушаемомъ ему опснупленіями Лжедмитрія опъ обрядовъ церковныхъ и свѣшскихъ Русскаго народа. Онъ въ бесѣдахъ своихъ, увѣщевалъ посѣщавшихъ его, не предаваться папезскимъ новизнамъ и крѣпко споять за православіе. Разгнѣванный Самозванецъ сослалъ его въ Кириловъ монастырь, гдѣ онъ былъ послриженъ подъ именемъ Сисефана.

Никоновская
Лѣтопись и
Грамота
Лжедмитрія
въ Кириловъ
монастырь
отъ 29-го
Марта 1606.

Спрогоспи сіи не удерживали ревнипелей о вѣрѣ, копорые по примѣру первыхъ спрадальцевъ за правду, смѣло проповѣдывали оную. Замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ явился дякъ Тимофей Осиповъ; сей мужъ по добродѣтели своей всѣми уважаемый, гошоваясь на опважное дѣйспвіе, говѣлъ и причаспился Свяпыхъ паничъ. Попомъ пошелъ во дворець и допущенный до Самозванца, всенародно воскликнулъ: *Ты во истину Гришка Отрепьевъ, разстрига, а не непобѣдимый Цесарь, ни Царевъ сынъ Дмитрій, но грѣху рабъ и еретикъ. Лжедмитрій, пылая яростію, приказалъ немедленно умертвить Осипова.*

Расположеніе умовъ было уже такъ непріязненно

для Самозванца, что не только смѣлые спраспо-
шерпцы, но даже самые уклонные царедворцы какъ
бы напрашивались на гнѣвъ его. Вѣрнѣйшимъ при-
знакомъ близкаго паденія правителей бываетъ то,
когда заслуженная опъ нихъ опала возвышаетъ
людей въ общемъ мнѣнн, и дѣлается предметомъ
желаній честолюбцевъ. Думный дворянинъ, Михай-
ло Игнатьевичъ Тапищевъ, всегда считался пре-
даннѣйшимъ изъ слугъ Лжедимирия, но и онъ, Маржеретъ и
сказаніе еже
содѣяся. послѣ умерщвленія спрѣльцевъ, совершенно пере-
мѣнилъ свое обхожденіе съ нимъ, и спалъ оказы-
вать ему проповность. Вскорѣ предспавился Та-
пищеву случай прерѣканіемъ своимъ выпавитъ
Самозванцеву безразсудность съ весьма невыгодной
споронны. За обѣденнымъ споломъ, конмъ въ Чеп-
вергъ на шестпой недѣлѣ великаго поста распри-
га угощалъ многихъ знапныхъ особъ, подали жа-
реную шеляшину. Князь Василій Ивановичъ Шуй-
скій, который также самъ спарался давать воз-
можную гласность неприличнымъ спспупкамъ
Лжедимирия, сказалъ ему, что ѣсть мясо въ
постѣ проповно церковному правилу, и что кро-
мѣ шого Русскіе во всякое время гнушаются шеля-
чьимъ мясомъ. Такъ какъ Самозванецъ принялся
возражать Шуйскому, то Тапищевъ заступился
за Князя, и говорилъ такъ дерзко, что выведен-
ный изъ перѣнн Лжедимирий, приказалъ вы-

Часть I. 13

гнашь его и даже намѣревался сослать на Вяшку. Но Басмановъ, ежечасно спаравшійся исправляшь по возможности ошибки Лжедимитрія, предсхавилъ ему, что наказаніе Тапищева неминуемо будетъ принято Русскими въ видѣ новаго опыта гоненій на приверженниковъ къ уставамъ православной церкви и къ обычаямъ народной спарины. На сей разъ Самозванецъ послушался его, и въ день праздника Пасхи Тапищевъ получилъ прощеніе.

Хотя происшесивія сіи тайно волновали споллицу, но по наружности она пребывала спокойною, такъ какъ и большая часть Государства, кромѣ восточныхъ областей онаго, гдѣ открылись важныя неустройства. Терскіе Козаки, возбужденные примѣромъ шоварищей своихъ, Донцовъ, получившихъ много добычи во время возспанія своего за Лжедимитрія, вздумали также искашь счастья въ грабительствѣ, въ большемъ размѣрѣ произведенномъ. Сначала думали они итти на Куру-рѣку, громить Турецкихъ подданныхъ,

Грамота Царя Василья Ивановича въ Соль-Вычегодскую изъ Москвы отъ 19-го Октябра 1607 и дѣла Польскія въ Архивѣ иностраннѣхъ дѣлъ.

а если удачи тупъ не будетъ, то предложилъ услуги свои Персидскому Шаху Аббасу. Но вскорѣ мысли ихъ получили другое направленіе. Мушквитіи ихъ зачинщики говорили: *Государь нашъ хотѣлъ пожаловати, да михи бояре, переводятъ жалованье бояря, да не дадутъ жалованья. Слѣдспвиемъ сихъ на-*

уцеленій было, что присла изъ удалѣйшихъ Козаковъ, подъ начальствомъ Атамана Ѳедора Бодырина, условились между собою дать себѣ собственнаго Государя, именемъ коего они надѣялись придать своимъ безчинствамъ нѣкопорый видъ законности въ глазахъ простоумной черни. Для исполненія сего новое самозванство казалось имъ вѣрнѣйшимъ орудіемъ, и попому они стали разглашать, что въ 1592 году Царица Ирина родила сына Петра, но что Годуновъ, коего властолюбивые замыслы разспривались появленіемъ законнаго наследника престола, подмѣнилъ Царевича дѣвочкою Ѳеодосією, вскорѣ послѣ того скончавшеюся. Мятежники нѣсколько времени колебались въ выборѣ лица, долженствующаго представлять мнимаго Царевича. Два молодые Казацкіе поварищи, Астраханецъ Дмитрій и Муромецъ Илья, были признаны способными къ сему дѣлу. Но Дмитрій опспранилъ опъ себя опасную почесть, опспываясь, что такъ какъ онъ не бывалъ никогда въ Москвѣ, то и не имѣетъ никакого понятія ни о тамошнихъ дѣлахъ, ни о Царскихъ обычаяхъ. Уважая сіи причины, общимъ приговоромъ положили Илья бытъ Царевичемъ. Сей юноша, уже съ младенчества вовлеченный въ жизнь предприимчивую и спранспвующую, былъ незаконнорожденный сынъ Муромскаго жителя, Ивана

*

Коровина. Послѣ смерти его опца и мащери, Нижегородскій купецъ Грозилниковъ взялъ его къ себѣ въ Нижній въ сидѣльцы. У Грозилникова онъ оснавался три года, въ печеніи котораго времени былъ посыланъ въ Москву, и жилъ тамъ пять мѣсяцевъ. Послѣ того онъ нѣсколько лѣтъ находился въ супруговыхъ батракахъ на Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ, между Нижнимъ, Астраханью и Хлыновымъ, а въ 1605 году ходилъ въ Казакахъ до Тарковъ при войскѣ окольникчаго Бупурлина, посланнаго пропить Шамхала Кумыцкаго. Въ Таркахъ онъ нанялся въ спрѣльцы на мѣспо заболѣвшаго племянника одного спрѣлецкаго пятидесятника. Въ слѣдующемъ году, по возвращеніи въ Терскій городъ изъ сего похода, для Россіянъ и ихъ вождя споль же славнаго сколь и пагубнаго, Илья вошелъ въ услуженіе къ Григорію Елагину, у котораго и зимовалъ. Лѣшомъ же онъ поѣхалъ въ Астрахань и тамъ опять вступивъ въ Казаки, отправился на Терекъ въ отрядѣ Казачьяго Головы Аванасія Андреева. Всѣ сіи походы ясно показываютъ, что Илья отъ роду не могло быть менѣе 20-ти лѣтъ, а мнимому Царевичу еще не минуло бы и 14. Но сія лѣпосчислительная несообразность не остановила Бодырина Казаковъ, которые отвезли Царевича своего къ Казачьему Апаману, Гаврилѣ Пану, живущему въ городкѣ на Быстрой, по близости

Терскаго города. Терскій воевода, Пепръ Головинъ, извѣспившись о появленіи сего новаго Самозванца, послалъ приглашать Казаковъ, чшобы опослали его къ нему въ городъ, но Козаки не выдали его и напрошивъ пого немедленно удалились, спустившись на спругахъ до моря, гдѣ остановились на оспрову, лежащемъ пропиву успья Терека. Тупъ къ первымъ премъ спамъ мяшежникамъ пристали и всѣ прочіе Терскіе Козаки, съхавшіеся на оспровъ изъ Юрпъ своихъ. Напрасно воевода Головинъ увѣщевалъ ихъ, не обнажать границы и оспавить по крайней мѣрѣ половину Казаковъ на Терекъ; они не послушались и всѣ числомъ до 4,000, направились къ Астрахани. Такъ какъ ихъ не впустили въ сей городъ, то они миновавъ оный, поплыли вверхъ по Волгѣ, упражнялись въ разбойничествѣ. Въ особеннсти много прешернѣли отъ нихъ купцы, поргующіе черезъ Астрахань съ Персією, такъ что добычу ихъ цѣнили въ 300,000 рублей (1,000,000 нынѣшнихъ серебряныхъ). Лжедмитрій съ безпокойствомъ расчипывалъ, что появленіе новаго обманщика можетъ послить недовѣріе къ прежнему, и потому почиталъ необходимымъ немедленно искоренить соперника. Но Самозванецъ не посмѣлъ открыто дѣйствовать пропивъ Самозванца. Разсприга прибѣгнулъ къ лукавству: онъ послалъ

Трепьяка Юрлова, завапъ Царевича въ столицу и объявилъ ему, что приказано взять нужныя мѣры для обезпеченія его продовольствія на пути. Юрловъ засталъ его въ Самарѣ. Безразсудные Казаки повѣрили, что Опрепьевъ готовъ удѣлиться пресполомъ съ мнимымъ племянникомъ своимъ, и спѣшили вверхъ по Волгѣ двинуться къ Москвѣ.

Дневникъ
Маршны.

Въ сіе время столица находилась въ ожиданіи пріѣзда Царской невесты. Осьмого Апрѣля, Марина вступила въ предѣлы Россіи, и на мосту ручья, образующаго границу, была встрѣчена чепырьмя Русскими чиновниками. Хотя многіе изъ сопровождавшихъ ее Польскихъ пановъ воропились съ дороги, успрашенныя весеннимъ распушьемъ, однако въ свитѣ ея было еще болѣе двухъ тысячъ, по большой части вооруженныхъ людей, что предспавляло видъ довольно значительнаго воинскаго отряда *. Не доѣзжая Смоленска, въ де-

* *Примѣчаніе.* Прилагаемъ списокъ всѣхъ особъ, въхавшихъ въ Россію съ Мариною:

	челов.	лошад.
1. Марина, при ней	251	251
2. Отецъ ея Юрій Мнишекъ, воевода Сендомирскій, при немъ.	445	411
3. Воеводинъ братъ, староста Красноставскій, при немъ.	107	115
4. Воеводинъ зять, Князь Константинъ Вишневецкій, при немъ.	215	255
5. Воеводинъ сынъ, Янъ Мнишекъ, Староста Саноккій, при немъ	415	411

ревнѣ Лубнѣ, Марина была привѣщана давно ожидавшими ее въ Смоленскѣ бояриномъ Княземъ Васи́лемъ Михайловичемъ Рубцомъ-Мосальскимъ и

6. Воевода и племянникъ, Павелъ Мнишскъ, Староста Луховскій, при немъ	челов.	лошад.
	87	96
7. Панъ Тарло, Хорунжій Пржемыслскій, съ супругою, при немъ.	21	69
8. Панъ Мартинъ Стадницкій, при немъ .	36	33
9. Панъ Георгій Стадницкій, при немъ	21	24
10. Панъ Самуилъ Баль, при немъ.	29	30
11. Панъ Павелъ Тарло, при немъ	9	10
12. Панъ Нѣмоевскій, Постолій Коронный, при немъ.	15	13
13. Францискъ Помаскій, Каноникъ Плоцкій, Секретарь Королевскій, при немъ	16	17
14. Панъ Вольскій, при немъ	20	19
15. Панъ Броневскій	8	7
16. Панъ Станиславъ, Помаскій Подкоморій, при немъ	11	12
17. Панъ Корытко, при немъ	10	10
18. Панъ Любомирскій, при немъ	12	12
19. Панъ Ясеновскій, при немъ	11	12
20. Панъ Петръ Домарацкій, при немъ.	9	15
21. Пять монаховъ, при нихъ	16	16
22. Панья Тарлова, старостина Сохачевская, при ней	50	45
23. Панья Казановская, при ней	19	19
24. Панья Гербуртова, при ней	24	17
25. Еще при Воеводѣ Мнишкѣ Армянъ и купцовъ	12	16
<hr/>		
Всего	1869	1935

Кромъ того болѣе 300 человекъ и столько же лошадей, не принадлежащихъ собственно къ свитѣ, ѣхали также при обозѣ.

Царицынымъ свойспвенникомъ Михайломъ Александровичемъ Нагимъ. Съ сими сановниками Лжедимитрій прислалъ невѣспѣ своей 54 бѣлыя лошади съ бархатными шорами, и три каресы, обитыя внутри соболями. Царица сѣла въ одну каресу, запряженную двѣнадцатью лошадьми; другая кареса съ десятиью лошадьми слѣдовала за нею, а въ прѣшней, съ осмью лошадьми, ѣхали сопровождавшія ее дамы. Оспальныхъ лошадей вели въ поводахъ. Марина продолжала путь свой черезъ Смоленскъ, Дорогобужъ и Вязьму не безъ труда, по причинѣ полноводія, хопя дороги и были исправлены по возможности. Польскіе послы перѣѣхали границу только 16-го Апрѣля, и направились тѣмъ же путемъ; при нихъ также находилась многочисленная вооруженная свита.

Дневникъ
Польскихъ
пословъ Олѣ-
сницкаго и
Гоневскаго.

На пути Поляки много бунили и обижали Русскихъ жителей, такъ что воевода вынужденъ былъ назначить судей, для обузданія спрощивыхъ. Но сія мѣра не имѣла успѣха, и къ своему вольству пріобыкшіе люди мало слушали судей. Такимъ образомъ весьма естественно, что между необузданными Поляками и огорченными Русскими жителями усилилось врожденное отвращеніе.

Дневникъ
Марши.

Девятнадцатаго Апрѣля невѣста достигла Вязьмы. Тунтъ воевода распался съ дочерью своей и поѣхалъ впередъ съ сыномъ, зятемъ и пас-

мяншикомъ, взявъ съ собою небольшое число служивелей. Симъ исполнял онъ желаніе Лжедими-
трія, приглашавшаго его ускоришь прибытіемъ
въ столицу, дабы уговориться о пригото-
вленіяхъ къ свадьбѣ, и о необходимыхъ при оной обрядахъ.

Воевода прибылъ въ Москву 24-го числа. Самъ
онъ и сопутствующіе ему три знашныя Поляка
ѣхали верхомъ на высланныхъ опъ Царя велико-
лѣпно убранныхъ лошадяхъ. Еще за двѣ версты
опъ города выѣхалъ къ нему на встрѣчу верхомъ
Бояринъ Басмановъ, въ богатомъ гусарскомъ
плащѣ, копорый съ окружающею его многочислен-
ною толпою знашныхъ людей и Московскихъ дво-
рянъ, проводилъ новопрїѣзжихъ до изготовленнаго
для нихъ дома.

На другой день былъ торжественный прїемъ
воеводѣ у Лжедимитрія. Разсприга сидѣлъ на Пасрле и
пронѣ, въ одеждѣ, унизанной жемчугомъ, съ ал-
мазнымъ и лаловымъ ожерельемъ, на космѣ висѣлъ
изумрудный крестъ; въ правой рукѣ онъ держалъ
скипетръ, а голова его была украшена высокою
короною, осыпанною драгоценными камнями.
Тронъ изъ чистаго серебра съ позолотою, выши-
ною въ три локтя, находился подъ балдахиномъ,
сосставленномъ изъ чепырехъ щиповъ, крестооб-
разно положенныхъ, надъ коими возвышался кру-
глый шаръ, поддерживающій двуглаваго орла изъ

циспаго золоша. Надъ креслами висѣла икона Богомашери, украшенная драгоценными каменьями. У подножія прона на углахъ лежали серебряные лѣвы, величиною съ *солжа*, на конхъ утверждались круглые сполбы. Опъ щипомъ надъ передними сполбами, висѣли съ каждой споронѣ по киспи изъ жемчугу и драгоценныхъ каменьевъ, въ числѣ конхъ находился попазъ, величиною болѣе грецкаго орѣха. На двухъ высокихъ серебряныхъ ножкахъ спояли грифы, касаясь сполбовъ. Ведущія къ прону при спупени были покрыты золошою парчею. Съ обѣихъ споронъ спояло по два рынды, съ желѣзными бердышами на золопыхъ рукояпкахъ, въ бархатной бѣлой одеждѣ, подбишой и обложенной горноспялами, въ бѣлыхъ сапогахъ и съ золопыми цѣплями на груди. По лѣвую руку Царя споялъ Князь Михаилъ Шуйскій - Скопинъ съ обнаженнымъ мечемъ, въ парчевой одеждѣ, подбишой соболями, а за Царемъ Власьева сынъ въ богапомъ кафшанъ, имѣя въ рукахъ плапокъ. Справа сидѣтъ въ креслахъ Папріархъ, въ черной бархатной рясѣ, выложенной по краямъ въ ладонь ширною жемчутомъ и драгоценными каменьями. Передъ нимъ служка держалъ на золопомъ блюдѣ крестъ и серебряную чашу съ свяшою водою. Ниже Папріарха помѣщались на лавкахъ семь Архіепископовъ и Епископовъ, а за ними бояре и дворяне, кон шак-

же сидѣли и на лѣвой сторонѣ прона. Персидскіе ковры покрывали полъ и скамьи.

Мнишекъ, увидѣвъ призрѣннаго имъ пришельца во всемъ блескѣ Царскаго Величества, невольно смушился, и только по пѣкошоромъ молчаніи поклонился Ажедимирію и поцѣловалъ его руку. Потомъ говорилъ ему рѣчь, гдѣ превозносилъ его достоинства и счастье своей дочери, не упустилъ однако дѣлать намеки на прежнюю ничтожность, изъ коей онъ вывелъ его своимъ спараніемъ и попеченіемъ. Разсприга заливался слезами. За него Мнишку отвѣчалъ Власевъ. Послѣ чего Самозванецъ, подозвавъ воеводу, самъ пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ, на который и родспвенники его съ ихъ свипою были званы Басмановымъ. Столовая, обитая Персидскою голубою тканью, съ парчевыми занавѣсами у оконъ и дверей, была вся устравлена до самого потолка золотою или серебряною посудою, а изъ огромнаго серебрянаго сосуда вода кранами лилась въ при таза. Царскія кресла были покрыты черною тканью, вышитою золотыми узорами. Ажедимирій сидѣлъ одинъ за столомъ, серебрянымъ съ позолотою, накрытымъ скапершью, вышитою золотомъ. По лѣвую сторону отъ него, за другимъ столомъ, посадили воеводу и его родспвенниковъ. За третимъ столомъ, накрытымъ напрошивъ Царскаго, помѣстили Польскихъ служи-

пселей, черезъ челоуѣка съ Русскими чиновниками, назначенными ихъ угощать. Но Бояре Рускіе сидѣли особо, по правую спорону Самозванца. На сей разъ пиршество происходило со всею строгостію старинныхъ придворныхъ обычаевъ, съ однимъ только измѣненіемъ, что чепыремъ Панамъ подали шарелки, коихъ не водилось дауать никому. Такъ какъ сіе происходило въ Пятницу, то кушанье все было рыбное. Хлѣба на столахъ не находилось, но когда сѣли, то Царь разсѣлъ каждому по большому куску калача. Обѣдъ продолжался нѣсколько часовъ. Поляки удивлялись, что спольники исполняли должность свою безъ поклоновъ и даже не снимая шапокъ, а только слегка наклоняя голову. По окончаніи стола закусокъ не подавали, а только принесли небольшое блюдо съ сливами, копорыя Царь своеручно раздавалъ спольникамъ въ награжденіе за ихъ службу.

Въ слѣдующій день Паны послѣ обѣда были приглашены во дворецъ, гдѣ играли сорокъ музыканшовъ Яна Миншки. Подавали множество напшковъ и веселились до самаго вечера. Разсприга нѣсколько разъ переодѣвался то по гусарски, то по Русски. Гусарскій нарядъ его состоялъ изъ нарчеваго полукафтанья и краснаго бархашнаго долмана, ушыашаго жемчугомъ, съ краснымъ исподнимъ плашьемъ и сафьянными башмаками. Князь

Дневникъ
Марины.

Вишневецкій плясалъ передъ нимъ съ Япомъ Мнишкомъ. Самозванецъ наградилъ музыканновъ съ свойственною ему распочительностію. Онъ приказалъ выдать имъ 2,000 злотыхъ (сполько же нынѣшнихъ серебряныхъ рублей.)

28-го числа, Лжедимипрій съ гостями своими ѣздилъ на охоту на одинадцатую верспу по Смоленской дорогѣ. Выпускали многихъ звѣрей и наконецъ медвѣдя. Такъ какъ ни одинъ изъ Пановъ не отважился сразиться съ нимъ, то самъ разсприга пошелъ на него, и однимъ ударомъ рогатины убилъ его и саблею отсѣкъ ему голову. Ударъ рогатиною былъ такъ силенъ, что руколяшка оной разлетѣлась въ дребезги. Послѣ сего подвига, всѣ обѣдали по близости въ палаткахъ, пригоповленныхъ для невѣсты. Великолѣпныя Въѣздъ спавки сіи, расположенныя на живописныхъ Польскихъ лугахъ, прилегающихъ къ рѣчкѣ Съпуни, были окружены Пословъ въ плотняною оградю, представляющею видъ Москву, въ замка, съ чепырнадцатью раскатами и премея 1606 году. воротами. Посрединѣ находились для Марины пяць нарядныхъ шапровъ, и осмнадцать другихъ намешовъ для сопутниковъ ея.

Среди пировъ и забавъ, занимались и дѣломъ, для коего воевода былъ вызванъ въ Москву. Изъ начатыхъ переговоровъ съ Русскимъ духовенствомъ,

старый Мнишекъ убѣдился о необходимости не-
вполнѣ удовлепворяющаго наспавленія Нунція Ран-
гони. Положили, чшобы для наружности Ма-
рина ходила въ Греческія церкви, приняла при-
частіе отъ Папріарха и поспілась въ Среду
вмѣсто Субботы. Но по прочимъ спашьямъ она
должна была сохранятьъ обряды своей вѣры, и да-
же позволялось ей имѣть Лапинскую церковь во
внупреннихъ покояхъ ея. Папріархъ Игнацій
изъявилъ согласіе на сихъ условіяхъ не толь-
ко благословить бракъ Марины, но даже и вѣн-
чать ее на царство, каковая почестъ допоть
никогда Царицамъ предоставляема не была. Прочее
духовенство безмолвствовало, кромѣ Ермогена, Ар-
хієпископа Казанскаго и Іоасафа Епископа Коломен-
скаго, которые смѣло говорили, что если невѣ-
ста не перекрестится въ Греческую вѣру, то
бракъ не можно будетъ почитать законнымъ.
Непреклонные святители обратили на себя гнѣвъ
разсприги, который приказалъ выслать Ермогена
въ Казань и тамъ, лишивъ его сана, заключить
въ монастырь. Такою же учаспъ Самозванецъ го-
повилъ и Іоасафу.

Сказаніе еже
содѣяся.

Дневникъ
Марины.

Между шѣмъ Марина, достигшая Вязьмы, ос-
тавалась тамъ нѣскольго дней, и тольго 29-го
Апрѣля переѣхала въ шапры, на Сѣшунѣ распо-

ложенные, гдѣ ожидала окончательныхъ приговоровъ къ принятию ея въ столицѣ.

Въѣздъ какъ ея, такъ и Польскихъ Пословъ назначенъ былъ 2-го Мая. Самъ Лжедимитрій, ^{Въѣздъ} скрываясь въ простой одеждѣ, распорядилъ ^{Польскихъ} встречу. На Москвѣ рѣкъ былъ наведенъ живой мостъ, ^{пословъ, Дневникъ ихъ,} въ маломъ разстояніи отъ коего, на правомъ ^{Дневникъ Марини и Пасрле.} берегу рѣки, раскинули два кѣпичатые богатые шапра. Отъ шапровъ до моста сползи въ двѣ шеренги, по обѣимъ сторонамъ дороги, 500 Нѣмецкихъ пѣхотинцевъ Самозванца, а позади ихъ 700 стрѣльцовъ въ красной одеждѣ, испещренной разноцвѣтными кнѣпайками, на Нѣмецкій образецъ. Отъ моста же до городскихъ воротъ, выпянулася Доморацкаго конная рота Польскихъ копѣйщиковъ, изъ 750 человекъ сосполцаля. Польскіе Послы въѣхали за часъ передъ Мариною. У воротъ деревянной ограды Скородума *, ихъ привѣщивовали назначенные къ нимъ въ приставы Князь Григорій Конспаншиновичъ Волконскій и дьякъ Андрей Ивановъ, которые и проводили ихъ до опведеннаго для ихъ жительства посольскаго двора. Вскорѣ послѣ того, Маринна, съ пышною Польскою свитою своею, подъѣхала къ мосту и

Примѣчаніе. Скородумомъ назывался вѣншній городъ, известный нынѣ подъ именемъ Землянаго.

вошла въ одинъ изъ изготовленныхъ шапровъ, гдѣ предспавлялись ей до 300 Русскихъ бояръ и другихъ знатныхъ сановниковъ, одѣтыхъ въ парчевые кафтаны. Князь Мстиславскій опть имени всѣхъ ихъ говорилъ поздравительную рѣчь, послѣ коей подвезли великолѣпную карешу, которую Лжедимитрій дарилъ невѣстѣ своей. Высокая и огромная кареша сія, устроенная на Русскій образецъ, сверху была покрыта алымъ золотымъ глазпомъ, а внутри обита соболями и вся вызолочена. У колесъ спущицы были золоченыя, а спицы лазоревыя съ золотыми звѣздами. Спереди вмѣсто козелъ стояли два золоченые ангела, держащіе въ рукахъ розы. Верхъ карешы украшался золотымъ орломъ, а на богахъ испещряли ее драгоценные камни, жемчугъ и позолота. Ее везли десять чубарыхъ лошадей, въ хомупахъ изъ алаго бархата, съ серебряными вызолоченными пряжками и съ шелковыми постромками. Каждую изъ лошадей вель подъ уздцы особый конюхъ. Когда Марина сѣла въ сію карешу, то началось шествіе. Впереди ѣхали Царскіе дворяне и Боярскіе дѣти, а за ними знатные Поляки, сопутствующіе Маринѣ, за конми ѣхалъ старый Миншекъ, на прекрасномъ аргамакѣ, въ багряно-парчевомъ кафтанѣ, подбитомъ собольимъ мѣхомъ; шпоры и спремена его были изъ липаго золота съ бирюзами. Ему при-

служивалъ Арапъ, богато одѣтый по - Персидски. Пошомъ слѣдовала великолѣпная карета, въ коей въ большомъ мѣсѣ сидѣла Марина, а напрошивъ ея спаростина Тарлова. При каретѣ находились шесть гайдуковъ, въ зеленыхъ бархатныхъ кафтанкахъ, съ золотымъ позументомъ и въ алыхъ суконныхъ плащахъ. Нѣсколько поодаль, также по обѣимъ сторонамъ кареты, шли Нѣмецкіе пѣлюхранители и шпрѣльцы, близъ моста ожидавшіе прибытія невѣсты. За первую каретою слѣдовала другая, въ которой невѣста выѣхала съ ночлега, и которая, обитая снаружи краснымъ бархатомъ, а внутри красною парчею, была везена восьмью бѣлыми лошадьми въ красныхъ бархатныхъ шорахъ, коими правили возничіи, въ красныхъ апласныхъ жупанахъ и фerezяхъ. Карета сія ѣхала нустая, хопя и спояли въ ней четыре спула, богато позолоченные и покрытые красною парчею. Въ прешей каретѣ, также запряженной восьмью бѣлыми лошадьми, въ красныхъ бархатныхъ шорахъ съ серебряною позолоченною оправою, сидѣли Княжна Косырская, Хоронжина Тарлова и паньи Гербуртова и Казановская. Возничіи ихъ были въ черныхъ бархатныхъ жупанахъ и въ красныхъ апласныхъ фerezяхъ. Пошомъ ѣхали двѣ лифейки: одну, раззолоченную, рѣзной работы, обитую краснымъ бархатомъ съ золотомъ

бахрамою , везли шесць чубарыхъ лошадей въ бархатныхъ зеленыхъ шорахъ, съ возничими въ зеленомъ апласномъ плащѣ; другая, обитая чернымъ бархатомъ съ вызолоченными украшеніями, была запряжена шесью карими лошадьми съ возничими въ черныхъ камчатныхъ фезезяхъ. Въ первой линіи сидѣли двѣ паньи, а во второй компанья дѣвушки Марины. Кромѣ того было еще нѣсколько карешъ, съ шарыми паньями и горничными , за коими ѣхали Польскіе гусары Марининой свиты, и наконецъ двѣ шысячи конныхъ Русскихъ спрѣльцовъ замыкали шесвиѣ.

Когда Марина черезъ Курятныя ворота въѣхала въ Кишай - городъ, по загремѣли , посшавленные на подмоствкахъ близъ Кремлевской стѣны, 75 барабанщика и сполько же трубачей. Сія нескладная музыка продолжалась до шѣхъ поръ, пока невѣста не вступила въ Вознесенскій монастырь, гдѣ до свадьбы своей она должна была жить при Царицѣ Маревѣ.

Народъ съ безпокойствомъ замѣнилъ, что во время шесвиѣ Марины черезъ городъ поднялась буря, подобная той, которая въ день вступленія Лжедимитрія въ столицу уже принята была за худое предзнаменованіе для его царшвованія. Московскіе жители, подозрительно смотрѣвши на многочисленную вооруженную свиту Польскихъ

Беръ.

пановъ, были еще болѣе встревожены, когда Поляки, по прибытіи на отведенные имъ дворы, спали съ безразсудною гласностію выбирать изъ повозокъ своихъ множество привезеннаго ими оружія.

Самое размѣщеніе по кварширамъ сихъ непріятныхъ гостей служило поводомъ къ новому огорченію Русскихъ. Для воеводы Сендомирскаго назначили бывшій домъ Бориса Годунова въ Кремль. Дневникъ Маринны. Другимъ же панамъ отвели по близости Кремля лучшіе дворы не только купцевъ и духовнаго Палицынъ. званія лицъ, но даже вельможъ и самихъ мнимыхъ родственниковъ Царя, Нагихъ. Хозяева, вынужденные уступить жилища свои иноземцамъ, не безъ досады переносили причиняемыя имъ разстройства и оскорбленіе.

5-го Мая Лжедимитрій торжественно принималъ на провъ сперва Поляковъ Мариной свиты, а потомъ Королевскихъ Пословъ. Привѣстствія первыхъ обошлись съ должнымъ приличіемъ, Дневникъ Маринны. но при приѣмѣ Пословъ произошли неуспѣшныя распри. Послы, извѣщенные спорною, что Лжедимитрій гошовится отвергнущъ Королевское къ нему письмо, потому что на надписи ему не давалось Цесарскаго пишуща, просили встрѣтившагося съ ними въ сѣняхъ грановитой палаты воеводу Сендомирскаго, чтобы онъ посипарался убъ-

дипль нарѣченнаго заша своего, не дѣлашь неуспѣспныхъ возраженій. Мнишскъ обѣщаль имъ упопрещишь на сіе всеъ возможныя усилія, и они вошли въ палапу. Думный дворянинъ Микулинъ, копорый ввелъ ихъ, подождя съ ними къ шрону, промзнесъ слѣдующія слова: *Вспресвѣтлѣйшій и мнгоуцественнѣйшій Самодержецъ, Великій Государь Дмитрій Иоанновичъ, Божіею милостію Великій Цесарь, Кнзль всея Россіи, мнгоихъ Татарскихъ Царствъ и Государствъ, Московской державъ подвластныхъ, Государь, Царь и обладатель! Вспресвѣтлѣйшаго и Великаго Государя Сигизмунда третьяго, Божіею милостію Короля Польскаго Великаго Кнзля Литовскаго, Послы Николай Олесницкій и Александръ Гонсьвскій, быють челомъ у престола Вашего Царскаго Величества. Тогда Олесницкій, поклонившись сказалъ: Вспресвѣтлѣйшій, Великій Государь Сигизмундъ третій, Божіею милостію Король Польскій, Великій Кнзль Литовскій, Прусскій, Жмудскій, Мазовецкій, Кіевскій, Волынскій, Подольскій, Лифляндскій, Эстляндскій и другихъ, наслѣднній Король Шведскій, Готоскій, Вандальскій, Кнзль Финляндскій и иныхъ земель, благоволилъ послать насъ, пословъ своихъ, меня Николая Олесницкаго изъ Олесницы, Капителяна Малагоскаго, и Папа Александра Корвина Гонсьвскаго, Секретаря и дворянина своего, Старосту Велижскаго, полтыщика Конюховскаго съ тѣмъ, чтобы именовъ Его Коро-*

левскаго Величества, всемилостивѣйшаго Государя нѣшего, Вашему Государскому Величеству, Божіею милостию, всепресвѣтлѣйшему, Великому Государю, Димитрію Іоанновичу, Князю всея Россіи, Владимірскому, Московскому, Новгородскому, Казанскому, Астраханскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому и другихъ многихъ земель Царю, отдать братскій поклонъ, освѣдомиться о здравіи Вашего Государскаго Величества, поздравить васъ съ благополучнымъ восшествіемъ на прародительскій престолъ и засвидѣтельствовать Вашему Государскому Величеству братскую любовь его Королевскаго Величества. Когда посолъ произнесъ слова «Князь», вмѣсто Цесаря по Ажедимширѣй всталъ съ мѣста, и подозвавъ одного боярина, велѣлъ снѣтъ съ себя корону; намѣревался самъ говорить, но въ ту минуту воздержался. Олесницкій, окончивъ рѣчь, подалъ Королевское письмо государспвенному дѣяку Власеву, который тихо прочиталъ Самозванцу надпись, и потомъ по приказанію его, сказалъ посланцу: Николай и Александръ! Вы доставили всепресвѣтлѣйшему, непобѣдимому, и великому Салодержцу отъ всепресвѣтлѣйшаго Сигизмунда, Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго письмо, въ коемъ нѣтъ титула Цесарскаго Величества. Оно писано къ нѣкому торолу Князю всея Россіи, а Димитрій Іоанновичъ есть Цесарь въ своихъ преславныхъ Государствахъ.

И такъ возьмите сіе письмо обратно и отвезите къ своему Государю. Олесницкій горделиво ошвъчалъ: Съ тѣмъ же благоговѣніемъ, съ коимъ вручили мы Аванасью Иванову письмо его Королевскаго Величества, пріемлемъ оное обратно, чтобы возвратить Государю нашему, когда ваше Государское Величество гнушается имъ. Изъ всѣхъ Государей христіанскихъ только ваше Царское Величество не признаетъ древняго титула Его Королевскаго Величества и, не принималъ отъ насъ письма, оскорбляетъ Его Королевское Величество и всего Рѣчь Посполитую. Возсѣвъ на тронъ сей дивнымъ Божіимъ промысломъ, по милости Его Величества Короля, при помощи народа Польскаго, Ваше Государское Величество скоро забыли сіе благодареніе! И не только Его Королевское Величество, Государь, нашъ, вся Рѣчь Посполитая, мы послы ея, но и всѣ сіи знаменитые Поляки, столице предъ очами Вашего Государскаго Величества, оскорблены униженіемъ достоинства нашего Государя и Рѣчи Посполитой. И такъ мы не можемъ исполнить Королевскихъ порученій, о коихъ Ваше Государское Величество узнали бы изъ письма, Вами отвергнутаго. Просимъ дозволенія возвратиться на квартиру. Тогда Аждимндрій, не воздерживая болѣе врожденную въ немъ словоохотливоспѣ, самъ пустился въ неприличное преніе и сказалъ слѣдующее: Необыкновенное и неслыханное дѣло, чтобы Монархи, возсѣдая на тронъ, спорили

съ послами; но Король Польскій, опуская наши титулы, принуждаетъ насъ къ сему. Удивляемся, что насъ Король, его милость, братомъ и другомъ своимъ именуется, а насъ какъ бы въ голову ударяетъ, унижая насъ и отнимая собственный нашъ титулъ, который дарованъ намъ отъ самаго Бога, который ильгель не на словахъ, а на саломъ дѣль, и на употребленіе котораго ни Римляне, ни другіе древніе Монархи не могли болге насъ ильть права. Насъ имякуютъ Императоромъ по тѣмъ же причинамъ, по коимъ и ихъ такъ именовали, ибо не только кромъ Бога нтъ никого выше насъ, но мы также ильгель власть законодательную, и, что еще важнѣе, сами законъ въ великомъ Государствѣ нашемъ, что и означаетъ Монарха или Императора. Мы, по милости Божіей, пользуемъ такою же властію, какою пользовались Цари Ассирійскіе, Мидійскіе и Персидскіе. Мы также сами повелываемъ нѣсколькими Царями Татарскими, а потому и не усматривается, почему бы мы теперь были хуже Великаго Хана, котораго всѣ Историки называютъ Татарскимъ Императоромъ? Впрочемъ многіе и насъ такъ называютъ, и сами Его Цесарское Христіанское Величество и святѣйшій Отецъ никогда не стыдились въ письмахъ своихъ насъ, или предковъ нашихъ, именовать Цесарями. Посланникъ нашъ къ Его Королевскому Величеству, Аванасій Ивановичъ Власевъ, придворный нашъ Казначей, ильгель на то при себѣ до

Отвѣтъ Лже-
дмитрія
Польскимъ
посламъ, въ
рукописяхъ
бывшей Пу-
лавской би-
бліотека.

статочныхъ доказательствъ. Мы хорошо знаемъ, что предки нашего сего титула не употребляли, и онаго не требовали, но сіе не можетъ служить для насъ препятствіемъ, ибо молчаніе Монарховъ или неупотребленіе ими дозвѣлаго титула не составляетъ никакой давности, и отъ безопасности предковъ наслѣдники въ семъ случать не утрачиваютъ своихъ правъ. Къ тому же должно вспомнить, что всякое Государство начинается съ простоты и грубости, и только со временемъ все болѣе и болѣе получаетъ образованности въ нравахъ, обычаяхъ и даже самыхъ рѣчахъ. Такъ мы читаемъ, что въ вѣкъ простоты Цари назывались Пастырями, судьями и другими не пышными именованіями, и сіе замѣчается при началѣ вѣсхъ Государствъ. Въ слѣдствіе, нисколько не удивительно что въ прежнія времена поступали неосмотрительно не только предки наши, но и другіе Государи. Ибо ежели правда, какъ о Короляхъ Польскихъ пишутъ Польскіе Историки, что они получили отъ Императора Оттона корону и титулъ Короля, хотя прежде того уже были и именовались Монархами, то они приняли отъ равнаго себя то, что и взяли отъ Бога, и настырое нѣтъ того бы не сдѣлали. Соверхъ того каждый Государь можетъ называть себя, какъ хочетъ. Такъ у Римлянъ многіе Императоры называли себя народными Трибунами, Консулами, Авгурами, и оставляли свой титулъ по произволу. Вѣсть также извѣстно, что съ начала

Римскіе Императоры именовались только Принципами. Август Императоръ не хотѣлъ называться Господиномъ, хотя дѣйствительно былъ таковымъ, ибо сами Римляне особеннымъ закономъ предоставили ему полную повелительную власть, освободивъ его отъ вѣсть законовъ. Самые предки Короля, его милости, назывались Князьями, Монархами и только наконецъ Королями. По сему принамамъ, мы объявляемъ сему Королю, его милости, что мы не только Господарь, Царь, но и Императоръ, и не намѣрены по напрасну терять сей титулъ Государства нашего. Если Король, его милость, почитаетъ насъ братомъ и другомъ, почему же отказываетъ въ должномъ нашемъ: ибо тотъ больше лишь врагъ, кто умалляетъ преимущества и украшенія моего Государства, которыхъ Монархи берегутъ, какъ зѣнницы глазъ, чѣмъ кто посягнетъ на мое ильгнѣе. Самая высшая справедливость есть воздавать каждому, что ему принадлежитъ. Иное дѣло было, когда предки находились въ враждѣ съ Польскою державою. Тогда пристойно было унижать другъ друга, какъ сіе и въ другихъ Государствахъ дѣлалось и дѣлается. Но въ дружбѣ должно поступать иначе; почему мы и надѣялись, что Король, его милость, будучи старгьийей, самъ направитъ насъ ко всему, клонящемуся къ добру и чести нашей и государства нашего.

По выслушаніи сего многословнаго изъясненія, Дневникъ по-
словъ.
Олесницкій возразилъ: *Ваша пресвѣтлѣйшая гос-*

подарская милость въ началъ своей рѣчи упомяну-
ли, что необыкновенное дѣло Монархамъ, съдѣлицамъ
на тронъ, спорить съ послами. Точно такъ: столь
же необыкновенно, чтобы послы осливливались гово-
рить о томъ, чего не предписано въ данномъ имъ
наказъ. Но какъ Ваше Государское Величество сами
къ тому принуждаете меня, то я хотя и не имѣю
дара безъ приготовленія отвѣгать на сіи рѣчи Ва-
шему Государскому Величеству, однакожь какъ По-
лякъ, человекъ народа вольнаго, привыкъ говорить
свободно. Вспомните, Ваше Государское Величество!
или прикажите справиться въ коронныхъ канцелярі-
яхъ, въ Литовской и въ своей Московской, даже спро-
сите сихъ престарѣлыхъ думныхъ бояръ, какой ти-
тулъ употребляли предки Вашего Государскаго Ве-
личества? всепресвѣтлѣйшіе Короли, Государи наши
никогда не приписывали имъ Цесарскаго титула,
который Ваше Государское Величество неправильно
себѣ присвояете. Предки ваши никакого Цесарства
подъ свою державу не покорили, и употребляли тотъ
самый титулъ, который признаетъ чрезъ насъ Его
Королевское Величество, всепресвѣтлѣйшій и непобѣ-
димый Государь. Развѣ иначе писывалъ къ вамъ Ко-
роль Польскій, когда онъ, областавъ въ своихъ владѣ-
ніяхъ Ваше всепресвѣтлѣйшее Государское Величе-
ство, съ усердными желаніемъ помогалъ вамъ отыс-
кать прародительскій вѣнецъ? И теперь, оставаясь
въ прежней искренней пріязни, не тѣмъ ли болѣе
доказываетъ се Вашему всепресвѣтлѣйшему Госпо-

дарскому Величеству, когда Вы видите свидѣтельство оной не въ однихъ пустыхъ словахъ, а на самомъ дѣлѣ? Между тѣмъ всякому очевидно, какъ вы платите за все сіе Его Королевскому Величеству! Скоро забыли Ваше пресвѣтлѣйшее Государское Величество, что на сей престолъ Вы взошли чудеснымъ образомъ, благостію Божіей, по милости Его Королевскаго Величества, всемилостивѣйшаго Государя нашего, съ помощію нашихъ братьевъ, Поляковъ, проливавшихъ кровь свою за Ваше всепресвѣтлѣйшее Государское Величество! Вы платите вѣсто благодарности неблагодарностію, вѣсто пріязни непріязнію; доброе расположеніе и дружелюбіе Его Величества, Государя нашего, пренебрегаете, и сами даете поводъ къ разлитію крови человѣческой. Съ чрезвычайною горестію пріемля участіе въ таковой Его Королевскому Величеству обидѣ, мы свидѣтельствуемъ предъ вами, всепресвѣтлѣйшій Господарь! самилъ Богомъ и сими дулнѣми боярами, что не Король Польскій, Государь нашъ, а Ваше Государское Величество разрываете дружбу съ Его Величествомъ и Ръчью Посполитою. Теперь мы готовы возвратиться съ симъ къ нашему Государю, и просимъ проводить насъ на квартиру.

Если бы Ажедимирій умѣлъ сохраняя доспосинство своего сана, по, услышавъ споль дерзкія

нарѣканія, немедленно велѣлъ бы выслапъ посла: Выспо шого, продолжал съ нимъ преніе, онъ говорилъ слѣдующее: *Я знаю, какіе титулы имѣли наши предки, и показалъ бы ихъ на бумагѣ, но теперь не время. Вы сами увидите ихъ, когда великъ нашъ дулиный бояръ вступитъ съ вами въ переговоры. Король же, умалчивая употребленный нами титулъ, оскорбляетъ не только насъ, но самого Бога и все христіанство. Если бы кто нибудь не назвалъ васъ папою Олесницкимъ, вы вѣрно не отвѣтали бы тому? Равнымъ образомъ и я не могу принять сего письма, потому что въ надписи онаго нѣтъ моего полного титула. Мы обѣщали Королю быть для него братомъ и такимъ другомъ, какого до сихъ поръ не имѣла держава Польская; а теперь мы должны остерегаться Короля болѣе, чѣмъ самаго непріязненнаго изъ невѣрныхъ Государей. Знаю, что нѣкоторые изъ вашихъ единомысленцевъ убѣждаютъ Его Величество, Короля, не признавать нашихъ титуловъ; но мы не хотимъ вступать съ вами въ дальнѣйшіе споры. Посолъ отвѣчалъ: Не желаемъ и мы на сей разъ продолжать разговоръ съ Вашимъ Государскимъ Величествомъ. Вы обѣщали повелѣть дулинымъ боярмъ переговорить съ нами о своемъ титулѣ: тогда будетъ время подробно разсудить о семъ предметѣ, вѣстьтъ съ другими порученіями Его Королевскаго*

Величества. За сямъ, послы гошфовались вышши, но Лжедимишрїй, снова обращаясь къ Олесницкїюму, сказалъ ему: *Пань Малогоскїй! Испытавъ въ областяхъ Польскихъ ващу ко мнѣ приязанность, и зная, что вездѣ вы желали мнѣ добра, хотѣу принять васъ въ государство моемъ не какъ посла, а какъ прїятеля моего.* Подойдите къ рукъ нашей. Посолъ не пронувъ съ мѣспа и возразилъ: *Всепресвятѣйшїй, Великій Господарь! низжайше благодарю за милость, которую Ваше Государское Величество изъявляете моему лицу; но какъ вы принимаете меня не посломъ, то я не могу оного пользоваться, и прошу Ваше Государское Величество не оскорбиться моимъ отказомъ. Осыпаннїй милостями Вашего Государскаго Величества, я старался доказать вамъ въ Польши свою доброжелательную услужливость: да позволено мнѣ будетъ доказать теперь свою преданность и вѣрность Его Королевскому Величеству.* Хотя разсприга и повпорилъ приглашенїе, Олесницкїй только поклонился и опозвался, что не можешъ исполнить царскаго желанїя. Смущеннїй спойкостїю посла, Лжедимишрїй наконецъ воскликнулъ: *Подойди, вельможный пань, какъ посолъ!* Олесницкїй и шупъ упоршповалъ и опшвчалъ: *Подойду, если Ваше Государское Величество возьметъ письмо Королевское.— Возьму, сказалъ Самозванецъ.* Тогда оба посла по-

цѣловали его руку. Власевъ принялъ письмо и прочишалъ его передъ прономъ. Попомъ, по приказанію Лжедимитрія, сказалъ посламъ: *Хотя Королевскаго письма безъ Цесарскаго титула принимать не слѣдовало бы; однакожь Его Цесарское Величество, для свадьбы своей забывая обиду, нанесенную опущеніемъ титуловъ своихъ, принимаетъ сіе письмо и васъ, пословъ Короля Польскаго. По возвращеніи же къ Государю своему, вы должны сказать ему, чтобы впредь онъ не присылалъ подобныхъ писемъ, не прописавъ въ нихъ полнаго титула Цесарскаго. Его Цесарское Величество именно вамъ повелѣлъ сказать, что впредь ни отъ Короля Сигизмунда, ни отъ кого либо другаго никакихъ писемъ безъ полнаго Цесарскаго титула онъ принимать не прикажетъ. Теперь же, если имѣете какое-либо порученіе отъ Короля Сигизмунда Государя своего, исполняйте долгъ посольства предъ Цесарскими престолами.*

Послы оправили посольство обыкновеннымъ порядкомъ. Олесницкій въ рѣчи своей объяснилъ, что онъ съ поварнцемъ своимъ, присланы отъ Короля, дабы вмѣсто его особы присушествовать на свадьбѣ Лжедимитрія. Гонсѣвскій же сказалъ, что имъ поручено также войти въ сношеніе съ думными боярами, по предмету взаимныхъ требованій Польши и Россіи, дабы съ благополучнымъ

окончаніемъ сихъ дѣлъ можно было приступить ^{Дневникъ} къ пѣсному союзу прошивъ Турокъ. Въ отвѣтъ ^{Маршлы.} на сіи рѣчи Власевъ объявилъ, что Государь прикажетъ боярамъ начать предлагаемые переговоры.

Послы замѣтили, что по старинному обряду Россійскіе Государи всегда спрашивали о здоровьи Короля, вставъ съ своего мѣста. Лжедмитрій, услышавъ сіе, спросилъ не вставая съ мѣста: *Его Королевское Величество, Государь вашъ, въ добромъ ли здоровьи!* Олесницкій отвѣчалъ: *Его Королевское Величество, Государь нашъ былъ въ добромъ здоровьи и счастливо царствовалъ, когда мы выѣхали изъ Варшавы. Но Вашему Царскому Величеству надлежало встать, спрашивая о здоровьи Его Королевскаго Величества.* Лжедмитрій отвѣчалъ: *Панъ Малогоскій! У насъ обыкновеніе вставать, спросивъ прежде о добромъ ли здоровьи, и приподнявшись не много присовокупилъ: Мы радуемся, что Король, вашъ Государь, а нашъ другъ, находится въ добромъ ли здоровьи.*

По поднесеніи Послами подарковъ, Власевъ сказалъ имъ: *Цесарское Величество жалуется вамъ* ^{Дневникъ} *своими обѣдами.* ^{пословъ} Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько часовъ по возвращеніи ихъ на посольскій дворъ, Чашникъ Василій Бушурлинъ прибылъ къ нимъ съ различными яствами и напитки, принесенными въ золотыхъ сосудахъ. Въ сей день расприга

огорчилъ и Поляковъ и Русскихъ; еуславныя на-
споянія его о пищулѣ возбудили негодованіе По-
ляковъ, а Русскіе, хопя и не одобряли наспояній
сихъ, но не менѣе того досадывали, когда увидѣ-
ли, что онъ, какъ будто успрашенный рѣшимос-
стію Посла, согласился опспать опъ оныхъ.
Также сказанное Гонсьвскимъ о взаимныхъ пре-
баваніяхъ обѣихъ Государствъ, много потревожи-
ло Русскихъ, копорымъ казалось сіе подпвержде-
ніемъ уже носившихся слуховъ о обѣщанной Са-
мозванцемъ Королю уснушки городовъ, хопя Лже-
димитрій, извѣщенный о сей молвѣ, и увѣрялъ,
что ни единой пяди Русской земли никогда не
опдастъ Польшѣ.

Никоновская
Автопись.

Марина, вмѣсто того, чпобы въ кельяхъ мо-
настырскихъ вести жизнь скромную и уединенную,
помышляла полько объ удовольвореніи своихъ
прихопей, въ чемъ не получала опказа опъ же-
ниха. Напримѣръ шакъ какъ ей не по вкусу
были приносимыя изъ дворца яспва, по Лжеди-
митрій приказалъ гопшопить для нея кушанье
Польскимъ поварамъ, и опдасть имъ ключи опъ
царскихъ запасовъ и погребовъ. Для увеселенія
же невѣспы своей Самозванецъ вводилъ къ ней въ
монастырь екомороховъ, скрыпачей и пѣсенниковъ,
которые шумными забавами нарушали мирную
тишину святой обипели, къ большому соблазну

Дневникъ
Марины.

Légende.

набожныхъ Москвитянь. Разсприга также безъ мѣры дарилъ невѣсту. Онъ прислалъ ей ларець, съ разными драгоценными вещами, цѣною на 500,000 Никоновскаго Лѣтописца. рублей (два милліона съ половиною нынѣшнихъ серебряныхъ) и дозволилъ ей раздавать изъ оныхъ, что кому пожелаешь. Кромѣ того спарый Мнишекъ получилъ на заплачу долговъ своихъ въ Польшу 100,000 злотыхъ (столько же нынѣшнихъ серебряныхъ рублей). Считаютъ, что Самозванецъ на одни дары Маринѣ и Полякамъ распранилъ до 800,000 рублей (до чепырехъ милліоновъ нынѣшнихъ серебряныхъ.) Дѣла Польскія.

Разсприга, какъ бы во всѣхъ случаяхъ изыскивая вѣрнѣйшій способъ раздражить Русскихъ, назначилъ для свадьбы и вѣщанія на царство Марины Чепвергъ 8-го Мая. Успавъ православною церкви не позволяеть совершать обрядъ бракосочетанія ни подъ Пяшницу, ни подъ всякій праздникъ. Въ обоихъ сихъ отношеніяхъ нарушалось правило, ибо 9-е число было не только въ Пяшницу, но и Николинъ день.

Для избѣжанія давки на Царской площади, Марина поздно вечеромъ въ Среду, переехала во дворець, при свѣтѣ множества факеловъ. Дѣти боярскіе и Нѣмецкіе алебардчики шли передъ ея карепою. Тогда же было жаркое преніе у Самозванца съ Боярами. Поляки хотѣли, чтобы Мари-

Борь.

на вѣнчалась въ Польскомъ плашѣвъ подѣ предло-
гомъ, что она не привыкла къ иному; Лжедимит-
рій и въ помятъ желалъ угодить имъ, но Русскіе
сановники требовали непременно, чтобы она одѣ-
лась по-Русски. Непреклонность ихъ убѣдила на-
конецъ разстригу, что опуступленіе въ семъ пред-
метѣ опъ старинныхъ обычаевъ, сочпено было
бы ими за оскорбленіе чести народной. Не смош-
ря на обыкновенную вѣпренность свою, онъ ска-
залъ: *Хорошо! Я согласенъ исполнить желаніе Бо-
ляръ и обьчай народный, чтобы никто не жаловал-
ся, будто я замьшляю великія перемьны. Одинъ
день ничего не значить!*

Свадебные обряды того времени были соблю-
дены въ точности. Посажеными опцемъ и ма-
терью назначены Князь Мспиславскій съ супру-
гой. Тысяцкимъ былъ Князь Василій Ивановичъ
Шуйскій, а дружками у жениха были Бояре: Князь
Димитрій Ивановичъ Шуйскій и Григорій Ѳодо-
ровичъ Нагой, а у невѣсты: бояринъ Михайло Алек-
сандровичъ Нагой и нашъ Тарло. Свахами какъ у
жениха, такъ и у невѣсты были супруги ихъ дру-
жекъ. Въ поѣздѣ находились двадцать одинъ знаш-
ныхъ Московскихъ дворянъ, а въ сидячихъ шестъ
бояринъ, семнадцать бояръ, чепверо окольниковъ
два думныхъ дворянина, чепыре думныхъ дьяка,
Поспешельничій и два стряпчихъ съ ключемъ. Въ

назначенный часъ Марину ввели въ столовую избу ея опець и Княгиня Мстиславская. Передъ невестою шли дружки и Рожесивенскій Протоіерей въ эпипрахили и поручахъ, съ свяшою водою и креспомъ, а за нею слѣдовали свахи и болрыни сидячія. Марина была въ красномъ бархатномъ Русскомъ плашьѣ, съ широкими рукавами и въ сафьянныхъ подкованныхъ сапогахъ, но все на ней было такъ усыпано алмазами, лазами и жемчугомъ, что не видно было ни бархата ни сафьяна. Головной уборъ ея состоялъ изъ богатаго кокошника. Протоіерей и дружки пошли за женихомъ, который немедленно съ ними отправился въ столовую, взявъ еще съ собою только однихъ *потъжанъ*. Одежда его покрывалась червленною бархатною маншією, унизанною жемчугомъ и драгоценными каменьями, а на головѣ сіяла корона; въ одной рукѣ онъ держалъ скипетръ, а въ другой державу, осыпанную алмазами. По прибытіи его въ столовую началось обрученіе по Русскому обряду. Протоіерей говорилъ приличныя молитвы, дружки рѣзали короваи и подносили ширинки. Послѣ обрученія, женихъ и невеста пошли поспельнымъ крыльцомъ въ грановитную палату, гдѣ ожидали ихъ *сидягіе* и гдѣ изгоповленъ былъ возлѣ Царскаго прона другой, поменьше, для Марины. Лжедимитрія вели подъ руки Воевода Ссидомирскій и

Брачный обрядъ при Лжедимитріевой свадьбѣ съ Мариною Диевникъ Польскіихъ Пословъ. Писале.

Князь Мстиславскій, а Марину Княгини Мстиславская и Шуйская. За нею шли знашныя Польки, объ Тарловы, Гербуршова и Казановская. Войдя въ грановищную палату, Лжедимитрій сѣлъ на пронь, а тысяцкій Князь Шуйскій подоидя къ Маринѣ, произнесъ слѣдующія слова: *А наяснѣйшая и Великая Государыня Цесаревна и Великая Княгиня Марья Юрьевна всея Руссїи! Божьи мѣ праведными судомъ, и за изволеніемъ наяснѣйшаго и непобѣдимаго Самодержца, Великаго Государя Дмитрія Ивановича, Божією милостію, Цесаря и Великаго Князя всея Руссїи, и многихъ Государствъ Государя и Обладателя, Его Цесарское Величество изволи мѣ васъ, наяснѣйшую Великую Государыню взяти себѣ въ Цесареву, а намѣ въ Государыню, и Божією милостію, обручанье ваше Цесарское нынѣ совершилось; и вамѣ бы наяснѣйшей и Великой Государыни нашей, по Божьей милости и по изволенію Великаго Государя нашего, Его Цесарскаго Величества, вступить на свой Цесарской маестатъ и быть съ нами Великими Государями на своихъ преславныхъ Государствахъ. Послѣ сей рѣчи, Протоіерей осѣнилъ креспомъ малый пронь, копорый и заняла Марина. Тогда ввели въ палату Польскихъ Пословъ и другихъ знашныхъ Поляковъ. Всѣ сѣли, какъ иноземцы, такъ и Русскіе, кромѣ поѣзжанъ. Ожидали большой короны, живо-*

шворящаго кресна и бармовъ, за копорыми послано было на казенный дворъ. По принесеніи сей Царской утвари, принялъ ее Бояринъ Михайло Ѳедоровичъ Нагой и поднесъ Лжедимитрію, который приложился ко креспу и поцѣловалъ корону. То же сдѣлала и Марина. Послѣ чего Благовѣщенскій Протоіерей, покрывъ пеленою утварь, опнешь ее на головѣ своей въ Успенскій Соборъ, и былъ встрѣченъ у дверей Паптріархомъ, который положилъ утварь на изготовленномъ посреди церкви налоѣ. Когда донесли Лжедимитрію, что все готово для священнодѣйствія, то онъ чрезъ красное крыльцо отправился въ соборъ. Впереди шли спольники, стряпчіе, знашые Поляки и Королевскіе Послы, а за ними поѣздъ. Попомъ несъ скипетръ Бояринъ Князь Василій Васильевичъ Галицынъ, и державу Бояринъ Басмановъ. За Басмановымъ слѣдовалъ въ эпипрахили Благовѣщенскій Протоіерей, кропящій святою водою нередъ женихомъ и невѣстою, которые шли рядомъ одинъ подлѣ другаго. Лжедимитрія подѣ правую руку поддерживалъ Восвода Сендомирскій, а Марину подѣ лѣвую Княгиня Мещиславская. За ними шли Бояре, Дворяне, думные и приказные люди и прочіе Поляки изъ Мишковой свинны. Путь успланъ былъ сукномъ, а по оному фіолетовымъ бархатомъ. Охраненіе порядка было поручено на красномъ

крыльцѣ и ошъ онаго до собора шеспи головамъ спръмецкимъ, двадцати сопникамъ, да премъ спамъ спръльцамъ. Кромъ того спояли еще въ ружь Нѣмецкіе пѣлохранишели и нѣскольکو спръльцовъ. Въ соборъ успроено было черпольное мѣсто, обитое краснымъ сукномъ о двѣнадцати спуненяхъ. На ономъ стоялъ тронъ для Лжедимитрія, Персидскій, золоченый съ каменями *, а по обѣимъ споронамъ онаго находились спулья; на правой споронѣ, помельше для Паптріарха, а на лѣвой большой золоченый для Марины. Войдя въ церковь, Лжедимитрій и Марина прикладывались къ иконѣ Владимірской Божіей Матери и къ ракамъ чудопворцевъ. Потомъ проводили ихъ на черпольное мѣсто Паптріархъ и Митрополитъ Новгородскій. Тогда, къ изумленію Русскихъ, началось коронованіе Марины, не только прежде опрѣченія ея ошъ папекства, но даже прежде брачнаго обряда. Уклончивый Паптріархъ не усумнился возложитъ живошворяцій крестъ, бармы и Царскій вѣнецъ на иновѣрную Польскую дѣвицу. По окончаніи коронованія, Паптріархъ служилъ обѣдию, копорую Лжедимитрій слушалъ съ обыкновеннаго Царскаго мѣста, а Марина сначала

Примѣаніе. Тронъ сей, присланный въ 1605 году Шахомъ Аббасомъ Царю Борису, еще теперъ находится въ Оружейной палатѣ, въ Москвѣ.

опошла въ придѣлъ Димитрія Селунскаго съ сва-
хами и нѣкошорыми Боярами, а послѣ херувим-
ской подошла къ Царскимъ дверямъ, гдѣ Патрі-
архъ помазалъ и причасшилъ ее въ явное посмѣя-
ніе православія. Когда опошла обѣдня, то высла-
ли изъ церкви всѣхъ незнашныхъ людей и при-
спунили къ брачному вѣнчанію, которое исправ-
лялъ Благовѣщенскій Протоіерей. Симъ окончи-
лись церковные обряды, и Лжедимитрій съ Мари-
ною вышли изъ собора, и опсправились въ споло-
вую избу при звукѣ трубъ и лишавръ, колоколь- Петрей.
номъ звонѣ и пушечной спрѣльбѣ. На рундукѣ
собора и при дверяхъ споловой Князь Мспислав-
скій осыпалъ распригу въ каждомъ мѣспѣ по
пши раза, золотыми монетами цѣною опгъ 5 до
20 червонцевъ. Въ споловой Лжедимитрій и Ма- Дневникъ
Пословъ.
Брачный
обрядъ.
рина съли обѣдашь, съ Воеводою и его родспвен-
никами и весьма малымъ числомъ Бояръ. Сидѣли
полько до преспяго кушанья, а потомъ новобрач-
ные пошли въ новый деревянный дворець, куда
поѣздъ провожалъ ихъ до поспельныхъ комнашь,
а Воевода и пысяцкій до самой поспели.

На другой день, былъ шоржеспивенный пиръ
въ грашовишой палашѣ. Лжедимитрій съ Мариною
сидѣли на тронѣ за особеннымъ споломъ. Раз- Дневникъ
Марины.
сприга былъ одѣшь по гусарски, а Марина по
Польски. За другими сполоами обѣдали родспвен-

Дневникъ
Пословъ.

ники Марины съ ихъ свиною. Королевскіе послы также были приглашены, но не поѣхали, потому что Самозванецъ не хотѣлъ посадить ихъ за собственнымъ столомъ своимъ. Основываясь на томъ, что въ Краковѣ Власевъ сядѣлъ за собственнымъ Королевскимъ столомъ, они домогались, чтобы по крайней мѣрѣ одному изъ нихъ была оказана такая же почесть. Разсприга поручилъ Власеву уговаривать ихъ, но Власевъ въ душѣ ненавидѣлъ Поляковъ и воспользовался случаемъ, чтобы неприличными рѣчами еще болѣе раздражить пословъ. Такъ напримѣръ, онъ говорилъ имъ, что если дѣйствительно въ Краковѣ сажали его самого за Королевскій столъ, то иначе и бытъ не могло, потому что за тѣмъ же столомъ имѣли мѣсто послы Цесарскіе и Папскіе, а Русскій Государь выше всѣхъ Монарховъ Христіанскихъ и каждый поѣтъ у него папа. Столь странцыя разсужденія не могли убѣдить Пословъ; они и въ Субботу опоздали ѣхать на обѣдъ къ Александрю. Старый Миншекъ всецѣло спарался посредничествомъ своимъ миролюбиво окончить сѣдѣло; но видя непреклонность зятя своего, онъ обратился къ посламъ и представилъ имъ, что въ Польшѣ мятежная шляхта, недовольная шведскимъ союзомъ Сигизмунда съ Австрією, готовишица къ междоусобной войнѣ, что въ сихъ смутныхъ

обстоятельстввахъ благоразуміе пребуесть не соорипшя съ обладапелемъ Московскаго преспола, опъ коего при дружелюбныхъ его расположеніяхъ, можно ожидашь большаго пособія, и что потому слѣдуюшь попѣшишь его въ разсужденіи Посольскаго мѣста, шѣмъ паче, что въ день пріема, заспавивъ его приняшь Королевское письмо безъ присволемаго имъ пипула, довольно уже пронули его пщеславіе. Послы не оспоривали основательности сихъ замѣчаній, но ихъ удерживало то, что въ данномъ имъ наказѣ именно пославлено было имъ въ обязанность испаванъ о полученіи мѣста за Государевымъ споломъ хотя одному изъ нихъ. Они только иногда рѣшились уступитъ, когда воевода вызвался ходатайспвоать за нихъ у Короля, и когда Лжедимитрій согласился выдать имъ письменное свидѣтельство въ томъ, что они нарушили предписаніе о мѣстѣ единспвенно въ слѣдствіе обѣщаній его о доставленіи Рѣчи Посполитой важныхъ выгодъ. Въ Воскресенье 11-го числа, послы обѣдали у Лжедимитрія въ грановитной палатѣ. Олесницкій, какъ старшій, сидѣлъ одинъ по правую руку шрона, за особеннымъ сполкомъ, а Гоневскій занялъ первое мѣсто за споломъ, гдѣ находились прочіе Поляки, и Русскіе боярыни. 13-го Марша угощала Пословъ и значныхъ Поляковъ; изъ Русскихъ никого не было кро-

Дневникъ
Марины.

мъ Князя Масальскаго и Власьева. Спогъ и услуга были въ Польскомъ вкусѣ. Послѣ обѣда долго плясали, и разѣхались полько послѣ захожденія солнца. На другой же день, у Марины былъ пиръ для однихъ Русскихъ.

Но среди сихъ шоржеспвъ соспавлялся опасный для разсприги заговоръ, въ коемъ участвовала уже почти вся Москва. Всѣмъ Рускимъ, безъ различія сословій, казались нестерпимыми безпущество Самозванца и наглость Поляковъ. Если бы госпи сии силою оружія овладѣли споллицею, шо и пущъ не могли бы хуже обходиться съ жипелями оной. Въ особенности во время свадебныхъ веселій безчинство ихъ достигло до высочайшей степени. На пирахъ во дворцѣ они ругали Русскихъ и даже самыхъ знатнѣйшихъ, смѣялись надъ всѣми ихъ обрядами и поступками и въ хвасплавнѣйшихъ выраженіяхъ превозносили собственную свою храбрость, спрашась коей, Русскіе, по словамъ ихъ приняли опъ ихъ руки Царя. Многіе изъ нихъ, разгоряченные виномъ, возвращаясь изъ дворца, рубили саблями встрѣчающихся людей, и выпаскивая изъ кареспъ знатныхъ боярынь, безчестили ихъ. Самая святыця мало уважаема была ими. Они ходили по церквамъ съ собаками, а во время коронованія въ соборѣ, именипѣйшіе изъ нихъ, иные сидѣли, другіе

Беръ.

Показаніе
Бушпскихъ.

громко издѣвались надъ иконами, и дремали прислонясь къ онымъ. Снѣ неприспѣлости шагъ озлобили Русскія сердца, что все ожидали съ неперпвнѣемъ удобнаго часа для мести, и что прошивъ пріятеля Поляковъ, разсприги, воспавали даже и шѣ, которые были главнѣйшими зачинщиками измѣны въ пользу его. Изъ самыхъ приближенныхъ его, остался ему преданнымъ только одинъ Басмановъ.

Князь Василій Ивановичъ Шуйскій съ большимъ прилежаніемъ слѣдилъ за безпрестанно возрастающею народною ненавистью къ Самозванцу, и съ радостію убѣдился, что она достигла до высочайшей степени, и что настала часъ для избавленія отечества отъ поноснаго подданства, и для наказанія дерзкаго пришельца, осмѣлившагося положить вельможную голову его на плаху, ибо, по естественной склонности человѣческаго сердца, онъ болѣе хранилъ въ памяти своей сей позоръ, чѣмъ дарованное ему прощеніе. Въ единомысліи съ нимъ были знатнѣйшіе люди въ Государствѣ, и въ числѣ оныхъ не только находился убійца Царя Феодора Борисовича, Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, но даже сей Бояринъ, съ Княземъ Иваномъ Семеновичемъ Куракинымъ, были Сказаніе еже содѣяся. главнѣйшими помощниками Шуйскаго. Подвизаясь на дѣло отечественное, они хотѣли отспранить

онъ себя вредное вліяніе личныхъ спраспей, могущихъ поселить раздоръ между самими сообщниками ихъ, и попому всѣ прое дали обѣщаніе другъ другу непременно извѣспъ разспригу, а копорому изъ нихъ приведется бытъ Царемъ послѣ него, оннюдъ не мспипъ никому за прежнія вины, и управлятъ Государспвомъ общимъ совѣпомъ. Изъ всей Болрской думы одному Князю Мспиславскому не вѣрили пайну заговора, опасаясь извѣспнаго его малодушія.

Беръ-

Увѣрившись въ синклипъ, Шуйскій обратился къ нижнимъ сословіямъ, копорыми, какъ уже сказано выше, былъ весьма уважаемъ. Созвавъ въ домъ свой уговоренныхъ бояръ, да еще купцевъ и городскихъ сошниковъ и пятидесятниковъ, онъ представилъ собранію печальную картину Россіи въ рукахъ Поляковъ, и Москвы, наполненной опасныхъ для спокойствія ея иноземцевъ. Онъ напомнилъ, что хотѣлъ предупредить зло, но что Москвичи его не поддержали, и что онъ самъ едва не оставилъ головы своей на плахѣ. Въ отношеніи къ Самозванцу онъ далъ замѣспить, что вообще признали его за Царевича, дабы избавитъ себя ненавистнаго владычества Годуновыхъ, и въ надеждѣ найпни въ юномъ вицязѣ храбраго защитника православной Вѣры и опечеспвенныхъ обычаевъ; но что сіе ожиданіе не сбылось и напрошивъ того, Іжедимнпрій обращасп-

ся какъ настоящій Полякъ, любитъ только иноземцевъ, не чинитъ святыхъ, оскверняетъ храмы Божіи дозволеніемъ входитъ туда нескрещеннымъ Ляхамъ, да еще и съ собаками, изгоняетъ пастырей душъ изъ домовъ ихъ, которые отдастъ Нѣмцамъ, наконецъ и самъ женился на поганой Полькѣ. Изложилъ все сіе, Шуйскій присовокупилъ, что если благовременно не примутся мѣры къ прекращенію неистовствъ, то должно ожидать пущихъ бѣдъ, что онъ для спасенія православія снова не пожалѣетъ себя, только помогали бы ему съ усердіемъ и вѣрностію, что каждый сопникъ долженъ убѣдить своихъ подчиненныхъ въ самозванствѣ Царя, замышляющаго новыя злодѣйства съ своими Поляками, и что Московскимъ обывателямъ предстоитъ посовѣтоваться между собою, какимъ образомъ избавишься отъ него, что за свящую Русь могутъ восстать болѣе ста тысячъ людей, а за Самозванца останутся только 5,000 Поляковъ, и то разсѣянныхъ по цѣлому городу, и что стоить единственно назначить день, чтобы избить ихъ вмѣстѣ, съ гнуснымъ обманщикомъ. Опуская отъ себя сопниковъ, Шуйскій убѣждалъ ихъ не медлить дѣломъ и убѣдомилъ его на что рѣшались граждане.

Разглашенія сопниковъ подѣйствовали такъ успешно на простой народъ, выведенный изъ

пертвїя поспупками Лжедимитрія и Поляковъ, что никто и не помыслилъ заступаться за Самозванца, кошорого менѣе года пому принимали съ восторгомъ. Напроривъ всѣ жаждали видѣть конецъ его нелѣпаго властвованія.

Уже 12-го Мая, громко говорили на рынкахъ, что Лжедимитрій измѣнилъ православію, что онъ рѣдко посѣщаетъ Божїи храмы, вводитъ чужїе обычаи, ѣстъ скверную пищу, не выпарившись ходитъ къ обѣднѣ, не кладетъ поклоновъ предъ Иконами и послѣ свадьбы ни разу, съ поганою женою своею, не мылся въ банѣ. Нѣмецкіе алесбардчики схватили одного изъ дерзкихъ болшупновъ и предспавили во дворецъ. Разсприга велѣлъ допроситъ его; но Бояре, коимъ поручено было исполнитъ сіе, донесли Самозванцу, что виновный вралъ съ пьяну, что впрочемъ и въ презвомъ видѣ онъ не умнѣе бываетъ по природной простотѣ, и что Государю не слѣдуетъ превожиптсѣя наушничествомъ Нѣмцевъ, потому что у него довольно силы для усмиренія мяшежа, если бы какой безумецъ и запѣялъ подобный.

Но и безъ сихъ лукавыхъ внушеній не легко было увѣритъ разспригу въ угрожаемой ему опасности. Безпечность его основывалась не только на врожденной самонадѣянности, но еще на какомъ-шо предсказанїи, обѣщавшемъ ему тридцат-

пичешырехлѣшнее царствовање. Въ ослѣпленіи Палачы, своемъ онъ даже изъяслялъ гнѣвъ свой шѣмъ, которые его предостерегали.

Хотя множество людей уже вошли въ заговоръ, но чувство опвращенія къ Самозванцу было такое единодушное и глубокое, что не нашлось ни одного доносителя. Однакожь не возможно было, чтобы при семъ многочислѣннѣйшій пайна не разгласилась. Въ особенноти провѣдали о ней Нѣмцы, опъ коихъ менѣе береглись, чѣмъ опъ Поляковъ. Ротные Начальники Нѣмецкихъ пѣлохранишелей, при дни сряду, а именно 13-го, 14-го и 15-го Мая, письменно доносили Самозванцу о Беръ-замышляемомъ возстаніи, но получили въ опвѣсть, что все это ничего не значить. Разсприга, или дѣйствительнѣйше избалованный счастьемъ, не предусматривалъ опасности, или желалъ выказывать безстрашіе для обузданія злонамѣренныхъ. Онъ приказалъ топовишься къ новымъ забавамъ. Въ слѣдующее Воскресенье у Марины должны были происходить пляски въ маскахъ; а въ шопъ же день Лжедимишрій намѣревался для воинской пошѣхи дѣлать примѣрный приступъ къ деревянному съ насыпью городку, по повелѣнію его выспроенному въ полѣ, за Срѣшенскими воробами.

Уже нѣсколько пушекъ опправлены были пуда. Симъ случаемъ еще воспользовались Бояре, чтобы

Сказаніе сже
содѣяся и
Дневникъ
Польскихъ
пословъ.

увѣрить народъ, что *Ажедимирій* замышляеть не пошѣху, а избіеніе знаменитѣйшихъ Москвитянъ, дабы попомъ безпрекословно ввести въ Россію папешство *.

Между шѣмъ, ожесточеніе Московскихъ обывателей на Поляковъ было такъ велико, что многіе изъ нихъ не дождавшись, чтобы начальники заговора назначили день для дружнаго возстанія, вздумали сами собою приступить къ дѣйствію. Въ ночи съ 14-го на 15-е, многочисленныя толпы бродили по улицамъ, ругая Поляковъ. Въ особенности до чепырехъ тысячъ человекъ собралось близъ квартиры Князя Вишневецкаго, который надменностію своею болѣе всѣхъ прочихъ Ляховъ вооружилъ противъ себя Русскихъ. Но такъ какъ никто изъ вождей не явился, то предпріятіе ограничилось бесплоднымъ шумомъ и съ разсвѣтомъ все разошлось по домамъ.

Дневникъ
Марини и
пословъ.

* *Примѣчаніе.* Если вѣрить показаніямъ Бучинскихъ, отобранныхъ отъ сихъ Секретарей разстриги, послѣ его смерти, дѣйствительно онъ имѣлъ намѣреніе, во время потѣхи, велѣть Полякамъ убить двадцать знатнѣйшихъ Бояръ, въ томъ числѣ Мстиславскаго и обвѣхъ Шуйскихъ, дабы потомъ по своей волѣ перемѣнить вѣру и обычаи народныя. Теперь, не имѣя ни какихъ другихъ данныхъ, трудно рѣшить, Бучинскіе оклеветали ли изъ низкаго подобострастія память благодѣтеля своего, въ угодность торжествующимъ его врагамъ, или въ самомъ дѣлѣ Самозванецъ надвѣлся злодѣйскимъ подвигомъ отстранить все, до селѣ встрѣчаемаго имъ противности.

Сіе бездѣйственное покушеніе вмѣсто того, чшобы предостеречь Самозванца, кажешся, умножило еще его безпечность, внушивъ ему пагубную мысль, что его такъ всѣ страшашся, что ни у кого не достанешъ духу въ самомъ дѣлѣ возстать противъ него. Въ семъ предубѣжденіи, онъ успокоился совершенно и занялся дѣломъ государственнымъ. Утромъ, 15-го числа, Польскіе послы были приглашены во дворець, гдѣ нашли Лжедимитрія, сидящаго въ голубой одеждѣ, въ высокой шапкѣ и съ посохомъ въ рукѣ. Онъ опсправилъ ихъ въ особенную палату, куда прибыли ипакже назначенные для переговоровъ съ ними Бояре, Князь Дмитрій Шуйскій и Князь Рубецъ-Мосальскій, думный дворянинъ Тапищевъ и думные дѣяки Власевъ и Грамопинъ. Послы сказали, что Король, усердствуя раздѣлишь съ Царемъ славу войны противъ Порты, проситъ объявить имъ, когда и съ какою силою Царь намѣренъ ополчиться на невѣрныхъ, послѣ чего и они въ состояніи будутъ изъяснить, что и Польша можетъ предпринять съ своей спороны. Тапищевъ отвѣчалъ имъ, что Царь, намѣреваясь воевать съ Турками, имѣетъ только въ виду ревность къ славѣ Божіей и свяшой вѣрѣ, а что Поляки намѣтками своими дають поводъ подозрѣвать, что желаютъ единственно вывѣдать мысли Московскаго Государя, чшобы по-

Часть I. 16

помъ найпи предлогъ самимъ уклонисья опгь содѣйствіа. Послы обидлись шаковымъ упрекомъ, въ доказательство несправедливости коего приво-дили, что всегда предлагающій предпріятіе обя-зывается первый объяснить, какими мѣрами на-дѣется достигнуть желаемой цѣли. Тогда Русскіе сановники пошли доложить Самозванцу о слышан-номъ ими. Тапищевъ, Власевъ и Грамошинъ воз-вратились съ такимъ оіпвѣпомъ, что Царь при-казалъ думнымъ людямъ своимъ, занявшись изложе-ніемъ мыслей своихъ по предмету нужныхъ средствъ для замышляемыхъ дѣйствій, и что онъ въ не-продолжительномъ времени самъ будетъ о семъ совѣщаться съ послами, въ присутствіи своихъ Болръ.

Изъ дворца Послы поѣхали обѣдать къ пану Тарло, куда приглашены также были Князь Виш-невекій, панъ Немоевскій, оба Спадницкіе и дру-гіе паны. Гости по тогдашнему Польскому обык-новенію порядкомъ подпили. Когда послѣ обѣда они занялись пляскою, то пришли сказать имъ, что Поляки подрались съ Русскими. Непрезвые паны смущались пѣмъ болѣе, что имѣли еще на умѣ скопища прошлой ночи. Въ сіе время ударили къ вечернѣ. Оробѣвшіе гости приняли сей звонъ за набатъ, и разбѣжались. Послы поспѣшили воз-вратиться домой, и извѣстили единоземцевъ сво-

ихъ, чптобы въ случаѣ опасности некали убѣжища на посольскомъ дворѣ. Но скоро узнали, что вся шревога пронзошла только опъ того, что хмѣльный гайдукъ Князя Вишневецкаго прибилъ Русскихъ, и въ свою очередь былъ прибитъ ими. Лжедимишрїй двукратно присылалъ къ посламъ Секретаря Бучинскаго, успоковашъ ихъ и сказашъ имъ, что онъ пакъ хорошо принялъ въ руки Государство, что безъ воли его ничего пронзойти не можешъ. Не смотря на увѣренїя сіи, послы поставили спражу у себя на дворѣ, а Воевода Сендомирскїй и сынъ его расположили, на занимаемыхъ ими дворахъ, всю прибывшую съ ними Польскую пѣхоту съ хоругвями и барабанами.

Спража въ Кремль также бодрствовала и схватила ночью прокравшихся въ крѣпость шесть подозрительныхъ человекъ, которыхъ приняли за лазупчиковъ. Трехъ изъ нихъ умертвили, а остальныхъ избили.

Въ Пятницу 16-го числа, уже въ Русскихъ *Légende*. лавкахъ, опказывали продавашъ Полякамъ порохъ и всякое оружіе. Столь явная непрїязнь встревожила Польскихъ Жолнеровъ. Они объявили о предстоящей опасности Воеводѣ Сендомирскому, который донесъ о томъ Самозванцу. Но разсприга смѣлся надъ сими рассказами, и дивился малодушію Поляковъ. Впрочемъ для успокоенїя ихъ, ве-

лѣлъ на слѣдующую ночь разспавилъ по улицамъ караулы изъ Спрѣльцовъ. Кажется, что онъ весьма полагался на приверженность къ себѣ сего войска, и что на сей увѣренности наиболѣе основывалась его безопасность. Онъ рассчитывалъ, что 10,000 Спрѣльцевъ, 5,000 Поляковъ и 300 Нѣмцевъ достапочно для обузданія нестройныхъ скопищъ Московской черни.

Такъ какъ Пяшница прошла спокойно, то сами недовѣрчивые Поляки начали думать, что волненіе народное утихло, и въ семъ предположеніи они беззаботно предались сну. Но въ сіе самое время мятежъ готовился разразиться. Князь Шуйскій съ шоварицами, видя, что народное стремленіе опереживаетъ принимаемыя ими мѣры, почли неумѣстнымъ дальнѣйшее оплагательство, и рѣшились приступить немедленно къ исполненію своего предпріяшя. Хотя разсприга сидѣлъ еще на Московскомъ прешолѣ, но все Русское уже безпрекословно повиновалось имъ однимъ. По повелѣнію ихъ, осмнадцати-тысячное войско, споявшее въ семи верспахъ за городомъ и долженспивовавшее слѣдовать къ Ельцу, ночью съ 16-го на 17-е, введено въ столицу разными воропами. Въ ту же ночь всѣ двѣнадцать городскихъ воропъ были заняпы посланными опѣ Боярѣ дружинами, кошорыя не пропускали никого въ столицу, ни

изъ оной. Такъ, какъ самые приближенные придворные принимали участіе въ заговоръ, то Нѣмецкіе шѣлохранишеля, изъ коихъ всегда по спущеніи челобѣтъ находилось во дворцѣ, получили отъ нихъ приказаніе именемъ Самозванца, иные въ Пятницу вечеромъ, а другіе въ Субботу рано по утра, разойти по домамъ, такъ что всего осталось на стражѣ при дворцѣ только тридцать алебарщиковъ. Московскіе обыватели провели всю ночь въ ожиданіи набата; они, по сдѣланной имъ повѣстки, съ первымъ звономъ колокола должны были спекашьяся на Красную площадь.

Сказаніе еже содѣяся.

Въ Субботу, около чепырехъ часовъ утра, ударили въ колоколь, сперва у Ильи Пророка близъ госпинаго двора, и потчасъ же набатъ раздался по всему городу. Со всѣхъ концовъ, тысячи людей съ ружьями, саблями, попорами и рогатинами спремались къ Красной площади, гдѣ сидѣли уже на коняхъ бояре и дворяне, числомъ до двухъ сотъ въ полномъ вооруженіи. На тревогу выбѣжали изъ домовъ своихъ и шѣ изъ Москвитянъ, которые неизвѣстны были о заговорѣ; имъ говорили, что Липва бѣшетъ вельможъ Русскихъ, и они спѣшили за прочими, на помощь знашнымъ единокровнымъ своимъ.

Дневникъ
Пословъ.

Начальникъ заговора, Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, видя, что Москва дружно возстаепъ за

Légende и
сказаніе.

Русь, не дождавшись, чтобы вся чернь собралась на площади, предложилъ дворянамъ немедленно напастъ на дворець, дабы не дать времени Самозванцу опомниться и можетъ быть скрыться. Все согласилось, что благоразуміе пребрало не мѣшкать. Шуйскій, съ креспомъ въ одной рукѣ, и съ мечемъ въ другой вѣхалъ въ Кремль черезъ Спасскія ворота, въ сопровожденіи заговорщиковъ. Подѣхавъ къ Успенскому собору, онъ слѣзъ съ коня, приложился къ иконѣ Владимірской Богоматери, и обращаясь къ толпившемуся уже передъ соборомъ народу, воскликнулъ: *Во имя Божіе идите на злога еретика!* Все хлынуло ко дворцу.

Дневникъ
пословъ.

Ажедимицрій, ни мало не предвидя готворящейся для него бѣды, всю ночь провелъ въ пированіи, и съ разсвѣтомъ вышелъ освѣжиться на крыльцо. Услышавъ набатъ, онъ спросилъ, для чего звонятъ. *Пожаръ*, отвѣчали ему *, и онъ, не подозревая ничего, спокойно воропился въ чертоги свои. Но вскорѣ грозный вопль приближающихся бунтовщиковъ снова превозжилъ его. Онъ вы-

Примѣчаніе. Въ дневникъ Польскихъ Пословъ сказано, что отвѣтъ сей данъ Самозванцу Княземъ Дмитріемъ Шуйскимъ, но нѣтъ вѣроятія, чтобы сей Князь находился при разстригѣ, въ то самое время, когда родной братъ его собиралъ уже народъ для нападенія на дворець. Развѣ Князь Дмитрій не былъ ли въ числѣ гостей, пировавшихъ ночью съ Ажедимицрємъ?

слалъ ночевавшаго во дворецъ Басманова узнашь, что происходитъ. Басмановъ уже нашелъ весь Беръ. дворецъ наполненнымъ вооруженными людьми, которые на спросъ его, чего хотятъ и что за звонъ, ошвѣчали ему ругательными словами, и требовали, чтобы онъ имъ выдалъ Самозванца. Тогда Басмановъ кинулся назадъ, и приказавъ алебардщикамъ не впускать никого во дворецъ, поспѣшилъ къ разпиргѣ и сказалъ ему: *Мятежь! я умру, а ты спасайся!* Въ самомъ дѣлѣ, Лжедимишрій однимъ бѣгствомъ могъ избавишься отъ угрожающей ему опасности. При немъ находилось только тридцать алебардщиковъ и нѣсколько Польскихъ слугъ и музыкантовъ, и слѣдственно не было достаточныхъ средствъ для обороны. Алебардщики, видя свое малолѣдство, такъ оробѣли, что даже допустили, чтобы одинъ изъ дворянъ, бывшихъ въ числѣ заговорщиковъ, пробрался между ними и вбѣжалъ въ покой, гдѣ находился Лжедимишрій съ Басмановымъ. Увидѣвъ Самозванца, дворянинъ закричалъ: *Ну, безвременный Царь! проспался ли ты? За чѣмъ не выходишь къ народу и не даешь ему ответа.* Но дерзновенный сей поступокъ имѣлъ пагубныя слѣдствія для пылкаго дворянина; озлобленный Басмановъ схватилъ висѣвшую на стѣнѣ саблю и разсѣкъ ему голову. Самъ Лжедимишрій, не опложившій еще своего самонадѣянiя,

Дневникъ
пословъ.

Беръ и Пестрей.

не терялъ надежды присущспвіемъ своимъ укро-
шилъ мятежь. Вбѣжавъ въ переднюю, гдѣ споя-
ли алебардчики, онъ выхватилъ мечъ у Курлянд-
ца Шварцгофа, вышелъ въ сѣни и, грозя мечемъ
народу, кричалъ: *Я вамъ не Борисъ!* Но встрѣчен-
ный выспрѣлами, онъ спѣшилъ удалиться во вну-
тренніе покои. Мужественный Басмановъ сдержалъ
данное имъ Самозванцу слово,—жертвовать собою
для его спасенія. Оставшись въ сѣняхъ, онъ спалъ
уговаривать Болръ, чшобы помнили свою присягу
и удержали народъ отъ своевольства. Въ отвѣтъ
ему, избавленный имъ отъ ссылки, думный дворя-
нинъ Тапищевъ зарѣзалъ его ножемъ, и прупъ
его былъ боярами сброшенъ съ крыльца. Такимъ
образомъ, необыкновенный мужъ сей, прежде из-
мѣнившій законному Государю своему, не отказал-
ся запечатлѣть собственною кровію вѣрность
свою къ тому, кого самъ въ дружескихъ бесѣдахъ
признавалъ за Самозванца. Сіе объясняется толь-
ко тѣмъ, что главнѣйшая спрасъ его была че-
столюбіе, къ удовлетворенію косяго гибель Царя
Феодора Годунова открывала ему путь, какъ на-
пронивъ того съ паденіемъ Лжедимипрія исчеза-
ла для него всякая надежда сохранить свое могу-
щество.

По смерти Басманова, ничто уже не удержи-
вало буйныя толпы; Нѣмцы алебардчики, ни мало

не расположенные послѣдовашь его великодушному примѣру, положили оружіе, и народъ не только разломалъ двери, но даже вырубилъ нѣсколько бревенъ въ стѣнѣ и наводнилъ дворець. Лжедимишрій съ досады рвалъ на себѣ волосы, и побѣждалъ объявивъ Маринѣ о бунтѣ, а потомъ поспѣшилъ черезъ ея покои пробраться въ каменный дворець, но и тутъ не надѣясь найши возможности укрыться, онъ выскочилъ изъ окна на подмостки, усроенныя для свадебнаго праздника. Съ однихъ подмостковъ онъ хопѣлъ перепрыгнуть на другія, но оступился, упалъ съ 15-ти саженой вышины на гипсный дворъ и вывихнулъ себѣ ногу. Паярле.

Марина, едва пробудившаяся отъ сна, была не одѣта; наскоро надѣвъ юбку, она въ безпамятствѣ сбѣжала внизъ подъ своды, но не находя тамъ безопасности, воротилась на верхъ. Среди общаго замѣшательства, и при помощи ея слишкомъ простаго наряда, ее не узнали и сполкнули съ лѣстницы. Однако она добралась до своего покоя и тамъ оспалась съ женскою свитою своею. Вскорѣ люди, преслѣдовавшіе разспригу изъ комнаты въ комнату, спали ломнились и въ покой, гдѣ находилась Марина. Камердинеръ ея Осмульскій, желая оспановить ихъ, упорно защищался въ дверяхъ. Многія Дневникъ
Маринъ Дневникъ
пословъ полученные имъ раны не поколебали его рѣшимо-

спи, и онъ продолжалъ опсѣивать дверь до пѣхъ поръ, пока ружейный выстрѣлъ не положилъ его на мѣстѣ. Спрѣля въ него, Русскіе случайно ранили смертельно находящуюся въ комнатѣ спарую панью Хмелевскую. Москвичи бросились грабить Марину и бывшихъ при ней женщинъ, и оставили ихъ въ однѣхъ сорочкахъ. Можеть быть, ихъ ожидала еще и горшая участь, но геройская преданность Осмульскаго не совсѣмъ осталась для нихъ бесполезною. Она дала время Боярамъ присѣсть на выручку ихъ. Бояре разогнали буйствующихъ людей, отвели Марину и женщинъ ея въ особую комнату, къ копорой приставили стражу, а вещи ихъ, опечатанныя, приказали положить въ кладовую.

Между тѣмъ нѣсколько десятковъ стрѣльцовъ, стоящихъ на стражѣ близъ того двора, на который упалъ Лжедмитрій, нашли его лежавшимъ безъ чувствъ, облили водою и перенесли на каменный фундаментъ, сломааннаго по приказанію его деревяннаго дворца Царя Бориса. Придя въ себя, Самозванецъ началъ умолять Стрѣльцовъ, чтобы обороняли его, обѣщая имъ въ награду женъ и помѣстья Бояръ. Обольщенные Стрѣльцы рѣшились сполна за него и опогнали ружейными выстрѣлами первыя толпы людей, сбѣжавшихся къ тому мѣсту, гдѣ находился разсрѣга. Но

Князь Василій Ивановичъ Шуйскій убѣждалъ единомышленниковъ своихъ докончивъ начатое и говорилъ имъ: *Мы имѣемъ дѣло не съ такимъ человекомъ, который могъ бы забыть малѣйшую обиду; только дайте ему волю, онъ запоетъ другую пѣсню: предъ своими глазами погубить насъ въ жестокайшихъ мукахъ! Такъ мы имѣемъ не просто съ каварнымъ плутомъ, но съ свирѣпымъ чудовищемъ; задушимъ, пока оно въ ямѣ! Горе намъ, горе женамъ и дѣтямъ нашимъ, если бѣстія выплзетъ изъ пропасти!* Тогда въ народѣ завопили: *Пойдемъ въ стрѣльцкую слободу, истребимъ семейства стрѣльцовъ, если они не хотятъ выдать измѣнника, плута, обманщика!* Сею угрозою испрашенные стрѣльцы бросили ружья свои, и не препятствовали Боярамъ схватить Лжедмитрія Беръ. и внести его въ допотѣ занимаемые имъ покои деревяннаго дворца, которые вмѣсто прежняго великолѣпія являли уже отвратительные слѣды грабительства и разоренія. Въ передней Самозванецъ прослезился, увидѣвъ алебардчиковъ своихъ столбшихъ безъ оружія и съ поникшею головою. Одинъ изъ нихъ, Ливонецъ Фирстенбергъ, сжалившись надъ нимъ, пробрался въ комнату, куда положили его, вѣроятно въ намѣреніи прислуживать ему. Но преданность Фирстенбергова содѣлалась для него самою губельною; одинъ изъ дворянъ

заговорщиковъ закололъ его. Попомъ всѣ обеспу-
нили Самозванца, на кошораго вмѣсто сорваннаго
съ него плащя, надѣли кафшанъ пирожника. Озло-
бленные люди безжалостно вымѣщали на немъ за
понесенныя опѣ него обиды. Тѣ, копорыя доволь-
ствовались ругать его, оказывались милосердыми,
въ сравненіи съ другими, ударявшими его. Вообще
домогались, чшобы онъ самъ сказалъ, опкуда
онъ родомъ. Но несчастный зналъ, что только
упорствуя въ самозванствѣ, можетъ нѣкопорыхъ
людей оставить въ сомнѣніи и пѣмъ сохранить
слабую надежду къ спасенію своей жизни. Въ семъ
убѣжденіи, онъ не преставаелъ увѣрять, что дѣй-
ствительно сынъ Царя Юанна Васильевича и ссы-
лался на свидѣтельство матери своей, копорую
просилъ допросить. Въ семъ ему не опказали, и
Князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ, съ чепырью
другими сановниками, опправились въ Вознесенскій
монастырь, и именемъ опечесства требовали опъ
Царицы чистосердечнаго признанія. Царица съ
раскаленіемъ объявила, что сынъ ея, пораженный
въ Угличѣ по повелѣнію Бориса, точно умеръ у
ней на рукахъ, а что сего ей невѣдомо опкуда
пришедшаго, злодѣя согласилась принять за свое-
го сына только по женской слабости страха ради.
Нагіе также подтвердили ея слова. Князь Голи-
цынъ, воропившись во дворець, сказалъ разспри-

Паерле.

Дѣла Поль-
скія, Де Ту,
Паерле и
Беръ.

гъ, что мнимая мать опрекается опъ него. Сраженнй сею вѣстiю, Самозванецъ спалъ просишь, чшобы его вывели на лобное мѣсто, обѣщаясь шамъ всенародно обѣяснишь истину. Слова сiн были приняпы въ видѣ косвеннаго признанiя. Народу, полпившемуся подѣ окнами на дворѣ, и прилежно освѣдомляющемуся о всѣхъ рѣчахъ Лжедимишрiя, обѣявили, что онъ винишся. Тысячи голосовъ завопили: *Бей его, руби его!* Тогда между наполняющими царскiе чершogi людьми, прошѣснися Болрскiй сынъ Григорiй Валуевъ, и сказавъ: *Чего толковать съ еретикомъ? Вотъ я благословлю Польскаго свистуна, ружейнымъ выстрѣломъ изъподѣ армяка убилъ разспригу. Присупствующiе въ ожесточенiи своемъ, саблями сѣкли бездушный шрупъ и сбросили его съ крыльца на пѣло Басманова, говоря: Ты любилъ его живаго, не расставайся и съ мертвымъ.* Нѣсколько времени спустя, чернь, обнаживъ оба шрупа, повлекла ихъ чрезъ Спасскiя ворота на Красную площадь. Тѣло Лжедимишрiя шамъ положили на сполъ, длиною въ Маржереть и Дневникъ по-словъ. аршинъ, такъ, что свѣсившiяся ноги касались груди Басманова, положеннаго на скамѣ, подѣ споломъ. Прискакавшiй верхомъ изъ Кремля дворянинъ съ Петрей, волянкою и маскою, всунулъ волянку разспригъ въ ропъ, а маску положилъ на брюхо и сказалъ:

Ты, негодяй, часто насъ заставлялъ дудить; теперь самъ дуди въ нашу забаву.

Дневникъ по-
словъ, Днев-
никъ Марин-
ны, Беръ и
Паерле.

Местъ народная еще не удовлетворялась убіе-
ніемъ Лжедимирия. Оставалось раздѣлаться съ
Поляками, не менѣе его ненавистными. Изъ най-
денныхъ во дворцѣ Польскихъ музыкантовъ 17-тъ
человѣкъ были убиты, а оспальные восемь оспа-
влены за мерзтво. Чернь, упоенная буйствомъ и
подспрекаемая персодѣтыми монахами и попами *,
бросилась къ домамъ, занимаемымъ Поляками. Вездѣ,
гдѣ по малолюдству своему иноземцы сіи или
вовсе не оборонялись, или оборонялись безуспѣшно,
ихъ безщадно убивали или грабили, а женъ и до-
черей вводили. Въ особенності кровопролитіе бы-
ло ужасное на Никипской улицѣ, гдѣ жили Марин-
нины служилыи. Ожесточенные Москвитяне не
оказывали должнаго праводушія даже и въ отно-
шеніи къ шѣмъ, кои отдавались имъ на вѣру.
Панъ Тарло, запершись въ домѣ своемъ съ супру-
гою своею, съ паньсю Гербурповою и паномъ
Любомирскимъ, готовился защищаться; но по убѣж-
денію бывшихъ при немъ женщинъ, согласился по-
ложить оружіе, въ замѣнъ даннаго ему опъ напа-

Примчаніе. О семъ содѣйствіи Русскихъ духовныхъ
лицъ, свидѣтельствуеть, впрочемъ, только Полякъ, писав-
шій дневникъ Маринны.

дашелей кляпвеннаго обѣщанія, что не будетъ ему причинено ни малѣйшаго вреда. Но лишь только онъ выдалъ имѣющіяся у него въ домѣ ружья и сабли, то народъ вломился къ нему, убилъ тридцать изъ его служителей, другихъ переранилъ и все имущество разграбилъ. Съ самаго пана Тарло сорвали всю одежду до послѣдней рубахи. Той же участи подверглись супруга его, панья Гербуртова и панъ Любомирскій. Впрочемъ, среди исповсвѣвъ самоуправія, чувство состраданія не во всѣхъ сердцахъ угасло; нѣкоторыя изъ Поляковъ были спасены хозяевами занимаемыхъ ими домовъ, копорые дали имъ способъ укрыться. Также опспоялись дома воеводы Сендомирскаго, сына его и Князя Вишневецкаго, обороняемые многочисленными служителями. Первымъ ударамъ подвергся воевода по случаю сосѣдства занимаемаго имъ Годунова дома опъ дворца, но самое обспоятельство сіе послужило къ его спасенію, ибо дало возможность находящимся во дворцѣ дворянамъ во время прискаканъ на его выручку. Уже народъ осыпалъ камнями дворъ и подвезъ пушки для разгромленія прочныхъ спѣнъ дома, но дворяне удержали чернь и требовали, чшобы воевода выслалъ опъ себя довѣреннаго къ Боярамъ. Мнишекъ колебался, опасался подвергнушь гибели высланнаго, но когда дворяне предложили ему принять въ

аманапы одного спрѣлецкаго голову, по онъ рѣшился пересадить черезъ заборъ спаршаго служителя своего Гоголинскаго. Призванный въ думу Боярскую, Гоголинскій убѣдился, что Русскіе сановники не раздѣляютъ свирѣпой ярости своихъ соопечесивенниковъ прошивъ Поляковъ. Тапищевъ отъ имени прочихъ членовъ думы сказалъ ему: *Всемогущій Богъ взираетъ на всѣ царства, и по воли своей располагаетъ ими; безъ воли же Его никто не можетъ быть. Сіе должно сказать о настоящемъ происшествіи. Господь не восхотѣлъ, чтобы хищникъ, не царской крови, овладѣвъ нашимъ Государствомъ, долго утѣшался своею добычею. Господство его кончилось. И твой панъ, по всей справедливости заслуживаетъ равную участь: онъ покровительствовалъ Самозванцу, привелъ его въ наше Государство, былъ виною всѣхъ минувшихъ бѣдствій и кровопролитія; наконецъ въ спокойной землѣ нарушилъ миръ и произвелъ мятежъ. Но Богъ сохранилъ его до настоящаго часа; да восхвалитъ теперь благость Господню: опасность его миновала. Иди и возвѣсти о селѣ господину твоему. Сіи слова, изъясняющія справедливое негодование, удержанное въ предѣлахъ приличія и умѣренности, успокоили воеводу. Для вѣщаго охраненія его, Бояре приставили къ дому спражу изъ спрѣльцовъ.*

Изъ всѣхъ пановъ только одинъ Князь Вишневецкій дѣйствительно находился готовымъ къ отпору, ибо зналъ, что былъ предметомъ злобы Москвичей. На занимаемомъ имъ обширномъ дворѣ Господаря Волошскаго, онъ держалъ въ сборѣ 200 копѣйщиковъ своихъ. Бояре также прислали для охраненія его небольшой стрѣлецкій отрядъ, но оный не въ состоянн былъ удержать подступившя многочисленныя толпы, которыя ворвались было на дворъ, но были отогнаны ружейными выстрѣлами Поляковъ. Тогда Москвичи подвезли пушку и съ новымъ ожесточеніемъ бросились къ двору. Вишневецкаго люди защищались храбро. Сраженіе сдѣлалось упорное; однихъ Русскихъ пало до 300. Со стороны Поляковъ уронъ допотопъ былъ незначителенъ; стрѣляя изъ-за стѣнъ, они лишились только 18-ти человекъ. Но должно было предвидѣть, что имъ долго не устоять проливъ непомернаго числа нападающихъ на нихъ обывателей.

Между тѣмъ Бояре, съ сокрушеніемъ видѣвшіе, что торжество дѣла опечесивеннаго заплянывается кровопролитіемъ бесполезнымъ, прилагали всѣ возможныя усилія къ прекращенію онаго. Они скакали изъ улицы въ улицу, унимая народъ. Князь Василій Ивановичъ Шуйскій и Иванъ Никипсевичъ Романовъ явились передъ домомъ Вишневец-

каго, уговаривали его не продолжашь бесполезнаго сопрошивленія и кляпвенно обѣщали, что онъ оспанется невредимъ, если повѣритъ имъ свою участь. Вишневецкій согласился на сіе и впустилъ ихъ къ себѣ. Шуйскій прослезился, увидѣвъ дворъ, устланый Русскими трупами. Вишневецкаго, для спасенія его опъ ярости народной, отослали въ другой домъ; но чернь разграбила имущество и обобрала людей его.

Бояре присуствіемъ своимъ спасли также Маринина брата, спароспу Саноцкаго. Впрочемъ на домъ его не сильно напиралъ народъ, пошому что оный только одною улицею отдѣлялся опъ Посольскаго двора, гдѣ находилось въ сборѣ довольно значительное число вооруженныхъ Поляковъ.

Дневникъ
Пословъ.

При первомъ слухѣ о мяшежѣ, Послы заперли дворъ свой и обставили гайдуками заборъ, въ намѣреніи защищашься до послѣдней крайности. Но болѣе чѣмъ оборонительными мѣрами, охранялись они народнымъ правомъ, споль священнымъ для Москвичей, что достапочно было увѣщаній находящихся при послахъ приспавовъ для удержа- нія опъ непріязненныхъ дѣйствій толпящихся около двора людей. Бояре, съ своей спороны желая успокоить пословъ, послали къ нимъ дворянина Нащокина съ товарищемъ. Гонсѣвскій, вышедшій для свиданія съ ними, спалъ въ воро-

пахъ. Нащокниъ не слѣзая съ коня, сказалъ: *Князь Федоръ Ивановичъ Мстиславскій да Князь Васильй и Князь Дмитрій Ивановичи Шуйскіе, и другіе* О убійствѣ Дмитрія Государя Московскаго, въ рукописяхъ Пулавской библиотеки. *Бояре товарищи ихъ, велѣли сказать вамъ, Посламъ Сигизмунда, Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго: Въ областяхъ Государя вашего извѣстно было, что послѣ смерти Царя Ивана Васильевича остался малолѣтнѣй сынъ Дмитрій, и жилъ въ Угличѣ. Но, по грѣху нашему и по волю Божіей, Дмитрій Ивановичъ, законный Царевичъ нашъ, лишился жизни дѣйствіемъ злыхъ людей. Долгое время спустя, Гришко Богдановъ сынъ Отрепьевъ, монахъ дьяконъ, вдавшись въ ересь и чернокнижство, и опасаясь за то наказанія, бѣжалъ въ область вашего Государя въ Литву, и тамъ назвавшись Царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ, обманулъ и насъ и васъ. Единоземцы ваши вступили съ нимъ въ Государство Московское. Потому и мы взбунтовавшись послѣ смерти Царя Бориса Федоровича, приняли его себѣ въ Государя. Слѣвъ на престолъ, онъ разорялъ Государство, жилъ беззачинно, хотѣлъ истребить нашу христіанскую вѣру и ввести еретическую. Царица, которую онъ называлъ матерью, изблжшила его передъ Боярами, и какъ всѣ убѣдились въ обманъ, то долге его терпѣть не хотѣли. Теперь не стало вора. Однако жъ такъ какъ вы Послы, присланы отъ вашего Государя, отъ земли*

къ земль, то вамъ опасаться нечего. Бояре приказали тщательно оберегать жизнь вашу. Только предостерегаютъ васъ, чтобы вы и люди ваши не мѣшались съ Старостою Саноцкимъ, съ его людьми и съ другими, не при васъ находящимися, ибо ни вы къ нимъ, ни они къ вамъ ни почему не принадлежите. Они прѣехали съ воеводою Сендомирскимъ, въ надеждѣ завладѣть Москвою, и приняли много зла Русскимъ людямъ. Гонсѣвскій оповѣчалъ по Русски: Правда, извѣстно было у насъ, что послѣ великаго Государя вашего Ивана Васильевича остался сынъ Дмитрій! Также слышно было и о томъ, что Борисъ Годуновъ велѣлъ его убить измѣнически. Но потомъ, когда сей человекъ явился въ Государствѣ Короля, его милости, рассказывая, что онъ именно тотъ Дмитрій Ивановичъ, и что Богъ чудесно спасъ его отъ гибели, то люди наши, жалъвишіе прежде о смерти Дмитрія, порадовались видя его въ живыхъ. Да и вы сами радовались, считая его истиннымъ Царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ. Ваши же Русскіе люди и самыя думные Бояре посадили его на престолъ. Нынѣ, какъ сказывасишь ты, узнавъ, что онъ самозванецъ, убили вы его. Намъ до того дѣла нѣтъ— пусть Богъ поможетъ вамъ по правдѣ вашей. Мы послы весьма покойны по предмету нашей безопасности, ибо не только въ Христіанскихъ Государствахъ, но даже

и въ бурсманскихъ, особа Пословъ неприкосновенна: Однакожь мы благодаримъ Бояръ за ихъ доброжелательство. Что же касается до пана Старосты Саноцкаго и до другихъ подданныхъ Короля, его милости, прибывшихъ сюда съ паноми воеводою, то и они прѣехали не на войну и не для того, какъ вы говорите, чтобы завладѣть Московою, а на свадьбу, по приглашенію того, кто былъ у васъ Государемъ, васъ самихъ и всей земли вашей, чрезъ посредство посланника вашего. Они вовсе не вѣдали, чтобы Государь вашъ не былъ истиннымъ Димитріемъ, и неистовствъ также никакихъ не дѣлали. Если же кто изъ служителей причинилъ кому обиду, то на то есть судъ: за виновнаго никто не стоитъ, только за вину одного не должны страдать всѣ. И такъ поблагодаривъ думныхъ Бояръ за прѣзнь, которую черезъ васъ намъ изъясляютъ, просите ихъ нашими именемъ, строго наблюдать, чтобы не проливать кровь людей Короля, его милости ни въ чѣмъ не виновныхъ и охраняемыхъ существующими между обоими Государствами миромъ. Упаси Господи, если стануть убивать ихъ передъ нашими очами! Тогда не только не въ состояніи мы будемъ удерживать челяди нашей, но сами не будемъ равнодушно смотрѣть на кровь братьевъ нашихъ, и согласимся лучше всѣ вмѣстѣ погибнуть. Какія же отъ того могутъ быть послѣдствія, легко рассу-

дуть думными Боярами и валъ самими! Нащокни донесъ Боярамъ о слышанномъ имъ. Они для надежнѣйшаго предохраненія Пословъ, почли необходимымъ пославити на спражѣ при ихъ дворѣ яписомный стрѣлецкій опрядъ.

Дневникъ
пословъ.

Польскіе Жолнеры не подали ни малѣйшей помощи погибающимъ соотечественникамъ своимъ. Ропы Юрія и Яна Мнишковыхъ хотя сначала и показывали нѣкоторую готовность итти на выручку своихъ пановъ и сѣли на коней, но такъ какъ заговорщики успроили завалы на улицѣ, ведущей къ занимаемому ими двору, то они не отважились преодолѣть сіе препятствіе, и до такой степени упали духомъ, что безъ всякаго сопротивленія, позволили запереть себя на своемъ дворѣ, гдѣ у нихъ опюбрали оружіе, лошадей и все имущество ихъ. Самозванцева ропы, по крайней мѣрѣ, не покорила такъ постыдно. Она выѣхала изъ города въ поле, и тамъ заключила договоръ, по коему получила дозволеніе возвратити въ Польшу, но съ упрашою всего имущества своего.

Паерле.

О убійствѣ
Димитріа.

Паерле.

Наконецъ за часъ до полудня, прекратилась рѣзня, продолжавшаяся семь часовъ. Современники не соглашаются въ исчисленіи жертвъ сего кроваваго упра. Если вѣрити Де-Ту, основывающему разсказъ свой на словахъ Кашишана Маржерета,

Поляковъ пало 1,200, а Русскихъ 400. Поляки уменьшаютъ уронъ своихъ единоземцевъ и весьма увеличиваютъ шаковой же Русскихъ. Напротивъ того Нѣмецкій Паспоръ Беръ увѣряетъ, что однихъ Поляковъ убито 2,155.

Казалось, что посредствомъ мяпежа шоржешвующая чернь не скоро возвратится къ законному порядку и что должно было еще опасаться новыхъ своевольствъ и насилій. Но Москва отличилась явленіемъ необыкновеннымъ. Жители ея, наказавъ справедливо, но свирѣпо и самоуправно обидчиковъ опечесства, мирно предались отдохновенію и домашнимъ занятіямъ своимъ. Въ слѣдующую ночь цѣлый городъ былъ погруженъ въ глубочайшее молчаніе и тишину; также и на другой *Légende.* день не было ни малѣйшей тревоги.

Но важныя заботы ожидали еще Русскихъ. Царскій престолъ, очищенный отъ *вора*, находился празднымъ. Церковь также не имѣла главы; ибо пошворникъ папешства, Игнацій, не могъ оставаться Патріархомъ; его опослали подъ начальство въ Чудовъ монастырь. Прежній Патріархъ Іовъ, во время ссылки своей ослѣпъ, и пошому нельзя было ему снова вручить управление церкви. Предстояло избрать и новаго Царя и новаго Патріарха.

Начальникъ народнаго возстанія, Князь Васи-

лій Ивановичъ Шуйскій, споялъ уже на такой высокой степени могущества и знаменипоспи, что и безъ имени Царскаго казался насполцимъ Государемъ, и что вѣнецъ прародителя его Мономаха какъ бы самъ собою ложился на главу его. Но сіе самое отвращало отъ него Болръ, жславшихъ, чтобы избранный ими, имъ же, а не самому себѣ былъ обязанъ своимъ величіемъ. Къ тому же должно замѣтить, что въ самомъ дѣлѣ, не смотря на знатность его происхожденія и чрезвычайныя способности успойчиваго и обширнаго ума, воцареніе его не обѣщало Россіи пойд прочности, въ коей въ особенности она нуждалась послѣ преперитвнныхъ ея бѣдствій. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ онъ былъ бездѣпнымъ, и слѣдственно должно было опасаться или новыхъ смущень, съ упрядненіемъ престола сопряженныхъ, или, что наследуетъ по немъ братъ его, Князь Дмитрій, коего за неспособность и злоуправіе вообще презирали и ненавидѣли. Въ сихъ обстоятельствахъ, не удивительно, что многіе вельможи показывали склонность пріяпть Государя изъ дома Голицыныхъ, которые послѣ Шуйскихъ и Мещиславскаго, рѣшиптельно не желавшаго прешола, считались первѣйшими людьми въ Государствѣ. Совершеннолѣпныхъ Князей Голицыныхъ было тогда четверо: при брата родныхъ—Василій, Иванъ

и Андрей Васильевичи, и двоюродный ихъ братъ Иванъ Ивановичъ Шпакъ. Сей послѣдній, хотя старшій въ родѣ, былъ опспраненъ по причинѣ его ничпожности. Также не полагали чпобы приличіе дозволяло вручить державу, Князю Василю Васильевичу, споль обезславившему себя злодѣйскими дѣйствіями своими пропивъ Царя Ѳедора Борисовича. Потому всѣ помышленія друзей Голлицыныхъ успремилнсь къ избранію Кнзля Ивана Васильевича. Но въ первомъ пылу народной признательности къ Князю Шуйскому, не легко было бы убѣдить Московскихъ гражданъ предпочестъ кого бы шо ни было сему Князю, который раздѣлялъ съ ними пруды и опасности мятежа и котораго всѣ признавали первымъ виновникомъ избавленія опечесства. Для того, пропивники его почли необходимымъ медлить избраніемъ. Ими направляемая дума Боярская разсудила, что въ споль великомъ дѣлѣ нужно сослаться со всѣмъ Государствомъ и предоснавить Великой Земской Думѣ возвестъ на престолъ, кого дѣлая Россія признаетъ достойнѣйшимъ.

Но Шуйскій съ своей спороны не оспавался въ бездѣйствіи. Понимая, что мнѣніе Бояръ, по видимому основанное на сущей справедливости, внушаемо было имъ однимъ недоброжелательствомъ къ его лицу, онъ ни сколько не располо-

Беръ.

Рукопись
Филарета.

жень былъ спокойно дожидашься, чшобы охладилась признашельность народная къ нему, и попому рѣшилъ немедленно обратиться къ суду Москвитянъ. Спараніемъ его приверженцевъ, 19-го числа въ 6 часовъ ушра, купцы, разнощики и ремесленники, спекались на Красную площадь. Бояре, вспревоженные симъ скопищемъ, вышли также на площадь, въ сопровожденіи знайнаго духовенства; намѣреніе ихъ было, отвлечь народъ отъ избранія Царя, предложивъ ему заняшья выборомъ Паптріарха, а между тѣмъ разославъ грамоты во все города Россійскаго государства, чшобы выборные люди съѣзжались въ Москву, для назначенія Государя общимъ совѣщомъ. Но народъ возопилъ, чшо для исцѣленія опечесшвенныхъ язвъ Царь нужиѣ Паптріарха, и чшо попому сперва слѣдуетъ избрать Царя, кошорый уже самъ назначилъ Первосвященнаго. Тогда клеветы Шуйскаго спали разглашашъ, чшо никто не можетъ имѣть болѣе права на престолъ, какъ *мужественный и благородный обличитель и посланитель нечестиваго Отрепьева*, присовокупля къ пому, чшо самъ Князь Василій Ивановичъ происходилъ отъ ближайшей отрасли древняго царственаго дома. Въ ошвѣтивъ имъ, со всехъ сторонъ площади, закричали: *Да будетъ надъ нами надо всѣми Князь Василій Ивановичъ*. Вельможи не посмѣли проши-

выпсья общему побужденію, и сами провозгласили Шуйскаго Царемъ и Великимъ Княземъ всея Россіи.

Новый Царь прямо съ площади поѣхалъ въ Успенскій Соборъ. Хотя не Бояре возводили его на престолю, не менѣ того не желая раздражить первое сословіе въ Государствѣ, онъ не отказался исполнить даннаго обѣщанія своимъ прежнимъ товарищамъ, во время соспавленія заговора пропивъ разсриги. Прежде нежели кто либо изъ Русскихъ присягнулъ ему, онъ самъ торжественно въ соборѣ цѣловалъ крестъ по изгоповленной записѣ на томъ, чптобы никого не казнилъ смертію безъ суда боярскаго, чптобы не опнимапъ имѣнія у невинныхъ женъ и дѣшей изобличенныхъ преступниковъ и чптобы, не давая вѣры шайнымъ донощикамъ, спавить ихъ съ очей на очи съ оговоренными, и въ случаѣ клеветы подвергать шакому же наказанію, какое законъ опредѣлялъ за взводимое ими преступленіе. На другой день списки съ сей важной записки посланы были во всѣ города Россійскіе вмѣстѣ съ извѣспительною грамопою о восшествіи на престолъ новаго Царя и съ образцовою подкреспною записью, по коей повелѣвалось приводить къ присягѣ всѣхъ людей Московскаго Государства. Также разослали

повсюду и грамоту Царицы Марѣы, удостовѣряющую о самозванствѣ Опрепьева *.

Первымъ спараніемъ новаго правительсва было очищеніе Московскихъ улицъ опъ лежавшихъ на оныхъ Польскихъ шруповъ, обезображенныхъ псами и площадными лекарями, вырѣзывавшими изъ оныхъ жиръ для соспавленія мнимоцѣлебныхъ мазей. Тѣла сіи были вывезены за городъ и похоронены на убогомъ домѣ. Басмановъ былъ схороненъ уже у церкви Николы Мокраго, спараніемъ брата его своднаго Князя Ивана Васильевича Голицына. Но шрупъ Опрепьева оставался еще на площади предметомъ поруганія черни. Въ ночи съ 19-го на 20-е число, показалось сперегуцимъ оной людамъ, что они видяшъ около спола, на коемъ лежало шѣло, свѣшъ, который исчезалъ, когда они подходили, и снова просіявалъ, коль скоро они удалялись. Мечпа ли по была ихъ суевѣрнаго предубѣжденія, или дѣйствительно являлся фосфорическій свѣшъ, часто сопровождающій, посредствомъ гнмыспн производящесся распвореніе органическихъ шѣлъ; но ещеспвенное исполкованіе явленія не было бы сообразно духу погдашняго времени. Вѣшъ каза-

* Смотри Приложенія № XIV и XV.

лось несомненнымъ, что свѣпъ сей означалъ чародѣйство покойника, въ чемъ еще болѣе убѣдились въ слѣдующее утро, когда по приказанію начальства повезли шѣло въ убогій домъ за Серпуховскія ворота. Лишь только миновали ворота сіи, какъ поднялась жестокая буря, копорая сорвала крышу съ одной изъ прехъ башень, на воротахъ находящихся, и повалила деревянную городскую стѣну до Калужскихъ воротъ. Къ довершенію убѣжденія народнаго въ чернокнижесствѣ Опрепьева, съ 18-го по 25-е Мая настали силь-Маржереть. ные морозы, повредившіе не только деревья и хлѣбъ, но даже луговую траву. Для прекращенія дальнѣйшихъ зловорныхъ дѣйствій умершаго колдуна, почли необходимымъ развѣять самый прахъ его. 28-го Мая шѣло его было вырыто и сожжено на кошлахъ. Пепломъ зарядили пушку и Никоновская
выстрѣлили по Смоленской дорогѣ, откуда Само-Дисвникъ
званецъ пришелъ въ Москву. пословъ.

Хотя подробное изложеніе походовъ Лжедимитрія достапочно доказываетъ его самозванство, но такъ какъ въ Польшѣ и даже въ самой Россіи естъ еще люди, сомнѣваюціеся въ сей истинѣ, то кажется не лишнимъ представить въ совокупности и пщательно взвѣсивъ все доводы, на коихъ могло бы основываться мнѣніе о подлинности перваго Димитрія. Писатели, под-

держивающіе оное, говорятъ : 1-е, что Рускимъ лѣтописцамъ и Шведскому посланнику Пепрею, единогласно утверждающимъ самозванство Опрепьева, не лзя давати вѣры , потому что Рускіе писали подѣ вліяніемъ поржествующей враждебной Димитрію спороны , а Пепрей также долженъ былъ ненавидѣть естественнаго союзника изгнаннаго Шведами Короля Сигизмунда ; 2-е, что не заслуживаютъ большаго вниманія и свидѣтельство многихъ знаменитыхъ людей въ Польшѣ, какъ по Замойскаго, Жолкѣвскаго и прочихъ, опзывающихся о немъ, какъ о Самозванцѣ, понеже не безъизвѣстно никому, въ какой враждѣ Польскіе вельможи жили другъ съ другомъ, такъ что доспапочно было того, что Вишневецкіе и Мнишекъ принимали Димитрія за истиннаго, чтобы Замойскій и Жолкѣвскій оглашали его подложнымъ ; 3-е, что напропавъ того , современники : Маскѣвичъ , Товянскій , Маржеретъ и Паерле неукоснипельно признаютъ его за истиннаго сына Царя Іоанна Васильевича, а Товянскій даже подробно объясняетъ, какимъ образомъ онъ спасся отъ изгопвляемой ему Годуновымъ гибели ; 4-е, что невѣроятно, чтобы Король Сигизмундъ рѣшился выпупишься за бродягу, а Мнишекъ выдать за него дочь свою, а также, чтобы Россійское войско и Московскіе бояре поддались ему,

если бы дѣйствительно онъ не имѣлъ ни какого права на присвоенное имъ имя; 5-е, что необыкновенные на шѣлѣ признаки являють его насполющимъ Царевичемъ Димитріемъ; 6-е, что если бы онъ былъ бѣднымъ дѣякономъ, по не гдѣ бы ему доспалъ богатый креслъ, который онъ показывалъ Князю Вишневецкому, будучи еще у него въ услуженіи, и наконецъ, 7-е, что Царица инокиня Марѳа не согласилась бы признавъ бѣлаго инока за своего сына, и по крайней мѣрѣ при первомъ свиданіи, съ нимъ происходившемъ при великомъ спеченіи народа, не могла бы оградиться отъ невольнаго содроганія, если бы вынужденною находилась участвовати въ богомерзкомъ обманѣ *.

На все сіе можно возразить слѣдующее: 1-е, что не всѣ Русскіе лѣтописцы писали въ одномъ духѣ. Напримѣръ Псковская лѣтопись очевидно не благопріятствуваетъ ни Шуйскому, ни съ воцареніемъ Романова поржествующей споронѣ, но и

* *Примѣчаніе.* Большая часть сихъ доводовъ приведены въ доказательство подлинности Царя Димитрія, известнымъ Польскимъ писателемъ Нѣмцевичемъ, который въ Исторіи Царствования Сигизмунда III разысканія свои о семъ предметѣ дѣлалъ съ такимъ легкомысліемъ, или пристрастіемъ, что не усумнился присовокупить еще къ симъ доводамъ письмо Харлецкаго, въ коемъ сей Польскій Шляхтичъ убѣждаетъ неизвѣстнаго пріятеля своего вѣрить, что Самозванецъ, въ службѣ коего онъ находится, есть истинный Димитрій. Но письмо сіе, въ подлинникѣ при-

сія льтопись свидѣтельствуетъ о самозванствѣ Отрепьева; 2-е, что гадательно приписывають одной, ничѣмъ впрочемъ не доказанной, пенависпи къ Мнишку и Вишневецкимъ мнѣніе Государственныхъ мужей, каковыми были Замоискій и Жолкъвскій, отнюдь не сообразно съ правилами здравой крипки; 3-е, что Польскіе шляхичи Маскъвичъ и Товяискій, Французъ Маржеретъ, приближеннѣйшій изъ слугъ Самозванца, и Аугсбургскій купецъ Паерле, управившій въ Москвѣ во время мятежа привезенные имъ подъ покровительствомъ Поляковъ шовары, ни сколько не могутъ почипаться безприсраспными свидѣтелями, и что напрошивъ того, по естественной наклонности къ Самозванцу, они должны были выдавать его за истиннаго Царевича; къ тому же Товяискій въ разсказѣ своемъ очевидно баснословипъ, ибо увѣряетъ, что Димитрій, спасенный отъ убіенія въ Угличѣ, нашелъ убѣжище на

веденное самимъ Нѣмцевичемъ, вовсе не относится до Отрепьева, ибо писано въ Октябрѣ 1607 года, то есть семнадцать мѣсяцовъ послѣ смерти перваго Самозванца. Въ ономъ Харлецкій домогается выдать за истиннаго Димитрія втораго Лжедимитрія, въ льтописяхъ Русскихъ называемаго Тушинскимъ воромъ, въ самозванствѣ коего никто, никогда, ни въ Россіи, ни въ Польшѣ не сомнѣвался. На такихъ - то достовѣрныхъ свидѣтельствахъ основывался Польскій Историкъ!

Украинъ, у жившаго тамъ въ ссылкѣ отца своего крестнаго, Князя Ивана Федоровича Мстиславскаго, хошя Князь сей никогда на Украину ссылаемъ не бывалъ, и умеръ въ Кирилловскомъ монастырѣ, въ 1586 году, по естъ за пять лѣтъ до несчастнаго Углицкаго происшествія; 4-е, что Король Польскій, увлеченный Езуитами, могъ полагать, что Государственная польза требовала отъ него поддерживать соперника Годунова, хошя и безъ внушенияго убѣжденія о дѣйствительности правъ сего соперника. Мнишекъ также не долженъ былъ оказывать большой разборчивости, въ признаніи Царскаго происхожденія въ помят, кшо дочь его сажалъ на Московскій престолъ; впрочемъ замѣчательно, что старый воевода въ душѣ своей не сомнѣвался въ самозванствѣ своего зятя, ибо въ противномъ случаѣ онъ не упустилъ бы еще въ Самборѣ совершить бракъ Марины, и такимъ образомъ упрочилъ на главѣ ея Царскій вѣнецъ, въ случаѣ успѣха зятя, итѣмъ наче, что если бы даже и неудача постигла Димитрія, то и шупъ для Марины большая бы честь была оставаться супругою или вдовою Московскаго Царевича. Но видимъ, что Мнишекъ не иначе допустилъ бракъ дочери, какъ по воцареніи Самозванца въ Москвѣ. Что же касается до подданства Россійскаго войска и таковаго жъ

Московскихъ бояръ, по первое было дѣломъ не убѣжденія, а измѣны Басманова, подкрѣпленной всеобщю ненавистью къ дому Годуновыхъ, а впорое вынуждено возшаніемъ презыщенныхъ или заспраченныхъ жителей столицы; 5-е, что одинакіе признаки на шѣлѣ часто встрѣчающіяся на людяхъ, не имѣющихъ никакого сродства между собою, и сія игра природы могла бы только подкрѣпить другія доказательства, если бы шаковыя существовали, а нисколько не замѣняютъ совершенный недоспашокъ оныхъ; 6-е, что богатымъ креспомъ легко могли снабдить Самозванца направлявшіе его Езуиты; и наконецъ, 7-е, что Царица Марѳа, по собственному объявленію своему, признала Самозванца за своего сына единственно спраха ради, и что впрочемъ первое свиданіе ея съ Ошрепьевымъ происходило не всенародно, а на единѣ, въ шапрѣ съ глазу на глазъ.

Объяснивъ неосновательность всѣхъ приводимыхъ доводовъ въ пользу Лжедимишрїя, оспаривая еще напомнивъ два важныя обстоятельство, кошорыя, кажется, доспашочно опспрашиваютъ всякое возможное сомнѣніе на счетъ самозванства его. Первымъ мы обязаны самому Ошрепьеву. Возсѣвъ на Московскомъ пресполѣ и спокойно обладая всѣмъ Государствомъ, онъ неминуемо обязанъ былъ обнародовать всѣ подробности своихъ по-

хожденій, и какъ справедливо замѣчаетъ знаменитый сочинитель Исторіи Государства Россійскаго, указавъ своихъ воспитателей и хранителей и мѣста своего убѣжища въ печеніи двѣнадцати лѣтъ. Не сдѣлавъ сего, онъ самъ предъ современниками и попомощвомъ изобличилъ себя въ обманѣ. Нельзя полагать, чтобы сіе обнародованіе имъ было дѣлано, но до насъ не дошло; ибо если бы и допустили, что хопя прочіе манифесты Лжедмитрія уцѣлѣли въ нашихъ архивахъ, но что именно сей любопытнѣйшій изъ всѣхъ актовъ утратился, то по крайней мѣрѣ Польскіе Послы не упустили бы сослаться на оный въ преніяхъ своихъ съ Русскими Боярами. Другое обстоятельство, почти равносильное первому, открываетъ намъ Беръ. Сей, жившій въ Москвѣ Нѣмецкій Пасторъ, очевидно недругъ Русскимъ и пріятель Полякамъ, сознаетъ однако самозванство Лжедмитрія и основываетъ мнѣніе свое на достоверномъ свидѣтельствѣ Голландскаго аптекаря, Клаузенда, служившаго сорокъ лѣтъ при Царскомъ дворѣ, Ливонской дворянкѣ Тизентаузенъ, бывшей повивальною бабкою у Царицы Марѣи и даже самаго Боярина Басманова. Клаузендъ говоритъ Беру, что Царевичъ походилъ на мать свою, и въ особенности смуглостію лица, а въ Лжедмитрія никакого не видно было сходства съ Царицею. Тизента-

узенова же, безоплучно при Царицѣ находившаяся, съ своей стороны увѣряла его, что сама видѣла Димитрія мершвымъ въ Угличѣ, и что будучи ежесдневно съ нимъ, не могла бытъ обмануша никакимъ подмѣномъ. Наконецъ Паспоръ удостовѣрленъ, что самъ, въ присутствіи одного Нѣмецкаго купца, спрашивалъ по довѣренности Басманова: *Ильте ли вселилоствѣтшій Государь нашъ право на престолъ Россійскій?* и что Басмановъ ошвѣчалъ: *Вы, Нѣмцы, ильте оъ нелѣ отца и брата; онъ жалуетъ васъ больше, чѣмъ ость прежніе Государи; молитесь о сгастіи его вилѣстъ со мною! Хотя онъ и не истинный Царевичъ, однако жъ Государь нашъ: ибо мы ему присягнули, — да и лучшаго Царя найти не можемъ.* При сполъ ясныхъ и безкорыстныхъ свидѣтельстввахъ, подкрѣпленныхъ всѣми извѣстными обсполпелспивами похождения Лжедимитрія, самозванство его не можетъ оспаваться предметомъ неразрѣшеннаго еще вопроса.

Впрочемъ многіе даже изъ числа убѣжденныхъ въ самозванствѣ Лжедимитрія, не вѣрятъ однако чтобы онъ былъ Опрепьевъ! Нѣкоторые изъ Поляковъ, прибывшихъ съ нимъ въ Москву, увѣряли что онъ былъ побочный сынъ Короля Польскаго, Сисфана Баторія; но сіе извѣстіе вполне опровергаешя шѣмъ, что Польскаго Короля сынъ съ самого рожденія своего находился бы въ Папж-

ской вѣрѣ, и пошому не было бы ни какой нужды Езуишамъ перекрещивать его, какъ они по собственному признанію своему сдѣлали сіе съ Лжедимириемъ, отправляя его въ Россію; къ тому же Бациоріевъ сынъ не могъ бы такъ хорошо знать Русскій языкъ, и такъ худо Латинскій. Сомнѣніе непризнающихъ, чшобы Самозванецъ былъ Опрельевъ, главнѣйше основывается на свидѣтельствѣ Маржерета, увѣряющаго, что онъ зналъ разспригу Опрельева, который былъ совсѣмъ другой человекъ, чѣмъ Лжедимирій, и только съ нимъ вмѣстѣ прибылъ въ Москву. Но сіе показаніе Француза Капитана объясняется извѣстіемъ, въ Морозовской лѣтописи помѣщеннымъ, изъ коего видимъ, что Самозванецъ приказалъ весьма ему преданному монаху Пимену называться Опрельевымъ, въ надеждѣ такимъ образомъ запмнить правду. Напротивъ того доказательствва, что онъ самъ Опрельевъ, ни чѣмъ достапочно опведены быть не могутъ. Ибо если онъ не Опрельевъ, то почему оснавилъ безъ наказанія злословящую его мнимую мать свою, Варвару Опрельеву, и почему ни разу не вошелъ въ Чудовъ монастырь, когда священная обитель сія всегда посѣщаема была благоговѣющими къ ней Русскими Царями, и когда ему самому споль важно было опспранить опъ себя опасную молву, гласившую,

что онъ спрашився предспахъ предъ памошниками иноками, прежними поварищами своими.

И шакъ добросовѣспный разборъ различныхъ мнѣній о разспригѣ, неминуемо ведепъ къ заключенію, что первымъ Лжедимипріемъ въ Россіи былъ Ошрепьевъ и прошиворѣчипъ еще сему свойспвенно было бы только шѣмъ, кои, увлекаясь суешнымъ мудрованіемъ, шщашся опровергать всѣ испорическія истины, единспвенно чшобы мыслипъ иначе, чѣмъ мыслили ихъ предшеспвенники *.

Примѣчаніе. Такъ какъ находившійся между Польскими рукописями Пулавской библиотеки дневникъ пана Борша, никогда напечатанъ не былъ, но вошелъ въ число употребленныхъ нами матеріаловъ, то полагаемъ необходимымъ представить оный въ Русскомъ переводѣ. Смотри приложенія № XVII.

К О Н Е Ц Ъ П Е Р В О Й Ч А С Т И .

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

=

№ 1.

У К А З Ъ

О ПЯТИЛѢТНЕЙ ДАВНОСТИ НА ОТЫСКАНІЕ БѢГЛЫХЪ
КРЕСТЬЯНЪ.

Лѣта 7106, Ноемврія въ 21 день, Царь и Великій Князь
Ѳеодоръ Іоанновичъ всея Русіи указалъ, и по его Государс-
ву указу Болре приговорили: Которые крестьяне изъ-за Бо-
лрѣ и изъ-за дѣтей Болрскихъ и приказныхъ людей, изъ по-
мѣстей и отчинъ изъ Патріарховыхъ, Митрополичихъ, и Вла-
дычныхъ и монастырскихъ отчинъ выбѣжали до нынѣшняго
106 года за 5 лѣтъ, и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ
побѣгъ, и на тѣхъ помѣщиковъ и отчинниковъ, за кѣмъ они
живутъ, отъ тѣхъ, изъ-за кого они выбѣжали судъ давати и
сыскивати накрѣпко, а по суду тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ
женами и дѣтьми и со всеми ихъ животы отвозить назадъ,
гдѣ кто жилъ. А которые крестьяне выбѣжали до сего ука-
за лѣтъ за 6, и за 7, и за 10 и больше, а тѣ помѣщики, или
отчинники, изъ-за кого они выбѣжали, на тѣхъ своихъ бѣг-
лыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгъ и на тѣхъ, за кѣмъ они жи-
вутъ по нынѣшній 106 годъ лѣтъ за 6 и болве Царю и Ве-
ликому Князю Ѳеодору Іоанновичу не били челомъ, и Го-
Ч. I. Прилож. 1

сударь Царь и Великій Князь на тѣхъ бѣглыхъ крестьянѣхъ въ ихъ побѣгѣ на тѣхъ, за кѣмъ они живутъ, указалъ суда не давати, и назадъ ихъ, кто гдѣ жилъ, не возити, а давати судъ и сыскъ въ бѣглыхъ крестьянахъ, которые отъ нынѣшняго году бѣжали за 5 лѣтъ. А которыя дѣла въ бѣглыхъ крестьянахъ засужены, а до нынѣшняго Государева Царева указа не вершены, и тѣ дѣла вершити по суду и по сыску и по сему уложенію.

№ II.

У К А З Ъ

О ХОЛОПЯХЪ КРѢПОСТНЫХЪ И КАБАЛЬНЫХЪ.

Лѣта 7105, Февраля въ 5 день, Государь Царь и Великій Князь Феодоръ Ивановичь всея Русіи приговорилъ со всеми Бояры, о холопѣхъ, о полныхъ и докладныхъ и кабальныхъ людехъ, которые люди на Москвѣ и по городомъ служатъ въ холопствѣ у Бояръ, и у Князей, и у Дворянъ, и у приказныхъ людей, и у дѣтей Боярскихъ и у всѣхъ служилыхъ людей, и по полнымъ и по крѣпчимъ, и по докладнымъ, и по всякимъ крѣпостямъ, и по кабаламъ по старымъ и по новымъ записнымъ, и отъ кого которые полные и кабальные холопы побѣжали, и Болре имена своихъ холопей, и на нихъ крѣпости прислати, а Княземъ и Дворяномъ, и приказнымъ людямъ, и дѣтямъ Боярскимъ, и всѣмъ служивымъ людямъ, и гостемъ, и всѣмъ торговымъ людямъ своихъ холопей имена и на нихъ крѣпости принести въ холопей приказъ, да тѣхъ холопей имена, которые Государей своихъ служатъ, и которые холопы отъ нихъ побѣжали, и на нихъ крѣпости старыя и полныя, и купчія и докладныя и всѣя крѣпости и кабалы записывати въ холопей приказъ въ книги; а тѣмъ всякимъ холопьямъ крѣпостнымъ людскимъ книгамъ быти за Дьячьею рукою большою для укрѣпленія; а пошлени съ старыхъ кабалъ и отъ всякихъ крѣпостей не имати; а приговорилъ Государь и всеми Бояры Московскими Государства всякимъ людямъ холопья имена и на нихъ крѣпости всякія записывати съ нынѣшняго уложенія, безъ

срочно; а ближнихъ городовъ Дворяномъ и дѣтемъ Болгарскимъ, и великимъ служивымъ людямъ имена холопы, и на нихъ крѣпости всякія писати въ годъ; а которые Князи и Дворяне и всякіе служивые люди на Государевыхъ на дальнихъ службахъ, въ Астрахани, и на Теркахъ, и на Суншехъ и въ Сибирскихъ городѣхъ, и тѣмъ Княземъ и Дворяномъ и великимъ служивымъ людямъ въ именахъ холопскихъ, и въ крѣпостяхъ дати сроку на три года; и которые люди служатъ въ холопствѣ у Болгаръ и у Князей и у Дворянъ и у приказныхъ людей, и у всякихъ людей по полнымъ и по купчимъ и по ряднымъ полные люди, и тѣ люди и жены ихъ и дѣти въ холопствѣ тѣмъ своимъ Государемъ и ихъ дѣтемъ по прежнему Государеву уложенію Судебнику; а у кого на холопа, или на рабу была полная и докладная, или у кого по ряднымъ и по докладнымъ, или по духовнымъ грамотамъ и по инымъ стариннымъ крѣпостямъ холопы служили, а тѣ будутъ у нихъ полныя и докладныя и рядныя и даныя и всякія старинныя крѣпости, въ Московской пожаръ въ прошломъ во 79 году, и послѣ того въ иные пожары погорѣли или буде инымъ какимъ обычаемъ тѣ у нихъ крѣпости утерялися, и въ томъ у нихъ даваны лѣвки сыщутъ, а тѣ крѣпости на тѣхъ людей нѣтъ, и тѣмъ людямъ на тѣхъ своихъ крѣпостныхъ и на великихъ старинныхъ людей по прежнему Государеву приговору 101 году Марта имати въ службѣ новыя крѣпости; а которыхъ всякихъ крѣпостныхъ холопей Государь ихъ, отходя свѣта, отъ себя великъ отпустить, и отпускныя имъ даны: и тѣ холопы по тѣмъ отпускнымъ впредь свободны, и женамъ и дѣтемъ ихъ впредь до тѣхъ холопей дѣла нѣтъ; а которые люди до Государева уложенія въ прошлыхъ годѣхъ до лѣта 7094 года Іюня до 1 числа были челомъ въ службу Болгаромъ, и Дворяномъ, и приказнымъ людямъ, и дѣтемъ Болгарскимъ и всякимъ служивымъ людямъ, и всякимъ торговымъ людямъ, и кабалы служилыя на себя давали, а въ книги того года въ приказъ Холопья суда тѣ служивыя кабалы не писаны, и которые люди съ Государева уложенія лѣта 7094 году Іюля съ перваго числа, были челомъ въ службу, Болгаромъ, и Княземъ, и Дворяномъ, и при-

казнымъ людямъ, и кабалы служивыл на себл давали на Москвѣ съ доклада холопья суда и во всѣхъ городѣхъ съ вѣдома приказныхъ людей, и въ записныхъ въ Московскихъ въ кабалныхъ книгахъ, и въ городѣхъ тѣ служивыл кабалы записываны до нынѣшняго уложенія 95 году Февраля по 1 число, и которые люди впередъ лѣта 7105 году Февраля съ перваго числа били челомъ, и впредь учнутъ бить челомъ въ службу всякимъ людямъ, съ доклада Холопья суда и во во всѣхъ городѣхъ съ вѣдома приказныхъ людей, и въ Московскихъ въ записныхъ въ кабалныхъ книгахъ, и въ городѣхъ у приказныхъ людей тѣ служивыл кабалы будутъ записаны и тѣ всѣ люди и жены и дѣти у тѣхъ служивыхъ людей въ кабалы писаны, въ службу Государемъ своимъ по тѣмъ служивымъ кабаламъ, по старымъ и по новымъ быти въ холопствѣ какъ и докладнымъ, а отъ Государей своихъ имъ не отходити, и денегъ по тѣмъ служивымъ кабаламъ у тѣхъ холопей не имати, а челобитья ихъ въ томъ не слушати, по старымъ кабаламъ, а выдавати ихъ тѣмъ Государемъ по тѣмъ кабаламъ до ихъ смерти; а котораго запись новую кабалнаго человека, котораго кабала старая и новая по новому уложенію записана въ книгѣ, а въ томъ кабалномъ холопствѣ у кого родится сынъ, или дочь, и тѣхъ дѣти тѣмъ своимъ Государемъ въ холопи противъ докладныхъ людей, и по Государей своихъ смерти какъ и отцы ихъ; а женамъ послѣ мужей своихъ, и дѣтей послѣ отцовъ своихъ до тѣхъ кабалныхъ записныхъ людей, и до ихъ дѣтей, которые дѣти въ кабалахъ писаны, и которые дѣти въ кабалномъ холопствѣ родятся, двѣа нѣтъ, и денегъ по тѣмъ отцовскимъ кабаламъ на тѣхъ кабалныхъ холопѣхъ женамъ и дѣтемъ не указывати; а которая служивая кабала на холопа и на рабу у котораго Государя старѣе, или буде тѣ оба Государя живуть въ одномъ мѣсгѣ, возметъ на негожъ кто выдаѣ новую кабалу, будетъ украдомъ тое кабалу и въ книги запишетъ, и тѣхъ людей и жены и дѣти по тѣмъ по старымъ служивымъ кабаламъ отдавати прежнимъ ихъ Государемъ, а по новой кабалѣ денегъ не имати; а которой Государь поймавъ, приведетъ къ Холопью суду своего кабалнаго человека или

рабу, а кабала будетъ Холопья суда въ записныхъ книгахъ записана, и того холопа и рабу по записной кабаль отдавати въ холопство тому его Государю, а въ сносъ дати судъ; а которые кабальные люди учнутъ на себя полныя и докладныя давати, и тѣхъ кабальныхъ людей отсылати, статьями и съ кабалами къ Постельничему, и Намѣстнику трети Московскія; а которые кабальные люди ставъ скажутъ, что они служили прѣжь сего по кабаламъ, а нынѣ на себя полныя и докладныя, да постол, тутъ же скажутъ, что полныя на себя не даютъ и тѣхъ кабальныхъ людей присылати въ Холопсй приказъ, и записавъ въ книги, отдавати тѣхъ кабальныхъ людей по прѣжнему въ холопи по ихъ кабаламъ, по которымъ повинятся старымъ ихъ Государемъ; а о вольныхъ людѣхъ Государь приговорилъ со всеми своими Бояры: которые люди на Москвѣ и по городомъ служатъ у кого добровольно, и тѣхъ вольныхъ людей ставити въ Холопѣ приказъ съ тѣми людьми, кто у кого служитъ добровольно, да тѣхъ вольныхъ людей спрашивать, сколь давно кто у кого служитъ, и кабалу на себя дастъ ли, и которые люди вольные послужили у кого недѣль 5, 6, а кабаль на себя давати не хотятъ, и тѣхъ людей отпущати на волю; а кто скажетъ, послужилъ у кого добровольно съ полгода, или больше, а кабала на себя дати не хочетъ, а сыщутъ то, что тотъ добровольно холопъ у того челоувка съ полгода, и на тѣхъ вольныхъ холопей служивыя кабала давати, и челобитья ихъ въ томъ не слушати по тому, что тотъ челоувкъ того добровольнаго холопа кормилъ и одѣвалъ и обувалъ; а которой Государь того добровольнаго челоувка приметъ, одлично, тогѣ ни кому мимо того Государя ни какъ не примати; а кто того добровольнаго холопа мимо нынѣшнее новое Государево уложеніе приметъ, тѣхъ добровольныхъ холопей сыскавъ, отдавати со всемъ старымъ ихъ Государемъ, у кого кто жилъ добровольно, а въ сносъ давати судъ и управу по Государеву указу.

№ III.

ГРАМОТА УТВЕРЖДЕННАЯ

ОБЪ ИЗБРАНІИ ЦАРЕМЪ БОРИСА ФЕОДОРОВИЧА ГОДУНОВА.

Великаго Господа Бога Отца , страшнаго и всеильнаго и вся содержащаго , пребывающаго во свѣтъ неприступнѣмъ , въ превелицей , и въ превысочайшей , и велелѣпнѣй и свѣтѣй славѣ величества своего , сѣдѣщаго на престолѣ херувимствѣ , съ превѣчнымъ и едиnorodнымъ своимъ Сыномъ , Господемъ нашимъ Иисусъ Христомъ , и съ божественнымъ и животворящимъ своимъ Духомъ , Имъ же вся освящаются , единосущныя и нераздѣльныя Троица , равнобожественныя , и равночестныя , и равносопрестольныя , и равносильныя , и равносовѣтныя , и равнодѣйственныя , и равносущныя , и соприсносущныя , и собезначальныя , и единоначальныя , и трисоставныя , и нераздѣльныя , въ тріехъ составѣхъ единого Божества , Царя царствующимъ и Господа господствующимъ , непредолѣннаго и всякія силы крѣпчайшаго , Имъ же царіе царствуютъ и величїи величаются: сего въ Троицы приснославимаго Бога нашего , недоумѣваемыя и недовѣдомыя судьбами и неизреченнымъ премудрымъ промысломъ , всяко созданіе отъ небытія въ бытіе создавается , и отъ несущихъ въ существо приводится , и отъ рода въ родъ лѣтами исчисляются , отъ него же прїемше , земля наша Руская своими Государями обладаема быти. Ихъ же великихъ Государей , Царей Російскихъ корень изведе отъ превысочайшаго цесарскаго престола , и прєкрасноцвѣтущаго и прєсвѣтлаго корени Августа Кесаря , обладавшаго вселенною. Первый Кнїзь Великій

Рюрикъ содержаша скифетръ великаго Російскаго государства въ Великомъ Новѣгородѣ. По немъ дерзосердый въ храбрѣ-скихъ ополченіяхъ сынъ его Князь Великій Игорьъ, послушны себѣ учинилъ царствующаго града Константинополя Греческихъ царей, на нихъ же и дань вѣзаше, и изъ Великаго Новгорода въ преславный градъ Кіевъ преселися. По Игорѣ содержаше Російское государство въ Кіевъ сынъ его Князь Великій Святославъ, исполнивъ храбрѣскаго подвига, и по Дунаю восемьдесятъ градовъ обладалъ. Сіе тріе Російскіе Государя бѣша до крещенія, понеже Руская земля пребываше во тмѣ невѣрія и омрачена прелестію кумиролуженія. По Святославъ возсія пресвѣтлая звѣзда, великій Государь сынъ Князь Великій Владиміръ Святославичъ, тму невѣрія просвѣти и прелесть кумиролуженія отгна и всю Рускую землю просвѣти святымъ крещеніемъ, иже Равноапостолень наречеся и, расширенія ради своихъ государствъ, Самодержавны именованъ бысть, нынѣ же отъ всѣхъ покланяемъ и прославляемъ. По великомъ Государѣ по Владимерѣ, самодержства воспримъ скифетръ Російскаго государства сынъ его Князь Великій храбрый Ярославъ Владимеровичъ, иже Болеслава короля побѣди и Грековъ послушныхъ сотвори. По немъ на Російскомъ государствѣ съде сынъ его, Князь Великій Всеволодъ Ярославичъ, иже надъ Половцы и надъ Печенѣги преславную побѣду показа и государство свое крѣпцѣ соблюде. По Всеволодѣ примъ скифетръ, во обдержаніе Російскаго государства, сынъ его Князь Великій Владимеръ Всеволодовичъ, и своимъ храбрѣскимъ подвигомъ Оракію Царяграда поплени, и превысочайшую честь царскій вѣнецъ и діядиму отъ Греческаго царя Константина Мономаха воспримъ, сего ради и Мономахъ наречеся, отъ него же вси Російскіе великіе Государя царствія вѣнцемъ вѣччахуся. По великомъ Государѣ Владимерѣ Мономахѣ примъ скифетръ Російскаго царствія сынъ его Князь Великій Юри Владимеровичъ Долгорукой, и благочестіемъ просія и все христіанство въ псковъ и въ тишинѣ соблюде. По немъ съде на Російскомъ государствѣ въ Володимерѣ сынъ его Князь Великій Всеволодъ Юрьевичъ, рачитель благочестію, крѣпкій поборникъ за святыя церкви

и о святой православной христiянствѣ вѣрѣ. По Всеволодѣ содержаше скипетръ Російскаго государства сынъ его Князь Великій Ярославъ Всеволодовичъ, его же соблюде Богъ отъ Батя въ Великомъ Новгородѣ и съ дѣтми, и по пѣвснѣи безбожнаго Батя, святую и непорочную христiянскую вѣру распространи и святыя церкви паки obnovи. По немъ великаго Російскаго государства воспримъ скипетръ сынъ его, храбрый Князь Великій Александръ Ярославичъ, иже надъ Германы показа преславную побѣду на Невѣ; и на крестьянскую вѣру безбожнаго Беркаля царя влояростный гнѣвъ въ Ордѣ укроти и по смерти даромъ чудесы отъ Бога прославленъ. По великомъ Государѣ Александрѣ Невскомѣ, сынъ его Князь Великій Данилъ Александровичъ отъ Владимера переселися на Москву, и царствiя скипетръ на ней утверди и превысочайшiй престоль царствiя въ ней устрои, иже суть и до нынѣ Богомъ хранимо и соблюдаемо. По немъ воспримъ скипетръ царствующаго града Москвы сынъ его, Князь Великій Иванъ Даниловичъ, всѣкими добродѣтелями и благочестiемъ украшенъ и неимущимъ нсокудную руку всегда простираше, желаше бо вмѣсто пресвѣтлыхъ палатъ воспрiяти вѣчное блаженство небснаго царствiя. По Великомъ Князѣ Иванѣ Даниловичѣ, съде на Російскомъ государствѣ сынъ его Князь Великій Иванъ же Ивановичъ, и отъ безбожныхъ Ординскихъ царей вѣру крестьянскую крѣпцѣ соблюдале и все православiе въ покоѣ и тишинѣ устрои. По немъ воспримъ скипетръ царствiя сынъ его Князь Великій Дмитрiй Ивановичъ, достохвальный въ храбрскомъ подвижѣ и преславный въ побѣдѣ именованный Донской, иже побѣди безбожнаго Мамай на Дону и всю Рускую землю въ тихости и немятежи устрои. По великомъ Государѣ Дмитрiй Ивановичѣ Донскомъ, воспримъ въ содержанiе хоругви великаго Російскаго государства сынъ его Князь Великій Василей Дмитрiевичъ, и добродѣтельнаго ради его житiя прослави его Богъ, а Рускую землю все православiе помилова отъ нахоженiя безбожнаго Темираксака, пришествiемъ чудотворнаго образа пречистыя своей матери, его же богогласный Лука написа. По немъ съде на Москвѣ сынъ его Князь Великій Василей

Васильевичъ , и Російскую землю отъ иновѣрныхъ крѣпче соблюдаше, и за истинную крестьянскую вѣру, и за святылъ церкви и за все православіе, отъ безбожныхъ Агарянь въ плѣнь лять бысть, и паки на свое государство возвращень бысть. По Великомъ Князѣ Василѣ, воспринъ скипетръ великаго Російскаго государства великій Государь сынъ его, Князь Великій Иванъ Васильевичъ, и своимъ премудрымъ разумомъ и осмотрѣніемъ свое великое государство распространи, Російскаго государства древніе многіе города , которые послѣ Батыева плѣненія къ Польскому королевству отошли, паки къ себѣ привлече, и отчину свою Великій Новгородъ крѣпко и недвижно устрои и Самодержецъ явиованъ бысть. По великомъ Государѣ Иванѣ, хоругви великаго Російскаго государства воспріятъ сынъ его Князь Великій Василій Ивановичъ , и бодро-опаснымъ своимъ обдержательствомъ всю Рускую землю въ покоѣ и въ тишинѣ отъ иновѣрныхъ содержаше, и прародителей своихъ отчину, великое княжество Смоленское, отъ Польскаго королевства отторже и къ себѣ привлече и послушны сотвори. А по великомъ Государѣ Василѣ Ивановичѣ , принъ скипетръ великаго Російскаго государства сынъ его, храбрый великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ, всеа Русіи Самодержецъ, благочестію рачитель, и по крестьянской вѣрѣ крѣпкій поборникъ, и въ своихъ государственныхъ чинѣхъ и въ поведеніяхъ премудръ, и высочайшую честь и вышехвальную славу Царствіа вънець на главу свою воспріятъ, его же взыска отъ древнихъ лять отъ прародителя своего великаго Государя отъ Владимера Мономаха, и отъ премудраго его разума и отъ храбрскаго подвига вси окрестныя государства имени его трепетали, зане знаменитъ бѣ и храбръ и въ побѣдахъ страшень, и мусульманскіе государства: царство Казанское и царство Астроханское подъ свою высокую руку покори и въ плѣну держимыхъ крестьянь тмочисленныхъ свободи, но и паче же отъ потрясенія меча Германскіи родове устрашишася. По великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи Самодержцѣ, отъ его царского прекрасноцвѣтущаго корени пресвѣтлая и преславная вѣтвь процвѣте, сынъ

его Государь нашъ, благовѣрный великій Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, воспримъ скипетръ Російскаго царствія, и своимъ царскимъ бодроопаснымъ осмотрѣніемъ во всемъ своемъ въ великомъ Російскомъ царствѣ благочестіе крѣпцъ соблюдаше, и все православное крестьянство въ покоѣ и въ тишинѣ и благоденственномъ житіи тихо и немятежно устрои, и во всѣхъ его царскихъ великихъ государьствахъ Російскаго царствія радостная и свѣтлая и веселія вездѣ исполнена бѣше; царствующій же градъ Москва тогда возвеличился и преумножился, и всѣми благими на вселенной цвѣтаетъ, прѣвыше всѣхъ великихъ государьствъ; и славно бысть имя великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, во всей вселенной честь и слава величствія его возвыся и прославися, и всѣ великіе государи крестьянскіе и мусульманскіе ему великому Государю любочестные дары приношаху, по его Царьскаго Величствія достоинію, и въ дружбѣ и въ любви съ его Царьскимъ Величествомъ быти желаху; а которые его Царскаго Величества окрестные недруги и непослушники, тѣ всѣ у его превысочайшіа царьскіе степени Величества послушны и въ рабскомъ послуженіи учинилися; и великаго его Російскаго царствія отторженные грады отъ его великаго государьства многими лѣты, паки во своя возврати, и ради добродѣтельнаго его житія и милостиваго царскаго нрава въ своихъ государьствахъ ко всемъ челоукомъ неоскудныя рѣки милосердіа изливаше, по своему Царьскому милосердому обычаю, и во всемъ бысть земный ангелъ и небесный пресвѣтлаго рая житель. И грѣхъ ради нашихъ всего православнаго христіанства Російскаго царствія, Господь Богъ, праведнымъ своимъ судомъ, превысочайшаго и преславнаго корени Августа Кесаря Римскаго прекраснотвѣтующую и пресвѣтлую вѣтвь въ наслѣдіе великаго Російскаго царствія не произведе: едину бо вѣтвь царскаго своего изращенія, отъ своя богозаконныя супруги благовѣрныя и Христолюбивыя великіа Государыни Царицы и Великіа Княгини Ирины Ѳеодоровны, всеа Русіи, имѣяше дщерь благовѣрную Царевну и Великую Княжну Ѳеодосью,

и сія Вседержителя Господа Бога святымъ Его праведнымъ судомъ, преже преставленія его Царьскаго Величества, въ будущій некончаемый вѣкъ небеснаго царствія отыде; царствова же великій Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, на своихъ великихъ государствахъ Російскаго царствія, 14 лѣтъ. А послѣ себя великій Государь нашъ Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, на всѣхъ своихъ великихъ государствахъ скифетродержавіи Російскаго царствія, оставль свою благовѣрную великую Государыню нашу Царицу и Великую Княгиню Ирину Ѳеодоровну всеа Русіи, а душу свою праведную приказаль отцу своему и богомолцу святѣйшему Іеву Патріарху Московскому и всеа Русіи, и шурину своему царьскому, а великіе Государыни нашей брату, Государю Борису Ѳеодоровичю. И благовѣрная великая Государыни наша Царица и Великая Княгиня Ирина Ѳеодоровна всеа Русіи, по преставленіи великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича всеа Русіи Самодержца, на великихъ своихъ государствахъ Російскаго царствія не изволила быти, а изволила по своему обѣщанію и къ Богу по великой вѣрѣ и душевному желанію, оставить превысочайшую честь и славу и высоту великаго Російскаго государства, и воспріяти иночески ангельскій образъ, будущихъ ради благъ превѣчнаго царствія воздалніе. Первопрестольнѣйшій же святѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, съ Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, Архимариты и Игумены и со всемъ вселенскимъ соборомъ, и бояре, и дворяне, и приказные люди, и Христолюбивое воинство, и гости, и всѣ православные крестьяня царствующаго града Москвы и всея Рускія земли, съ жнами и съ дѣтьми и съ сущими младенцы, съ великимъ воплемъ и неутѣшнымъ плачемъ, великую Государыню Царицу и Великую Княгиню Ирину Ѳеодоровну всеа Русіи молили, милости просили и били челомъ, чтобъ Государыня по своему царьскому милосердому обычаю положила на милость, ихъ бы сырыхъ до конца не оставила, была на государствѣ въ содержаніи скифетра великихъ государствъ Російскаго царств-

вія, а правити велѣла брату своему царьскому шурина Государю Борису Оедоровичю: а блаженныя памяти при великомъ Князь Оедоръ Ивановичъ, всеа Русіи Самодержцъ, по его царьскому приказу, правилъ онъ же Государь Борисъ Оедоровичъ. И многожды о томъ святѣйшій Іевъ Патріархъ, со всѣмъ вселенскимъ соборомъ, и бояре, и дворяне, и приказные и служилые люди, и гости, и всѣхъ чиновъ всенародное множество, били челомъ и молили и просили со слезами безпрестанно по вся дни въ день и въ ночь, чтобъ великая Государыня Царица и Великая Княгиня Ирина Оедоровна всеа Русіи, положила на милость, великіе свои Государства все праведное христіянство не оставила сирыхъ. И великая Государыня Царица и Великая Княгиня Ирина Оедоровна всеа Русіи, отцу своему и богомолцу святѣйшему Іеву Патріарху Московскому и всему вселенскому собору, и бояромъ, и дворяномъ, и приказнымъ и служивымъ людямъ, и гостемъ, и всѣхъ чиновъ всякимъ людямъ и всему православному христіянству отказала, что ей великой Государынѣ, по своей къ Богу вѣрѣ и по душевному желанію, обѣщаніе свое исполнити и воспріяти иночески Ангельскій образъ, а въ содержаніе скифетра на своихъ великихъ государствахъ быти не изволила; и послѣ преставленія блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Оедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца въ 9 день, оставя превысочайшую царскую честь и славу и высоту, изыде отъ своихъ царскихъ пресвѣтлыхъ полатъ, и вниде въ пречестную и великую обитель пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Оедигтрія Новаго двича монастыря, тихое и безмолвное иноческое житіе изволила пріяти, земное царство премънивъ, а благолѣпнымъ премъненіемъ единого Христа возлюбилъ и воспріемъ пресвѣтлый ангельскій образъ, наслѣдія ради будущихъ вѣчныхъ благъ небеснаго царствія. Великій же первопрестолникъ святѣйшій Іевъ Патріархъ, и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и весь вселенскій соборъ, и бояре, и дворяне, и приказные и служилые люди, и гости, и весь православные крестьяня со всемъ народомъ всея земля Ро-

сійскаго государства, прошенія своего отъ великія Государыни не получиша, со многою скорбію и съ сътованіемъ и слезнымъ рыданіемъ отойдоша. И потомъ святѣйшій Іевъ Патріархъ, съ Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и съ Игумены, со всемъ вселенскимъ соборомъ, и съ бояры, и съ дворяны, и съ приказными и служивыми людьми, и съ гостми, и все православное христیانство, придоша въ Новой дѣвичь монастырь со многимъ плачемъ и рыданіемъ мнозъмъ, благословенія и шилости прошаху у боговѣрныхъ великіе Государыни Царицы и Великіе Княгини, иноки Александры Ѳеодоровны всеа Русіи, глаголюще: « О боговѣрная, милосердал Царица! Ты вмѣсто земнаго царствія блаженную жизнь избрала еси, красоту жъ и свѣтлость превысокаго Царьскаго Величества мимотекущее житіе возненавидъ, небснаго ради царствія безсмертнаго Христа отъ всея души возлюбила еси, въ слѣдъ того невозвратно пойде пріимъ ангельскій святольпный образъ, а насъ оставила еси сирыхъ, безгосударны и безпомощны, неутѣшно плачущихъ и вопіющихъ по вся дни и въ нощи, и великое ваше отечество Російское государство небрегомо и беззаступно, а Государя намъ боговѣрнаго Царя въ свое мѣсто не благословила. И нынѣ, о боголюбивая Государыни боговѣрна Царица, инока Александра Ѳеодоровна, всеа Русіи! призри на насъ нищихъ своихъ богомольцовъ, и на своихъ рабъ на царскій сѣгкитъ, и на толикое многочеловѣческое христیانское множество; услыши всенародный вопль и рыданіе, утѣши плачь неутѣшный людій своихъ; воздвигни пакы на царство ваше и отечество ваше возвеличи, христیانскій же рогъ возвыси; понеже бо нынѣ, грѣхъ ради нашихъ, царство ваше вдовствуетъ и отечество ваше сиротствуетъ, пресвѣтлый же превысокій царскій престолъ плачетъ съдѣщаго на себѣ Царя царствующаго не имый, земля же вся малая съ великими и съ сущими младенцы толицъмъ безчисленнымъ плачемъ вопіеть: милосердуй о насъ, Царице благопріятная, не остави насъ погибающихъ, не дай всѣхъ крестьянъ въ расхищеніе, дондеже не увѣдятъ многихъ странъ невѣрніи лзыцы, яко царствіе ваше безгосударно и возрадуютъ

ся враги вашего царствія. Тѣмъ же пощади, пощади, пощади, благовѣрная Царице, благослови и даждь Богомъ избрannaго Царя на царство, всѣмъ вамъ благонадежнаго Государя всему Російскому царству Самодержца, а брата своего Государя нашего Бориса Ѳедоровича: а блаженныя памяти при великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, всеа Русіи Самодержцѣ, великіе ваши государства Російскаго царства онъ же великій Государь нашъ Борисъ Ѳедоровичъ правилъ и содержалъ милосердымъ своимъ премудрымъ правительствомъ, по вашему царскому приказу.» Тако же святѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, и весь вселенскій соборъ, Митрополиты и Архіепископы, и Епископы и Архимариты и Ігумены, и царскій сигклитъ, бояре и дворяне, и приказные и служивые люди, и гости, и все православное крестъянство Російскаго царства, многігда били челомъ и со слезами милости просили у Государя Бориса Ѳедоровича, глаголюще: «Великій Государь Борисъ Ѳедоровичъ! Тебе единого предъизбра Богъ и соблюде до нынѣшняго времени, и остави истиннаго правителя Російскому государству, христіанскаго поборника, святымъ Божиимъ церквамъ теплаго заступника, царскаго корени по сочтанію законнаго брака благораселенный цвѣтъ, Государевъ шуринъ и ближней пріятель: тѣмъ благосердечъ буди о насъ, пріими моленіе своихъ богомольцовъ и царскаго сигклита и всея земля, толикаго многаго христіанскаго премножества вопль безвременный и рыданіе и плачь неутѣшный: буди намъ, милосердый Государь, Царемъ и Великимъ Княземъ и Самодержцемъ всеа Русіи, по Божіей волѣ воспріими скипетръ православія Російскаго царствія; не дай истинныя православныя вѣры въ попроаніе и святыхъ Божиныхъ церквей во оскверненіе и всѣхъ православныхъ христіанъ въ расхищеніе.» Великій же Государь Борисъ Ѳедоровичъ, таковое къ себѣ непреложное моленіе святѣйшаго Іева Патріарха, и всего вселенскаго собора и всего народнаго множества слышавъ, непреклоненъ бысть къ моленію ихъ, отрицашеся со многими слезами и рыданіемъ, глагола: «Не мните себѣ того, еже хотѣти мнѣ царствовать, но ни въ ра-

зумъ мой прїиде о томъ, да и мысли моеи на то не будетъ. Какъ мнѣ помыслити на такую высоту царствїя и на престоль такого великого Государя моего пресвѣтлаго Царя? Нынѣ бы намъ промыслити, какъ устроить праведная и безпорочная душа пресвѣтлаго Государя моего Царя и Великого Кнзя Оедора Ивановича, всеа Русїи Самодержца, а о государствѣ и о земскихъ дѣлахъ радѣти и промыслити и правити бы государство тебѣ Государю моему отцу, свѣтѣйшему Іеву Патріарху Московскому и всеа Русїи, и съ тобою болромъ; а будетъ моя работа пригодится, и лзъ за свѣтыя Божїя церкви и государства Московского за одну пядь земли, и за все православное христїанство и за ссущихъ младенцевъ, радъ кровь свою излїяти и голову свою положить.» Свѣтѣйшїй же Іевъ Патріархъ, моляше Государя Бориса Оедоровича, глагола « Милосердый Государь Борисъ Оедоровичъ! Не буди противенъ вышняго Бога промыслу, повинися свѣтой волѣ Его, никто же бо праведенъ бываетъ, вопреки глагола судбамъ Божїимъ. И прежнїи убо Цари предъизбранїи Богомъ царствоваху, и сихъ убо благочестивый корень и по-ся-мѣста ведесе, даже до благочестиваго Государя нашего великого Государя Царя и Великого Кнзя Оедора Ивановича, всеа Русїи Самодержца, на немъ же и совершился и конецъ прїя; въ него же мѣсто сію царскую честь на тебѣ возлагаетъ и на твои Государевы дѣти, яко по свойству сродственному царсково съмени богоизбранный цвѣтъ: его же бо Богъ предъизбра, того и возлюби, и его же пронарече, сего и оправда, его же оправда, того и прослави. Яко же рече божественный Апостоль: его же бо хочу, рече Богъ, тово и помилую, и его же ущедрю, того и ущедрю: мой бо есть даръ, ему же хочу предамъ его. Яко же Пророкъ рече: Жребїй убо Божїй Царское Величество: на него же возложитъ Богъ, на томъ и совершится. Яко же рече свѣтїй Деонисей Ареопагитъ: Превысокою, рече, дражайшею честїю предпочтїилъ есть Богъ чловѣчскїй родъ, еже рече предпочтїенїемъ царскимъ: его же бо дарованїемъ симъ одаритъ Богъ восхоцетъ, на семъ уже во чревѣ матери честь сію возложить и изъ младенства

на сіе предустроить. Тьмъ же тебе убо превеликій Государь Борисъ Федоровичъ, не по чловѣческому единомышленію, ниже по чловѣческому угодію предъизбираемъ, но по праведному суду Божію: послѣдуемъ христіянскихъ царей древнимъ преданіемъ, яко искони мнози христіянстѣи цари, недовѣдомыми судбами Божіими, и не хотяще скипетро царствія придержаще царствоваху, Богу на се наставляющу народъ единогласіе имѣти, о немъ же Богъ во умъ положитъ имъ, яко же пишеть: гласъ народа гласъ Божій. Приводитъ же къ сему и свидѣтельство отъ древнихъ божественныхъ Писаній, еже глаголетъ о велицѣмъ царѣ Давидъ: сей убо царствія рогомъ помазанъ бысть, царь силенъ и славенъ во Израили предъизбранъ Богомъ и толикъ преславенъ бысть, яко именованъ его весь Израиль хвалящеся, и въ толикую высоту достиже, яко Христу прародитель бысть и богоотецъ наречеся; тако жъ Іосифъ Прекрасный отъ праведнаго съмени Авраамля произыде, еще и неволю влкомъ, но судьбами Божіими царствова во Египтѣ, и нехотящимъ Египтяномъ. И сія убо отъ начала въ древнихъ до Христа по плоти съ небесе сошествія. По Христовъ же на землю пришествіи, во благодати православіемъ сілющихъ наипаче обрѣтаются по степенемъ въ Римскихъ и Греческихъ крестыянскихъ преданіяхъ. Отъ нихъ же первый, православіемъ сіля яко солнце равноапостоломъ Константинъ, сынъ великаго Консты кесаря Римского, иже прежебывшаго тирона, еже естъ воинъ при Діоклитіанъ и Максимьянъ царема Римскими; сей убо великій первый крестыянский царь Константинъ, во царѣхъ первый къ Богу правовѣріемъ просія яко солнце, тцаніе же и изысканіе о крестѣ Христовъ толика показа, яко же инъ никтоже, и обрѣте его, много же и святыхъ мощей произыска и собра, идолскія же требы до конца разори и много ина исправленія по Бозъ показа, и съ небесе свидѣтельствовань знаменіемъ креста Господня, отнюду же побѣду вземъ враги побѣждаше, и многи языцы во Христа въровати приведе; и сего ради отъ Бога не земнымъ токмо царствіемъ, но и небеснымъ одарованъ бысть, и во крестыянскихъ царѣхъ первый и въ лѣтъ апостольскій учиненъ. Потомъ второй царь.

Ч. I. Прилож.

2

благочестія поборникъ, нечестія обличитель, Θεодосій Великій, не тѣлеснымъ точію видомъ, но и славою предмногого высокъ, иже отъ Гратыяна царя въ порфиру царскую одянь бывъ и вѣнцемъ царствія вѣнчанъ, отъ сигклита предъизбранъ; при немъ же второй святой Вселенскій соборъ бысть. Подобенъ же сему Великому Θεодосію царю и Маркіянъ, великій царь благочестіемъ и вѣрою, храбростію же и мудростію излещенъ зѣло, преже въ чину воинственномъ бысть, потомъ Θεодосіемъ царемъ Малымъ на царство возведенъ, по извѣщенію Ивана Богослова; при семъ бысть четвертый святой Вселенскій соборъ. Подобенъ же симъ царица Θεодосію и Маркіяну, Іустинъ Малый и Тивирій: царствующу убо сему Іустину Малому въ Царьградъ, супружницу имѣя зѣло милостиву, подобну своему нраву, яко же и самъ милостивъ есть, именемъ Софію, не бѣ же има сына ни дщери; у него же бѣ совѣтникъ Тиверій, благовѣренъ зѣло, красенъ видомъ, лицемъ свѣтелъ, милостивъ и долготерпѣливъ, въ воинствѣ храбръ велми; красоты же ради его и храбрости, царь Іустинъ возлюбилъ его пріемъ во усыновленіе; и первіе украшаетъ его кесарскимъ вѣнцемъ, потомъ же собравъ Патріарха и сигклитъ свой и весь народъ, и поучивъ довольно скипетроцарствія самодержавствія вѣнцемъ вѣнча его, еще живъ сый въ житіи семъ; Іустинъ же царь, вѣнчавъ Тивирію на царство, успе сномъ вѣчнымъ; по умертвіи же Іустиновъ, благочестивый царь Тивиріе, богодатную свою мать царицу Софію жену Іустинову, зѣло почте и яко мать себѣ имѣя, подъ областію же его сущимъ недугующимъ и стражущимъ и нищимъ отверзъ сокровища своя, старымъ бысть вождь, печальнымъ утѣха во всѣхъ бѣдахъ помощникъ, и толико яко всѣмъ людемъ прехвально вопити о немъ: втораго, рече, Августа Римскаго кесаря далъ намъ Богъ днесь. Бѣ же у него двѣ дщери, едину даде за Маврикія: той, убо, Маврикію въ воинствѣ храбръ зѣло, его же сочтанія ради дщере своей, Тивирій царь, въ кесарскій санъ устрои; помалъ же, по преставленіи своемъ, и царство свое вручи ему. Любезно же чтущи божественная Писанія, многихъ во царяхъ обрящуть скипетроцарствія нмущихъ, въ порфиру государственную

облачащихся, добръ правящихъ царственная по Бозь, благочестно и праведно, понеже бо Господь достойная пріемлетъ, недостойныхъ же вонъ измещеть: мнози, убо, звани, мало же избранныхъ. Рече бо Господь: Не всякъ глаголай ми: Господи! Господи! внидетъ въ царство небесное, но творя волю Отца моего, иже есть на небесѣхъ. Его же бо судъ обыдетъ Божій, будетъ ему; мнози бо и нехотящїи прїидоша въ не же звани быша отъ Бога: не вы бо дѣйствующе сїя, но творїи въ васъ Духъ Святый. Яко же пишеть: Всяко добро бываемо, кромъ Бога не сотворяется, ниже сотворитися можетъ; яко же рече Господь: Безъ мене не можете сотворити ничесоже. «По семъ же убо святѣйшему Іеву Патріарху отъ божественныхъ Писанїй свидѣтельствовавшу, Государю же Борису Ѳедоровичю отнюдь къ моленію непреклонно пребывшу, и по вся дни многжда святѣйши Іевъ Патріархъ наединъ съ Государемъ Борисомъ Ѳедоровичемъ особъ моляше со слезами и прещаше ему Государю, дабы не ослушался повелѣнїя Божїя и утолилъ бы плачь и рыданіе и вопль многонародный, и воспрїялъ бы скиѳетродержавїя Російскаго царствїя; Государь же Борисъ Ѳедоровичъ никакоже повинулся глаголемымъ, но вслчески слезнымъ рыданіемъ отрицашеся. И пакы святѣйши Іевъ Патріархъ съ Митрополиты, и съ Архіепископы, и съ Епископы, и съ Архимариты, и съ бояры, и весь царскїй сїгклитъ, по многи дни моляху Государя Бориса Ѳедоровича со слезами, не презрѣти слезъ ихъ моленїя и всенароднаго множества плача и рыданїя. Государь же Борисъ Ѳедоровичъ никакоже преклонися къ ихъ моленію. Дворяне же, и приказные люди, и дѣти боярскїе, и служивые люди, и гости и торговые люди, и все православное христїанство, съ женами и съ дѣтми и съ сущими младенцы, безотступно со многимъ слезнымъ рыданіемъ у Государя Бориса Ѳедоровича милости прошаху, чтобъ надо всемъ православнымъ христїанствомъ милость показалъ, не далъ ихъ въ расхищеніе, былъ имъ милосердымъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русїи Самодержцемъ, по тому же, какъ ихъ всѣхъ православныхъ христїанъ своимъ милосердымъ правительствомъ содержалъ, при великомъ

Государь Царь и Великому Князю Федору Ивановичю всеа Русии; и святѣйшему Іеву Патріарху и всему вселенскому собору, безпрестани неотходно въ день и въ ночь со слезами вопіяху, чтобы святѣйшій Іевъ Патріархъ и весь вселенскій соборъ молили Государя Бориса Федоровича и милости просили, чтобы ихъ не оставилъ сирыхъ и не далъ бы ихъ въ расхищеніе. Государь же Борисъ Федоровичъ не преклонися никакоже къ моленію ихъ. Святѣйши же Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русии, о семъ положи на Бога упованіе и на Пречистую Богородицу и на великихъ Чудотворцовъ, дондеже исполнится Четыредесятница блаженныя памяти благовѣрнаго Царя и Великаго Князя Федора Ивановича, всеа Русии Самодержца, и до времени какъ съѣдутся со всея земли Російскаго государства Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и весь освященный соборъ, еже на велицѣхъ соборѣхъ бывають, и съѣдутся государскіе дѣти розныхъ великихъ государствъ, которые подъ царскою высокою рукою были, служили Великому Государю Царю и Великому Князю Федору Ивановичю всеа Русии, и весь Царскій сигклитъ вслкихъ чиновъ, и царства Московскаго служивые и вслкіе люди; и посла по Митрополитовъ, и по Архіепископовъ, и Епископовъ, и по Архимаритовъ, и по Игуменовъ, и по боярѣ, и по воеводѣ, и по дворянѣ, и по приказныхъ, и по служивыхъ, и по всякихъ людей; и всего Російскаго государства Митрополитомъ же, и Архіепископомъ, и Епископомъ, и всему освященному собору, и болромъ, и дворяномъ, и приказнымъ и служивымъ людямъ, и гостямъ, и всемъ православнымъ крестьяномъ всего Російскаго государства, которые на Москвѣ, приказалъ, чтобы все единодушно молили Господа Бога и Пречистую Его Матерь и всѣхъ Святыхъ, чтобы Господь Богъ устроилъ всему православному крестьянству полезная, яко же въсть святая Его воля, и помыслили бы все обще кому у нихъ Государемъ быти. Минувше Четыредесятницъ по Великому Государю Царю и Великому Князю Федору Ивановичю всеа Русии Самодержцу, и всемъ вкупѣ сошедшимся въ царствующій градъ Москву, Митрополитомъ, и Архіепископомъ, и Епископомъ и всему освя-

щенному собору, и бояромъ, и дворяномъ, и всякимъ чиновнымъ людемъ, и Христолюбивому воинству, и гостемъ, и всенародному множеству, Февраля въ 17 день, въ пятокъ на мясопустной недѣль, святѣйшій Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, велѣлъ у себя быти на соборъ о Святѣмъ Дусѣ сыновомъ своимъ, пресвященнымъ Митрополитомъ, и Архіепископомъ, и Епископомъ, и Архимаритомъ и Игуменомъ, и всему освященному собору вселенскому и бояромъ, и дворяномъ, и приказнымъ и служилымъ людемъ, всему Христолюбивому воинству, и гостемъ, и всемъ православнымъ крестьяномъ всѣхъ городовъ Російскаго государства. И говорилъ имъ на соборъ: что по преставленіи блаженныя памяти, святаго, и праведнаго, и милостиваго, и храбраго, и счастливаго, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, били челомъ и со слезами молили благовърную Государыню Царицу и Великую Княгиню Прину Ѳеодоровну всеа Русіи, чтобы она Государыня милости показала, скипетроцарствіи содержала, а насъ бы нищихъ и сирыхъ не оставила; и великая Государыня, аки крѣпкій адамантъ душею, не изволила престоль свой содержать, а изволила пріити свѣтлый иноческій ангельскій образъ; и мы били челомъ ей Государынь, чтобы она Государыня показала намъ нищимъ богомолцомъ своимъ и всему православному христіянству милость, благословила въ свое мѣсто на царство намъ Государя брата своего, Государя нашего Бориса Ѳеодоровича; и Государыня Царица и Великая Княгиня инока Александра Ѳеодоровна всеа Русіи, за умноженіе грѣховъ нашихъ, милости не показала жъ, брата своего Государя нашего Бориса Ѳеодоровича на царство не благословила; а Государю Борису Ѳеодоровичю тако жъ били челомъ, и молили и просили слезнымъ рыданіемъ по многіе дни безотступно, чтобы намъ былъ милосерднымъ Государемъ; и Государь Борисъ Ѳеодоровичъ не пожаловалъ, о государствѣ отказалъ; и язъ Іевъ Патріархъ и со мною весь освященный вселенскій соборъ, да и вы, бояре, и дворяне, и приказные и служилые люди, и гости, и всѣхъ чиновъ и всякіе люди всея земли, о томъ о великомъ дѣлѣ положили на Божію волю и отсрочи-

ли до Четырдесятницы; и нынѣ, по правиламъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ, по великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, всеа Русіи Самодержцѣ, Четырдесятница совершилася, а святая его царская праведная душа въ вѣчное блаженство небеснаго царства со всеми святыми вселися: и вы бы, преосвященные Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и весь освященный соборъ, и бояре и дворяне, и приказные люди, и гости, и дѣти боярскіе, и всѣхъ чиновъ всякіе люди царствующаго града Москвы и всея Російскія земля, всѣ православные крестьянѣ, о томъ о великомъ дѣлѣ намъ и всему освященному собору мысль свою объявили и совѣтъ дали: кому на великомъ преславномъ государствѣ Государемъ быти? А у меня Іева Патріарха, и у Митрополитовъ, и у Архіепископовъ, и у Епископовъ, и у Архимаритовъ, и у Игуменовъ, и у всего освященнаго вселенскаго собора, и у боярѣ, и у дворянѣ, и у приказныхъ и у служилыхъ у вслѣднихъ людей, и у гостей, и у всѣхъ православныхъ крестьянѣ, которые были на Москвѣ, мысль и совѣтъ всѣхъ единодушно, что намъ мимо Государя Бориса Ѳеодоровича иного Государя никого не искати и не хотѣти. Слышавше же сіа Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и весь освященный соборъ, и бояре, и дворяне, и приказные и служивые люди, и гости, и всѣ православные крестьяне, которые пріѣхали изъ дальнихъ городовъ въ царствующій градъ Москву, велегласно аки единъми усты глаголаху: Нашъ совѣтъ и желаніе то жъ единомысленно съ тобою, отцемъ нашимъ великимъ господиномъ, Іевомъ Патріархомъ Московскимъ и всеа Русіи, и со всемъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ дворяны, и со всеми православными крестьяны, еже неотложно бити челомъ Государю Борису Ѳеодоровичю, а опричь Государя Бориса Ѳеодоровича на государство никого же не искати. И сіе во свидѣтельство приводяще: «По Божию жъ изволенію и по своему милосердію, Великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ, всеа Русіи Самодержецъ, сочталъ за сына своего за великаго Государя нашего Царя и Велико-

го Князя Ѳедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, великую Государыню нашу Царицу и Великую Княгиню Ирину Ѳедоровну всеа Русіи, благозаконнымъ бракомъ, а взялъ ее Государыню въ свои царскія полаты не въ совершенномъ возрастѣ семи лѣтъ, и была питома въ его царскихъ полатахъ до сочетанія брака; а Государь нашъ Борисъ Ѳедоровичъ при его царскихъ пресвѣтлыхъ очѣхъ былъ всегда безотступно по тому же не въ совершенномъ возрастѣ, и отъ премудраго его царскаго разума царственнымъ чиномъ и достоянію навикъ. И по преставленіи великаго Государя Царевича Ивана Ивановича, Великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи, Государю нашему Борису Ѳедоровичю говорилъ: что Божіими судьбами, а по его грѣху, Царевича Ивана не стало, и онъ въ своей кручинѣ не чаеъ себя долгого живота: и я полагаю сына своего Царевича Ѳедора и Богомъ дарованную дочь свою Царицу Ирину на Бога, и на Пречистую Богородицу, и на великихъ Чюдотворцовъ, и на тебѣ Бориса, и тыбъ объ ихъ здоровь радѣлъ и ими промышлялъ: какова мнѣ Богомъ дарованная дочь Царица Ирина, таковъ мнѣ и ты, Борисъ, въ нашей милости какъ еси сынъ. Да и послѣднее на Государь нашемъ Борисъ Ѳедоровичъ свое царское милосердіе, по своей царской милости, учинилъ мимо прежніе обычаи: егда же восхотѣвшу Богу во онъ вѣкъ безконечный преставити отъ житія сего Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича, всеа Русіи Самодержца, тогда повелѣ принти къ себѣ духовнику своему Архимариту Ѳеодосью, хотя ему исповѣдати послѣднее исповѣданіе и пречистыхъ Христовыхъ таинъ отъ него комкатися; и въ то время былъ Государь Борисъ Ѳедоровичъ предстал у его царскаго одра; тогдажъ Великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ, всеа Русіи Самодержецъ, представляя во свидѣтельство духовника своего Архимарита Ѳеодосья, слезъ очи свои наполнивъ, глагола Государю нашему Борису Ѳедоровичю: тебѣ приказываю сына своего Ѳедора и Богомъ дарованную дочь свою Ирину; ты же соблюди ихъ отъ всѣякихъ золь: аще ли не соблюдеши, ихъ воздаси о нихъ отвѣтъ предъ Богомъ;

на тебѣ възыщеть Богъ душа ихъ. И егда же, по Божіей милости и по благословенію отца своего, Великій Государь нашъ Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, Богомъ възчанъ бысть и воспрія державу скипетро Російскаго царства: тогда Государь Борисъ Ѳедоровичь, помня приказъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, ихъ государское здорovie хранилъ аки зѣницу ока, и попеченіе объ нихъ велие имѣлъ, и великіе ихъ государства отовсюду оберегалъ съ великимъ радѣніемъ и со опасеніемъ и попеченіемъ многымъ, и своимъ премудрымъ разумомъ и бодроопаснымъ содержаниемъ учинилъ ихъ царскому имени во всемъ великую честь и похвалу, а великимъ ихъ государствамъ много пространство и расширение, во всемъ прибыли, во вѣки въ превѣчную славу и похвалу учинилъ, и превысокого ихъ царского степени величества окрестныхъ прегордыхъ непокорныхъ царей, ихъ царскимъ приказомъ, а своимъ храбрскимъ и премудрымъ промысломъ и радѣніемъ ко всему православному христіанству, благопослушны и повинователны сотворилъ, и побѣдилъ прегордо хвалящагося царя Крымскаго, и непослушника короля Свейскаго подъ государеву царскую высокую десницу привелъ, и города, которые были за Свейскимъ Королевствомъ, поималъ; а къ нему къ царскому шурина къ Государю къ Борису Ѳедоровичю, о любви, и о дружбѣ, и о мирномъ постановленіи, и о покоѣ, и о тишинѣ, цесарь христіанскій, и салтанъ Турскій и шахъ Персидской, и короли изо многихъ государствъ, пословъ своихъ присылали со многою честію; и всѣ великіе государства Російскаго царствія тихи и не мятежны устроилъ, и воинственной чинъ въ призрѣніи, и во многой милости, и въ строеніи учиненъ, а все православное христіанство въ покоѣ и въ тишинѣ, а бѣдныя вдовы и сироты въ милостивомъ въ покровеніи и въ крѣпкомъ заступленіи, и всѣмъ повиннымъ пощада и неоскудныя рѣки милосердія изливались, и вся Руская земля во обмеченіи учинена, и святая наша и непорочная христіанская вѣра сіяеть во вселеннѣй выше всѣхъ, яко же подъ небесемъ пресвѣтлое солнце; и славно бысть благо-

вѣрнаго Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Федора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, и его благовѣрныя Царицы и Великіе Княгини Ирины Федоровны всеа Русіи, ихъ Царьскаго Величества имя, отъ моря и до моря и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя. А какъ Крымской Казыгирей царь приходилъ на Рускую землю, со многими воинствомъ хваляшеся, хотя православную и непорочную христіанскую вѣру разорити, а святыя церкви во оскверненіе предати и святыню въ погнаніе положити, и православное христіанство съ ихъ женами и съ дѣтьми и съ сущими младенцы Російскаго царствія безъ милости нещадно мечю предати хотѣлъ: и по Божьей милости, а по Великаго Государя Царя и Великаго Князя Федора Ивановича всеа Русіи Самодержца по повелѣнію, его Царьскаго Величества шурина Государя Бориса Федоровича отъ его премудраго разума и храбрскаго подвига, Крымской царь побѣженъ и прсодолженъ и премноего его воинство побѣено бысть и съ великимъ срамомъ во своя возвратися; и сицеваго ради подвига и знаменитаго храбрства Государь Борисъ Федоровичъ сподобленъ бысть отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Федора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, отъ его царьскихъ рукъ на выю свою возложеніа чепи отъ злата Аравійска, и царьскіе багряницы его царьскихъ плечъ, и судна златаго, зовомый Мамай, прародителя своего великаго Государя Дмитрія Ивановича Донскаго, которые взялъ у безбожнаго Мамаю, какъ его побѣдилъ.» Бояре же, и дворяне, и приказные, и всѣхъ чиновъ всякіе люди всея Русіи земля, и гости, и все православное христіанство, со многими слезами и съ великимъ воплемъ свѣтѣйшему Іеву Патріарху Московскому и всеа Русіи били челомъ, чтобы свѣтѣйшій Іевъ Патріархъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, великую Государыню Царицу и Великую Княгиню вноку Александру Федоровну всеа Русіи, и ее брата Государя нашего Бориса Федоровича, молили и милости просили со слезами, чтобы великая Государыня пожаловала благословила брата своего, а нашего Государя Бориса Федоровича, на свои великіе государства Російскаго царствія Государемъ, а Государь бы Борисъ Федоровичъ, для слезъ и

всемірнаго плача всея Рускія земля, положилъ на милость, на тѣхъ великихъ государствахъ Російскаго царствія былъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ, всеа Русіи Самодержцемъ. И святѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, слышавъ ихъ челобитье и слезное рыданіе, толикаго множества народа всея земли крѣпкій совѣтъ и единомышленіе, рѣки слезъ отъ очію испусти, глаголя: «Благословенъ Богъ, совѣтъ благъ давшему во всенародное се множество и единомысліемъ утвердившему.» И о семъ положи упованіе на Бога и на Пречистую Богородицу и на великихъ Чюдотворцовъ, глаголя: Яко же Господеви годъ, тако и будетъ. Тако же святѣйшій Іевъ Патріархъ, съ Митрополиты, и съ Архіепископы, и Епископы, и съ Архимариты, и съ Игумены, и съ бояры, и съ дворяны, и съ приказными, и съ служивыми людьми, и съ гостями, и со всемъ православнымъ крестьянствомъ, совѣтуетъ, чтобы въ субботу Мясопустную, Февраля въ 18 день, на первомъ часу дни, всему освященному собору и всѣмъ бояромъ и дворяномъ и всѣхъ чиновъ всякимъ людямъ царствующаго града Москвы и всея Рускія земля, быти въ великую соборную апостольскую церковь Пречистые Богородицы, и молити всеильнаго Бога и Пречистую Его Матерь и великихъ Чюдотворцовъ Петра и Алексѣя и Іону и всѣхъ великихъ Чюдотворцовъ Рускихъ и всѣхъ Святыхъ, чтобы милосердый Богъ, по своей неизреченной милости, устроилъ полезная всему православному христіянству и желаніе сердца ихъ исполнилъ; и во уреченный день исправивъ молебная во святѣй величѣй апостольскѣй церкви, съ женами и съ дѣтми и съ сущими младенцы всенароднаго множества въ Новой-дѣвичь монастырь итти, и съ Божіею помощію всѣмъ единогласно, съ великимъ воплемъ и неутѣшнымъ плачемъ, милости просити у великіе Государыни Царицы и Великіе Книгини иноки Александры Оедоровны всеа Русіи, и у брата ее у Государя у Бориса Оедоровича; и будетъ Государыня Царица положить на милость, насъ пожалуетъ, благословитъ брата своего, а Государя нашего, Бориса Оедоровича на государство всея великія Росія, и Государь Борисъ Оедоровичъ насъ пожалуетъ, будетъ на госу-

дарствъ: и намъ богомолцомъ ихъ, и съ нами всему освященному вселенскому собору, во святѣй величѣй соборнѣй апостольствѣй церкви совершити молебная пѣнія, а вамъ бояромъ, и дворяномъ, и приказнымъ людямъ, и дѣтемъ боярскимъ, и гостемъ, и всѣхъ чиновъ всякимъ людямъ царствующаго града Москвы и всея Рускія земли; и будетъ вашъ совѣтъ съ нами единомысленъ, и язъ васъ благословляю, со всѣмъ вселенскимъ соборомъ. И бояре, и дворяне, и приказные и служивые люди, и всѣхъ чиновъ всякіе люди, и все православное крестыанство всея Рускіе земли, выслушавъ патріарши рѣчи, единогласно со слезами и съ воплемъ всѣ патріаршѣ и всего вселенскаго собора совѣтъ похвалили и били челомъ, чтобы они неотложною мыслію и крѣпкимъ совѣтомъ утвердили; а ихъ бояръ и дворянъ, и приказныхъ и служивыхъ людей, и всего православнаго христіанства всея Рускія земли, совѣтъ и хотѣніе то же: кто похочетъ мимо Государя нашего Бориса Ѳедоровича, и сына его Государя нашего Ѳедора Борисовича и тѣхъ дѣтей, которыхъ ему Государю впредь Богъ дастъ, иного Государя искати и хотѣти, или какое лихо кто похочетъ учинити и умышляти на Государя Бориса Ѳедоровича, и на Государыню нашу Марью Григорьевну, и на ихъ дѣтей на Ѳедора Борисовича и на Ксенью Борисовну, и на тѣхъ дѣтей, которыхъ ему Государю впредь Богъ дастъ: и намъ Бояромъ, и окольничимъ, и дворяномъ, и приказнымъ людямъ, и дьякомъ, и гостемъ, и дѣтемъ боярскимъ, и всякимъ людямъ, извѣстити на того измѣнника святѣйшему Іеву Патріарху, и Митрополитомъ, и Архіепископомъ, и Епископомъ и всему освященному вселенскому собору, и стояти на того государева измѣнника всею землею обще заединъ; а мнѣ Іеву Патріарху, и Митрополитомъ и Архіепископомъ и Епископомъ и всему вселенскому собору, того измѣнника проклятїю предати и отлучити отъ церкви Божїи, и предати градскому суду. Слышавъ же крѣпкій совѣтъ и хотѣніе всея земля, святѣйшіи Іевъ Патріархъ Московскій и всея Русїи, со всѣмъ вселенскимъ соборомъ, воздавъ славу и благодаренїе Господу Богу и пречистой Его Матере, и глагола благодарственной стихъ Богородицъ: До-

стойно есть; и призвавъ Бога въ помощь и пречистую Его Матерь и великихъ Чюдотворцовъ и всѣхъ Святыхъ, благословилъ ихъ, что имъ съ нимъ со святѣйшимъ Іевомъ Патріархомъ Московскимъ и всеа Русіи, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, быти единомышлено на томъ на всемъ, какъ они приговорили; и совѣщавшеса вси вкупѣ и нарекоша день итти въ Новой въ дѣвичь монастырь въ понедѣльникъ Сырныи недѣли, и бити челомъ Государынѣ Царицѣ и Великой Книгинѣ инокъ Александрѣ и Государю Борису Ѳедоровичю всѣмъ единомушно; и въ субботу Мясопустную, и въ недѣлю и въ понедѣльникъ Сырныи недѣли, по три дни пѣвше молебна въ святѣй величѣй соборнѣй апостольствѣй церкви пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія, моливше Господа Бога и пречистую Его Матерь и великихъ Чюдотворцовъ Петра и Алексѣя и Іону и всѣхъ Святыхъ, о всѣхъ же на пользу строимыхъ всему православному крестьянству, чтобъ подаровалъ намъ Господь Богъ, по прошенію нашему, благочестиваго Государя Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи, всему Російскому государству Самодержца. И въ той же понедѣльникъ Февраля въ 20 день, святѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и со всѣми бояры и со всенароднымъ множествомъ, идоша въ пречестную обитель пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Одегитріа въ Новой-дѣвичь монастырь, и Государынѣ Царицѣ и Великой Книгинѣ инокъ Александрѣ Ѳедоровнѣ всеа Русіи, и Государю Борису Ѳедоровичю, со слезами били челомъ и много молихомъ; и грѣхъ ради нашихъ, Государыни благовѣрная Царица и Великая Книгини инока Александра Ѳедоровна, всеа Русіи, на милость не положила, брата своего Государя нашего Бориса Ѳедоровича на государство не пожаловала; а Государь Борисъ Ѳедоровичъ милости не показалъ же, а говорилъ святѣйшему Іеву Патріарху: «Какъ тебѣ государю и отцу своему и всему вселенскому собору, и бояромъ и дворяномъ и всему православному крестьянству, говорилъ прежде сего, и нынѣ то же говорю: не мните себѣ того, что мнѣ помылити на такого Великаго Государя пресвѣтлаго и праведнаго

Царя превысочайшую царскую степень на высоту царствія его.» И много о томъ со многими слезами моляше Патріарха, а говорилъ, что ему о томъ и въ разумъ не придетъ Первопрестольнѣйши же святѣйши Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, и Митрополиты и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и весь вселенскій соборъ, и бояре, и дворяне, и приказные и служивые люди, и все православное христіанство, о семъ въ недоумѣніи мнѡзъ бысть и во мнѡзѣй скорби и въ плачи неутѣшимомъ, отойдоша со многаю скорбію отъ великія лавры въ царствующей градъ Москву. И паки святѣйши Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи созываетъ къ себѣ о Святѣмъ Дусѣ сыновей своихъ пресвященныхъ Митрополитовъ, и Архіепископовъ, и Епископовъ, и Архимаритовъ и Игуменовъ, и весь освещенный вселенскій соборъ, и бояръ, и дворянь, и приказныхъ и служивыхъ людей, и гостей, и всѣхъ православныхъ крестьянь, съ ними же благъ совѣтъ совѣтуетъ, чтобъ божественное празнество соборнѣ сотворити пресвятѣй пречистѣй и пренепорочнѣй Владычицѣ нашей Богородицы и Приснодѣвѣ Маріи честнаго и славнаго Ея Одегитрія, въ царствующемъ градѣ Москвѣ во святѣй величѣй соборнѣй апостолстѣй церкви, идѣ же многочюдесные мощи Петра и Іоны и прочихъ пресвященныхъ Митрополитовъ Московскихъ и всеа Русіи, и по всѣмъ святѣмъ церквамъ и по честнымъ монастыремъ; такоже повелѣ праздновати и въ честномъ монастыри пречистыя преславныя Владычица наша Богородица и Приснодѣвы Марія честнаго и славнаго Ея Одегитрія, идѣже изволи жити великая Государыня благовѣрная Царица и Великая Княгиня инока Александра въ Новомъ дѣвичьѣ монастырѣ, вечерня и всенощное пѣти; и сотворише во святыхъ церквахъ всепразнественая, взяше честные и животворящіе кресты и великіе чудотворные образы, пречистые Богородицы Владимерскіе чудотворную икону, юже богогласный Лука написа, и чудотворную икону пречистые Богородицы Донскіе, иже надъ безбожнымъ Мамаемъ побѣду показа, и чудотворцова Петрова писма пречистые Богородицы образъ, и отъ прародителей государскихъ чудотворный образъ Одегитрія

пречистые Богородицы, еже есть въ Вознесенскомъ двѣвчѣ монастырѣ, и иные многіе чудотворные образы, итти въ Новой двѣвчѣ монастырѣ на утрѣ во вторникъ Сырныя недѣли Февраля въ 21 день, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ боллары и съ царьскими сигклиты, и со всенароднымъ безчисленнымъ множествомъ всея земля великого Російского государства, съ женами и съ дѣтми и съ сущими младенцы, молити всемилюстваго въ Троицы славимаго Бога и пречистую Его Матерь и великихъ Чюдотворцовъ, о вселенскомъ устроении и о благостоянии святыхъ Божіихъ церквей и утвержении святыхъ православныхъ нашихъ христіанскіе вѣры, и дабы Господь Богъ умилосердился на насъ, послалъ дхновеніе Святаго Духа въ сердца великія Государыни нашей Царицы и Великія Княгини иноки Александры Ѳедоровны всея Русіи, и брата ея Государя нашего Бориса Ѳедоровича, умлгчилъ бы ниву сердцу ихъ, чтобъ они великіе Государи слезъ моленія нашего не презрили; и молебная пѣнія и божественную литургію совершивше, молити и бити челомъ великой Государыниъ благовѣрной и Христолюбивой Царицы и Великой Княгиниъ иноки Александрѣ Ѳедоровнѣ всеа Русіи, и брату ея Государю нашему Борису Ѳедоровичю, чтобы Государыни благовѣрная Царица на милость положила, на царство брата своего Государя нашего Бориса Ѳедоровича, а Государь бы Борисъ Ѳедоровичъ милость показалъ, былъ намъ благонадежный великій Государь Царь и Великій Князь, всеа Русіи Самодержецъ: егда како услышитъ милосердый Богъ, и пречистая его Мати пренепорочная Владычица и Приснодѣва Марія преславная Богородица умилосердився призритъ на смиреніе наше, и молитвъ нашихъ не презритъ и толикаго всенароднаго безчисленнаго множества безвременныхъ слезъ и вопля безпрестаннаго, и извѣститъ имъ милосердый Богъ о насъ, яко же вѣсть святая Его воля. Къ сему же святѣйшій Іевъ Патріархъ въ духовнѣ особѣ тайнѣ совѣтъ совѣщаетъ со всѣми сыновы своими, съ Митрополиты и съ Архіепископы и Епископы, и съ Архимариты и Игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и межъ собою крѣпко утвердиша себе на томъ: Будеть великая Государы-

ни Царица и Великая Княгиня инока Александра Федоровна всеа Русіи, положитъ на милость и насъ пожалуетъ, для пришествія честныхъ крестовъ и многихъ чудотворныхъ святыхъ иконъ, брата своего Государя нашего Бориса Федоровича на великіе государства Російскаго царствія благословитъ, а Государь нашъ Борисъ Федоровичъ на милость будетъ положить, всему Російскому государству будетъ Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи Самодержцемъ: и язъ богомолецъ ихъ смиренный Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, съ вами сыновы своими со всѣмъ освященнымъ соборомъ, по даннѣй намъ благодати отъ пресвятаго и животворящаго Духа, прося у Бога милости, Государя Бориса Федоровича прощаемъ и разръшаемъ, что онъ Государь подъ клятвою со слезами говорилъ, что у него у Государя нашего у Бориса Федоровича желанья и хотѣнья на государство нѣтъ, а намъ должная о его Государевъ здоровьѣ Бога молити. А будетъ великая Государыни Царица и Великая Княгиня инока Александра Федоровна всеа Русіи положитъ на милость и насъ пожалуетъ, брата своего Государя нашего Бориса Федоровича на великіе государства Російскаго царствія благословитъ, а Государь будетъ Борисъ Федоровичъ на милость не положитъ и о государствѣ откажетъ по прежнему: и язъ богомолецъ ихъ, по даннѣй намъ благодати отъ пресвятаго и животворящаго Духа, по совѣту съ вами сыновы своими съ Митрополиты и съ Архіепископы и съ Епископы и съ Архимариты и Игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, Государя Бориса Федоровича запретимъ и отъ церкви Божіи и святыхъ таянъ пречистаго тѣла и крови Христа Бога нашего отлучимъ, и благословеніе съ него сымемъ, а что учинится святыня въ попроаніе, а крестьянство въ разореніи, а многочисленный Богомъ собранный народъ всего народнаго множества съ ихъ женами и съ дѣтми и съ сущими младенцы въ безгосударное время небрегоми погибнуть, и межусобная брань воздвигнется и неповинная крестьянскія крови отъ того прольются, и того всего възыщеть Богъ, въ день страшнаго и праведнаго суда, на немъ на Государь нашемъ Борисъ Федоровичъ. А будетъ

великая Государыни наша благовѣрная Царица и Великая Княгиня инока Александра Федоровна всеа Русіи, и братъ ее Государь нашъ Борисъ Федоровичъ, на милость не положить, а насъ не пожалуютъ и о государствѣ конечно откажутъ, и быти на государствѣ Государь Борисъ Федоровичъ не восхоцеть; и язъ богомолецъ ихъ, и со мною о святѣмъ Дусѣ всѣ вы сынове мои Митрополиты и Архіепископы и Епископы, саны святителскіе съ себя сойдемъ и понаген сложимъ и облечемъ во мнишеская, тамо въ монастырѣ и честныя кресты и чудотворныя образы оставимъ, и для ихъ послушанія престануть во святыхъ церквахъ божественныя службы и святыхъ таинъ литургісанія, пѣнія же хвалы и благодарственное славословіе, и того Господь Богъ възыщеть на нихъ, на великой Государынѣ и на братѣ ея на Государѣ нашемъ на Борисѣ Федоровичѣ. И сія, убо, вкупѣ много совѣтовахомъ и утвердившеса и глаголаху вси единогласно: инако предложити невозможно, развѣ сего яко же глагола ты, святый владыко и отецъ нашъ Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи. И Февраля въ 21 день, во вторникъ Сырныя недѣли, по прежнему своему соборному уложенію и по приговору всеѣ земли, святѣйши Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, о Святѣмъ Дусѣ съ сыновы своими съ Митрополиты, и съ Архіепископы, и съ Епископы, и Архимариты и Игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, молебная всепразднество светло сотворше пречистѣй и пренепорочнѣй и преблагословеннѣй Владычицъ нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи честнаго и славнаго Ея Одегитрія, съ честными кресты и съ чудотворными образы пречистые Богородицы Владимерскіе, и пречистые образъ Донскіе, и живописанный образъ пречистые Богородицы великаго святителя Петра, да чудотворный образъ пречистыя Богородицы Одегитрія, еже есть въ Вознесенскомъ дѣвничъ монастырѣ, и великихъ Чудотворцовъ Петра и Алексѣя и Іюны, и нныя многіе чудотворныя образы, еже въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и призвавше въ помощь въ Троицѣ славимаго всемилостиваго Господа Бога вседержителя и пречистую Богоматерь и великихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ, идоша со

тщаніємъ въ Новой дѣвичь монастырь, идѣ же изволи жити, по пріятіи ангельского образа, великая Государыня наша благовърная и Христолюбивая Царица и Великая Княгини Александра Ѳедоровна всеа Русіи, въ пречестную и великую обитель пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Одегитрія, и идуще пояху безпрестанно молебная пѣнія. Егда же великій святѣйши Іевъ Патріархъ, вкупѣ о Святѣмъ Дусѣ и сынове его Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и весь освященный соборъ, и служивые люди, и гости, и всѣ православные крестьяня, и съ сущими младенцы и всенародное множество, пріидоша съ честными и животворящими кресты и съ чудотворными образы къ великой лаврѣ дѣвича монастыря: тогда въ той честной обители быша звоны великіе для пришествія честныхъ и чудотворныхъ иконъ, и воздвигшеся изыде иже въ той честной обители пребывающе пречистыя Богородицы чудотворный образъ честнаго и славнаго Ея Одегитрія Смоленскія, во слѣдъ же того чудотворнаго образа пречистыя Богородица Смоленскія пріиде великій Государь Борисъ Ѳедоровичъ. И егда пріиде къ чудотворному образу пречистыя пренепорочныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріа Владимерскія: тогда слезъ многихъ исполнился, гласомъ великимъ возопивъ, глаголя: «О милосердая Царице пречистая Богородице, Мати Христа Бога нашего! почто толикъ подвигъ сотворила еси, и чудотворный свой образъ воздвиге съ честными кресты и со иными множества чудотворныхъ образовъ? Тѣмъ, пречистая Богородица, помолися о мнѣ и помилуй мя.» И сія вопія и глаголя, со многимъ рыданіемъ и плачемъ паде на землю предъ чудотворнымъ образомъ пречистыя Богородицы Владимерскія, и лежа слезами землю мочаше на многъ часъ. Возставшу же Государю Борису Ѳедоровичю, со многимъ плачемъ и рыданіемъ, и пришедъ знаменався припаде къ подножію того чудотворнаго образа, слезы точа отъ очію яко же рѣки, припадаетъ же прилагаяся и къ прочимъ честныхъ иконъ чудотворнымъ образомъ, со слезами многими. Тако же пришедъ къ отцу своему къ первоначальствующему Іеву Патріарху Московско-

му и всеа Русіи, со слезами глагола ему: «О святѣйшій отецъ и государь мой Іевъ Патріархъ! по что чудные чудотворные иконы пречистые Богородицы и честные кресты воздвиглъ еси и толикъ многотрудный подвигъ сотворилъ еси?» Великій же святѣйшій Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, благословя Государя Бориса Ѳедоровича животворящимъ крестомъ, съ ксликими слезами глагола ему: «Не буди одержимъ печалію, Богомъ возлюбленный сыну, но утѣши сердце свое упованіемъ Божіимъ и пречистые Богородицы милостію и великихъ Чудотворцовъ. Еже глаголеши, яко толикъ подвигъ азъ воздвигохъ; повѣмъ же ти, сыну, истину глаголя: не азъ сей подвигъ сотворихъ, яко же глаголеши, но пречистая Богородица съ превѣчнымъ своимъ Младенцомъ, Господемъ нашимъ Исусъ Христомъ, и съ великими Чудотворцы, возлюби тебе, и воздвигшеся и изволи притти и святую волю Сына своего Бога нашего исполнити на тебѣ Государь нацемъ. Тѣмъ же, сыну, устыдися пришествія Ея, послушай, якоже Богъ изволи и пречистая Богородица и великіе Чудотворцы, и не буди противенъ воли Божіей, повинися святой воли Его, и симъ ослушаніемъ не наведи на себя праведнаго гнѣва Его.» Великій же Государь Борисъ Ѳедоровичъ, слышавъ пастырево увѣщаніе, отъ очію рѣки слезъ проліяше, паки благословеніе пріять. И потомъ святѣйшій Іевъ Патріархъ, съ честными кресты и съ чудотворными образы поиде во святую церковь пресвятые Богородицы; а Государь Борисъ Ѳедоровичъ поиде къ сестрѣ своей благовѣрной Царицѣ и Великой Книгинѣ инокъ Александрѣ Ѳедоровнѣ всеа Русіи; а бояре и дворяне и приказные и служилые люди, и гости, и всѣ православные крестьяня всего Російскаго государства, съ женами и съ дѣтми и съ сущими младенцы; взыдоша на монастырь, а которые не вмѣщавшася въ монастырь, тѣ всѣ около монастыря стоящи, со многими слезнымъ рыданіемъ и воплемъ моляху Государя Бориса Ѳедоровича. Святѣйши же Іевъ Патріархъ, во святѣй божественнѣй церкви пречистые Богородицы честнаго и славнаго Ея Одегитрія, божественную литоргію соборнѣ совершивше, со всеми сыновы своими съ Митрополиты, и съ

Архієпископы, и Епископы, и весь Архимариты и Игумены, и со всемъ освященнымъ соборомъ, во всехъ священныхъ одеждахъ, въ чемъ служажу божественную литургію, идоша въ келью къ великой Государынѣ благовърной Царицѣ и Великой Княгинѣ инокъ Александрѣ Фѣдоровнѣ всеа Русіи, носяще съ собою честный и животворящій крестъ и чудотворные образы; съ ними же вкупъ и бояре и весь царскій сигкитъ. А дворяне, и приказные люди, и гости, и Христомлюбное воинство, и весь православные крестьяня и всенародное множество Російскаго государства, стояху у кельи и по всему монастырю; а елицы не вмѣщажуся въ монастырь, и тѣ весь внѣ монастыря стояще, вси купно падше главы своя повергше на землю, съ великимъ плачемъ и рыданіемъ мнозъмъ велегласно вопіяху на многъ часъ: «О благочестивая Царица и Великая Княгиня инока Александра Фѣдоровна всеа Русіи! милосердуй о насъ, Царица, пощади, пощади, благовърная и Христомлюбая Государыня, благослови и даждь благовънчаннаго Царя на царство всемъ намъ благонадежнаго Государя всему Російскому государству Самодержца, брата своего Государя нашего Бориса Фѣдоровича!» Тако жъ и брату ея Государю нашему Борису Фѣдоровичю били челомъ и молили со многимъ слезнымъ рыданіемъ и воплемъ многимъ прилежно, чтобъ онъ Государь пожаловалъ своихъ богомольцовъ, и бояръ, и Христомлюбное воинство и все православное христіянство, скифетроцарствія царскимъ вѣнцемъ вѣнчанъ былъ, царствующему жъ граду Москвѣ и всему Російскому государству Самодержецъ, а намъ Государь благонадежный. И великая Государыня благовърная и Христомлюбая Царица и Великая Княгиня инока Александра Фѣдоровна всеа Русіи, и братъ ея Государь нашъ Борисъ Фѣдоровичъ, къ моленію нашему никакъ же быша преклонны и не восхотѣша насъ пожаловати. Первопрестольнѣйши же Іевъ Патріархъ, со всемъ вселенскимъ соборомъ, и бояре и весь царскій сигкитъ, били челомъ великой Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ инокъ Александрѣ Фѣдоровнѣ всеа Русіи, и брату ея Государю нашему Борису Фѣдоровичю, со слезами на многъ часъ; падше предъ царь-

скими ногами ея; а всенародное безчисленное множество въ православные крестьянн, у кельи, съ великимъ плачемъ отъ души единогласно глаголюще: «Милосердая Царица благородная и Христолюбивая! не презри пришедшихъ въ честную сію обитель пречистые Богородицы Владимерскіе и Донскіе, и Чудотворца Петра живописаннаго пречистые образа, и Одегитрія пречистые Богородицы чудотворные Вознесенскіе и всѣхъ чудотворныхъ образовъ, и угодниковъ Ея великихъ Чудотворцовъ Петра и Алексѣя и Іоны и всѣхъ Святыхъ благоугодившихъ, и для закланія святаго Агнца Божія, излившаго за весь міръ кровь свою: положите на милость, не оставте насъ сирыхъ и безгосударныхъ.» Великая же благовѣрная и Христолюбивая Царица и Великая Книжница инока Александра Ѳедоровна всеа Русіи, слышавъ сія таковая прошенія и моленія, на многъ часъ въ недоумѣніи бывъ и умилнися душею, слезъ многихъ исполнися, глаголя: «О отецъ нашъ святѣйши Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, и весь вселенскій соборъ, и Боляре! Изволеніемъ Божиимъ, и грѣхъ ради моихъ и всего православнаго крестьянства, великаго Государя моего свята праведнаго и благочестиваго и милосердаго, пресвѣтлаго Царя, праведная его и безпорочная душа отойде въ вѣчное блаженство; а нынѣ на такую высоту царствія и на престолъ такого великаго Государя просите у насъ брата нашего Бориса: и у меня на то мысли никакъ нѣтъ, а у брата нашего у Бориса по тому же никакъ мысли и хотѣнія на то нѣтъ же, свидѣтель и сердце наша зрѣтъ Богъ. А будетъ на то святая его воля будетъ, яко же годъ Господевъ, тако и буди: воля бо Его никто же можетъ противиться; а безъ вышняго и всемогущаго Господа Бога промысла и святой Его воли, вмѣсто скорби и стованія, утѣшеніе ко исполненію вашего прошенія и моленія совершити невозможно.» Святѣйши же Іевъ Патріархъ, и съ нимъ весь вселенскій соборъ и боляре, многое моленіе и челобитье, съ неутѣшнымъ плачемъ, къ великому Государю Борису Ѳедоровичю простираху; а окрестъ кельи и по всему монастырю и за монастыремъ, все православное крестьянство всеа Русскія земля съ женами и съ дѣтми, вели-

кій плачь и рыдательный гласъ и вопль многъ испущаху, отъ горести сердца и отъ многого сътованія жены сущихъ своихъ младенецъ на землю съ слезнымъ рыданіемъ пометаху, вси единогласно яко единѣми усты вопіяху, у великого Государя у Бориса Ѳедоровича милости просяще, чтобъ великій Государь Борисъ Ѳедоровичъ положилъ на милость и не оставилъ ихъ сирыхъ, для пришествія честныхъ и животворящихъ крестовъ и святыхъ чудотворныхъ иконъ былъ на великихъ государьствахъ Російского царствія Царемъ и Великимъ Княземъ, всеа Русіи Самодержцемъ. Великій же Государь Борисъ Ѳедоровичъ святѣйшему Іеву Патріарху говори: «О Государь мой отецъ святѣйшій Іевъ Патріархъ! престани ты, и съ тобою весь вселенскій соборъ, и бояре; престаните отъ такового начинанія: возлагаете на меня такое великое бремя, царьски превысочайшій престолъ. Ими ми вѣру: видѣвъ толикій вашъ многотрудный подвигъ, скорблю душою и болѣзную сердцемъ; а прошеніе ваше совершиться не можетъ. Какъ мнѣ на великій престолъ царствія Государя моего, свѣта праведнаго и милостиваго и пресвѣтлаго Царя свѣсти? А гдѣ будетъ моя работа всему православному, крестьянству пригодится, и лѣзь, за святія Божія церкви, и государства Московского за одну пядь земли, и за все православное крестьянство, и за сущихъ младенцовъ, радъ кровь свою изліяти и голову свою положить, и съ тобою Государемъ моимъ святѣйшимъ Іевомъ Патріархомъ и съ бояры о земскихъ дѣлахъ радѣти и промышляти учну.» И о государьствѣ со многимъ слезнымъ рыданіемъ отказалъ. Святѣйши же Іевъ Патріархъ, и весь вселенскій соборъ великую Государыню Царицу и Великую Княгиню иноку Александру Ѳедоровну всеа Русіи молили со многими слезами, а бояре были челомъ съ неутѣшнымъ плачемъ, а все православное крестьянство всея Рускіе земли, съ великимъ воплемъ и слезнымъ рыданіемъ и со многимъ стenanьемъ, съ женами и съ дѣтми и съ сущими младенцы, милости просили, чтобъ великая Государыни положила на милость и ихъ бѣдныхъ пожаловала и не оставила сирыхъ, дала бѣ брата своего Государя нашего Бориса Ѳедоровича на великое Російское госу-

дарство; и вси яко единѣми усты вопіяху: «Сія ли угодно вамъ, тебѣ великой Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ инокъ Александрѣ Ѳедоровнѣ всеа Русіи, и брату твоему Государю нашему Борису Ѳедоровичю, что насъ бѣдныхъ не пощадити и сирыхъ оставити? И услышавъ о томъ окрестные государи порадуются, что мы сиры и безгосударны, чтобъ святая наша и непорочная крестьянская вѣра въ поправление не была, а мы всѣ православные крестьяне отъ окрестныхъ государей въ расхищеніи не были.» И толикъ плачь и вопль и рыданіе испущаху, яко и воздуху наполнитися воплемъ и рыданіемъ отъ неутѣшнаго плача отъ стонанія. Великая же Государыня Царица и Великая Княгиня инока Александра Ѳедоровна всеа Русіи, видяще святѣйшаго Іева Патріарха и всего вселенскаго собора не отложное моленіе, и боярское челобитье, и всенароднаго множества всего православнаго крестьянства много плача и рыданія и стенанія, царское сердце на милость преложи и слезные источники со многими духовными умиленіемъ испущая, глаголаше: «Великій еси Ты, Господи, и чудна дѣла Твоя! Кто бо разумѣть разумѣ Твой Владыко, или кто когда совѣтникъ Тебѣ бысть? Но яко же хочещи, тако и твориши, и воли бо Твоей никто же можетъ протявитися: твориши бо елико хочещи.» И глагола святѣйшему Іеву Патріарху и всему вселенскому собору и бояромъ: «Для ради всемилостиваго въ Троицы славимаго Бога нашего и пречистые пренепорочныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, крѣпкіе крестьянскіе нашіе надежи и заступницы, и великихъ Чудотворцовъ Петра и Алексѣя и Іоны Московскихъ и всеа Русіи, и для чудотворныхъ образовъ воздвигнутія и закланія ради святаго Агнца Божіа спасенія ради нашего, и тебя отца нашего Іева Патріарха и Митрополитовъ и Архіепископовъ и Епископовъ и всего освященнаго вселенскаго собора толикаго подвига, и бояръ нашихъ и дворянъ и всея земля всего православнаго крестьянства и ихъ женъ и дѣтей и ссущихъ младенцовъ и ихъ многого вопля и рыдательнаго гласа и неутѣшнаго стенанія, Богу вседержителю и пречистой его матери и великимъ Чудотворцомъ Петру и Алексѣю и Іонѣ

и всѣмъ Святѣмъ, просіявшимъ въ Русіи, и тебѣ первопрестольнику отцу нашему и богомолцу святѣйшему Іеву Патріарху и всему вселенскому собору, и вамъ бояромъ нашимъ и всему православному крестънству, даю вамъ своего единокровнаго брата свѣта очію моего едиnorodна суща: да будетъ вамъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи Самодержцемъ, въ содержаніе скипетра нашего царствующаго града Москвы и всѣхъ нашихъ великихъ государствъ великаго Російскаго царствія.» Великій же Государь Борисъ Оедоровичъ, изъ глубины сердца воздохнувъ, съ слезнымъ рыданіемъ глаголаше: »Сіа ли угодно Твоему челоувколюбію, Владыко, и тебѣ моей великой Государынѣ, иже такое великое бремя на меня возложила еси, неудобъ мною носиму быти, и на толикой превысочайшій царскій престолъ предавши меня, о немъ же мысли моей не было и на разумъ мой не възде? Всевидящій сердца челоувческаа зритель Богъ свѣдѣтель на меня, да и ты моя великая Государыни, что въ мысли моей о томъ нѣтъ и на разумъ мой не възде: изъ всегда при тебѣ хошу быти, и святое пресвѣтлое равноангельское лице твое зрѣти.» Великая же Государыни Царица и Великая Княгиня инока Александра Оедоровна всеа Русіи, во мноземъ душевномъ умиленіи и тихости, брата своего великаго Государя нашего Бориса Оедоровича, со утѣшеніемъ увѣщеваше, глаголя: «Еже противу всемогущаго Бога воли кто можетъ стояти или не повинуюся вопреки глагола? всемогущень бо есть и всесилень, творить бо елико хоцетъ: и ты бы, братецъ мой, безо всякаго прекословія повинуюся воли Божіи, былъ всему православному крестъянству Государемъ.» Великій же Государь Борисъ Оедоровичъ, со многимъ слезнымъ рыданіемъ отрицаяся, не хотяше быти на государствѣ. Благовѣрная же великая Государыни глаголаше брату своему великому Государю нашему Борису Оедоровичю: Слыши, братецъ мой единокровный! Божіе бо есть дѣло, а не челоувческо; вышняго промыслъ, а не челоувческой разумъ: аще бо на то будетъ воля Божія, буди такъ и сіе сотвори.» Великій же Государь Борисъ Оедоровичъ, по многоувѣщательнымъ и премудрымъ умиленнымъ словесемъ

сестры своей великие Государыни, еще и не хотяше на царствіе, повинулся воли Божіи со многими слезнымъ рыданіемъ и воплемъ глаголя: «Господи Боже мой, милостивый и прещедрый и челоувколюбивый, Царь царствующимъ и Господь господствующимъ! еще угодно сія Твоему челоувколюбию, Владыко, буди святая твоя воля: Твой бо есмь рабъ, спаси мя по милости Твоей и соблюди по множеству щедротъ Твоихъ: на Тя бо уповахъ, спаси мя.» И потомъ глагола ко отцу своему святѣйшему Іеву Патріарху, и всему вселенскому собору, и боляромъ: «Аще будетъ на то воля Божія, буди такъ.» Святѣйшій же Іевъ Патріархъ, и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимаришы и Игумены, и весь вселенскій соборъ, и бояре, слышавше мило-сердый царскій глаголь, на землю падше радостными слезами благодарственная всемилостивому Богу возсылаху: слава и благодареніе всещедрому и челоувколюбивому Богу, не презрѣвшу моленія и слезъ нашихъ и пославшу святой Духъ въ сердце великой Государыни Царицы и Великой Княгини инокъ Александръ Ѳедоровъ всеа Русіи, и Государю Борису Ѳедоровичю: сердца бо ихъ въ руцъ Божіи. И благословилъ святѣйши Іевъ Патріархъ Богомъ избраннаго Государя Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи, и Государыню Царицу и Великую Княгиню Марью, честнымъ и животоряющимъ крестомъ, и знаменовалъ чудотворнымъ образомъ пречистыя Богородицы честнаго Ея Одегитрія, юже написа великій Святитель Петръ. Потомъ святѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, вышедъ отъ Государыни Царицы и Великіе Княгини иноки Александры Ѳедоровны всеа Русіи, возвѣщаетъ дворяномъ и приказнымъ и служивымъ людемъ, и всему православному крестьянству, всеспянаго Господа Бога милость, что по Его святой воли великаа Государыни Царица и Великая Княгиня инока Александра Ѳедоровна всеа Русіи, и братъ ея Богомъ избранный Государь нашъ Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи Самодержецъ, на милость положили, пожаловалъ хочеть быти на великомъ Російскомъ государствѣ Царемъ и Великимъ Княземъ, всеа Русіи Само-

держцемъ. Дворяне же, и приказные и служилые люди, и гости, и все православное крестьянство, слышавъ отъ святѣйшаго Іева Патріарха всесилаго Господа Бога милость, и Государыни Царицы и Великіе Княгини иноки Александры Ѳеодоровны всеа Русіи, и Богомъ избраннаго великаго Государя Царя и Великаго Князя Бориса Ѳеодоровича всеа Русіи, милосердіе и жалованье, многіе радости духовныя исполнишеса, рудъ на небо воздвѣвъ, вси единогласно яко единъми усты славу и благодареніе Богу возопиша, глаголя: Слава, слава единому всемогущему и вся содершашему въ Троицы славимому Богу нашему, что не презрѣвъ моленія нашего и не оставилъ насъ сирыхъ, по своей святой милости и по нашему моленію и прошенію далъ намъ великаго Государя Царя правды и милость. Богомъ дарованный же и Христолюбивый великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳеодоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, иде во святую божественную церковь пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Одегистрія, съ нимъ же отецъ его первопрестолнѣйши Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, съ Митрополиты и Архіепископы и Епископы, и со всемъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры и дворяны, и съ Христолюбивымъ воинствомъ, и съ гостми, и со всемъ православнымъ крестьянствомъ, вшедъ во святую церковь и въ той божественной церкви радостная молебная пѣнія совершивъ. И великій господинъ святѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, со всеми сыновы своими съ Митрополиты, и съ Архіепископы, и Епископы, и со всемъ освященнымъ соборомъ, по благодати даннѣй отъ пресвятаго и животворящаго Духа, у чудотворныхъ образовъ, на государство Владимирское, и Московское, и Новгородское, и Казанское, и Асторохонское и на всѣ великіе государства Російскаго царства, честнымъ и животворящимъ крестомъ благословилъ великаго Государя Богомъ дарованнаго Царя и Великаго Князя Бориса Ѳеодоровича, всеа Русіи Самодержца; и совершивъ молебная, святѣйши Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, съ Митрополиты, и съ Архіепископы, и Епископы, и съ Архимариты, и Игумены, и

со всемъ вселенскимъ соборомъ, и бояре и дворяне, и приказные и служилые люди, и гости, и всякіе люди и все православное Христіанство, воздающе славу и благодареніе все-сильному Господу Богу и пречистой Его Матери и всемъ Святымъ, и идохомъ отъ монастыря радостны въ применитый градъ Москву, и въ дома своя разыдошася съ великою радостію, благодаряще Бога, И Февраля въ 26 день, въ недѣлю сыропустную, великій Государь и Богомъ превозлюбленный, и Богомъ предпочтенный, и Богомъ избранный ото всего народа крестьянскаго, благочестивый великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, приде въ Богомъ дарованный престолъ царствующій градъ Москву. Святѣйши же Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, со всемъ освященнымъ соборомъ, и все православное христіанство, вsrѣтоша благочестиваго великаго Государя Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича, всеа Русіи Самодержца, съ животворящими кресты и съ чудотворными образы. Благочестивый же великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, съ честными кресты и съ чудотворными образы, и со отцемъ своимъ и богомолцомъ святѣйшимъ Ісвомъ Патріархомъ Московскимъ и всеа Русіи, и со всемъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры и со всемъ царскимъ сигклитомъ, и со множествомъ народа, вниде во святую великую апостольскую церковь, идъ же чудотворный образъ пречистые Богородицы Владимерскіе, иже преславную побѣду сотвори и злочестиваго царя Темираксака побѣди, идъ же цѣлебносныя мощи великихъ Святителей Петра и Алексѣя и Іоны и прочихъ преосвященныхъ Митрополитъ всеа Русіи. Тогда святѣйшій Іевъ Патріархъ, со всемъ освященнымъ соборомъ, сотворяетъ молебная божественная пѣнія; и сотворивъ молебная пѣнія и молитвы Господу Богу и пречистой Его Богоматери, о его Богомъ избраннаго великаго Государя Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи Самодержца, и о его благовѣрной и Христіолюбивой Царицѣ и Великой Княгинѣ Марьѣ, и о ихъ

царскихъ дѣтѣхъ , о благовѣрномъ Царевичѣ Князѣ Тео-
дорѣ Борисовичѣ и о благовѣрной Царевнѣ и Великой
Княжнѣ Ксеньѣ Борисовнѣ , и о ихъ царскомъ мно-
голѣтнемъ здравіи и о державѣ ; и совершиа благосло-
вилъ Богомъ избраннаго Гоеударя Царя и Великого Кня-
зя Бориса Ѳеодоровича , всеа Русіи Самодержца , честнымъ
и животворящимъ Крестомъ ; и по благословенію многолѣтіе
пѣли Государю , Богомъ избранному и Богомъ возлюбленно-
му и Богомъ предпочтенному , Царю и Великому Князю Бо-
рису Ѳеодоровичу , всеа Русіи Самодержцу , и его благовѣр-
ной и Христолюбивой Царицѣ и Великою Княгинѣ Марьѣ ,
и ихъ благороднымъ чадомъ , благовѣрному Царевичю Кня-
зю Ѳеодору Борисовичю и благовѣрной Царевнѣ и Великой
Княжнѣ Ксеньѣ Борисовнѣ ; и какъ многолѣтіе Госудаю Ца-
рю и Государынѣ и благороднымъ чадамъ ихъ пропѣли , и
отець ихъ и богомолецъ пресвятѣйшій Іевъ Патріархъ Мо-
сковски и всеа Русіи , о святѣмъ Дусѣ съ сыновы своими ,
съ Митрополиты , и Архіепископы , и Епископы , и съ Ар-
химариты и Игумены , и со всемъ освященнымъ вселенскимъ
соборомъ , Государю благочестивому Царю и Великому Кня-
зю Борису Ѳеодоровичю , всеа Русіи Самодержцу , и съ его
Государевою благовѣрною и Христолюбивою Царицею и Ве-
ликою Княгинею Марьею , и съ ихъ благородными чады , со
благовѣрнымъ Царевичемъ Княземъ Ѳеодоромъ Борисовичемъ
и со благовѣрною Царевною и Великою Княжною Ксеньею
Борисовною , радостно здравствовали на ихъ великихъ госу-
дарствахъ скипетродерженія Російскаго царствія ; тако же
имъ великимъ Государемъ здравствовали ихъ царскіе бояре
и дворяне и весь царскій синклитъ , и Христолюбивое во-
инство , и все православное крестьянство , съ великою радо-
стію . Посемъ же святѣйши Іевъ Патріархъ Московскій и
всеа Русіи , славу и благодареніе Богу возсылая глаголя :
«Благословенъ Богъ , иже въ Троицы отъ Ангель и отъ че-
ловѣкъ приснославимый ! яко по своей святой воли и пред-
стательствомъ пречистыя своея Матери преславныя Богоро-
дицы , нашея крестьянскія надежи и заступницы , и молені-
емъ небесныхъ Силъ и великихъ Святитель Петра и Алек-

ся и Ионы и всѣхъ Святыхъ, не презръ моленія нашего, плачь и рыданіе наше услыша и на радость печаль нашу преложи, и дарова намъ такова благонадежнаго милосердаго Государя Царя, правды и милости, соблюдать святыя Божія церкви и крестьянскую святую и непорочную вѣру и все православное Христіянство, его же со слезами по вся дни и нощи и много время просихомъ.» И, посемъ, Митрополиты и Архіепископы и Епископы, и весь освященный соборъ, и бояре и весь царскій синклитъ, и Христолюбивое воинство, и гости, и все православное христіянство, велие Богу благодареніе возсылаху, излівшему на весь родъ крестьянскій неизреченнос свое милосердіе и совершившему сіе великое и преславное дѣло, еже, по прошенію всего православнаго крестьянства, избравъ и давшє сего великаго Государя, благочестиваго и Христолюбиваго милостиваго и храбраго, Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича, всеа Русіи Самодержца. Великій же апостольскій сопрестолникъ святѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, съ Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и со всемъ освященнымъ вселенскимъ соборомъ, божественную литургію литургисавше соборитъ во святѣй велицѣй апостольствѣй церкви пречистые Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія; благочестивый же Богомъ дарованный великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, въ той апостольствѣй велицѣй соборнѣй церкви божественную литургію слушалъ. По совершеніи же божественныя литургіи, идяще во святую божественную великую соборную церковь соборъ святаго Архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ, идъ же лежать преждошедшіе отъ житія сего къ Богу великіе Государи, благовѣрніи Цари и Великіе Князи; и тамо пришедъ благочестивый Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, знаменастєя у чудотворныхъ иконъ, и потомъ же приходитъ къ гробу великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, и ко отцу его великому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу,

вса Русіи , и къ Царевичю Князю Ивану Ивановичю , и ко всѣмъ великимъ Государемъ Царемъ Російскимъ ; къ нимъ же любезно припадаетъ , глаголя со слѣзами : « О великіе Государи ! аще и тѣломъ отъ своихъ великихъ государствъ отошли есте , но духомъ всегда пребываете неотступно и , предъ Богомъ предстояще , молитву творите : помолитесь и о мнѣ и помозите ми. » Оттуду же благовѣрный Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳеодоровичъ , вса Русіи Самодержецъ , идяше во святую великую божественную соборную церковь преславныя и преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи честнаго и славнаго Ея Благовѣщенія , гдѣ же царской приходъ бываетъ къ божественному пѣнію ; и тамо такожде къ божественнымъ образомъ любезно припадая , милости прося . Совершивъ же молебная во святыхъ церквахъ , иде во свои царскія полаты ; потомъ же пойдъ къ сестрѣ своей къ великой Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ иноку Александрѣ Ѳеодоровнѣ вса Русіи , въ Новой дѣвичь монастырь ; и оттуда возвратися , и иде въ домъ пречистыя Богородицы и великихъ Чудотверцовъ Петра и Алексѣя и Іоны , къ отцу своему святѣйшему Іеву Патріарху Московскому и вса Русіи ; его же верьчасть отецъ его Іевъ Патріархъ Московски и вса Русіи , со всемъ освященнымъ соборомъ , яко же подобаетъ Царскому Величеству ; благочестивый же Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳеодоровичъ , вса Русіи Самодержецъ , со отцемъ своимъ насдинѣ бесѣдовавъ не мало время , прощеніе и благословеніе отъ него получи ; тако жъ и самъ благочестивый Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳеодоровичъ , вса Русіи Самодержецъ , отцу своему прощеніе подаетъ ; и призываетъ къ себѣ благочестивый Государь богомолцовъ своихъ , Митрополитовъ , и Архіепископовъ , и Епископовъ , и Архимаритовъ , и Игуменовъ и честныхъ монастырей соборныхъ старцовъ , и весь священный соборъ ; и Митрополиты , и Архіепископы и Епископы благословиша его и прошеніе подаша ему , и Архимариты и Игумены и честные старцы тако же прощеніе подаша ему , и отъ него прощеніе купно вси получиша ; получивъ же

благословеніе и прощеніе къ подвигу къ поспому, тѣшеся на духовный подвигъ святую четьредесятницу совершити; и потомъ поуде къ сестрѣ своей великой Государинѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ иноку Александрѣ Федоровѣ всеа Русіи, въ Новой дѣвичь монастырѣ. Посемъ паки въ четвертокъ вторыя недѣли святаго великого поста, Марта въ 9 день, свѣтѣвши Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, призываетъ о свѣтѣхъ Душъ сыновей своихъ Митрополитовъ, и Архіепископовъ, и Епископовъ, и Архимаритовъ и Игуменовъ, и весь освященный соборъ, и бояръ и дворянъ и весь царскій сигклитъ, и глаголетъ сыновомъ своимъ Митрополитомъ, и Архіепископомъ и Епископомъ, и всему освященному собору: «Времени зовущу, подобаетъ намъ молити въ Троицы славимаго недовѣдомаго и недомыслимаго Бога, и пречистую Богородицу и великихъ Чудотворцовъ и всѣхъ Святыхъ, чтобы по неизреченнѣй своей милости Господь Богъ совершилъ главу вънцемъ царствія Государя нашего, Богомъ возлюбленнаго и Богомъ почтеннаго и Богомъ избраннаго ото всего народа крестьянскаго, благочестиваго великаго Государя Царя и Великаго Князя Бориса Федоровича, всеа Русіи Самодержца, и сподобилъ бы его облещися въ порфиру царскую, и его благовѣрную Царицу и Великую Княгиню Марью, и благородные ихъ чада, благовѣрнаго Царевича Князя Федора Борисовича и благовѣрную Царевну Великую Княжну Ксенью Борисовну, и долготу лѣтъ даровалъ имъ и покорилъ бы подъ нозѣ ихъ всякаго врага и супостата, и царство ихъ благоденствено и благонадежно и вѣчно въ роды и роды устроиъ, тихо и мирно и безмятежно и всякія благодати преисполнено; и уставити бы намъ свѣтлое празнество празновати преславнаго чудеси пречистыя Владычица нашея Богородица и Приснодѣвы Марія честнаго и славнаго Ея Одегитрія, въ день во онъ же на насъ неизреченное свое милосердіе показа Господь Богъ избраннаго благочестиваго Царя Государя и Великаго Князя Бориса Федоровича, всеа Русіи Самодержца, и хоженъе съ честными кресты и съ чудотворными образы всему освященному собору и всѣмъ православнымъ крестьяномъ, въ пречестную

обитель пречистые Богородицы честнаго и славнаго Ея Одегитрія въ Новой дѣвич монастырь, по вся годы непремѣнно творити.» Митрополиты же, и Архіепископы, и Епископы, Архимариты, и Игумены и соборные старцы, и весь освященный соборъ, слышавъ таковой премудрый глаголь святѣйшаго Іева Патріарха Московскаго и всеа Русіи, глаголаше со слезами и обѣщавшесь за Государя, Богомъ избраннаго и Богомъ возлюбленнаго и Богомъ почтеннаго, Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича, всеа Русіи Самодержца, и за его благовѣрную Царицу и Великую Княгиню Марью, и за ихъ благородныхъ чадъ, благовѣрнаго Царевича Князя Ѳедора Борисовича и благовѣрную Царевну и Великую Княжну Ксенью Борисовну, о ихъ царскомъ чадородіи и которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ дѣтей царству ихъ наследниковъ, вседушно елико сила Бога молити безпрестанно день и ночь, и празднество святые Богородицы преславнаго чудеси праздновати и хоженіе со кресты въ царствующемъ градѣ Москвѣ по вся годы въ той день творити. По семъ первопрестольнѣйши Іовъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, всѣхъ бояромъ и дворяномъ и приказнымъ и служивымъ людемъ и гостемъ глагола: «Били есмь челомъ соборныи и молили со слезами, по многіе дни, великую Государыню и Христіюлюбивую Царицу и Великую Княгиню иноку Александру Ѳедоровну всеа Росіи, и Богомъ избранному Государю Царю и Великому Князю Борису Ѳедоровичу, всеа Росіи Самодержцу; тако же и вы купно съ нами единодушно били челомъ и молили ихъ со слезами; и великая Государыня благовѣрная Царица и Великая Княгиня инока Александра Ѳедорова всеа Росіи, моленія и слезъ нашихъ не презрѣ, пожаловала насъ благословила брата своего Государя нашего Бориса Ѳедоровича на царство всея великія Росіи; а Государь нашъ, Богомъ избранный, Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ, всеа Росіи Самодержецъ, сестры своей Государыни нашей послушалъ и моленія и слезъ нашихъ не презрѣлъ, насъ пожаловалъ, съде на государствѣ Владимирскомъ и Московскомъ и всея великія Русіи: и васъ, боярь и весь царскій сиклитъ, и дворянъ и приказныхъ

людей, и гостей, и все Христолюбивое воинство, благословляю со всемъ освященнымъ соборомъ на томъ, что вамъ великому Государю нашему, Богомъ избранному и Богомъ возлюбленному, Царю и Великому Князю Борису Ѳедоровичю, всеа Росіи Самодержцу, и его благовѣрной Царицѣ и Великой Княгинѣ Марьѣ, и ихъ благороднымъ чадамъ, благородному Царевичю Князю Ѳедору Борисовичю и благовѣрной Царевнѣ и Великой Княжнѣ Ксеньѣ Борисовнѣ, и тѣмъ дѣтемъ, которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ, служити вѣрою и правдою, а зла никоторыми дѣлы на нихъ Государей нашихъ не думати и не измѣнити ни въ чемъ, какъ ести имъ Государемъ нашимъ души свои дали у пречистые Богородицы Чудотворного ея образа и у цѣлебносныхъ гробовъ великихъ Чюдотворцовъ Петра и Іоны, животворящей крестъ цѣловали.» Бояре же и дворяне и весь царскій сиклеть, и приказные люди и гости, и весь православные крестьянн, велегласно вси святѣйшему Іову Патриарху и всему вселенскому собору, яко единими усты, вопіяху глаголюще: «Цѣловали есмя святый животворящій крестъ в обѣтъ дали, и нынѣ обѣтъ даемъ Господу Богу и пречистѣй Богородицѣ и небеснымъ Силамъ и великимъ Чюдотворцомъ Петру и Алексію и Іонѣ и всемъ Святымъ, тебѣ великого Государя святѣйшаго Іова Патриарха Московскаго и всеа Русіи, и весь освященный вселенскій соборъ, во свидѣтельство представляемъ, что за великаго Государя, Богомъ почтеннаго и Богомъ избраннаго и Богомъ возлюбленнаго, Царя и Великого Князя Бориса Ѳедоровича, всеа Русіи Самодержца, и за его благовѣрную Царицу и Великую Княгиню Марью, и за ихъ Царскихъ дѣтей, за благовѣрнаго Царевича Князя Ѳедора Борисовича и за благовѣрную Царевну и Великую Княжну Ксенью Борисовну, и которыхъ имъ Государемъ дѣтей впредь Богъ дастъ, души свои и головы положить и служити Государемъ нашимъ вѣрою и правдою всемъ душами своими и головами, иного Государя, мимо Государей своихъ, Государя Царя и Великого Князя Бориса Ѳедоровича, всеа Росіи Самодержца, и сына его Государя нашего благовѣрнаго Царевича Князя Ѳедора Бори-

совича всеа Русіи , не искати и не хотѣти : а кто похочеть , мимо Государя Царя и Великого Князя Бориса Ѳеодоровича , всеа Русіи Самодержца , и сына его Государя нашего Царевича Князя Ѳеодора Борисовича всеа Русіи , и тѣхъ дѣтей , которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ , иного Государя искати и хотѣти , или какое лихо кто похочеть учинить : и намъ , бояромъ и околничимъ и дворляномъ и приказнымъ людемъ , и гостемъ и дѣтемъ боярскимъ и всякимъ людемъ , на того измѣнника извѣститъ тебѣ святѣйшему Іеву Патріарху и Митрополитомъ и Архіепископомъ и Епископомъ и всему освященному вселенскому собору , стоятъ на того измѣнника всюю землею за одинъ на всемъ на томъ , что въ цѣловальныхъ записяхъ писано : цѣловали есмя честный и животворящій крестъ , у иконы пречистые Богородицы Владимерскіе и у святыхъ цѣлебныхъ мощей Петра и Іоны , что имъ Государемъ безъ измѣны служити сердцемъ и правдою , душою добра имъ хотѣти во всемъ , а лиха не хотѣти никако же ; также намъ великого Государя нашего Царя и Великого Князя Бориса Ѳеодоровича всеа Русіи , всему сигклиту , бояромъ , и околничимъ , и княземъ , и воеводамъ , и дворляномъ и приказнымъ людемъ , не по отечеству и не по своему достоинству выше своего отечества и службы , мимо царского повелѣнія , чести о себѣ никако не хотѣти и не искати , и быти въ государскихъ дѣлахъ , по его Государеву крестному цѣлованью , безъ прекословія , и по сей утвержденной грамотѣ , во всякихъ Государевыхъ дѣлахъ и во всякихъ чиновныхъ людяхъ несупротивну быти ; и вамъ Государевымъ богомолцомъ , тебѣ святѣйшему Іеву Патріарху Московскому и всеа Русіи , и Митрополитомъ и Архіепископомъ и Епископомъ , со всемъ освященнымъ вселенскимъ соборомъ , на такого преслушника , кто учнетъ супротивлятися царской власти и повелѣнію , положити на такого клятву и неблагословеніе ваше святителское , по сей утвержденной грамотѣ ; а намъ Государевымъ Царевымъ и Великого Князя Бориса Ѳеодоровича всеа Русіи , бояромъ всѣмъ , и околничимъ , и воеводамъ , и дворляномъ , и приказнымъ и служивымъ людемъ , того беречи и на того стояти всѣмъ за

Ч. I. Прилож.

4

одинъ: какъ кому Государь Царь и Великій Князь Борисъ Федоровичъ всеа Русіи, на своей Государевъ службѣ и у всякого дѣла гдѣ кому быти велитъ, такъ тому и быти; также намъ Бояромъ, и приказнымъ людемъ и дьякомъ, межъ собою того смотрѣти накрѣпко, чтобы къ Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичю, всеа Русіи Самодержцу, въ розрядныхъ и въ земскихъ дѣлахъ кручины не приносить никоторыми дѣлы, никоторою хитростью, по прежней цѣловальной записи, на чѣмъ есмь Государю своему Царю и Великому Князю Борису Федоровичю, всеа Русіи, и его благовѣрной Царицѣ и Великой Княгинѣ Марьѣ, и ихъ дѣтемъ Государемъ своимъ, Царевичю Князю Феодору Борисовичю и Царевнѣ и Великой Княжнѣ Ксеньѣ, и тѣмъ дѣтемъ, которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ, души свои давали и животворящій крестъ цѣловали, по сей утвержденной грамотѣ, крѣпко держати неподвижно.» Великій же пресвятѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, со всемъ вселенскимъ освященнымъ соборомъ, слыша отъ нихъ сія, паки глаголетъ къ нимъ: «Елма убо о семъ толикъ обѣтъ предъ Богомъ полагаете и обѣщаетесь; что вамъ толикимъ и таковымъ Государемъ нашимъ, къ благочестивому Царю Государю и Великому Князю Борису Федоровичю всеа Русіи, и его благовѣрной и Христоролюбивой Царицѣ и Великой Княгинѣ Марьѣ, и ихъ царскимъ дѣтемъ, Государю Царевичю Князю Феодору Борисовичю и Государынѣ Царевнѣ и Великой Княжнѣ Ксеньѣ Борисовнѣ, и тѣмъ дѣтемъ, которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ, единодушно быти: тѣмъ же подобаетъ намъ и грамоту утвержденную написавше утвердиться, и вся лже глаголемая и дѣйствуемая въ настоящее время въ ней написавше, намъ Государевымъ богомолпомъ руки свои приложить и печати свои привѣсити, а вамъ Царьского Величества бояромъ, и околничимъ, и княземъ, и воеводамъ, и дворяномъ, и всякимъ приказнымъ людемъ и дьякомъ, и гостемъ, руки свои приложить на большое утвержденіе и единомышленіе, да будетъ впредь крѣпко и неподвижно и стоятелно во вѣки, какъ въ сей утвержденной грамотѣ написано будетъ и на чѣмъ по

большой записи , преже сего , крестъ животворящій цѣлопла-
ли.» Сія же слышавъ отъ святѣйшаго Іева Патріарха, Ми-
трополиты и Архіепископы и Епископы , и весь вселенскій
соборъ , болре и дворяне , и приказные люди и дьяки , и
гости , и Христолюбивое воинство , и все православное кре-
стьянство , вси единогласно глаголаху : «Благословенъ глаголю
твой отъ Бога , Святитель первопрестолнѣйши Іевъ Патрі-
архъ отецъ нашъ великій , пастуше душамъ нашимъ ! Свят-
того Духа преисполнены вси глаголи устъ твоихъ , Владыко !
Подобаетъ тако быти , яко же глаголши.» Слышавъ же
сія святѣйши Іевъ Патріархъ приговоръ о утвержденной гра-
мотѣ , всего освященнаго собора и Государевыхъ бояръ и
весь царскій сиклитъ и Христолюбивое воинство , повелъ
списати сію утвержденную грамоту , и да незабвенно будетъ
писано въ ней въ роды и роды ; ея же по малъ времени на-
писавше , принесоша къ святѣйшему Іеву Патріарху ; свят-
ѣйшій же Іевъ Патріархъ повелъ прочести сію утвержен-
ную грамоту на вселенскомъ соборѣ , и выслушавъ , на бол-
шее во вѣки укрѣпленіе , о святѣмъ Дусѣ со всеми сыновы
своими съ Митрополиты и съ Архіепископы и Епископы ,
руки свои приложили и печати свои привѣсили ; а болре , и
околничіе , и дворяне и дьяки думные , руки жъ свои при-
ложили на томъ , какъ въ сей утвержденной грамотѣ написа-
но , съ совѣту всего освященнаго вселенскаго собора и бо-
ляръ и дворянъ и встѣхъ чиновъ всякихъ людей царствующа-
щаго града Москвы и всея Рускія земли , всему инако не
быти , а быти такъ во всемъ по тому , какъ въ сей утвер-
женной грамотѣ писано , по приговору и по уложенію свя-
тѣйшаго Іева Патріарха Московскаго и всеа Русіи , и всего
освященнаго собора , и бояръ и дворянъ и весь царскій сик-
литъ , и всего Російскаго государства съ православными
крестьяны ; аще же кто убо и не хочетъ послушати сего
соборнаго уложенія , его же Богъ благоизволи , и начнетъ
глаголати и молву въ людехъ чинити : таковый , аще отъ
священныхъ чину и бояръ отъ царскихъ сиклитъ и воин-
ственныхъ , или инъ кто отъ простыхъ людей и въ какомъ
чину нибуди , по священнымъ правиломъ святыхъ Апостолъ

и вселенскихъ семи соборовъ святыхъ Отець и помѣстныхъ, и по соборному уложенію нашего смиренія первопрестолника Іова Патріарха Московскаго и всеа Русіи и всего освященнаго собора, чину своего изверженъ будетъ и отъ церкви отлученъ и святыхъ Христовыхъ таинъ приобщенія, яко раскольникъ церкви Божіа и всего православнаго христіанства мятежникъ и разоритель закону Божію, а по царскимъ закономъ мечь воспріиметь, и нашего смиренія и всего освященнаго собора не буди на немъ благословенія отнынѣ и до вѣка, понже не восхотѣ благословенія и соборнаго уложенія послушанія, тѣмъ и удалися отъ него и облечеса въ клятву: аще бо и дерзо рещи, таковой да будетъ проклятъ въ сій вѣкъ и въ будущій. Егда же написавше совершихомъ сію утвержденную грамоту, и совершивше святителскими руками укрѣплеше и печатми своими утвердивше, вкупѣ и болгарскими руками и честныхъ монастырей Архимаритовъ и Игуменовъ и соборныхъ старцовъ и всего освященнаго собора, непреложнаго ради и непремѣннаго утвержденія: тогда великій святитель Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, совѣтъ полагаетъ о святѣмъ Дусѣ со всеми сыновы своими съ Митрополиты и Архіепископы и Епископы, и со всеми болгары, съ Архимариты и Игумены и соборными старцы и со всемъ освященнымъ соборомъ, и съ дворяны и съ приказными людми, яко да вкупѣ духовный совѣтъ сотворше соборнѣ, изберуть мѣсто и повѣдятъ вкупѣ, въ немъ же аще сохранны утвердивше положить сію утвержденную грамоту, да будетъ твердо и неразрушно въ предъидушіе лѣта въ роды и роды и во вѣки, и не преидеть ни едина черта или ота едина отъ написанныхъ въ ней ничесоже. И тако вси купно совѣщавшеса твердымъ согласіемъ святого Духа, положиша ю въ хранила царскіе къ докончальнымъ и утвержденнымъ грамотамъ. А на соборѣ были съ первопрестолнѣйшимъ пресвятѣйшимъ Іевомъ Патріархомъ Московскимъ и всеа Русіи, о святѣмъ Дусѣ сынове его: Варламъ Митрополитъ Великого Новагорода и Великихъ Лукъ, Ермогенъ Митрополитъ Казанскій и Астараханскій, Варламъ Митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, Геласья

Митрополитъ Сарскій и Подонскій, Иона Архіепископъ Вологодскій и Великопермскій, Галактіонъ Архіепископъ Суздальскіи и Туровскій, Ѳеодосей Архіепископъ Смоленскіи и Брянскіи, Варламъ Архіепископъ Резанскіи и Муромскіи, Захарей Архіепископъ Тверскіи и Кашинскіи, Арсеней Архіепископъ Архангельскіи, Генадей Епископъ Псковскіи и Изборскіи, Іосифъ Епископъ Коломенскіи и Коширскіи, Селивестръ Епископъ Корелскіи и Орънскіи; Архимариты и Игумены: Троицкой Сергіева монастыря Архимаритъ Кирилъ, изъ Володимиря Рождественного монастыря Архимаритъ Елеазаръ, Спаса Нового монастыря Архимаритъ Закхей, Чюдовской Архимаритъ Паенотей, изъ Великого Новагорода Юрьева монастыря Архимаритъ Іоакимъ, Симановской Архимаритъ Иона, Свѣжской Архимаритъ Сергѣй, Ондриковской Архимаритъ Василь, Казанской Архимаритъ Арсеней, изъ Нижнего Новагорода Печерской Архимаритъ Трифонъ, изъ Великого Новагорода Хутивской Игумень Аркадей, Кириловской Игумень Корнилей, изъ Переславля Залъскаго Горицкой Архимаритъ Ѳеодосей, изъ Можайска Лужецкой Архимаритъ Селивестръ, изъ Ростова Богоявленской Архимаритъ Ѳеодосей, Богоявленской что на Москвѣ за ветошнымъ рядомъ Игумень Іевъ, изъ Ярославля Спаской Архимаритъ Ѳеофилъ, изъ Боровска Паенотьевской Игумень Іоасафъ, Іосифова монастыря Игумень Галасья, изъ Суждала Спаской Архимаритъ Левкей, изъ Великого Новагорода Антоньевской Игумень Трифонъ, изъ Пскова Печерской Игумень Іакимъ, Соловецкой Игумень Исидоръ, изъ Смоленска Борисоглыбской Архимаритъ Ѳеодосей, съ Резани Спаской Архимаритъ Иона, Тихвинской Игумень Іосифъ, съ Вологды Спаской Каменского монастыря Архимаритъ Иона, изъ Твери Отроча монастыря Архимаритъ Ѳеодосей, съ Волока Возницкой Архимаритъ Василь, изъ Переславля Залъскаго Давиловской Архимаритъ Иона, Ѳерапонтова монастыря Игумень Иона, Борисоглыбского монастыря съ устья Игумень Петръ, съ Резани Солотчинской Архимаритъ Андрей, съ Вологды Прилуцкой Игумень Гурей, изъ Дорогобужа Живоначальные Троицы Болдина монастыря Игумень

Фегностъ, изъ Великого Новагорода Вежицкой Игуменъ Филаретъ, изъ Великого Новагорода Духовской Игуменъ Фегнастъ, изъ Звенигорода Сторожевского монастыря Игуменъ Боголѣпъ, съ Вологды Павловской Игуменъ Юиль, съ Вологды Глушицкой Игуменъ Андреянъ, изъ Кашина Колязина монастыря Игуменъ Левкей, съ Вологды Корнильевской Игуменъ Юсифъ, изъ Переславля Залѣвского Никицкой Игуменъ Никонъ, изъ Можайска Колоцкой Игуменъ Никандръ, съ Угрѣши Николской Игуменъ Тихонъ, съ Дины Сійского монастыря Игуменъ Иона; соборные старцы: Троецкой Сергіева монастыря старецъ Варсонофей Якимовъ, келарь старецъ Акакей, казначей старецъ Шля, старецъ Мисайло Безниинъ, Троецкого подворья Строитель Еустафей Головкинъ, архидьяконъ старецъ Алимпей, Патріаршъ казначей старецъ Арсеней, старецъ Серапіонъ Марковъ, Ипацкого монастыря строитель Гурей Ступишинъ, Чюдова монастыря келарь старецъ Осодосей Креницынъ, казначей старецъ Юсифъ, старецъ Васлянъ Торжневъ, старецъ Германъ Щербатой, Кирилова монастыря старецъ Леандъ, Кириловского подворья строитель старецъ Елеуфрей Братцовъ, старецъ Юсифъ Монастыревъ, изъ Боровска Пахнотьева монастыря келарь старецъ Геластя, казначей старецъ Иона Наумовъ, Юсифова монастыря старецъ Мойсей Неплюсвъ, старецъ Тихонъ Ржевской, старецъ Левктя, Спаской изъ Ярославля строитель старецъ Мисайло, Соловецкого монастыря старецъ Васлянъ; бояре: князь Федоръ Ивановичъ Мстиславской, князь Василей Ивановичъ Шуйской, конюшей болринъ Дмитрей Ивановичъ Годуновъ, князь Федоръ Михайловичъ Трубецкой, болринъ и дворецкой Степанъ Васильевичъ Годуновъ, бояринъ Иванъ Васильевичъ Годуновъ, князь Дмитрей Ивановичъ Шуйской, Богданъ Юрьевичъ Сабуровъ, князь Никита да князь Тимофей Романовичи Трубецкіе, Фадоръ Никитичъ Романовъ, князь Михайло Петровичъ Катыревъ-Ростовской, Александръ Никитичъ Романовъ, князь Иванъ Михайловичъ Глицкой, князь Олександръ Ивановичъ Шуйской, князь Борисъ Камбулатовичъ Черкасской, князь Василей Кардануковичъ Черкасской; околичіе: Яковъ Михайло-

вичь Годуновъ, Семень Никитичь Годуновъ, князь Ондрей Ивановичь Хворостининъ, Михайло Никитичь Романовъ, Дмитрей Ивановичь Вельяминовъ, Матѳей Михайловичь Годуновъ, Степанъ Степановичь Годуновъ, кравчей Иванъ Ивановичь Годуновъ, Михайло Глѣбовичь Салтыковъ, Ѳома Оѳонасьевичь Бутурлинъ, Ондрей Петровичь Клешнинъ, Семень Ѳедоровичь Сабуровъ, князь Василей Дмитриевичь Хилковъ, Михайло Михайловичь Салтыковъ, Богданъ Яковлевичь Бѣлской, у Государыни Царицы и Великіе Княгини Марыи у ѳстыи князь Ондрей Ивановичь Гундуровъ, казначей Игнатей Петровичь Татищевъ; печатникъ и посолской ділкь Василей Яковличь Шолкаловъ; дворяне думные: князь Петръ Ивановичь Буйносовъ Ростовской, Остафей Михайловичь Пушкинъ, постелничей Истома Осиповичь Безобразовъ, стряпчей съ ключемъ Кузма Безобразовъ, на земскомъ дворѣ болринъ Григорей Борисовъ сынъ Василчиковъ, соколничей Иванъ Олексеевъ сынъ Жеребцовъ, яселничей Михайло Игнатеевъ сынъ Татищевъ; дяки думные: Елизарей Вылузгинъ, Сапунъ Аврамовъ, Иванъ Олексеевъ сынъ Нармацкой, Оѳонасей Ивановъ сынъ Власеевъ; столники: князь Юрьи князь Никитинъ Трубцкой, Иванъ Никитинъ сынъ Годуновъ, князь Иванъ князь Никитинъ сынъ Одоевской, Иванъ Никитинъ сынъ Романовъ, князь Ондрей князь Ондреевъ сынъ Телятевской, Василей Никитинъ сынъ Романовъ, Петръ Ѳедоровъ сынъ Басмаповъ, князь Иванъ князь Михайловъ сынъ Катыревъ Ростовской, Иванъ Михайловъ сынъ Годуновъ, Олексѣй Яскинъ сынъ Годуновъ, князь Иванъ князь Семеновъ Куракинъ, Алексѣй Романовъ сынъ Плещеевъ, князь Иванъ да князь Никита князь Ондреевы дѣти Хованскіе, Богданъ Семеновъ сынъ Сабуровъ, Замлтя Ивановъ сынъ Сабуровъ, князь Ѳедоръ князь Ивановъ сынъ Лыковъ, князь Иванъ князь Ивановъ сынъ Курдетевъ, князь Иванъ князь Борисовъ сынъ Черкаской, Михайло Борисовъ сынъ Шеинъ, князь Иванъ князь Дмитриевъ сынъ Хворостининъ, князь Ондрей князь Василеевъ сынъ Сицкой, князь Данило князь Ивановъ сынъ Мезецкой, князь Юрьи князь Петровъ сынъ Ушатой, Петръ Дмитриевъ сынъ Вельяминовъ, князь Романъ князь Ѳедоровъ сынъ

Троекуровъ, князь Борисъ князь Михайловъ сынъ Лыковъ, князь Юрьи князь Даниловъ сынъ Приимковъ, Петръ Григорьевъ сынъ Сабуровъ, Григорей Семеновъ сынъ Сабуровъ, князь Иванъ меншой князь Ондреевъ сынъ Хованской, князь Иванъ князь Петровъ сынъ Буйносовъ, князь Ондрей князь Ондреевъ сынъ Хованской, князь Ондрей князь Даниловъ сынъ Сицкой, князь Василей князь Петровъ сынъ Тростенской, князь Олексѣй князь Юрьевъ сынъ Сицкого, Семень Дмитреевъ сынъ Вельяминовъ, князь Иванъ князь Ѳедоровъ сынъ Хованской. Ѳедоръ Савиновъ сынъ Плещеевъ, князь Борисъ князь Ондреевъ сынъ Хилковъ, князь Микита князь Михайловъ сынъ Мезецкой, князь Иванъ князь Васильевъ сынъ Хилковъ, Сила да Борисъ Михайловы дѣти Вельяминова, Ѳедоръ Тулуповъ сынъ Вельяминовъ; ділки по приказомъ : Ондрей Арцыбашевъ, Григорей Клобуковъ, Иванъ Вахромеевъ, Семень Косткинъ, Ондрей Татьянинъ, Иванъ Неѣловъ, Петръ Неѣловъ, Истома Ъвской, Смирной Васильевъ, Государыни Царицы и великіе Княгини Марьи дѣлякъ Тимоѳей Чириковъ; дворяне: Степанъ Александровъ сынъ Волоской, князь Иванъ да князь Ондрей князь Васильевы дѣти Голицына, Петръ Васильевъ сынъ Годуновъ, князь Иванъ меншой князь Никитинъ сынъ Одоевской, Василей Петровъ сынъ Морозовъ, Верига Петровъ сынъ Сабуровъ, князь Семень да князь Михайло князь Ондреевы дѣти Куракины, князь Ондрей князь Дмитреевъ сынъ Хилковъ, князь Борисъ князь Петровъ сынъ Татсвъ, Ѳедоръ Ивановъ сынъ Шереметевъ, Михайло Богдановъ сынъ Сабуровъ, Иванъ Ѳедоровъ сынъ Басмановъ, князь Иванъ князь Петровъ сынъ Ромодановской, князь Иванъ да князь Ѳедоръ да князь Семень князь Ондреевы дѣти Татева, князь Василей князь Михайловъ сынъ Лыковъ, князь Романъ князь Васильевъ сынъ Олхябининъ, князь Михайло князь Ѳедоровъ сынъ Гвоздевъ, князь Данило князь Борисовъ сынъ Приимковъ, Елизарей да Тимоѳей Ивановы дѣти Сабурова, князь Василей князь Петровъ сынъ Туренинъ, Михайло да Юрьи Михайловы дѣти Вельяминова, Иванъ да Микита Михайловы дѣти Пушкина, Иванъ да Никифоръ Васильевы дѣти Траханіотова, князь Александро князь

Федоровъ сынъ Жирово Засѣкинъ, Василей Яковлевъ сынъ Волинской, Леонтей Ивановъ сынъ Аксаковъ, Максимъ Кирьяновъ сынъ Сабуровъ, князь Федоръ да князь Дмитрей князь Васильевы дѣти Ноздроватого, князь Михайло князь Васильевъ сынъ Ноздроватой, Иванъ Степановъ Злобинъ, Василей Яковлевъ сынъ Кузминъ, князь Александръ князь Васильевъ сынъ Репнинъ, князь Григорей князь Ивановъ сынъ Долгорукой, князь Михайло князь Григорьевъ сынъ Темкинъ, князь Володимеръ да князь Федоръ да князь Григорей князь Тимоѣевы дѣти Долгоруково, князь Петръ князь Ивановъ сынъ Борятинскаго, князь Ондрей князь Васильевъ сынъ Хилковъ, князь Петръ да князь Лаврентей князь Борисовы дѣти Засѣкина, князь Володимеръ князь Васильевъ сынъ Солнцовъ Масалской, Богданъ Ивановъ сынъ Полевъ, Олексѣй Ѳоминъ сынъ Третьяковъ, Иванъ Осиповъ сынъ Полевъ, князь Лука князь Осиповъ сынъ Щербатого, Ондрей Яковлевъ сынъ Измайловъ, князь Иванъ князь Ондреевъ сынъ Солнцовъ Засѣкинъ, князь Володимеръ князь Дмитреевъ сынъ Шестуновъ, Иванъ Григорьевъ сынъ Волинской, князь Петръ да князь Миронъ князь Михайловы дѣти Шаховскіе, князь Федоръ князь Ондреевъ сынъ Звенигороцкой, Василей Борисовъ сынъ Сукинъ, Ондрей Васильевъ сынъ Замыцкой, князь Иванъ да князь Семенъ князь Григорьевы дѣти Звенигороцкаго, Тихонъ Ивановъ сынъ Траханиотовъ, Семенъ да Василей Романовы дѣти Олферьева, Володимеръ Ивановъ сынъ Вельяминовъ, Третьякъ Григорьевъ сынъ Вельяминовъ, князь Володимеръ князь Ивановъ сынъ Клобуковъ Масалской, князь Иванъ князь Даниловъ сынъ Клобуковъ Мосалской, князь Федоръ князь Семеновъ сынъ Друцкой, Семенъ Федоровъ сынъ Блудовъ, князь Михайло да князь Иванъ князь Ондреевы дѣти Щербатого, Григорей Игнатъевъ сынъ Вельяминовъ, князь Иванъ князь Даниловъ сынъ Мосалской, князь Ондрей князь Романовъ сынъ Волконской, Василей Ѳеонасьевъ сынъ Вельяминовъ, князь Василей Михайловъ сынъ Тюфякинъ, Степанъ Осиповъ сынъ Безобразовъ, Яковъ Ивановъ сынъ Старковъ, Тимоѣей Васильевъ сынъ Грязной, Дацило Меншого сынъ Ислень-

евъ, Григорей Оеонасеевъ сынъ Нащокинъ, князь Борисъ да князь Семенъ князь Семеновы дѣти Бѣлоглазова Лыкова, Матвей Васильевъ сынъ Бутурлинъ, князь Василей да князь Олексѣй князь Григорьевы дѣти Долгорукаго; у жильцовъ: Ондрей Васильевъ сынъ Безобразовъ, князь Фодоръ да князь Яковъ да князь Иванъ да князь Михайло князь Петровы дѣти Борятинского, Иванъ Микитинъ сынъ Салтыковъ, князь Иванъ князь Львовъ сынъ Масалской, Иванъ Шестого сынъ Бибииковъ, Олексѣй Остафьевъ сынъ Пушкинъ, Фодоръ Ивановъ сынъ Козминъ, Михайло Фодоровъ сынъ Аксаковъ, Михайло Самсоновъ сынъ Дмитреевъ, Петръ Григорьевъ сынъ Совинъ; страпчіе съ платьемъ: Яковъ Васильевъ сынъ Зюзинъ, Гаврило Григорьевъ сынъ Вельяминовъ, Юрьи Григорьевъ сынъ Пилъемовъ, Григорей Ондреевъ сынъ Плещеевъ, Бахтеаръ Образцовъ сынъ Клешинъ, Григорей да Юрьи Игнатъевы дѣти Татищева, Михайло да Иванъ Остафьевы дѣти Пушкина, Оеонасей Ивановъ сыяъ Пушкинъ, Петръ Васильевъ сынъ Щепина Волинской, Иванъ Васильевъ сынъ Щелкаловъ, Фодоръ Васильевъ сынъ Щепина Волинской, Василей да Михайло Игнатъевы дѣти Вельяминова, князь Микита князь Петровъ сынъ Борятинской, Василей Савиновъ сынъ Плещеевъ, Ондрей Богдановъ сынъ Полевъ, князь Дмитрей князь Михайловъ сынъ Пожарской; изъ городовъ выборъ: князь Иванъ князь Юрьевъ сынъ Морткинъ, Семенъ Ивановъ сынъ Чемодановъ, князь Иванъ князь Михайловъ сынъ Борятинской, Ондрей Игнатъевъ сынъ Вельяминовъ, Микифоръ Семеновъ сынъ Вельяминовъ, Иванъ Ондреевъ сынъ Татищевъ, Кирило Семеновъ сынъ Вельяминовъ, Ортемей Васильевъ сынъ Измайловъ, Игнатей Ондреевъ сынъ Измайловъ, Григорей Микитинъ сынъ Ржевской, Калининъ да Олексѣй Ивановы дѣти Зюзина, Яковъ Ондреевъ сынъ Охотинъ Плещеевъ, Леонтей да Ивашко Михайловы дѣти Пушкина, Иванъ да Степанъ Микифоровы дѣти Чепчюгова, князь Григорей князь Леонтьевъ сынъ Богговской; головы стрѣльцкіе: Посникъ Огаревъ, Смирной Маматовъ, Леонтей Лодыжинской, Ратманъ Дуровъ, Темиръ Засвцкой; изъ городовъ же выборъ: Ондрей Михай-

ловъ сынъ Окинфовъ, Костянтинъ Тимоеевъ сынъ За-
мыцкой, Наумъ Михайловъ сынъ Плещеевъ, Долмать
Ивановъ сынъ Милюковъ, Алексѣй Ондრеевъ сынъ Писем-
ской, Судокъ Ондреевъ Мясной, Володимеръ Игнатьевъ сынъ
Вешняковъ, Тимоея да Федоръ Петровы дѣти Совина, И-
ванъ Федоровъ сынъ Хрулевъ Наумовъ, Семень Борисовъ
сынъ Погожево, Семень Оѳонасеевъ Отлевъ, Юрьи Григорье-
въ сынъ Ловчиковъ, Юрьи Григорьевъ сынъ Тутолминъ,
Борисъ Микифоровъ сынъ Давыдовъ, Семень Васильевъ сынъ
Чередовъ; бараши: Оѳонасей Александровъ сынъ Жеребля-
тичевъ, Верига Федоровъ сынъ Давыдовъ; ключники двор-
цовые: погребной ключникъ Иванъ Омельянской, кормоваго
дворца Кузма Урпeneвъ, Пантелей Усовъ, князь Василей
князь Юрьевъ сынъ Мезецкой, Замятня Ондреевъ сынъ Без-
стужевъ, Юрьи Яковлевъ сынъ Строиловъ, Леонтей Ива-
новъ сынъ Застолбской, Тимоея Меншого сынъ Зміевъ, Се-
мень Ивановъ сынъ Жеребцовъ, Федоръ Яковлевъ сынъ Ши-
шмаревъ, Кирило Федоровъ сынъ Шишмаревъ, Дмитрей
Юрьевъ сынъ Пушечниковъ, Матвѣй Юрьевъ сынъ Пушеч-
никовъ; жилцы: князь Иванъ князь Микитинъ сынъ Прим-
ковъ Ростовской, князь Борисъ князь Микитинъ сынъ Прим-
ковъ Ростовской, князь Иванъ князь Володимеровъ сынъ
Колцовъ Мосалской, Иванъ Елестевъ сынъ Плещеевъ, Ла-
заръ Семеновъ сынъ Безобразовъ, Федоръ Семеновъ сынъ
Вельяминовъ, князь Василей князь Ахамашуковъ сынъ Чер-
каской, Михайло Семеновъ сынъ Вельяминовъ, Миронъ Он-
дреевъ сынъ Вельяминовъ, Иванъ Юрьевъ сынъ Меледин-
ской, князь Федоръ князь Федоровъ сынъ Мещерской, Дми-
трей Семеновъ сынъ Погожево, Григорей Ивановъ сынъ Зу-
бовъ, Тимоея Микифоровъ сынъ Безобразовъ, Иванъ Ива-
новъ сынъ Волинской, Яковъ Яковлевъ сынъ Вельяминовъ,
Степанъ Степановъ сынъ Истленевъ, Сергѣй Ивановъ
сынъ Мятлевъ, Федоръ Ивановъ сынъ Погожево, Василей
Ивановъ сынъ Волинской, Бѣляница Мирославовъ сынъ Зю-
зинъ, Игнатей Дружининъ сынъ Петелинъ, Степанъ Ондре-
евъ сынъ Татьянинъ, князь Лука князь Матвѣевъ сынъ
Лвовъ, князь Иванъ князь Ивановъ сынъ Козловской, князь

Петръ князь Ондреевъ сынъ Козловской, Малюта Семеновъ сынъ Тургеневъ, Иванъ Ивановъ сынъ Милюковъ, Ѳедоръ Ивановъ сынъ Милюковъ, Обросимъ Ивановъ сынъ Лодыженской, Леонтей Леонтьевъ сынъ Лодыженской, Михайло Микитицъ сынъ Пушкинъ, Василей Ондреевъ сынъ Измайловъ, Тимошей Васильевъ сынъ Измайловъ, Микита Васильевъ сынъ Измайловъ, Пстръ Ивановъ сынъ Внуковъ, Иванъ Костянтиновъ сынъ Наумовъ, Василей Петровъ сынъ Наумовъ, Ѳедоръ Ратмановъ сынъ Дуровъ, Степанъ Меншого сынъ Волинской, Леонтей Ивановъ сынъ Мятлевъ, Иванъ Ондреевъ сынъ Сербинъ; ділки по приказомъ: Иванъ Карповъ, Игнатей Софоновъ, Василей Нелюбовъ, Дороей Бохинъ, Богданъ Власьевъ, Нечай Ѳедоровъ, Второй Поздвевъ, Иванъ Тимошеевъ, Семейка Сумороковъ, Истома Карташевъ, Шеметь Ивановъ, Нечай Перфирьевъ, Михайло Унковской, Иванъ Ефановъ, Тимошей Осиповъ, Степанъ Твердиговъ, у Государыни Царицы и Великіе Княгини Марьи Григорьевны всеа Русии ділкъ Иванъ Ѳедоровъ; гости: Иванъ Михайловъ сынъ Чюркинъ, Петръ Васильевъ сынъ Мякотинъ, Григорей Ивановъ сынъ Твердиговъ, Оеонасей Ивановъ сынъ Юдинъ, Иванъ Юрьевъ, Меншой Семеновъ сынъ Булгаковъ, Богданъ Семеновъ сынъ Булгаковъ, Степанъ Ивановъ сынъ Котовъ, Олексій Костянтиновъ сынъ Патрушинъ, Бажень Ивановъ, Иванъ Ѳалелесевъ, Богданъ Трофимовъ сынъ Порыкинъ, Иванъ Семеновъ сынъ Кошуринъ, Васижей Дмитреевъ сынъ Чюлковъ, Ѳедоръ Созоновъ сынъ Скробовицкого, Кирило Созоновъ сынъ Скробовицкой, Сотникъ Игнатьевъ, Василей Коптевъ, Юри Болотниковъ, Тимошей Выходецъ, Третьякъ Фаворовъ; гостиные сотни староста Селивестръ Онаньинъ; суконные сотни староста Третьякъ Герасимовъ сынъ Косаткинъ; черныхъ согенъ соцкіе: Дмитровскіе сотни соцкой Иванъ Онаньинъ сынъ Коробановъ, Покровскіе сотни соцкой Митя Семеновъ сынъ Оконкинъ, Ординскіе сотни сотникъ Степанъ Григорьевъ сынъ Морсочникъ, Ростовскіе сотни соцкой Филипъ Патрактевъ сынъ Красилникъ, Ржевскіе сотни сотникъ Нечай Васильевъ сынъ Рыбкинъ, Новгороцкіе сотни соцкой Петръ Ѳедоровъ сынъ Масленикъ,

Стрѣтенскіе сотни соцкой Кузма Васильевъ Сухой, Устюжскіе полусотни соцкой Ѳедоръ Ларіоновъ сынъ Рыбникъ, прибылые полусотни соцкой Первой Дороеевъ сынъ Пищаликъ, Кожевницкой полусотни соцкой Григорей Гавриловъ сынъ Кожевникъ, четверти митрополюи сотни соцкой Васка Оеонасьевъ сынъ Житниковъ, Арбацкой четверти сотни соцкой Осипъ Семеновъ сынъ Ноздринъ, Черторьскіе четверти сотни соцкой Ѳедоръ Ивановъ сынъ Подпружникъ. А уложена бысть и написана сія утвержденная грамота, за руками и за печатми великого Государя нашего Царя и Великого Князя Бориса Ѳедоровича, всеа Русіи Самодержца, и сына его Государя нашего Ѳедора Борисовича всеа Русіи, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ первое лѣто царства ихъ, отъ созданія міру лѣта 7106, индикта 11, мѣсяца Августа въ 1 день.

А назади у обѣихъ утвержденныхъ грамотъ, что у Государя Царя и Великого Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи Самодержца въ его царской казнѣ, и что въ патріарховъ ризницѣ, руки приложили:

«Великій господинъ Іевъ Патріархъ руку приложилъ.

Варлама Митрополита Новгородскаго.

Гермогена Митрополита Казанскаго.

Варлама Митрополита Ростовскаго.

Геласви Митрополита Сарскаго.

Іоны Архіепископа Вологодскаго.

Галактіона Архіепископа Суждальскаго.

Ѳеодосья Архіепископа Смоленскаго.

Варлама Архіепископа Резанскаго.

Захарья Архіепископа Тверскаго.

Арсенія Архіепископа Геласонскаго.

Генадыя Епископа Псковскаго.

Іосифа Епископа Коломенскаго.

Селивестра Епископа Корелскаго.»

Великого жъ господина Іева Патріарха и митрополичьи и архіепископли и епископли, у тоѣ утвержденныя грамоты 14 печатей: патріархова печать золотая, а митрополичьи 4 печати, да архіепископа Вологодскаго, и тѣхъ 5 печатей, се-

ребряны позолочены, а 8 печатей архієпископли и епископли серебряныя печати непозолочены. А у меншіе грамоты, что у Патріарха въ ризницѣ, у тоѣ грамоты Патріархова печать и митрополичьи печати воскъ красной, архієпископли и епископли печати черныя.

Да у утвержденныхъ же грамотъ руки :

«Троецкого Сергіева монастыря Архимарита Кирила.

Изъ Володимеря Рожественского монастыря Архимарита Елеазара.

Спаского Новаго монастыря Архимарита Закхел.

Чюдовскаго Архимарита Паѳотья.

Изъ Великого Новагорода Юрьева монастыря Архимарита Іоакима.

Симанова монастыря Архимарита Іоны.

Изъ Свілжска Богородичина монастыря Архимарита Сергья.

Ондронникова монастыря Архимарита Васьяна.

Изъ Казани Спаского монастыря Архимарита Арсенья.

Изъ Нижняго Печерского монастыря Архимарита Трифона.

Спаса Хутины монастыря Игумена Аркадыя.

Вмѣсто Кириловскаго Игумена Корнилья Кириловскаго соборнаго старца Леонида Шаршова.

Изъ Переславля Горницкаго Архимарита Феодосья.

Съ Костромы Ипацкаго Архимарита Іоакима.

Изъ Можайска Лужецкаго монастыря Архимарита Селивестра.

Изъ Ростова Богоявленскаго монастыря Архимарита Феодосья.

Спаского монастыря изъ Ярославля Архимарита Теофана.

Богоявленскаго монастыря изъ-за торгу Игумена Іева.

Изъ Боровска Пахнотьева монастыря Игумена Іасафа.

Іосифова монастыря Игумена Галасен.

Изъ Суждаля Спаса Еуѳимьева монастыря Архимарита Левкен.

Вмѣсто Антоньевскаго Игумена Трифона изъ Великаго Новагорода Вежицкой Игуменъ Закхей.

Вмѣсто Печерскаго Игумена изъ Пскова Іакима Генадья Епископа Псковскаго.

Изъ Смоленска Борисоглыбскаго монастыря Архимарита Деонисья.

Съ Резани Спаскаго монастыря Архимарита Ионы.

Изъ Твери Отроча монастыря Архимарита Θεодосья.

Вмѣсто Тихвинскаго Игумена Иосифа изъ Великаго Новгорода Вяжицкой Игуменъ Закхел.

Изъ Переславля Даниловскаго монастыря Архимарита Ионы.

Изъ Ростова Борисоглыбскаго монастыря съ устья Игумена Петра.

Съ Резани Солочинскаго монастыря Архимарита Андреяна.

Изъ Великаго Новгорода Вяжицкаго монастыря Игумена Закхел.

Волока Ламскаго Возмицкаго Архимарита Васьяна.

Изъ Великаго Новгорода Духова монастыря Игумена Θεодосья.

Сторожевскаго монастыря Игумена Богольпа.

Съ Вологды Прилуцкаго монастыря Игумена Гурья.

Павлова монастыря Игумена Иоилл.

Вмѣсто Болдинскаго Игумена Θεоктиста того жъ Болдина монастыря старца Герасима.

Козлина монастыря старца Левкѣи.

Съ Вологды Корнильева монастыря Игумена Иосифа.

Изъ Переславля Зальскаго Никицкаго Игумена Никона.

Колоцкаго Игумена Никандра.

Селижарова монастыря Игумена Марка.

Угрѣшскаго монастыря Игумена Тихона.

Николы чудотворца Пѣсношскаго монастыря Игумена.....

Соборные старцы :

Троецкаго Сергѣева монастыря старца Варсоноѣя Якимова.

Казначей старца Ильи.

Старца Акакія.

Старца Мисаила Безнина.

Старца Еустафѣя Головкина.

Чюдова монастыря келаря старца Θεодосья.

Ипацкаго монастыря строителя старца Гурья.

- Патріархова архидьякона Алимпія.
Іосифова монастыря старца Моисея Неплюева.
Изъ Дмитрова Медвѣдевы пустыни Игумена Арсенья.
Патріархова казначея старца Арсенья.
Старицкого Архимарита
Кирилова монастыря старца Леонида Ширшова.
Старца Іосифа.
Чюдова монастыря старца Васьяна Ржевского.
Кириловского подворья строителя старца Елеуферья Брат-
цова.
Соловецкого старца Васьяна Наполского.
Изъ Переславля Залѣсского Борисоглѣбского монастыря
строителя Гермогена.
Паѣнотьева монастыря келаря старца Галасви.
Казначея старца Іоны Наумова.
Патріарша чашника старца Еуѳимья Лазарева.
Спаской строитель изъ Ярославля старца Мисаила.
Чюдова монастыря старца Германа Щербатова.
Протопопы :
Богородицкого протопопа Еуѳимья.
Благовѣщенского протопопа Семіона.
Арханьилского протопопа Дмитрія.
Спаского протопопа съ дворца Пантелеймона.
Стрѣтенского протопопа Григорья.
Вознесенского протопопа Семіона.
Николского протопопа Гостунского Степана.
Рождественского протопопа Прохора , что подъ колоколы
бывшего.
Покровского протопопа Дмитрея, и въ сына своего про-
топопово Гаврилово мѣсто.
Черниговского протопопа Ивана.
Пречистые Донскіе Игумена Гурья.
Даниловского Игумена Діонисья.
Николы Старого Игумена Варлама.
Стрѣтенского Игумена Маркела.
Съ Костромы Богоявленского монастыря Игумена Ісаія.
Изъ Казани Шлантова монастыря Игумена Антонья.

Изъ Нижнего Амбросьева монастыря Дудина Игумена Еуѳимья.

Изъ Вязмы Федоровскаго монастыря вмѣсто Игумена Георгія, Болдинскаго монастыря старца Герасима.

Бояре

Князь Федоръ Ивановичъ Мстиславской.

Князя Василья Ивановича Шуйскаго.

Ковюшего Дмитрея Ивановича Годунова.

Во князь Федорово мѣсто Михайловича Трубецкаго, брата его князя Никиты Романовича Трубецкаго.

Дворецкаго Степана Васильевича Годунова.

Ивана Васильевича Годунова.

Князя Дмитрея Ивановича Шуйскаго.

Богдана Юрьевича Сабурова.

Князя Никиты Романовича Трубецкаго.

Князя Тимофея Романовича Трубецкаго.

Федора Никитича Романова.

Князя Михаила Петровича Катырева.

Александра Никитича Романова.

Князя Александра Ивановича Шуйскаго.

Князя Бориса Канбулатовича Черкаскаго.

Въ бояриново мѣсто князя Ивана Ивановича Голицына, брата его князя Ондreja Ивановича Голицына.

Князь Федоръ Ивановичъ Ноготковъ.

Въ брата своего боярина князя Ондreja Васильевича Трубецкаго мѣсто, князя Никиты Романовича Трубецкаго.

Князя Ивана Ивановича Шуйскаго.

Князя Федора Ивановича Хворостянина.

Князя Ондreja Петровича Куракина.

Въ бояриново князя Василья Кардануковича Черкаскаго мѣсто, околничего Дмитрея Ивановича Вельяминава.

Околничіе: въ околничево мѣсто Якова Михайловича Годунова, околничего Дмитрея Ивановича Вельяминава.

Семена Никитича Годунова.

Михайла Никитича Ромацова.

Дмитрея Ивановича Вельяминава.

Ч. I. Прилож.

5

Околничего Матвея Михайловича Годунова.

Околничего Семена Федоровича Сабурова.

Степанъ Степановичъ Годуновъ.

Кравчей Ивавъ Ивановичъ Годуновъ.

Михайло Глябовичъ Салтыковъ.

Фомы Оеонасьевича Бутурлина.

Ондreja Петровича Клешнина.

Семена Федоровича Сабурова.

Въ отца своего мѣсто околичего князя Василья Дмитрес-
вича Хилкова, сына его князя Ондreja.

Михайла Михайловича Салтыкова.

Богдана Яковлевича Бѣлского.

Государыни Царицы и Великіе Княгини Марьи Григорьев-
ны дворецкого князя Ондreja Ивановича Гундурова.

Казначей Игнатія Петровича Татищева.

Печатника и посолского дѣяка Василья Яковлича Щолка-
лова.

Думного дворянина Остафья Михайловича Пушкина.

Постелничево намѣстничево трети Московскіе Истомы Оси-
повича Безобразова.

Стрѣлчево съ ключемъ Кузмы Безобразова.

Земского двора болрина Григорья Борисовича Васильчи-
кова.

Въ соколничего въ отца своего мѣсто Ивана Олексѣева
сына Жеребцова, сына его Семена.

Яссличево Михайла Игнатѣева сына Татищева.

Думного дѣяка Елизарья Данилова сына Вылузгина.

Думного дѣяка Сапуна Аврамова.

Думного дѣяка Ивана Олексѣева сына Нармацкого.

Думного дѣяка Оеонасья Власѣева.

Стольники :

Князя Юрья князь Никитина сына Трубсцкого.

Ивана Никитина сына Годунова.

Въ столниково мѣсто брата своего князя Ивана князь Ми-
китина сына Одоевского, братъ его князь Ивавъ.

Стольника Ивана Никитича Романова.

Стольника князя Ондreja князь Никитина сына Телятевского.

Въ столниково мѣсто брата своего Василья Никитина Романова брата его Ивана.

Петра Федорова сына Басманова.

Князя Ивана Михайлова сына Катѣрева Ростовского.

Въ столниково мѣсто Ивана Михайлова сына Годунова столника Силы Михайлова сына Вельяминова.

Въ столниково мѣсто Алексѣя Иванова сына Годунова, Силы Михайлова сына Вельяминова.

Стольника князя Иванова сына Куракина.

Олексѣя Романова сына Плещеева.

Въ столниково мѣсто брата своего князя Ивана князь Ондреева сына Хованского, князь Никиты Ондреева сына Хованского.

Замѣтны Яковлева сына Сабурова.

Князя Федора князь Иванова сына Лыкова.

Князя Ивана князь Иванова сына Курметева.

Князя Ивана князь Борисова сына.

Михайла Борисова сына Шенина.

Князя Ивана князь Дмитреева сына Хворостинина.

Въ столниково дяди своего мѣсто князя Ондreja князь Васильева сына Сицкого, князя Олексѣя Сицкого.

Князя Данила князь Иванова сына Мецецкого.

Князя Юрья князь Петрова сына Ушатого.

Петра Дмитреева сына Вельяминова.

Стольника князь Бориса князь Михайлова сына Лыкова.

Князя Юрья князь Данилова сына Примкова.

Петра Григорьева сына Сабурова.

Въ столниково князь Иваново мѣсто князь Ондреева сына Хованского, брата его князя Ивана князь Федорова сына Хованского.

Князя Ивана князь Петрова сына Буйносова Ростовского.

Князя Ондreja князь Ондреева сына Хованского.

Князя Ондreja князь Данилова сына Сицкого.

Князь Василья князь Петрова сына Ростовского.

Князя Олексѣя князь Юрьева сына Сицкого.

Семенъ Дмитреева сына Вельяминова.

Князя Ивана князь Федорова сына Хованского.

Федора Савинова сына Плещеева.

Въ столниково мѣсто Ивана Дмитреева сына Полева, Федора Плещеева.

Князя Бориса князь Ондреева сына Хилкова.

Князя Микиты князь Михайлова сына Мезецкого.

Князя Ивана князь Васильева сына Хилкова.

Силы да Бориса Михайловыхъ дѣтей Вельяминова.

Федора Тулупова сына Вельяминова.

Дѣяки по приказомъ :

Дѣлка Ондreja Арцыбашева.

Дѣлка Григорья Клобукова.

Дѣлка Ивана Вахромеева.

Дѣлка Ондreja Татьянина.

Государыни Царицы и Великіе Княгини Марьи Григорьевны дѣлка Тимоѣя Чирикова.

Дѣлка Петра Неѣлова.

Дѣлка Истома Евского.

Дѣлка Семена Косткина.

Дѣлка Ивана Неѣлова.

Дворяне :

Степана Олександрова сына Волоского.

Князя Ивана князь Васильева сына Голицына.

Князя Ондreja князь Васильева сына Голицына.

Вмѣсто Петра Васильева сына Годунова, Елизарья Сабурова.

Въ Дмитреево мѣсто Иванова сына Волоского, князя Михайла Мезецкого.

Василья Петрова сына Морозова.

Въ Веригино мѣсто Сабурова, Михайла Сабурова.

Боярина князя Ондreja Петровича Куракина, и въ дѣтей своихъ мѣсто князь Семеново да князь Михайлово.

Въ отца своего мѣсто князя Ондreja князь Дмитреева сына Хилкова, сына его князя Бориса.

Князя Бориса князь Петрова сына Татѣва.

Федора Иванова сына Шереметева.

Михайла Богданова сына Сабурова.

- Ивана Федорова сына Басманова.
Князя Ивана князь Петрова сына Ромодановского.
Князя Василья Буйносова Ростовского.
Князя Ивана князь Тимофеева сына Татеева.
Князя Федора Татеева.
Князя Семена князь Ондреева сына Татеева.
Князя Василья князь Михайлова сына Лобанова.
Во княже Романово мѣсто Охлябинина, князя Данила.
Во княже Михайлово мѣсто, князя Данила.
Елизарья Сабурова.
Тимофея Сабурова.
Во Жданово мѣсто Сабурова, Тимофея Сабурова.
Богдана Степанова сына Сабурова.
Князя Василья Петрова Туренина.
Михайла Вельяминова.
Ильи Вельяминова.
Ивана Михайлова сына Пушкина, и въ брата своего Никитино мѣсто.
Ивана Траханиотова.
Никифора Траханиотова.
Василья Яковлева сына Волынского.
Сына его Федора.
Леонтья Аксакова.
Въ Максимово мѣсто Сабурова, Тимофея Сабурова.
Князя Василья Туренина, и въ дѣтей своихъ мѣсто во княже Федорово да во князь Дмитреево.
Во князь Михайлово мѣсто Ноздроватого, князя Семена Звенигородского.
Въ Иваново мѣсто Злобина, Тихона Траханиотова.
Василья Яковлева сына Кузмина.
Во князь Александрово мѣсто Рѣпина, князя Володимера Долгорукого.
Въ отца своего князя Григорьево мѣсто Долгорукого сына его князя Олексѣя.
Князя Володимера Долгорукого, и въ брата своего во княже Федорово мѣсто князь Григорьева сына.
Во князь Михайлово мѣсто Темкина, князя Ондreja Хилкова.

Князя Петра Борятинского.

Князя Ивана князь Васильева сына Хилкова.

Во князь Петрово мѣсто да во князь Лаврентьево Засѣ-
киныхъ, Богдана Полева.

Во князь Володимерово мѣсто Мосалского, князя Луки
Щербатого.

Богдана Полева.

Алекся Омина Третьяка.

Ивана Полева.

Князя Луки Щербатого.

Ондрей Измайлова.

Во князь Иваново мѣсто Солнцева Засѣкина, князя Ники-
ты Засѣкина.

Ивана Вросланского.

Во князь Петрово да во князь Смирного: мѣсто Шахов-
скихъ, племянника ихъ князя Иваца Солнцева.

Во князь Федорово мѣсто Звенигородского, князя Семена
Звенигородского.

Тихона Траханіотова.

Семена Олферьева.

Василья Олферьева.

Третьяка Вельяминова, и въ брата своего мѣсто Володими-
рово.

Князя Володимера Клобукова Мосалского, и въ племянни-
ка своего мѣсто во князь Иваново.

Князя Федора Друцкого.

Семена Блудова.

Во князь Михайлово да во князь Иваново обонихъ мѣсто,
князя Олекся.

Григорья Вельяминова.

Во князь Ондреево мѣсто Волконского, князя Никиты За-
сѣкина.

Василья Вельяминова.

Въ Яковлево мѣсто Старкова, Василья Кузмина.

Въ Степаново мѣсто Безобразова, князя Василья Тютя-
кина.

Въ Данилово мѣсто Истасьева, князя Федора Борятинского.

Въ Григорьево мѣсто Нащокина, Ивана Бибикова.
Во князь Борисово мѣсто князь Семенова сына, Матвѣя
Бутурлина.

Въ Тимоеево мѣсто Грязного, Василья Кузмина.
Князя Олексѣя Долгорукого, и въ брата своего во князь
Васильево мѣсто.

Ондрея Безобразова.

Князя Ѳедора Борятинского, и въ братья своей мѣсто во
князь Яковлево да во князь Иванова да во князь Михай-
лово.

Ивана Салтыкова.

Во князь Иваново мѣсто Мосалского, Василья Кузмина.

Ивана Бибикова.

Олексѣя Пушкина.

Въ Ѳедорово мѣсто Кузмина, дяди его Василья Кузмина.

Михайла Аксакова.

Стряпчіе съ платьемъ :

Якова Васильева сына Зюзина.

Гаврила Вельяминова.

Въ Юрьево мѣсто Пилъемова, Гаврила Вельяминова.

Григорья Плещеева.

Въ Бахтеярово мѣсто Клешинова Григорья Плещеева.

Григорья Татищева.

Юрья Татищева.

Михайла Пушкина.

Ивана Пушкина.

Оеонасыя Иванова сына Пушкина.

Петра Волинского.

Печатника и посолского дьяка Василья Яковлича Щолка-
лова, въ сына своего Ивана мѣсто.

Ѳедора Волинского.

Михайла Вельяминова, и въ брата своего Васильево мѣсто.

Князя Никиты Борятинского.

Василья Савинова сына Плещеева.

Князя Михайла Мезецкого.

Князя Дмитрея Пожарского.

Данила Вельяминова, и въ брата своего Степаново мѣсто.

Изъ городовъ выборъ:

Во князь Иваново мѣсто Морткина, Семена Погожево.
Въ Семеново мѣсто Чемоданова, Темира Засѣцкого.
Князя Ивана Борятинскаго.
Ондрея Вельяминова.
Ивана Гатищева.
Въ Кирилово мѣсто Вельяминова, Ивана
Ортема Измайлова,
Въ брата своего мѣсто Калинникова, Олексыя Зюзина.
Яковъ Плещеевъ.
Въ Леонтьево да въ Иваново мѣсто, Яковъ Плещеевъ.
Во князь Олександрово мѣсто Засѣкина, Ивана Чепчугова.
Ивана Чепчугова.
Степана Чепчугова.
Князя Юрья Болховскаго.
Михайла Дмитриева.

Головы Стрѣльцкіе:

Посникъ Огаревъ, и въ Смирнаго Маматова и въ Левонтье-
во мѣсто Лодыженскаго.
Ратмана Дурова
Темира Засѣцкого.
Въ Михайлово мѣсто Косицкаго, Ратмана Дурова.
Ондрея Никифорова.

Выборъ изъ городовъ:

Наума Плещеева.
Игнатя Измайлова.
Въ Долматово мѣсто Милюкова, Иванъ Чепчуговъ.
Олексыя Писемскаго.
Костянтина Замыцкаго.
Въ Володимерово мѣсто Вешнякова, Павла Морышкина.
Алексыя Совина.
Семена Погожево.
Въ Юрьево мѣсто Ловчикова, Семена Погожево.
Федора Совина.
Въ Семеново мѣсто Отысва, Ивана Богданова.
Григорья Ржевскаго.
Ивана Федорова сына Наумова.

Юрѣя Тутолмина.
Петра Совина.
Бориса Богданова.
Смена Чередова.
Судока Мясного.
Бараши :
Оюнася Жеребятчева.
Вериги Давыдова.
Князя Юрѣя Примкова.
Въ Пантелеймоново мѣсто Усова, Федора Шишмарева.
Ключникъ Иванъ Омелянской.
Кормового дворца ключника Кузмы Урпенева:
Во княжъ Иваново мѣсто княжъ Юрѣева сына Мецецкого,
братъ его князь Данило Мецецкой.
Ивана Внукова.
Давыда Жеребцова.
Кирила Шишмарева.
Семена Жеребцова.
Тимоея Змвева.
Въ Леонтьево мѣсто Застолбского, князя Федора Мецецкого.
Въ Юрѣево мѣсто Стромилова, Третьяка Карсакова.
Дмитрей Пушечникова.
Жилцы :
Князя Бориса княжъ Никитина Примкова и въ брата своего мѣсто княжъ Иваново.
Князя Федора княжъ Федорова сына Мещерского.
Князя Ивана княжъ Володимерова сына Солнцева Мосалского, и въ брата своего родного мѣсто князь Одреево.
Ивана Елисѣева сына Плещеева.
Михайла Вельяминова.
Мирона Одреева сына Вельяминова.
Князя Ивана княжъ Иванова сына Козловского.
Василья Иванова сына Волинского.
Якова Вельяминова.
Князя Луки княжъ Матвѣева сына Льова.
Ивана Милюкова.
Федора Милюкова.

Лазаря Семенова сына Безобразова.
Князя Петра Ахамашукова сына Черкасского.
Федора Семенова сына Вельяминова.
Ивана Иванова сына Волынского.
Тимофея Никифорова сына Безобразова.
Василья Одрьева сына Измайлова.
Михайла Пушкина.
Тимофея Васильева сына Измайлова.
Микиты Васильева сына Измайлова.
Князя Петра князь Одреева сына Козловского.
Григорья Зубова.
Степана Иванова сына Игленьева.
Дмитрея Погожево.
Бляницы Зюзина.
Федора Погожево.
Игнатя Пелина.
Степана Татянина.
Малюты Тургенева.
Обросима Лодыжинского.
Левонтья Левонтьева сына Лодыжинского.
Петра Внукова.
Ивана Наумова.
Василья Наумова.
Федора Дурова.
Ивана Сербина.
Степана Волынского.
Дѣяки по приказомъ :
Дѣякъ Иванъ Карповъ.
Дѣякъ Игнатей Софоновъ.
Дѣякъ Василей Нелюбовъ.
Дѣякъ Нечай Федоровъ.
Дѣякъ Дороеей Бохинъ.
Дѣякъ Богданъ Власевъ.
Дѣякъ Иванъ Тимоесевъ.
Дѣякъ Второй Поздвевъ.
Дѣякъ Семейка Сумороковъ.
Дѣякъ Михайло Унковской.

- Діакъ Истома Карташевъ.
Ділка Василя Тороканова.
Діяка Матвѣя Коробѣйникова.
Діяка Тимоѣя Петрова.
Діяка Шемета Иванова.
Діяка Нечая Перфирьева.
Ділка Тимоѣя Осипова.
Гости :
Ивана Михайлова сына Чюркина.
Петра Васильева сына Млякотина.
Григорья Иваѣова сына Твердикова.
Оеонасыя Иванова сына Юдина.
Ивана Юрьева меншого Семенова сына Булгакова , и въ брата своего въ Богданово мѣсто.
Степана Иванова сына Котова.
Олексыя Костянтинова сына Патрушина.
Въ Баженово мѣсто Иванова, Ивана Кошурина..
Ивана Фалелѣева.
Богдана Трофимова сына Порывкина.
Илана Кошурина.
Василя Дмитреева Чулкова.
Федора Созонова сына Скробовицкого, и въ брата своего Кирилово мѣсто.
Въ Игнатѣево мѣсто въ Согниково, Федора Скробовицкого.
Въ Васильево мѣсто Коптева, Ивана Фалелѣева.
Въ Юрьево мѣсто Болотниково, Василя Чулкова.
Въ Тимоѣево мѣсто Выходца, Третьяка Фаворова.
Третьяка Фаворова.
Ивана Кобслева.
Втораго Тыртова, во всей Шоломенскіе пятины.
Гостинные сотни :
Ивана Чихачова, и въ старожилцовъ мѣсто и во всей гостинные сотни мѣсто.
Микита Львовъ, и въ Вотцкіе пятины мѣсто.
Суконные сотни тяглицъ Ларивонъ Мишиць, и въ старостино въ Третьяково мѣсто Косаткина.
Даргуша Дивовъ, и во всѣхъ Ржевичъ мѣсто.

Черные сотни соцкіе

Дмитровскіе сотни тяглець **Юма Лазаревъ**, въ соцкого въ Иваново мѣсто Козобаново и во всей сотни.

Микита Моголовъ, и во всѣхъ Ярославля Малаго сотни.

Ондрей Ивановъ, и во всѣхъ Бѣлянъ мѣсто.

Покровскіе сотни тяглець **Семень Шоринъ**, въ соцкого **Микиты Иконникова** и во всей сотни мѣсто.

Ордынскіе сотни соцкой **Степанъ Григорьевъ**, и во всей сотни мѣсто.

Ростовскіе тяглець **Іевъ Ѳедоровъ**, въ соцкого въ **Филипово** мѣсто Красилникова и во всей сотни мѣсто.

Ржевскіе сотни соцкой **Нечай Рябъ**, и во всей сотни мѣсто.

Ноугороцкіе сотни тяглець **Ондрей Насоновъ**, въ соцкого мѣсто **Петрово Масленика** и во всей сотни мѣсто.

Стрѣтенскіе сотни тяглець **Василей Юрьевъ**, въ соцкого отца своего **Юрьево** мѣсто **Ножевниково** и во всей сотни мѣсто.

Мясницкіе сотни тяглець **Максимъ Филатьевъ**, въ соцкого въ **Кузмино** мѣсто **Сухово** и во всей сотни **Мясницкіе** мѣсто.

Устюжскіе полусотни тяглець **Иванъ Обросьевъ**, и во всей полусотни мѣсто.

Прибылые полусотни въ соцкого **Перво** **Пищалникова** и во всей полусотни мѣсто, тоъ же полусотни тяглець **Дружина Шлеснинъ**.

Кожевницкой полусотни въ соцкого **Григорья Кожевника** и во всей полусотни мѣсто, **Ордынскіе** сотни' тяглець **Степанъ Григорьевъ**.

Четверти митропольи сотни въ соцкого **Василья Житникова** и во всей четверти мѣсто, тоъ жъ четверти сотни тяглець **Василей Трофимовъ** сынъ **Серебряникъ**.

Арбацкіе сотни четверти въ соцкого **Осипа Семенова** сына **Ноздрина**, тоъ же Арбацкіе четверти сотни тяглець **Бажень Ивановъ** **Замочниковъ**.

Черторьскіе четверти въ соцкого **Ѳедорова** **Иванова** сына мѣсто **Подпружникова**, тоъ же Черторьскіе четверти тяглець **Сидоръ Григорьевъ** сынъ **Папинъ**.

№ IV.

У К А З Ъ

ОБЪ ИЗЪЯТІИ ОТЬ ЗАПРЕЩЕНІА ПЕРЕХОДА КРЕСТЬЯНЪ.

Лѣто 7110 Ноемврїа въ 21 день, по Государеву Цареву и Великаго Князя Бориса Феодоровича всея Русїи указу, память Окольничему Василию Петровичу Морозову: Въ нынѣшнемъ во сто десятомъ году Великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Феодоровичъ и сынъ его Государь Царевичъ Князь Феодоръ Борисовичъ пожаловали во всемъ своемъ Московскомъ Государствѣ отъ налогъ и отъ продажъ охраняя, вельми крестьяномъ дати выходъ, и возити крестьянъ Дворяномъ, которые служатъ изъ выбора, и Жильцомъ, которые у Государя Царя и Великаго Князя Бориса Феодоровича, и которые у Государя Царевича Князя Феодора Борисовича, и дѣтемъ Болрскимъ, дворовымъ и городovýmъ прикащикамъ, всѣхъ же городовъ иноземцамъ всякимъ, и большаго двора дворовымъ людѣмъ всѣхъ чиновъ, степеннымъ и путнымъ ключникамъ, стряпчимъ, сытникамъ и подключникамъ, Конюшеннаго приказа столповымъ прикащикамъ, конюшенинымъ, конюхомъ, стремяннымъ и стряпчимъ, ловчаго пути корытникомъ, охотникомъ и коннымъ псаремъ, сокольнича пути кречетникомъ, сокольникомъ, ястребинникомъ, трубникомъ (трубачамъ) и сурначеемъ, и Государыни Царицы Марїи Григорьевны всея Русїи дѣтѣмъ Болрскимъ, и всѣхъ приказовъ преднимъ подъячимъ канцеляристамъ), стрѣлецкаго приказа сотникомъ стрѣleckимъ и головамъ козачьимъ, Посольскаго приказа переводчикомъ и толмачамъ, Патріаршимъ и Митрополничимъ и

Архиепископимъ приказнымъ людѣмъ и дѣтѣмъ Болрскимъ промежъ себя. — А срокъ крестьяномъ отписывати Юріевъ день осенній, да послѣ Юріева дни въ двѣ седмицы; а пожилова крестьяномъ платити положено за дворъ рубль и 6 копейкъ; а въ дворцовыя волости и лѣса, и въ черныя волости, и за Патріарха и Митрополитовъ, и за Архиепископы и Епископы и за монастыри, и за Бояръ, и за Окольничихъ и за Дворянъ большихъ и за приказныхъ людей и Дьяковъ, и за Стольниковъ и за Стрѣльчихъ и за Головъ стрѣлецкихъ и за иныхъ возити крестьянъ въ нынѣшнемъ 110 году не велено; а въ Московскомъ уѣздѣ всемъ людсмъ промежъ собою, да изъ иныхъ городовъ въ Московской уѣздѣ по тому жъ крестьяномъ не отказывати и не возити; а которымъ людѣмъ промежъ собою въ нынѣшнемъ 110 году крестьянъ срокъ возити, и тѣмъ по Государеву Цареву и Великаго Князя указу возити одному челоуку изъ за одного челоука одного крестьянина, или двухъ, а трѣхъ и четырехъ одному изъ за одного ни кому не возити.

№ V.

З А П И С Ь

ЛЖЕДИМИТРИЯ ГРИШКИ ОТРЕПЬЕВА ДАННАЯ ЮРЬЮ МНИШКЪ О БРА-
КОСОЧЕТАНИИ СЪ ДОЧЕРЬЮ ЕГО МАРИНОЮ И О ПРЕДОСТАВЛЕНІИ ЕЙ
ГОСУДАРСТВЪ НОВГОРОДСКАГО И ПСКОВСКАГО.

Мы Дмитрей Ивановичъ, Божею милостию, Царевичъ вели-
кои Русіи, Углетцкіи, Дмитровскіи и иныхъ, Князь отъ ко-
лѣна предковъ своихъ, и всѣхъ Государствъ Московскихъ
Государь и дядичь.

Разсуждая о будущемъ состояніи житія нашего не только
по примѣру иныхъ Монарховъ и предковъ нашихъ, но и
всѣхъ Христіански живущихъ, за призрѣніемъ Господа Бога
всемогущаго, отъ котораго живеть начало и конецъ, а жена
и смерть бываетъ отъ негожь, усмотрили есмя и улюбили
себѣ, будучи в Королевстве в Полскомъ, в дому честнемъ,
великого роду, житя честного и побожного приятеля и то-
варыщи, с которымъ бы мнѣ, за помощю Божиюю, в мило-
сти и въ любви непремѣняемой житие свое проводити ясне-
велеможную панну Марину с Великихъ Кончицъ Мнишков-
ну, воеводенку Сендомирскую, старостенку Львовскую, Сам-
борскую, Меденицкую и проч., дочь ясневелеможного пана
Юрья Мнишка съ Великихъ Кончицъ, воеводы Сендомир-
скаго, Львовскаго, Самборскаго, Меденицкаго и проч. старо-
сты жупъ Рускихъ жупника, котораго мы испытавши чест-
ность, любовь и доброжелательство (для чего мы взяли его
себѣ за отца); и о томъ мы убѣдительно его просили, для
большаго утвержденія взаимной нашей любви, чтобы выше-
реченную дочь свою панну Марину за насъ выдалъ въ за-
мужство. А что тепере мы есть не на Государствахъ своихъ,

и то темере до часу: а какъ дастъ Богъ, буду на своихъ Государствахъ жити, и емубъ попомнити слово свое прямое, вмѣсте с панною Мариною, за присягою; а язъ помню свою присягу, и намъ бы то прямо обѣма здержати, и любовь бы была межъ насъ, а на томъ мы писаньемъ своимъ укрѣпляемся. А впредъ, во имя пресвятые Троицы, даю ему слово свое прямое Царское: что женюсь на панне Марине; а не женюсь, и язъ проклятво на себя даю, утверждаю сіе слѣдующими условіями. Первое: кои часть доступлю наследственнаго нашего Московскаго Государства, язъ пану отцу его милости дамъ десять сотъ тысячъ злотыхъ Польскихъ, какъ его милости самому для ускоренія подъема и заплаты долговъ, такъ и для препровожденія къ намъ ея панны Марины, будущей жены нашей, изъ казны нашей Московской выдамъ kleинотовъ драгоцѣпвишихъ; а равно и серебра столоваго къ снаряду ея; буде не самому ея панни отцу, въ небытность его по какой либо причинѣ, то посламъ, которыхъ его милость пришлетъ, или нами отправленнымъ, какъ выше сказано, безъ замедленія дать, даровать нашимъ Царскимъ словомъ обѣщаемъ. Другое то: какъ вступимъ на нашъ Царскій престолъ отца нашего; и мы тотъ часъ пословъ своихъ пришлемъ до наясвѣтца Короля Польскаго, извѣщаючи ему и бѣючи челомъ, чтобъ то наше дѣло, которое ныне промежъ насъ, было ему вѣдомо и позволилъ бы то намъ здѣлати безъ убытка. Третье то: тои же прежь реченной панне женѣ нашей дамъ два Государства великіе, Великіи Новгородъ да Псковъ, со всеми уѣзды, и з думными людьми, и з дворяны, и з детьми боярскими, и с попы и со всеми приходы, и с пригородки, и с мѣсты и с селы, со всякимъ владѣньемъ, и с поволностью, со всемъ с тѣмъ, какъ мы и отецъ нашъ тѣми государствами владѣли и указывали; а мы въ тѣхъ в обѣихъ Государствахъ, въ Новгородѣ и во Псковѣ, ничѣмъ не владѣти, и в нихъ ни во что не вступатися; тѣмъ нашимъ писаньемъ укрѣпимъ, и даруемъ ей панне то за тѣмъ своимъ словомъ прямо. А какъ, за помощью Божіею, с нею венчаемся; и мы то все, что въ нынѣшнемъ нашемъ писмѣ написано, отдадимъ ей, и въ Канцѣрріи нашей

еі то въ вѣки напишемъ, и печать свою Царскую к тому приложимъ. А будетъ у нашеі жепы, по грѣхомъ, с нами детеі не будетъ, и тѣ, обои Государства еи приказати намѣстникомъ своимъ владѣти іми и судити, і волно еі будетъ своимъ служилымъ людемъ помѣстья и вотчины давати, и купити і продавати; также волно еи, какъ сл еи полюбитъ, что въ своихъ въ прямыхъ удѣльныхъ Государствахъ монастыри і костелы ставити Римские, і Бискупы и попы Латынские, и школы поставляти и ихъ наполняти, какъ имъ впередъ жити; а самой житі с нами; а попы свои себѣ держати, сколько еі надобе, также набоженство своеи Римские вѣры держати безо всякие забороны, якожь и мы сами, з Божиею милостию, соединеніе сіе приняли; и станемъ о томъ накрѣпко промышляти, чтобъ все Государство Московское в одну вѣру Римскую всѣхъ привести, и костелыбъ Римские устроить. А того Боже намъ не дай, будетъ тѣ наши рѣчи въ Государствахъ нашихъ не полюбятца, і в годъ того не здѣлаемъ: ино будетъ вольно пану отцу и панне Марине со мною развестися, или пожалуютъ побольши того подождутъ до другого году. А лзъ тепере в томъ во всемъ даю на себя запись своею рукою, с крестнымъ цѣлованьсмъ, что мнѣ то все здѣлати по сему писму, и присягою на томъ на всемъ при святцкомъ чину, при попѣхъ, что мнѣ все по сеі записи здержати крѣпко, і всѣхъ Рускихъ людеи въ вѣру Латынскую привести. Писана в Самборе, мѣсяца Маія 25 дня, лѣта 1604.

Царевичъ Дмитрій.

На подлинной Записи приложена печать подъ кустодією во-сковая. Бумага сія, равно и слѣдующія Польскія, сложена па-кетомъ.

На оборотъ написано :

Постановленіе и ассекुरація Дмитрія Царя Московскаго данная господину Мнишкѣ, воеводу Сендомирскому.

Къ сему присоединена послѣ учиненная приписка:

Въ Пятницу, на другой день праздника Успенія пресвятыя Дѣвы Маріи, лѣта Господня 1668.

Ч. I. Прилож.

6

Рукопись сію провінціальній Королевській главній надзиратель Лаврентій Каткевич Соноклескій представилъ для приобщенія къ двамъ староства.

Принято и записано.

№ VI.

Г Р А М О Т А

ДМИТРИЯ ОТРЕПЬЕВА, ДАВШАЯ ЮРЬЮ МНИШКЪ НА УСТУПКУ ЕМУ
И КОРОЛЮ ПОЛЬСКОЙ, СМОЛЕНСКОЙ И СЪВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ.

Димитрій Ивановичъ, Божією милостию, Царевичъ великой Россіи, Углицкій, Дмитровскій, Городецкій, и проч. и проч., Князь отъ колына предковъ своихъ, всѣхъ Государствъ, къ Московской Монархіи принадлежащихъ, Государь и дядичь. Объявляемъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, что мы яспе-вельможному господину Юрью изъ Великихъ Концищъ Мнишкови, воеводѣ Сендомирскому, Львовскому, Самборскому, Медницкому и проч. старостѣ, жуникови жупъ Рускихъ, за любовь, милость, доброжелательство и склонность, которую намъ являлъ и являть не престаетъ, въ вѣчныя времена дали мы ему и наследникамъ его Смоленское и Съверское Княжество въ Государствѣ нашемъ Московскомъ со вѣмъ, что къ онымъ Княжествамъ принадлежитъ, съ городами, замками, селами, подданными и со вѣми обоюго полу жителями, какъ о томъ въ данномъ отъ насъ его милости особливомъ привиліи ясно изображено и написано, дали, подарили и записали. А для извѣстныхъ и важныхъ причинъ, и для самой нашей любви и доброжелательства къ пресвѣтлѣйшему Королю Польскому и всему Королевству, въ предбудущія вѣчныя времена, для согласія и миру между народомъ Польскимъ и Московскимъ, Смоленской земли другую половину съ замками, городами, городками, уздами, селами, рѣками, озерами, прудами (оставляя при его милости господинъ воеводѣ самой замокъ съ городомъ Смоленскомъ и со вѣмъ что къ половине оного принадлежитъ)

дали, подарили и записали, какъ о томъ въ особомъ привиліи изображено, Королямъ Польскимъ и Рѣчи Посполитой Польской шесть городовъ въ Княжествѣ Сѣверскомъ со всѣмъ, что къ онимъ принадлежитъ, съ доходами и прибытками, и на все сіе уже совершенной отъ насъ привиліи данъ есть; и дабы о исполненіи всего того его милость господинъ воевода былъ благонадеженъ, присягою тѣлесною подтвердили мы. И изъ другова Государства, близъ Смоленской земли, еще много городовъ, городковъ, замковъ, земель и прибытковъ опредѣляемъ ему господину воеводѣ даровать, присовокупить, записать въ вѣчныя времена, какъ скоро насъ Господь на престолъ предковъ нашихъ посадитъ, дабы равныя и меньшія какъ съ Смоленскаго, такъ и съ Сѣверскаго Княжества, съ городовъ, замковъ, городковъ, селъ, боровъ, льсовъ, рѣкъ, озеръ, прудовъ всякіе имѣлъ доходы, то мы ему обѣщаемъ и ручаемъ; и что уже мы однажды присягою подтвердили, то и нынѣ ни въ чемъ неотмѣнно и ненарушимо подтверждаемъ все вышеписанное его милости господину воеводѣ содержать и исполнить. А для большаго увѣренія и важности, сей листъ нашъ, при подписаніи собственною рукою нашею, печатью утвердить повелѣли. Данъ въ Самборѣ, Іюня 12 дня, 1604 года.

Димитрій Царевичъ.

Къ сей грамотѣ, писанной на пергаментѣ, прилепленъ на голубомъ шелковомъ суркѣ изъ желтаго воску круглый ковчегъ, въ коемъ втиснута восковаяжъ красная печать.

На оборотѣ написано:

Привиллегія, данная в. Сендомирскому на владѣніе половиною земли Сѣверской.... Р. П. шестью город....

№ VII.

Г Р А М О Т А

ЛЖЕДИМИТРИИ КЪ МОСКОВСКИМЪ ОБЫВАТЕЛЯМЪ О ПРАВАХЪ ЕГО НА
ПРЕСТОЛЪ РОССІЙСКІЙ.

Отъ Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи, бояромъ нашимъ, Князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому, да Князю Василью да Князю Дмитрею Ивановичемъ Шуйскимъ, и всемъ бояромъ, и околничимъ, и дворяномъ болшимъ, и столникомъ, и стряпчимъ, и жицомъ, и приказнымъ людемъ, и дьякомъ, и дворяномъ изъ городовъ, и дѣтсмъ боярскимъ, и гостемъ и торговымъ лутчимъ людемъ, и среднимъ, и всякимъ чернымъ людемъ. Цѣловали есте крестъ блаженный памлти отцу нашему, великому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, и намъ чадомъ сго, что было опричь нашего государьского роду на Московское государство иного Государя никого не хотѣтии не искати; и какъ, судомъ Божиимъ, отца нашего великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи не стало, а на Російскомъ государствѣ учинился братъ нашъ, великій Государь Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи, и насъ великого Государя, измѣнники наши послали на Угличъ и толикое утѣсеніе нашему Царьскому Величеству дѣлали, чего и подданнымъ дѣлати было негодно, присылали многихъ воровъ и велѣли насъ портити и убити: и милосердый Богъ насъ великого Государя отъ ихъ злодѣйскихъ умысловъ укрывъ, оттолъ даже до лѣтъ возраста нашего въ судьбахъ своихъ сохрашилъ; а вамъ, бояромъ нашимъ, и околничимъ,

и дворяномъ, и приказнымъ людемъ, и гостемъ, и торговымъ и всякимъ людемъ, измѣнники наши вѣщали, будто насъ великого Государя не стало и похоронили будто насъ великого Государя на Угличъ въ соборной церкви у всемилостиваго Спаса. И какъ, судомъ Божиимъ, брата нашего великого Государя Царя и Великого Князя Федора Ивановича всеа Русіи не стало, и вы, не вѣдаючи про насъ, прироженнаго Государя своего, цѣловали крестъ измѣннику нашему Борису Годунову, не вѣдаючи его злокозненнаго нрава и боля того, что онъ блаженный памяти при братѣ нашемъ Царѣ и Великомъ Князѣ Федорѣ Ивановичѣ всеа Русіи владѣлъ всѣмъ государствомъ Московскимъ, и жаловалъ и казнилъ кого хотѣлъ; а про насъ есте прироженнаго Государя своего не вѣдали, а чаяли насъ отъ измѣнниковъ нашихъ убитого. А какъ про насъ великого Государя учалъ быти слухъ во всемъ Російскомъ государствѣ, что съ Божією помощію, мы великій Государь идемъ на православный престолъ прародителей нашихъ, великихъ Государей Царей Російскихъ и хотѣли есмя государства нашего достигати безъ крови, и вы, бояре наши и воеводы и всякіе служилые люди, противъ насъ великого Государя стояли невѣдомостію и боля отъ измѣнника нашего смертныя казни; а про насъ великого Государя говорить не смѣли: и язь христіяньскій Государь, по своему Государьскому милосердому обычаю, въ томъ на васъ нашего гнѣву и опаки не держимъ, потому что есте учинили невѣдомостію и боля казни. А нынѣ мы великій Государь на престолъ прародителей нашихъ, великихъ Государей Царей Російскихъ, идемъ съ Божією помощію вскорѣ, а съ нами многія рати Рускія и Литовскія и Татарскія; а города нашего государства нашему Царьскому Величеству добили челомъ и противъ насъ не стояли, и крестъ цѣловали, помня свои души и крестное цѣлованье, намъ Великому Государю служатъ и противъ измѣнниковъ нашихъ храбрѣ и мужественно стоити хотѣтъ, а о томъ и сами подлинно вѣдаете. А Повольскіе города намъ Великому Государю добилизъ челомъ и восводъ къ намъ привели; и Астороханскихъ воеводъ Михайла Сабурова съ товарищи, къ нашему Царьскому Ве-

личеству ведутъ, а нынѣ они въ дорогѣ на Воронежъ. Да къ намъ же писалъ Большой Нагай Ищерекъ Князь и изъ Казыева улусу мурза, что они нашму Царьскому Величеству помогати хотятъ: и мы, христіанскій Царь, не хоти видѣти во христіанствѣ разоренія, Нагайскимъ людемъ до нашего указа ходити не вельми, жалѣя нашего государства, и вельми кочевати Нагайскимъ людемъ близко Царева города. А измѣнники наши, Марья Борисова жена Годунова да сынъ ея Федоръ, о нашей земли не жалуютъ, да и жалѣти было имъ нѣчего, потому что чужимъ владыи, и отчину нашу Сиверскую землю и иные многіе города и уѣзды разорили и православныхъ христіанъ не въ винѣ побили: толко того мы, христіанскій Государь, въ вину вамъ бояромъ нашимъ и служилымъ людемъ не ставимъ, для того, что есте учинили невѣдомостію и бояся отъ измѣнниковъ нашихъ смертныя казни. А и то было вамъ пригоже знати, какое утѣшеніе отъ измѣнника нашего Бориса Годунова было вамъ бояромъ нашимъ, и родству нашему укоръ и поношеніе и безчестіе, и наносимыя вамъ, чего и отъ инороднаго терпѣти было невозможно; и вамъ дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ разореніе и ссылки и муки не стерпимыя были, чего и пльщнымъ дѣлати негодно; а вамъ гостемъ и торговымъ людемъ, и въ торговлѣ вашей, волности не было и въ пошлинахъ у васъ, что треть животовъ вашихъ, а мало не всѣ иманы, а тѣмъ есте злокозисннаго права его укротити не могли; и вы въ винахъ своихъ послѣмъ не познаетесь и насъ, прирожденнаго Государя своего, знати не можете, а праведнаго суда Божія не помните, и хотите проливать кровь неповинныхъ христіанъ, чего не токмо намъ дѣлати не годится, и иноземцы о вашемъ разореніи скорбятъ и болѣзнуютъ, и узнавъ насъ, христіанскаго, кроткаго, милосерлаго Государя, намъ служатъ и крови своей за насъ не щадятъ. И мы, христіанскій Государь, не хоти видѣти въ христіанствѣ кроворазлитія, пишемъ вамъ, жалѣя васъ и о душахъ вашихъ, чтобъ вы, помня Бога и православленную вѣру и свои души, на чемъ есте блаженныя памяти отцу нашему великому Государю Царю и Великому Кня-

зю Ивану Васильевичу всеа Русіи, и намъ чадомъ его крестъ
цѣловали, памъ прироженному Государю своему Царю и Ве-
ликому Князю Дмитрею Ивановичу всеа Русіи добили челомъ
и милости просити къ нашему Царьскому Величеству при-
слати Митрополитовъ и Архієпископовъ, и бояръ, и окол-
ничихъ, и дворянъ болшихъ, и діяковъ думныхъ, и дѣтей
боярскихъ, и гостей, и лутчихъ людей; а мы великій Го-
сударь, по своему царьскому милосердому обычаю, всѣхъ
васъ пожалуемъ: и вамъ, бояромъ нашимъ, честь и повыше-
ніе учинимъ, а отчинами вашими прежними васъ пожалуемъ,
къ тому и еще прибавимъ и въ чести васъ держати будемъ;
а васъ, дворянъ и приказныхъ людей, въ нашей царьской
милости держати хотимъ; а васъ, гостей и торговыхъ людей
всего Московского государства, пожалуемъ, въ пошлинахъ
и въ податяхъ велимъ во лготъ и во облегченіи учинити, и
все православное христіянство въ тишинъ и въ покоѣ и во
благоденственномъ житіи учинити хотимъ. А не добьете че-
ломъ нашему Царьскому Величеству и милости просити не
пошлете, и вы то можете разсудити, что вамъ въ томъ дати
отвѣтъ въ день праведнаго суда Божіа, иже воздастъ кому-
ждо по дѣломъ его, и отъ Божіа праведнаго гнѣва и отъ на-
шихъ царьскія руки нигдѣ не избыти. А съ Божією помощію
намъ великому Государю преславныхъ государствъ своихъ
доступати.

*На концѣ грамоты находится отъписка: Привезли на Мос-
кву Гаврило Пушкинъ да Наумъ Плещіевъ, Іюня въ 1 день.*

№ VIII.

Г Р А М О Т А

Лжедмитрія Отрепѣва въ Пелымъ о возшествіи его на Всероссийскій престолъ.

Отъ Царя і Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи в Сибирь в Пелымской городъ Олексію Ивановичю Зузину, да Максиму Ивановичю Радилову. Богъ намъ, Великому Государю, наше Московское Государство поручилъ, и Иезъ Патрнархъ Московскіи і всеа Русіи, и Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы і весь освященный соборъ, и бояре, и околннчиче, и дворяне болшие, и столники, и стряпчиче, и жилцы, и приказные люди, и дворянежъ, и дѣти боярские всего Росніского Государства, и гости и торговые всякие люди, узнавъ прироженнаго намъ Государя своего Царя і Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи, в своихъ винахъ добили челомъ; выбъ о нашей матери Великой Государине Царице і Великой Княгине иноке Марѣе Осдоровне всеа Русіи, и о нашемъ многолѣтномъ здравьѣ, в Пелымскомъ городе по всемъ церквамъ, велики Бога молить, и намъ служили и прямили во всемъ, и того берегли накрепко, чтобъ в людехъ шатости и грабежю и убивства не было никоторыми дѣлы, и жили бы есте съ великимъ береженьемъ, и нашимъ дѣломъ промышляли и вестей провъдывали; а каковы вѣстей у васъ будутъ, и выбъ о всякихъ вѣстехъ писали к намъ почасту. Писана на Москвѣ, лѣта зргі, Іюня въ аі день.

На оборотъ надпись:

В Сибирь в Пелымской городъ Алексію Ивановичю Зузину, да головъ Максиму Ивановичю Радилову.

№ IX.

О К Р У Ж Н А Я Г Р А М О Т А

Ажедмитрия къ Сибирскимъ воеводамъ , о приводѣ ему къ присягѣ всякаго званія людей, съ приложеніемъ образа присяги.

Отъ Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича вся Русіи въ Сибирь на Верхотурь Неудачъ Остафьевичу Плещеву, да головъ Матвѣю Степановичу Хлопову. Божіимъ прозволениемъ и Ёго крѣпкою десницею покровеннаго насъ отъ нашего измѣнника , отъ Бориса Годунова , хотящаго насъ злой смерти предати , и Богъ милосердый, не хотя его злокозненнаго промысла исполнити , и меня , Государя вашего прироченнаго, Богъ невидимою силою укрылъ и много лѣтъ въ судьбахъ Своихъ сохранилъ. И я Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ вся Русіи нынѣ присягъ въ мужество, съ Божією помощію, съгъ на престолъ прародителей своихъ, на Московскомъ Царствѣ и на всѣхъ Государствахъ Россійскаго Царствія; и на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ бояре наши, и окольничіе, и приказные люди, и дѣяки, и дворяне, и дѣти боярскіе, и всякіе приказные люди всего нашего Государства, и иноземцы намъ, прироченному Государю своему, крестъ цѣловали; и мы ихъ пожаловали, вины ихъ имъ отдали. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и выбъ, наши прироченные Неудача и Матвѣй, помня православную Христіанскую истинную вѣру и крестное цѣлованье, на чемъ есте крестъ цѣловали отцу нашему, блаженныя памяти Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу вся Русіи, и намъ чадамъ его, прироченному

Государю своему, крестъ цѣловали, и дѣтей боярскихъ, и сотниковъ, и стрѣльцовъ, и казаковъ, и пушкарей, и воротниковъ, и посадскихъ и всѣхъ людей и пашенныхъ крестьянъ къ крестному цѣлованью привели по записи, какова къ вамъ послана; а Татаръ и всѣхъ иноземцовъ привели къ шерти, примѣрясь къ той же записи и къ прежнимъ шертовальнымъ записямъ. А какъ къ крестному цѣлованью приведете, и мы васъ и ихъ пожалуемъ великимъ своимъ Царскимъ жалованьемъ, чего у васъ на разумъ нѣтъ. А кого именемъ ко кресту, и Татаръ и всѣхъ иноземцовъ къ шерти приведете, и выѣ о томъ отписали, и книги именныя прислали къ намъ къ Москвѣ, а велѣли отдать въ приказъ Казанскаго дворца дѣяку нашему Нечаю Федорову. Писана на Москвѣ, лѣта зргі, Іюня въ аі день. За скрѣпою дѣла Нечая Федорова.

Образецъ присяги:

Цѣлую крестъ Государине своеси Царице і Великой Княгине иноке Марфе Федоровне всеа Русни, і прироженному Государю своему Царю и Великому Князю Дмитрсю Ивановичю всеа Русни, на томъ: служити мнѣ имъ, Государемъ своимъ, і прѣмити і добра хотѣти во всемъ в правду, безо всѣхъ хитрости; лиха мнѣ Государине своеси Царице і Великой Княгини иноке Марфе Федоровне всеа Русни і Государю своему Царю і Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русни не хотѣти никакова, ни мыслити, ни думати ни которыми дѣлы. Также мнѣ надъ Государинсю своєю Царицею і Великою Княгинсю інокою Марфою Федоровною всеа Русни и надъ Государемъ Царемъ і Великимъ Княземъ Дмитреемъ Ивановичемъ всеа Русни въ естве і в питье, ни в платѣ и в ѣномъ ни в чемъ лиха никакого не учинити и не испортити, ни зелья лихово и кореня не давати: а хто мнѣ учнетъ зелье и коренье лихое давати, или мнѣ учнетъ хто говорити, чтобъ мнѣ надъ ними, Государи своими, какое лихо учинити, или хто похочетъ портити, и мнѣ того чельовѣка не слушати, и зелья лихово и кореня у того чельовѣка не имати. Также мнѣ, опрочъ еъ Государини своеси Царицы і Великой Княгини иноки Марфы Федоровны всеа

Русии і Государя своего Царя і Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии, на Московское Государство иного Государя не искати, и не хотѣти и не мыслити, и не измѣнити имъ Государемъ ни въ чемъ; и с-ызмѣнники ихъ, с Ѳедкою Борисовымъ сыномъ Годунова, и съ его матерью, и съ ихъ родствомъ и с советники не ссылатися писмомъ никакими мѣрами, и не измѣнити Государине своей Царице і Великой Княгине иноке Марѣе Ѳедоровне всеа Русии і Государю своему Царю і Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии ни въ чемъ, и Государства подъ ними Государи не подыскивати. А гдѣ Государиня Царица і Великая Княгиня Марѣа Ѳедоровна всеа Русии і Государь Царь і Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всеа Русии велятъ быти на свои Царской службѣ, и мнѣ: будучи на ихъ Государевыхъ службахъ, имъ, Государемъ своимъ, служити и прямити безо всякихъ хитрости, и измѣны некоторые не учинити, и ис походовъ и ис полковъ никуды не отъѣхати и не измѣнити, и скопомъ и заговоромъ і вслкимъ умышленьемъ ни на кого не приходити, и недружбы своей никому не мстити и шиково, безъ ихъ Государева вѣдома, не убити; а у кого създаю скопъ, или злое которос умышленье и советъ на Государыню свою Царицу і Великую Княгиню Марѣу Ѳедоровну всеа Русии і на Государя своего Царя і Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии, какое лихое умышленье, и с тѣми людьми, хто будетъ в скопе и во всякомъ зломъ умышленьѣ, и мнѣ за нихъ Государей своихъ стояти и с-ызмѣнники ихъ битись до смерти. Такъ же мнѣ, отъ Государыни своей Царицы і Великие Княгини Марѣы Ѳедоровны всеа Русии і отъ Государя Царя і Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии, къ Турскому, и къ Цысарю, і к Литовскому Королю, і к Шпанскому, і ко Фрянцовскому, ни к Аглинскому, ни к Дацкому, ни к Свѣискому Королю, ни в Крымъ, ни въ Паган, ни в-ыные ни в которые Государства не отъѣхати, и не измѣнити имъ Государемъ ни в чемъ отнюдь никакими мѣрами.

Цѣлую сси святыми і животворящимъ крестъ Господень на томъ: что мнѣ Государыне своей Царице і Великой Княгине

іноке Марѣе Федоровне всеа Русіі і Государю свосму Царю і Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русіі служити, і прями́ти і добра хотѣти во всемъ в правду, безо всякіе хитрости, по тому, какъ в сіи записе писано, и до своего живота, по сему крестному цѣлованью; а не учну язъ Государыне своей Царице і Великой Княгине іноке Марѣе Федоровне всеа Русіі і Государю своему Царю і Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русіі по сему крестному цѣлованью, служить и прями́ти, или учну имъ Государемъ измѣнати, и не буди на мнѣ милость Божья и пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцовъ Московскихъ и благословениіе и прощение всѣхъ вселенскихъ седми соборовъ.

А се припись дворяномъ :

А которые рѣчи услышу у своей Государыни Цырицы и Великіе Княгини іноки Марѣы Федоровны всеа Русіі и у сына ея, Государя своего Царя и Великого Князя Дмитрѣя Ивановича всеа Русіі, и мнѣ тѣхъ рѣчей ихъ думы не приносить никому и до живота своего, и служить мнѣ своей Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ іноке Марѣѣ Федоровнѣ всеа Русіі и сыну ея, Государю своему Царю и Великому Князю Дмитрѣю Ивановичю всеа Русіі, и ихъ землямъ добра хотѣти во всемъ в правду, безо всякіе хитрости, по сему крестному цѣлованью.

А се припись подъячимъ :

Такъ же мнѣ, будучи у Государыни Царицы и Великіе Княгини іноки Марѣы Федоровны всеа Русіі и сына ея, Государя своего, Царя и Великого Князя Дмитрѣя Ивановича всеа Русіі, дѣла всякіе дѣлати в правду и тайныхъ и всякихъ Государевыхъ дѣлъ и вѣстей никакихъ никому не сказывати, и Государевы казны всякіе и денегъ не красти, изъ книгъ изъ писцовыхъ и изъ отдѣльныхъ и изъ дачъ выписывать прямо, и мимо книгъ въ выписи ничего не написать ни которыми дѣлы, по сему крестному цѣлованью.

№ X.

РОСПИСЬ

Московскимъ Сенаторамъ

СОВѢТЬ ЕГО ЦЕСАРСКОЙ МИЛОСТИ ДУХОВНЫХЪ И СВѢТСКИХЪ ПЕРСОНЪ.

Совѣтъ Духовныхъ :

Святѣйшій отецъ Патріархъ, который сидитъ по правую руку его Цесарской милости, самъ одинъ.

По немъ заступаетъ въ первомъ мѣстѣ Митрополитъ Великаго Новагорода и Великихъ Лукъ.

Митрополитъ Казанскій и Свіяжскій.

Митрополитъ Ростовскій и Ярославскій.

Митрополитъ Сарскій и Подонскій.

Архіепископъ Вологодскій и Велико-Пермскій.

Архіепископъ Суздальскій и Тарусскій.

Архіепископъ Рязанскій и Муромскій.

Архіепископъ Смоленскій и Брянскій.

Архіепископъ Тверскій и Кашинскій.

Архіепископъ Архангельскій.

Архіепископъ Астраханскій и Терскій.

Епископъ Коломенскій и Коширскій.

Епископъ Псковскій и Пзборскій.

Епископъ Корельскій и Оршскій.

Совѣтъ свѣтскихъ :

Перваго класса бояре :

Князь Осдоръ Ивановичъ Мстиславскій.

Князья Василій и Дмитрій Ивановичи Шуйскіе, братья.

Князь Иванъ Михайловичъ Воротыцскій.

Михайло Федоровичъ Нагой, конюшій великій.

Князь Никита Романовичъ Трубецкій.

Андрей, Михайло и Аѳанасій Александровичи Нагіе, братья.
Князь Василій Михайлович Мосальскій, дворецкій великій.
Князь Иванъ Ивановичъ Пуговка-Шуйскій.
Князь Андрей Романовичъ Трубецкій.
Григорій Ѳедоровичъ Нагой.
Князь Иванъ Ивановичъ Шпакъ-Голицынъ.
Князья Василій, Иванъ и Андрей Васильевичи Голицыны,
братья.

Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ.
Петръ Никитичъ Шереметевъ.
Князь Василій Кардануговичъ Черкасскій-Кабардинскій.
Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ.
Князь Андрей Петровичъ Куракинъ.
Князь Борисъ Петровичъ Татевъ Стародубскій-Ряполов-
скій.

Князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ.
Иванъ Никитичъ Романовъ.
Князь Ѳедоръ Ивановичъ Хворостинъ-Ярославскій.
Михайло Глѣбовичъ Солтыковъ.
Князь Иванъ Никитичъ Большой Одоевскій.
Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій, оружейничій великій.
Князь Андрей Андреевичъ Теллтевскій.
Михайло Богдановичъ Сабуровъ.
Князь Семенъ Андреевичъ Куракинъ.
Князь Владиміръ Васильевичъ Кольцовъ-Мосальскій.
Князь Данило Борисовичъ Примковъ-Ростовскій.
Князь Ѳедоръ Тимоѳеевичъ Долгорукій.
Князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, мечникъ
великій.

Составъ другихъ окольныхъ :

Михайло Борисовичъ Шеинъ.
Василій Петровичъ Морозовъ.
Князь Иванъ Дмитріевичъ Хворостининъ-Ярославскій.
Михайло Михайловичъ Салтыковъ.
Василій Яковлевичъ Щелкаловъ.
Князь Владиміръ Ивановичъ Клубковъ-Мосальскій.
Князь Григорій Борисовичъ Долгорукій.

Князь Александръ Оедоровичъ Жировый-Застѣпнѣ.

Иванъ и Василій Петровичи Головины , братья.

Князь Григорій Петровичъ Ромодановскій.

Иванъ Оедоровичъ Колычевъ.

Князь Иванъ Ивановичъ Курятевъ-Оболенскій, подчашій великій.

Алексѣй Романовичъ Плещеевъ.

Князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ-Оболенскій , кравчій великій.

Богданъ Ивановичъ Сутуповъ , печатникъ и секретарь великій.

Аѳанасій Ивановичъ Власевъ , подскарбій надворный и секретарь великій.

Дворяне, которые также въ Сѣвѣтъ застѣдали :

Гаврило Григорьевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ , Сокольничій великій.

Яковъ Васильевичъ Зюзинъ.

Василій Борисовичъ Сукинъ.

Григорій Ивановичъ Микулинъ.

Артемій Васильевичъ Измайловъ.

Андрей Матвѣевичъ Воейковъ ясельничій.

Роспись сія, по Польски, писана рукою Самозванцева Секретаря Яна Бугинскаго.

№ XI.

БОЯРСКІЙ ПРИГОВОРЪ

О БѢГЛЫХЪ КРЕСТЬЯНАХЪ.

Лѣта 7114 Февраля въ 21 день, по Государеву Цареву и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи слову, бояре приговорили: которые бояре и дворяне и дѣти боярскіе, и владычныхъ и монастырскихъ вотчинъ, бѣють челомъ Государю о судѣ въ бѣглыхъ крестьянѣхъ, до 110 году, до голодныхъ годовъ за годъ, на посады и въ Государевы въ дворцовые села и въ черныя волости, и за помѣщиковъ и за вотчинниковъ, во крестьяне и въ холопи, и тѣхъ приговорили сыскивал отдавати старымъ помѣщикомъ. А которые крестьяне бѣжали во 110 и во 111 году, въ голодные годы, съ животы, а прожити было имъ мочно, а пришли за иныхъ помѣщиковъ или за вотчинниковъ жити во крестьяне и въ холопи, и тѣхъ сыскивал отдавати старымъ помѣщикомъ и вотчинникомъ. А которые бѣжали съ животы въ дальніе мѣста изъ - за Московскихъ городовъ на Украйны, а съ Украйны въ Московскіе города, или изъ города въ городъ, верстѣ за двѣсти и за триста и болши, а пошли отъ старыхъ своихъ помѣщиковъ съ животы и ростерявъ животы пришли къ инымъ помѣщикомъ въ бѣдности, и про то сыскати около тѣхъ помѣстей, откуда тотъ крестьянинъ пошелъ: да будетъ въ сыску околніе люди скажутъ, что онъ былъ не бѣденъ и сбѣжалъ отъ своего помѣщика или отъ вотчинника съ животы, а прокормитися было ему мочно, а нынѣ за кѣмъ во крестьянѣхъ или у кого служить по кабаль, и того по сыску отдати старому помѣщику или вотчиннику, изъ за кого онъ сбѣжалъ, каковъ есть; а про которого крестьянина скажутъ, что онъ, въ тѣ голодные лѣта,

Ч. I. Прилож.

7

отъ помѣщика или отъ вотчинника сбрелъ отъ бѣдности , что было ему прокормиться не мочно , и тому крестьянину жити за тѣмъ , кто его голодные лѣта прокормилъ , а исцу отказати не умѣлъ онъ крестьянина своего кормити въ тѣ голодные лѣта , а нынѣ его не пытай. А которые крестьяне , въ голодные лѣта , во 110 и во 111 году, и до 112 году, пришли въ холопи къ своимъ или къ стороннимъ помѣщикамъ и вотчинникомъ , и кабалы служимыя на себя подавали , а старые ихъ помѣщики или вотчинники учнутъ ихъ вытягивати изъ холопства по крестьянству, и того сыскивати накрѣпко : будетъ шель отъ бѣдности и животовъ у него не было ничего , и тѣмъ исцамъ отказывати въ голодные лѣта тотъ помѣщикъ или вотчинникъ прокормити его не умѣлъ , а собою онъ прокормитись не въ мочь , и отъ бѣдности , не хотя голодною смертию умереть, билъ челомъ въ холопи , а тотъ его принялъ , въ голодные годы прокормилъ и себя истоцилъ , проча себѣ , и нынѣ того крестьянина изъ холопства во крестьяне не отдавати , а быти ему у того , кто его голодные лѣта прокормилъ , а не отъ самые бы нужи въ холопи онъ не пошелъ. А которые кабалныя люди учнутъ оттягиватися , а учнутъ говорити , взялъ его помѣщикъ во дворъ съ пашни силно и взялъ кабалу , а ему было самому прокормитися не мочно , и о томъ сыскивати крепостыми , въ которое время и въ которыхъ годѣхъ кабалы писаны : будетъ на Москвѣ или въ городѣхъ въ книги писаны , и по тѣмъ кабаламъ въ холопи выдавати , потому , ималъ бы на него кабалу силно , и онъ бы о томъ у записки билъ челомъ , а которая кабалы въ книги не записаны , и тѣмъ вѣрити не чего. А которые крестьяне изъ за кого бѣжали до 110 году, голодныхъ лѣтъ за годъ , и которые послѣ голодныхъ лѣтъ за годъ , во 113 году и въ нынѣшнемъ во 114 году, и про тѣхъ крестьянъ сыскивая , отдавати прежнимъ помѣщикомъ и вотчинникомъ ; а въ чемъ будетъ споръ , и въ томъ давати судъ. А которые крестьяне пошли въ холопи до голодныхъ лѣтъ , и тѣхъ сыскивая по крестьянству изъ холопей выдавати. А на бѣглыхъ крестьянъ , по старому приговору, далъ пяти лѣтъ суда не давати.

№ XII.

П И С Ь М О

Польскаго Короля Сигизмунда III къ Самозванцу Отрепьеву, привезенное Писаномъ Гонсвѣвскимъ.

Отъ Найяснѣйшаго, Великаго, Божьею милостию Короля Польскаго, Великаго Князя Литовскаго, Рускаго, Прускаго, Жмудскаго, Мазовецкаго, Подольскаго, Кіевскаго, Волинскаго, Инфляндскаго, Эстляндскаго, и наслѣдственнаго Короля Шведскаго, Готскаго, Вандальскаго, Князя Финляндскаго.

Великому Государю, Божьею милостию и Великому Князю Дмитрію Ивановичу Владимірскому, Московскому, Новгородскому, Казанскому, Астраханскому, Псковскому, Вятскому, Югорскому, Болгарскому и другихъ государствъ Государю поздравленіе и желаніе всѣхъ утѣшеній отъ Господа Бога на долгія лѣта при добромъ здравіи, къ пользѣ и утѣшенію всего христіанства и нашихъ государствъ.

Мы всегда оказывали доброе наше расположеніе къ Вамъ Великому Государю и желали, дабы Всевышній благополучно окончилъ начатое дѣло, наипаче когда находился въ угнѣтѣніи, какъ Великій Государь увѣдомлялъ насъ, и какъ о томъ изъ другихъ мѣстъ доходили къ намъ извѣстія. Теперь слыша о благополучномъ ходѣ дѣлъ Вашихъ въ отчинномъ Вашемъ Государствѣ, мы не можемъ, какъ только очень тому радоваться и благодарить Бога. Желая же имѣть о томъ успѣхъ вѣрнѣйшее извѣстіе, посылаемъ нарочно Посла, дворянина и Секретаря Нашего Старосту Велижскаго Дворянина Александра Корвина Гонсвѣвскаго, которому Великій Государь дай въру, что скажеть отъ нашего имени, и черезъ него увѣдомь насъ о своемъ здравіи и о своихъ дѣлахъ. Писано въ Краковѣ 23 Августа 1605 года.

№ XIII.

Н А К А З Ъ ,

данный отъ Лжедмитрія Отрепьева Папскому посланнику
Графу Рангони для донесенія Польскому Королю.

Первое сказать то наяснѣйшему Королю , что со многихъ мѣрь , также із грамотъ , которые к намъ ис Полши приходятъ , вѣдомо то , что его Королевская милость о нашей любви к себѣ і ко всему Королевскому Полскому и Великому Княжеству Литовскому нѣкакую невѣрность имѣеть ; а того невѣдаю , для какихъ причинъ то дѣлаецца , добръ тому дивимся .

в с. Укажи и то его Королевской милости , что противъ нашего наказу не хочетъ намъ писати титулы Цесарские его Королевская милость , и мнѣ то недобръ надобно . А не есть іная мѣра , толко нелюбовь і измѣна подданныхъ нашихъ , і догадываютца , с нѣкоторыс потайные ссылки нашей съ его Королевскою милостью , что мы хотѣли отдать х Королевству нѣкоторые часті земли Государствъ нашихъ , і то , что хотѣли мы прилучитись х коруне Полской ; а такого умысленья і измѣны не возможно ныне оберегатисл , доколе усмиримъ еще Государство то , і для нужи и измѣны подданныхъ такимъ обычаемъ являлся язъ Королю его милости , и въ сердце ничего іного нелюбовнаго не имѣли есмя , толко великую милость і любовь противъ его Королевские милости .

г с. Скажи то всему Королевству Полскому и Великому Княжеству Литовскому , а болші всѣхъ Королю его милости ,

что мы в добродѣтели его і в любви, которую намъ являлъ і в нашей потребе пособлялъ, не забыли, чѣмъ его Королевскую милость не токмо въ брата мѣсто, за отца себя имѣю і почитаю, и ни в чемъ намъ такого не будетъ, чегобъ мы для его Королевскіе милости не учинили. А изменникъ Королевской Карлусъ Судерманъ вскорѣ над собою увидитъ, только жду подлинныя вѣсти отъ его Королевскіе милости, какъ с нимъ дѣлати похочеть.

д. е. А о титулѣ нашсмъ объявляю его Королевской милости, что мы о немъ говорить не перестанемъ, потому что намъ подобаеть, а никакие не любви или войны для того титула съ его Королевскою милостью і с Великимъ Княжествомъ Литовскимъ начинати не хотимъ; а чаю того отъ Короля его милости і жду, что ко мнѣ, по своен братской любви і милости, в такомъ праведномъ дѣлѣ намъ і самъ еще пособитъ.

з. е. О послѣхъ нашихъ великихъ, которыхъ хотѣли мы послати на болшой соймъ; і прежь сего о томъ писали до Короля его милости; а ине то отсрочили на иное время, чтобъ намъ прежь с. велможнымъ паномъ съ Юрьемъ Мнишкомъ с воеводою Сендамирскимъ і с тѣми, которыхъ отъ Короля его милости ждемъ, о дѣлахъ поговорити о вѣчномъ перемирьѣ и покое с Королевствомъ Польскимъ і с Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, толко отъ Короля его милости будетъ с нимі о томъ наказъ.

с. е. Просилъ насъ прежь сего неодинова Король его милость, чтобъ мы Густава, которой именуеть себя сыномъ Короля Шведцкого Ирика, задержали не какъ Королевича, но такъ какъ его уроженье есть; и то мы являемъ его Королевской милости, что мы его, по его Королевской воле, держимъ и ждемъ, что болші того надъ нимъ велитъ его Королевская милость дѣлати.

А у сего писма, что послано с посланникомъ с Александромъ, в низу припись ростригина по Польску: Дмитрей Царь.

А печать у писма тайнал.

№ XIV.

Р О С П И С Ь

ПОДАРКАМЪ ВРУЧЕННЫМЪ ВЛАСЬЕВЫМЪ ВЪ КРАКОВЪ МАРНИЪ МИШКОВОЙ И ЕЯ ОТЦУ.

Маринь:

Во первыхъ отъ Государыни матери, Царицы и Великія Книгини всея Руссіи, Ниокини Марѣы Ѳсedorовны, благословеніе, Образъ пресвятыя Троицы, богато оправленный въ золотъ и съ камнями.

Отъ Государя Царя и Великаго Князя Димитрія:

1. Перстень золотой съ алмазомъ.
2. Крестъ съ исмальми алмазами и двумя большими жемчужницами, на ономъ лаловая змѣя, а подъ нею Моисей изнещренный разными каменьями.
3. Перо не малое оправленное въ золотъ съ лалами, на косякъ висѣли три весьма большія и драгоценныя жемчужины.
4. Запона съ алмазами, лалами и крупнымъ жемчугомъ величнною съ малую грушу.
5. Сосудъ изъ чистаго драгоценнаго камня, изображающій птицу съ крыльями.
6. Чарка гянцинтоваля, оправленная въ золотъ.
7. Воль золотый съ каменьями стоящій на ногахъ, во внутренности коего находился разный домашній приборъ.
8. Крестикъ унизанный лалами и семью большими жемчужинами.
9. Чара большая золотая съ каменьями и жемчугомъ.
10. Золотой пеліканъ.

11. Сосудъ серебряный золоченый, изображающій челоуѣка на оленѣ, у коего высокія рога изъ коралла.

12. Корабль многоцѣнный изъ каменьевъ, золота и жемчуга; вещь пріятная и удивленія достойная.

13. Пава золотая съ красиво распущеннымъ и раззолоченнымъ хвостомъ, коего перья тряслись какъ на живой птицѣ.

14. Часы, на коихъ слонъ съ башнею, золотые, и кои можно почестъ за диво. Играли по Московскому обычаю, разные штуки громко и внятно, били въ бубны, трубили изъ двѣнадцати трубъ и долго оглушали уши слушателей; потомъ играли на флейтахъ и наконецъ били часа два.

/ 15. Чарка коралловая.

16. Шестнадцать сороковъ соболей, коихъ въ такомъ количествѣ не часто случается людямъ видѣть.

17. Нѣсколько штукъ Венеціанскаго бархату, алаго съ золотомъ.

18. Большая штука бѣлаго газета, въ коей до ста локтей.

19. Одна штука парчи золотой и другая серебряной.

20. Атласу желтаго съ каймою изъ золота и алаго и бѣлаго шелку.

21. Нѣсколько штукъ Турецкаго атласу, по серебряному дну, шелковыя узоры изображающія короны и мѣсяцы.

22. Нѣсколько штукъ Турецкаго атласу по лазоревому дну съ узорами шелковыми съ золотомъ.

23. Атласу желтаго на бѣломъ шелковомъ днѣ съ золотомъ и серебромъ.

24. Газету бѣлаго съ серебромъ гладкаго.

25. Газету вишневаго съ золотомъ.

26. Бархату алаго гладкаго.

27. Бархату лазореваго гладкаго.

28. Бархату зеленаго узорчистаго.

29. Четыре тысячи осьмнадцать лотовъ жемчугу.

Отъ Посла Московскаго:

Золототканый персидскій коверъ съ узорами съ обѣихъ сторонъ.

Одинъ сорокъ соболей.

Папу Воеводѣ

отъ Царя:

Конь въ яблокахъ; сѣдло алаго бархата въ золотой оправѣ съ каменьями; при ономъ стремяна стальные позолоченныя; оголовокъ алаго бархата съ оправою золотою и перломутровою, также и нашейникъ, наперсье и пахвы.

Бунчукъ съ золотой головкой.

Булава золотая съ каменьями.

Чарка изъ золота съ каменьями.

Четыре Персидскихъ ковра.

Шуба чернолисыя.

Шапка чернолисыя.

Шесть сороковъ соболей.

Три кречета съ золотыми колокольчиками и жемчужными наголовками; для держанія ихъ рукавицы золотыя Турецкія.

Отъ Посла самаго:

Два сорока соболей.

№ XV.

Г Р А М О Т А

Царя Василья Иоанновича въ Пермь Великую, о возшествіи его на престолъ, съ приложеніемъ двухъ подкрестныхъ записей.

І. Отъ Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всеа Русіи, въ Пермь Великую, Князю Семснѣ Юрьевичу Вяземскому да подъячѣму Ивану Ѳедорову. Праведнымъ судомъ Божиимъ, а за нашъ грѣхъ и всего православнаго крестьянства, богоотступникъ, еретикъ, рострига, воръ Гришка Богдановъ сынъ Отрепѣвъ, своимъ воровствомъ и чернокумекствомъ назвавъ себя Царевичемъ Димитріемъ Ивановичемъ Углецкимъ, омраченъемъ бѣсовскимъ прелестилъ многихъ людей, а иныхъ устрашалъ смертнымъ убійствомъ, былъ на Московскомъ государствѣ Государемъ, и церкви Божіи осквернилъ, и хотѣлъ истинную крестьянскую вѣру попрали и учинить Люторскую и Латынскую вѣру, и по своему злокозненному умыслу всѣхъ крестьянъ хотѣлъ отъ Бога отвести: и Богъ милосердый, нехотя злокозненного помысла исполнити, всѣмъ людямъ его воровство и еретичество объявилъ, и за то Гришка, противъ своего злодѣйственнаго дѣла принялъ отъ Бога возмездіе, злѣе животь свой скончалъ; а насъ всѣхъ православныхъ крестьянъ милосердый Богъ, по своей неизреченной милости, отъ его злодѣйственнаго умысла и отъ оскверненія избавилъ. А умыслъ его бѣсовской былъ таковъ: възгы въ хоромѣхъ его грамоты многія ссылочныя, воровскія, съ Полшею и Литвою, о разоренъѣ Московскаго го-

сударства, да тутожь грамота къ нему къ вору отъ Римско-го Папы, а въ грамотѣ писано, чтобъ онъ держалъ крѣпко свою Латынскую вѣру и дѣти бѣ его, которые будутъ впредь по немъ, также въ той вѣрѣ были; а для укрѣпленія Римскія вѣры прислалъ къ нему законника своего попа, а писалъ объ немъ, что онъ его вѣру утвердить, и тотъ Папинъ попъ, по своимъ дѣломъ, также злую смерть принялъ. Да послѣ смерти жъ того вора Гришки, объявилъ Полякъ, которой жилъ у него близко, что было тому вору ростригъ вести нарядъ пушечной большой съ города и изъ казны весь, для стрѣлбы, и вѣхать было ему за посадъ, а бояромъ и дворяномъ и всякимъ людемъ быти было съ нимъ же на стрѣлбѣ, а Литовскимъ людемъ вѣзмъ, коннымъ и пѣшимъ, быти было съ нимъ же вѣзмъ вооруженнымъ, съ копья и съ пищальми, будго для потѣхи, и прѣвхавъ было къ наряду всѣхъ бояръ и думныхъ людей и болшихъ дворянъ побить, и росписано было у него имяна вѣзмъ, кому кого побить указано; а побивъ и прѣвхавъ въ городъ роздавати было ему тестю своему, воеводѣ Сандомирскому, и его родству многіе города и наша царская казна, что осталась за его воровскимъ расточеньемъ, и всѣхъ было православныхъ крестьянъ приводити въ Люторскую и въ Латынскую вѣру; да по своему злодѣйскому умыслу, нарядъ весь пушечной вывезъ, и то знатно, что было такъ ему чинити. Да намъ же и Бояромъ нашимъ сказывалъ Золотой Квашинъ, которой измѣнилъ, отъвѣхалъ отъ великаго Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ Литву, умыслъ того вора Гришки, что онъ, будучи въ Литвѣ, поступился Королю Смоленска и Сѣверскія земли всея, а тестю своему воеводѣ Сандомирскому и родству его многіе города въ вотчину, и на томъ на всемъ ему присягалъ, и хотѣлъ разорити Московское государство. И мы, слыша и видя то, всеяному Богу хвалу воздаемъ, что отъ такого злодѣйства избѣли. И послѣ того, прося у Бога милости, Митрополиты, и Архіепискупы, и Епискупы, и весь освященный соборъ, также и бояре, и дворяне и дѣти боярскіе, и всякіе люди Московскаго государства, избирали вѣзмъ Московскимъ государст-

вомъ, кому Богъ изволитъ быти на Московскомъ государствѣ Государемъ: и били намъ челомъ Митрополиты, и Архієпискушы, и Епискупы, и весь освященный соборъ, и бояря, и околничіе, и дворянс, и приказные люди, и столники, и стряпчіе, и дѣти боярскіе, и гости, и торговые и всякіе люди Московскаго государства, чтобъ намъ быти на Московскомъ государствѣ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ, по степени прародителей нашихъ, его жъ дарова Богъ великому Государю Рюрику, иже бѣ отъ Римскаго Кесаря, и потомъ многими лѣты и до прародителя нашего великаго Государя Александра Ярославича Невскаго, отъ него же прародители наши на Суздальской удѣль по родству раздѣлишася. И мы великій Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи, за волю Божією и за прошеніемъ богомолцовъ нашихъ Митрополитовъ, и Архієпискуповъ, и Епискуповъ, и всего освященнаго собора, и за челолюбьемъ бояръ и околничихъ, и дворянъ, и вслѣхъ людей Московскаго государства, и по колѣнству нашему, учинились есмь на Московскомъ государствѣ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи, и съ Божією помощію хотимъ держати Московское государство потому жъ, какъ прародители наши великіе Государи Російскіи Цари, а васъ всѣхъ хотимъ жаловати и любити свыше прежнего и смотря по вашей службѣ; на томъ на всемъ лѣтъ Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи, въ соборной церкви Пречистыя Богородицы, предо всеми людьми цѣловалъ Животворящій крестъ всемъ людямъ Московскаго государства, а бояре наши, и дворяне, и дѣти боярскіе, и гости, цѣловали намъ крестъ по записи; а по которой записи цѣловалъ лѣтъ Царь и Великій Князь, и по которой записи цѣловали бояре и вся земля, и мы тѣ записи послали къ вамъ. — И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ тотъ часъ велѣли быти въ соборную церковь игуменомъ и всему освященному собору, и дворяномъ, и дѣтемъ боярскимъ, и приказнымъ людямъ, и гостемъ, и торговымъ и всякимъ людямъ, и сю нашу грамоту велѣли бѣ естя вычесть всемъ людсмъ въ слухъ, и о такомъ великомъ неизре-

чешномъ милосердѣ Божіи воздали бѣ естя хвалу всесилному въ Троицѣ славимому Богу, что насъ и васъ всѣхъ православныхъ крестыанъ не предалъ въ руцѣ врагу и богооступнику и что испорочная истинная наша крестыанская вѣра не порушилась; и пѣли бѣ естя молсбны въ соборной церквѣ и по всему граду по три дни, съ звономъ, и молили бѣ естя всесилного и чловѣколюбивого въ Троицѣ славимаго Бога нашего и Пречистую Богородицу, нашу крестыанскую надежу и заступницу, и великихъ чудотворцовъ и всѣхъ святыхъ о устроеніи всего міра и о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей, и о нашемъ многолѣтномъ здравіи, и о всемъ православномъ крестыанствѣ, чтобъ Господь Богъ отвратилъ свой праведной гнѣвъ и подаровалъ миръ и тишину, и устроилъ бы всему православному крестыанству полезнал, чтобъ церкви Божіи впрредѣ стояли неподвижно и истинная православная крестыанская вѣра была нерушима; и вычетчи наши грамоты всѣмъ въ слухъ, цѣловали бѣ естя намъ крестъ по той записи, по которой цѣловали болре и вся земля, и впередъ бы естя намъ великому Государю служили и прямили и добра хотѣли такъ же, какъ естя обykle служити пражнимъ великимъ Государемъ Царемъ Російскимъ, прародителемъ нашимъ; а мы великій Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ, вса Русіи Самодержецъ, хотимъ васъ жаловать и любить свѣще пражнего. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7114 Маія въ 20 день.

II. «Божією милостію мы великій Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ вса Русіи, щедротами и чловѣколюбіемъ славимаго Бога, и за моленіемъ всего освященнаго Російскаго собора, и по челобитію и прошенію всего православнаго христіанства, учинилися есмь на отчинъ прародителі нашихъ, на Російскомъ государствѣ Царемъ и Великимъ Княземъ, его же дарова Богъ прародителю нашему Рюрику, иже бѣ отъ Римскаго Кесаря, и потомъ многими лѣты и до прародителя нашего Великаго Князя Александра Ярославича Невскаго на семъ Російскомъ государствѣ быша прародителі мои, и по семъ на Суздальской удѣлѣ роздѣлишася, не отнятіемъ и не отъ неволи, но по

родству, яко же обыкли бошая братья на бошая мѣста свѣдати: и нынѣ мы великій Государь, будучи на престолѣ Російского царствѣ, хотимъ того, чтобъ православное христіанство было нашимъ царскимъ доброоопаснымъ правительствомъ въ тишинѣ и въ покой и благоденствѣ, и поволѣилъ есми язь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи цѣловати крестъ на томъ, что мнѣ великому Государю всякого челоувка, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати и вотчинъ и дворовъ и животовъ у братьи ихъ и у женъ и у дѣтей не отымати, будетъ которыс съ ними въ мысли не были; также у гостей и у торговыхъ и у черныхъ людей, хоти которой по суду и по сыску дойдетъ и до смертныя вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отымати, будетъ съ ними они въ той винѣ невинны; да и доводовъ ложныхъ мнѣ великому Государю не слушати, а сыскивати вслкими сыски накрѣпко и ставити съ очей на очи, чтобъ въ томъ православное христіанство безвинно не гибли; а кто на кого солжеть, и сыскавъ того казнити, смотря по винѣ его, что былъ взвелъ неподѣлно, тѣмъ самъ осудителъ. На томъ на всемъ что въ сей записи писано, и язь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи цѣлую крестъ всемъ православнымъ крестьяномъ, что мнѣ ихъ, жалуй, судити истиннымъ праведнымъ судомъ, и безъ вины ни на кого опалы своей не класти, и недругомъ никому никого въ неправдѣ не подавати, и ото всякого насилства оберегати.»

III. «Я имярекъ цѣлую крестъ Государю своему Царю и Великому Князю Василью Ивановичу, всеа Русіи Самодержцу, и его Царицѣ и Великой Княгинѣ, и ихъ Царскимъ дѣтемъ, которыхъ имъ Государемъ впредъ Богъ дастъ, на томъ: служити мнѣ ему, Государю своему, и прямиати и добра хотѣти во всемъ вправду, безо всякія хитрости; а лихо мнѣ Государю своему, Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русіи никакова не хотѣти, ни мыслити, ни думати, ни которыми дѣлы, ни которою хитростью; и въ ѣствѣ и въ питѣвѣ, ни въ платѣвѣ, ни въ иномъ въ чемъ лиха никакова не учинити и не испортити, ни зелья лихого и

коренья не давати. А кто мнѣ учнетъ о какомъ лихѣ говорить на нихъ Государей, и мнѣ того человѣка не слушати, и зслѣ лихого и коренья у того человѣка не имати, и поймавъ того человѣка сказати про него Государю или его ближнимъ людемъ; а будетъ за которыми мѣрами поймать не лучится и мнѣ про того человѣка тотъ-часъ сказати Государю. Также мнѣ, опрочъ Государя своего Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи, на Московское государство иного Государя и изъ иныхъ Государствъ и изъ своихъ ни кого не искати, и не хотѣти, и не мыслити, и не измѣнити ему Государю ни въ чемъ; и съ измѣнники его, которые ему Государю служити не учнутъ, а учнутъ измѣнати, и съ ихъ родствомъ и совѣтники ни на какое лихо не ссылатись писмомъ и иными никакими мѣры, и не измѣнити мнѣ Государю своему Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русіи ни въ чемъ, и государства подъ нимъ Государемъ не подыскивати, и скопомъ и заговоромъ и вслкимъ умышленьемъ ни на кого не приходити, и недружбы своей никому не мстити, и никого безъ Государева вѣдома не убити; а у кого свѣдаю скопы, или злое которое умышленье и совѣтъ, на Государя своего Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи какос лихое умышленье, и съ тѣми людми, кто будетъ въ томъ скопѣ и во всякомъ зломъ умышленьѣ; и мнѣ за него Государя своего стояти и съ измѣнники ихъ битися до ѿ смерти. Также мнѣ отъ Государя своего Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи ни въ которое государство не отъѣхати и не измѣнити ему Государю ни въ чемъ, отнюдь, никакими мѣрами, по сему крестному цѣлованью.»

«Цѣлую сей святый и Животворящій крестъ Господень на томъ, что мнѣ Государю своему, Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русіи, служити и прѣмити и добра хотѣти во всемъ вправду, безо всякія хитрости, по тому, какъ въ сей записи писано, и до своего живота, по сему крестному цѣлованью.»

№ XVI.

ОКРУЖНАЯ ГРАМОТА

отъ Царицы Марѣы Ѳедоровны къ воеводамъ Сивирскихъ городовъ, о убіеніи Лжедмитрія и о избраніи Царя Василья Іоанновича.

Отъ Царицы и Великія Княгини иноки Марѣы Ѳедоровны всея Русіи, въ Сибирь, въ Туринской острогъ воеводѣ нашему Иваку Никитичу Годунову, и служивымъ и торговымъ и вслкимъ людемъ. Судомъ Божиимъ, а за нашъ грѣхъ и всего православнаго Христіанства, богоотступникъ, еретикъ, рострига, воръ Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, своимъ вѣдовствомъ и чернокнижствомъ, назвалъ себѣ сыномъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Русіи, нашимъ Царевичемъ Дмитресемъ Ивановичемъ, и омраченіемъ бѣсовскимъ прельстилъ въ Польшу и въ Литву многихъ людей, и съ ними пришедъ въ нашу Сѣверскую землю, въ Митревскомъ и въ Черниговъ прельстилъ всѣхъ людей, а иныхъ устрашилъ смертнымъ убивствомъ, да и не токмо васъ и бояръ нашихъ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и служивыхъ и жилетцкихъ людей, и насъ самихъ и съ родители нашими устранилъ смертію; былъ на Московскомъ Государствѣ и церкви Божіи осквернилъ, и вѣру Христіанскую хотѣлъ попрали, взялъ дѣвку изъ Польши Латынскія вѣры, и не крестилъ се, вѣнчался съ нею въ соборной церкви пречистыя Богородицы, и помазалъ ее муромъ и вѣнчалъ ее Царскимъ вѣнцомъ, и учинити хотѣлъ въ Россійскомъ Государствѣ Люторскую и Латынскую вѣру, и по своему злокозненному умыслу, всѣхъ хотѣлъ отъ Бога отвести; и Богъ милосердый, не хотя его злокозненнаго по-

мысла исполнити всемъ людемъ его воровство и сретничество объявилъ, и язъ болромъ и дворяпомъ и всемъ людемъ о томъ объявила прежь сего тайно, а нынѣ всемъ явно, что онъ не нашъ сынъ Царевичъ Дмитрей, воръ, богоотступникъ, сретникъ; а сынъ нашъ Царевичъ Дмитрей Ивановичъ убитъ на Угличѣ передо мною и передъ братьею моею, отъ Бориса Годунова, а нынѣ онъ лежитъ на Угличѣ; и бояре и дворяне многіе про него вѣдаютъ, а того вора и богоотступника Гришку многіежъ люди знали, только боялись смертнаго убивства. А нынѣ, по Божіей милости и Его праведными судьбами, тотъ воръ Гришка, по своимъ злодѣйственнымъ дѣламъ, возмездіе отъ Бога и казнь пріять, а какъ надъ нимъ по его дѣламъ учинилося, и я съ братьями всемъ людемъ Московскаго Государства подлинно сказывали, что сынъ нашъ Царевичъ Дмитрей Ивановичъ убитъ отъ Бориса и погребенъ на Угличѣ, а тотъ воръ назывался Царевичемъ Дмитріемъ ложно; а какъ онъ своимъ вдовствомъ и чернокнижствомъ привхалъ изъ Путимля къ Москвѣ, на Московское Государство, и онъ, вѣдая свое воровство, по насъ Великую Государыню не послалъ многое время, а прислалъ къ намъ своихъ советниковъ, а вельѣя того беречи накрѣпко, чтобъ къ намъ ни кто не приходилъ, и съ намибъ объ немъ никто не разговаривалъ; а какъ вельѣя насъ къ Москвѣ привести, и онъ на встрѣчѣ былъ у насъ одинъ, а бояръ и иныхъ никакихъ людей съ собою пускать къ намъ не велѣя, и говорилъ намъ съ великимъ прещеньемъ, чтобъ мнѣ его не обличити, претя намъ и всему нашему роду смертнымъ убивствомъ, чтобъ намъ тѣмъ на себя и на весь родъ свой злыя смерти не навести, и посадилъ меня въ монастырь, и представилъ ко мнѣ по томужъ своихъ советниковъ, и остерегати того вельѣя накрѣпко, чтобъ его воровство было не явно, а я для его пристрастья, объявити въ народъ его воровство явно не смѣя; а нынѣ насъ и васъ православныхъ Христіанъ всехъ милосердый Богъ, по Своей неизреченной милости, отъ его злодѣйственнаго умысла и отъ оскверненія избавилъ, и по своимъ сквернымъ дѣламъ онъ и возмездіе отъ Бога и казнь пріять. И послѣ того, прося у Бога милости, язъ,

и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы и весь освященный соборъ, также и бояре, и дворяне, и дѣти боярскіе и всякіе люди Московскаго Государства избирали всѣмъ Московскимъ Государствомъ, кому Богъ изволить быти на Московскомъ Государствѣ Государемъ; и всесильный и въ Троицы славимый Богъ нашъ на насъ и на васъ милость Свою показалъ, объявилъ Государя на Московское Государство Великаго Государя Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всея Русіи Самодержца, Государя благочестиваго, и по Божіей церкви и по православной Христіанской вѣрѣ поборателя, и отъ корени Великихъ Государей Россійскихъ, отъ Великаго Государя Александра Ярославича Невскаго, и многое смертное изгнаніе за православную вѣру съ братьею своею во многія лѣта претерпѣли, а наипаче всѣхъ отъ того вора и богоотступника и еретика смертію пострадали. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и тыбѣ тотъ часъ велѣлъ попомъ и дьякономъ, и всякимъ служивымъ и чернымъ людемъ быти къ соборной церкви; а какъ сберутся всѣ люди, и тыбѣ сю нашу грамоту велѣлъ вычестъ всѣмъ людемъ въ слухъ, и о такомъ великомъ милосердѣ Божьемъ воздали хвалу Богу, и молили о Царскомъ здравь и о всемъ православномъ Христіанствѣ, чтобъ Богъ устроилъ полезная, и жилъ бы еси Туринскомъ острогъ съ великимъ береженьемъ, и сумнѣньябъ еси себѣ въ томъ никакого не держалъ, что по грѣхомъ насъ и васъ всѣхъ прельстилъ, то сдѣлалось по грѣхомъ по нашимъ, судомъ Божиимъ: а я и Государь Царь и Великій Князь Василій Ивановичъ всея Русіи Самодержецъ хотимъ васъ жаловати нашимъ Царскимъ жалованьемъ свѣше прежняго. Писана на Москвѣ, лѣта зрді, Маія въ ка день. Подлинная грамота за подписью дьяка **Алексія Шипилова**.

№ XVII.

Походъ Московскаго Царя Димитрія въ Москву съ Юріемъ Мишикомъ Воеводою Сендомирскимъ и прочимъ рыцарствомъ.
1604 г.

Смотръ войска подъ Глинянами. Съѣхавшееся туда рыцарство составило Коло и избрало изъ среди себя Гетманомъ Пана Воеводу Сендомирскаго, а Полковниками Пана Адама Жулицкаго и Пана Адама Дворжицкаго. На Колъ постановили также статьи о походѣ. Потомъ съ Царевичемъ двинулись три роты: Пана старосты Саноцкаго, Пана Фредро и Царскаго. Пѣшихъ же 400 человекъ. Другія же роты направлись сбоку и сзади и не прежде всѣ совокупились, какъ надъ Днѣпромъ за 2 мили отъ Кіева у Остржа при Московской границѣ. Идя къ Кіеву, мы опасались войска Князя Острожскаго Каштеляна Краковскаго, состоящаго изъ нѣсколькихъ тысячъ человекъ. Оно протягивалось надъ нами до самаго Днѣпра, и потому мы были въ осторожности; цѣлыя ночи не спали, и держали лошадей въ готовности.

Потомъ пришли къ Днѣпру. Панъ Краковскій приказалъ уничтожить всѣ перевозы, и потому мы оставались нѣскольکو дней надъ Днѣпромъ, ожидавъ поромовъ, и по милости Божьей переправились чрезъ Днѣпръ благополучно. Одинъ только товарищъ, бывъ долго боленъ лихорадкою, соскучился недугомъ, бросился съ порома въ воду и потонулъ.

Пройдя Днѣпръ, мы шли чрезъ дубровы, красивыя поля и луга, густою травою покрытыя. Погода была хороша. Дорогою мы снабжали себя живностию.

Миновавъ Остеръ, граничный замокъ нашего Короля, шли мы къ Московскому замку Моравску. Въ 5 миляхъ отъ Моравска рыцарство уговорилось съ Паномъ Гетманомъ, дабы отправить впередъ нѣсколько Козацкихъ полковъ, а именно Белешка, который имѣлъ при себѣ 2000 Украинскихъ Козаковъ, Кудка и Щвайковскаго.

Москали, узнавъ въ Моравскѣ, что Царь вступаетъ въ землю съ Польскимъ войскомъ, начали тревожиться и совѣтоваться; и болѣе отъ страха, чѣмъ по доброй волѣ, отправили пословъ къ Царю объявляя, что готовы сдаться. Мы подступили къ замку съ войскомъ въ порядкъ, и расположились обозомъ. Царь же съ Паномъ Воеводою въѣхалъ въ замокъ, и принялъ оный съ находящимися въ ономъ орудіями, а Москва тутъ же выполнила присягу на подданство. Снабдивъ какъ следовало замокъ, двинулись мы къ Чернигову, лежащему въ 12 миляхъ отъ Моравска, надъ рѣкою Десною, которая течетъ и подъ Моравскомъ. Черниговъ замокъ весьма крѣпкій, и городъ очень достаточно снабженный орудіями. Козаки шли къ Чернигову передъ войскомъ и подѣхавъ къ замку и къ городу, требовали, чтобы сдались Царю Дмитрію Ивановичу. Но ихъ не слушали: напротивъ того, стрѣляли въ нихъ и многихъ изъ нихъ убили. Узнавъ однакожь, что Моравскъ сдался, Черниговцы собрались на совѣтъ, и положили поддаться Царевичу: одинъ только Воевода, Князь Иванъ, тому противился, но Москва его связала. Между тѣмъ Козаки штурмовали городъ, желая обогатиться, да бежемъ, прежде чѣмъ войско подоспѣетъ. Тогда Москали послали къ Царевичу изъ Чернигова, прося его послать къ Козакамъ, дабы не грабили города, ибо они сдались добровольно. Извѣстіе сіе было прискорбно Царю и войску, и онъ отправилъ къ Козакамъ Пана Станислава Боршу, а Пана Пржедродовскаго, дворянъ и рыцарей своей роты: но до пріѣзда посланныхъ, Козаки городъ разграбили, и только пустыя коробыи стояли передъ домами. На другой день Царь съ войскомъ стройно вошелъ въ Черниговъ, и увидѣвъ зло, учиненное Козаками, послалъ въ ихъ лагерь, весьма на нихъ досадуя, и приказалъ, чтобы возвратили взятое, въ особенно-

сти частное имущество. Въ противномъ случаѣ имъ угрожали, что Царь и прочее рыцарство раздѣлаются съ ними съ оружіемъ въ рукахъ. Тогда Козаки прислали къ Царю и къ рыцарству просьбу, представляя, что у нихъ много убитыхъ и раненыхъ, и что они поспѣшили завладѣть городомъ, единственно имѣя въ виду услужить Царю, ибо опасались, чтобы Москва, усилившись, не вздумала противиться. Царь остановился у Чернигова на нѣсколько дней, и приказалъ возвратитъ отнятое. Козаки хотя и не все, но возвратили часть. Царь же съ Паномъ Воеводою стоялъ лагеремъ близъ самаго Чернигова.

Тутъ рыцарство просило у Царя денегъ, жалуясь на недостатокъ въ платѣ и продовольствіи. Царь, взявъ 10,000 зл. изъ Черниговскаго замка, роздалъ ихъ рыцарству. Подъ Черниговымъ мы отдыхали недѣлю.

Оттуда мы двинулись къ Новогородку, за 36 миль отъ Чернигова. Лѣса по всей дорогѣ.

Козаки, подойдя къ Новогородку, надъ тою же рѣкою Десною, хотѣли тотъ часъ же сдѣлать приступъ; но опасались такого же гнѣва отъ Царя, какъ и въ Черниговѣ. А между тѣмъ Басмановъ, начальникъ замка, сжегъ городъ, а самъ заперся въ замкѣ.

Царевичъ, подойдя съ войскомъ въ порядкѣ, отправилъ къ замку для переговоровъ Пана Матвѣя Доморацкаго, Станислава Боршу, Блоскурскаго, Старосту Остерскаго и пр., и съ ними вмѣстѣ и Моравскихъ Москалей. Москва однакожъ не хотѣла вступать въ переговоры; напротивъ стрѣляла по насъ еще сильнѣе и кричала, *а вы, блѣдины дѣти, вы пріѣхали съ воровъ за нашими деньгами.*

Когда войско стало лагеремъ надъ рѣкою Десною, въ четверти или полумили, отъ замка, вѣрно было тотъ часъ, копать траншеи и плестъ туры. Выставивъ 8 небольшихъ полевыхъ пушекъ и 6 фалконетовъ, на колесахъ и винтахъ, стрѣляли по замку, испытывая, не сдадутся ли? Наши Гусары, покинувъ лошадей, кто хотѣлъ, шли на приступъ; другія же роты стояли въ полѣ; но Москва дважды, стрѣльбою своею, отразила нашихъ отъ замка. Въ третій разъ, подымавъ

деревянные на саяхъ срубы, и подвигая ихъ передъ собою, мы въ ночное время тихо пошли за ними, а еще позади насъ слѣдовали 300 человекъ съ соломой и хворостомъ, дабы потомъ зажечь солому и хворостъ подъ замкомъ. Дойдя къ замку, бросали хворостъ въ ровъ. Москали, увидѣвъ, стрѣляли изъ пушекъ и много нашимъ повредили. Штурмъ продолжался съ вечера до утра. Наши увидѣвъ, что не имѣя большихъ орудій, которыми бы можно сдѣлать проломъ, не лѣзя взять замка, отступили, потерявъ немалое число людей. Царевичъ былъ отъ того весьма смущенъ, такъ что отъ печали почти падалъ въ обморокъ, и негодуя на свое злополучіе и на Поляковъ, говорилъ: *я лучше судилъ о Полякахъ, но вижу они такіе же люди, какъ и другіе. Услышавъ сіе, бывшіе тогда при Царевичѣ отвѣчали: не убавляй нашей доброй славы, ибо то всѣмъ народамъ извѣстно, что намъ не повось брать штурмомъ крѣпкіе замки. Хотя мы и не обязаны ходить на приступъ; однако мы поддерживая славу предковъ нашихъ отъ того по нынѣ не отказывались, и отказываться не хотимъ; прикажите только сдѣлать проломъ, а когда намъ доведется сразиться съ врагами въ открытомъ полѣ, тогда Милостивый Царь увидишь храбрость и мужество Поляковъ, о которыхъ нынѣ отзывался такъ легко.* Малое время спустя наглядѣлся онъ на Польскую храбрость, и иначе сталъ судить о нихъ. Довелось нашимъ до того, что стали сомнѣваться подлинный ли онъ? Но на другой же день, по милости Всевышняго, получено утѣшительное извѣстіе, что идутъ посланные отъ города Путивля, лежащаго въ 15 миляхъ отъ Новгородка, съ объявленіемъ, что Путивляне готовы поддаться Царю. Сіе, при чудесной помощи Божіей, произошло слѣдующимъ образомъ Москали Царскіе аллебардщики, пришедшіе съ Царемъ еще изъ Самбора, вздѣли за продовольствіемъ къ Путивлю. Вышедшіе Путивляне поймали ихъ и спрашивали: *Какіе вы люди?* Они отвѣчали: *мы братья ваши, идемъ въ отпизну съ Дмитріемъ Ивановичемъ, Государемъ нашимъ природнымъ.* Не довѣряя разсказу, хотѣли было пытать ихъ, тогда они сказали: *Головы наши въ рукахъ вашихъ, можете дѣлать съ нами, что хотите, но мы не можемъ сказать ничего больше кромъ того, что*

знаемъ, и что удостовѣрились, что онъ есть истинный дья-
диль, и вамъ совѣтуемъ, ему поклониться. Они разсудивъ о
томъ хорошо и посовѣтовавшись вмѣстѣ, связали Воеводу и
привели ихъ въ лагерь подь Новогородкомъ. Царевичъ и все
рыцарство были тѣмъ весьма довольны, тѣмъ болѣе, что на
третій или четвертый день послѣ того поддались замкъ
Рыльскъ и Комарицкая волость.

Привезено потомъ изъ Путивля осадныхъ орудій 5, и по
меньше 8. Наши выставили ихъ въ траншеяхъ, пріискавъ
выгоднѣйшее мѣсто для дѣйствія и стрѣляли изъ нихъ по
Новогородку весьма сильно. Въ первый день убили до 60 лю-
дей въ замкъ, ибо ядра пробивали стѣну насквозь. Стрѣльба
сія продолжалась почти цѣлую недѣлю днемъ и ночью.

Потомъ дошли до насъ слухи, что великое войско Бориса,
какъ сказывали до 200,000 человекъ, идетъ на насъ. Наши,
по Божіей милости, того не побоялись. Изъ разныхъ ротъ
собрались охотники, которые избравъ изъ среди себя на-
чальниковъ, и взявъ съ собою Московскихъ провожатыхъ,
пошли на встрѣчу Борисова войска, для наблюденія за дви-
женіями онаго.

Москали также изъ войска Бориса отрядили передъ собою
для открытія нѣсколько тысячъ Татаръ. Нашихъ не было
болѣе 800. Встрѣтившись съ непріателемъ нечаянно ночью,
мы сразились. По Божьей милости, Татары побѣжали, и мы
гнали ихъ въ болото, гдѣ много ихъ потонуло. Пленныхъ
досталось намъ нѣсколько десятковъ; пытая ихъ, мы узнали,
что войско превеликое.

Черезъ недѣлю потомъ, оное войско Борисово подошло къ
намъ подь Новогородкъ, къ самому почти лагерю, такъ что
передовая стража наша убралась въ лагерь, давая знать, что
народу много идетъ.

Панъ Воевода, въ качествѣ Гетмана, отправилъ свѣжую
стражу изъ лагеря, дабы стерсглись до разсвѣта. На другой
день, призвавъ въ помощь Господа Бога, и затрубивъ тихо
подь сурдиною, войско выступило изъ лагеря. Москва укрѣ-
пилась и стояла охорашиваясь и гарцуя. Басмановъ не пере-
ставалъ дѣлать частыя вылазки изъ замка, стрѣляя въ на-

шихъ. Потому наши отрядили нѣсколько сотъ Козаковъ, приказавъ имъ удерживать его. Нѣсколько разъ Козаки по пятамъ его врубивались въ самый замокъ. Наступилъ вечеръ: сраженіе не было дано, потому что время прошло въ переговорахъ Царевича съ Москвою.

На другой день, когда переговоры не имѣли успѣха, войско Московское, весьма многочисленное, подступило къ самому лагерю. Наши, будучи готовы, вышли изъ лагеря въ порядкъ. Устроили войско какъ умѣли лучше, и потомъ велѣли вступить въ сраженіе ротъ Пана Неборскаго, состоящей изъ 200 лошадей. Неборскій дрался хорошо, но былъ опрокинутъ Москвою. Отведя роту, онъ скоро опять возвратился на бой, и поскакалъ съ двумя ротами съ Крушиною и Былинскимъ. Въ то же время Дворжицкій такъ мужественно наступилъ съ своею Петигорскою ротою, что почти успѣлъ привести Москву въ замѣшательство. Потомъ бросились на непріятеля двѣ роты Гусарскія, Пана Старосты Саноцкаго и Пана Фредро. Третья Пана Щуки хорошо поддерживала. Наконецъ сразилась и четвертая Царская рота, изъ 200 лошадей состоящая, и много пособила, ибо тотъ часъ же большое Московское войско начало отступать. Были однакъ еще запасныя роты, которыя не сражались, ибо не было въ томъ надобности. Нѣсколько тысячъ стрѣльцевъ Борисовыхъ были такъ укрыты въ дому, что не скоро наши открыли ихъ. Польская пѣхота наша наступила на нихъ и съ помощью Божьею всѣхъ ихъ разбила. Такимъ образомъ, при помощи Божьей, мы отстояли поле и одержали побѣду. Войско Борисово отступило отъ насъ за двѣ мили, и подымало засѣки и прокопы въ лѣсу. Наши чуть чуть не взяли богатую хоругвь главнаго Московскаго войска.

На другой день, по Христіанскому обычаю, погребали тѣла убитыхъ Москалей. Три огромныя могилы вырыты были на полѣ сраженія, и тамъ схоронено до 6,000 труповъ. Царь, прозжая между мертвыми тѣлами, и видя столь много своихъ земляковъ убитыхъ, очень сожалѣлъ и плакалъ. Поляковъ же убитыхъ, изъ значительныхъ, было не болѣе 20, и они похоронены съ великою честью при церквѣ, бывшей по-

среди лагеря; другихъ же простыхъ людей нашихъ погибло до 100, и ихъ похоронили возлѣ Москалей, въ малой могилѣ. Между мертвыми найденъ Мстиславскій, весьма изрубленный.

Послѣ перваго сраженія рыцарство наше размыслило, что претерпѣваютъ недостатокъ, какъ сами, такъ и челядь ихъ. Иныхъ же, кажется, приводилъ къ смятенію страхъ ожидаемой большей опасности. Всѣ стали требовать отъ Царя денегъ, говоря, что если не получаютъ оныхъ, то тотъ-часъ же уйдутъ въ Польшу. Царевичъ убѣдительно просилъ, дабы обождали, и не отказывались довершить побѣды надъ сильно-разстроеннымъ непріателемъ. Рыцарство ничего не слушало, и отвѣчало, что всѣ возвратятся въ Польшу, если не получатъ денегъ. Царевичъ, видя, что дѣло плохо, не зналъ на что рѣшиться, немнѣя, кажется, достаточно денегъ, чтобы всѣхъ удовлетворить. Тогда товарищи 3-ей роты Пана Фредро стали тайно говорить Царю: *Дай намъ однимъ деньги, такъ чтобы другія роты о томъ не знали: ибо роты сіи на насъ оглѣдываются; ежели мы останемся, то и онѣ останутся.* Несчастный Царевичъ дался въ обманъ, и въ ночное время послалъ къ нимъ деньги. Узнавъ о томъ, другія роты явно взбунтовались, упрекая Царевича, что одной ротѣ далъ деньги, а другія ничего не получили.

Панъ Воевода, который находился тогда въ болѣзненномъ состояніи, объявилъ, что дѣла его требуютъ присутствія его на Сеймъ, и въ слѣдствіе сего онъ оставилъ лагерь Царевича, а съ нимъ и большая часть рыцарства. Царевичъ былъ очень огорченъ претерпѣнными имъ отъ рыцарства разными непріятностями. У него отняли было и хоругвь его, и сорвали даже съ него соболью шубу, которую потомъ однакожъ Москва выкупила за 300 злотыхъ. Многіе ругали его, и одинъ Полякъ сказалъ *«Ей ей, быть тебѣ на столбѣ,»* Царевичъ за сіе далъ ему пощечину. Несчастный Царевичъ скакалъ отъ одной роты къ другой, умоляя именемъ Бога не покидать его. Но онъ никоимъ образомъ не хотѣли оставаться, кромѣ нѣсколькихъ товарищей изъ разныхъ ротъ, такъ что при Царевичѣ всего Польскихъ людей осталось не болѣе 1500.

Отправившееся съ Паномъ Воеводою войско испытало великія бѣдствія: холодъ и голодъ, какъ сами люди, такъ и лошади ихъ. И потому между ими одинъ на другаго слагалъ вину отъѣзда. Въ самомъ дѣлѣ имъ довслось переносить болѣе трудовъ, чѣмъ оставшимся при Царевичѣ людямъ.

Послѣ отъѣзда Пана Воеводы и отправившагося съ нимъ рыцарства, пришло 12,000 Козаковъ Запорожскихъ, конемъ Царевичъ давно послалъ хоругвь. Они имѣли при себѣ болѣе десяти малыхъ пушекъ. Царевичъ принялъ ихъ съ радостію, полагаясь много на ихъ мужество, ибо войско было значительное.

Собравшись съ ними и со всеми Поляками своими, онъ двинулся далѣе въ Московскую землю къ Комарицкой волости. Тамъ рыцарство, послѣ многихъ трудовъ, отдохнуло порядочно — 2 недѣли. Не хотя оставаться совсѣмъ въ бездѣйствіи, отряды дѣлали разъѣзды на 8 миль — Прежде еще, чѣмъ войско двинулось отъ Новогродка къ Комарицкой волости, Рыльскіе обыватели прислали къ Царевичу съ просьбою, дабы имъ далъ въ Рыльскъ Поляка, челоуѣка, къ которому бы самъ имѣлъ довѣріе: что и самому Царевичу показалось справедливымъ и нужнымъ. Онъ приказалъ немедленно Пану Боршу, своему Дворянину и Ротмистру, отправиться туда и осмотрѣвъ и снабдивъ замокъ продовольствіемъ и всѣмъ нужнымъ, возвратиться къ Царю. Боршъ, поднявъ хоругвь, набралъ до 200 товарищей. Борисово войско, узнавъ объ отъѣздѣ Пана Воеводы съ большою частию рыцарства, возымѣло отъ того великую противъ насъ отвагу, и придвинулось къ намъ на 6 миль. Царевичъ совѣтовался, что дѣлать, преимущественно съ Козаками, ибо на нихъ полагалъ всю свою надежду. Атаманъ и Полковники ихъ представляли, что должно наступать, не ожидая непріятельскаго нападенія. Нѣкоторые же изъ Поляковъ были того мнѣнія, что лучше выжидать непріятеля, избравъ выгодное для сраженія мѣсто; и стараться вести съ нимъ переговоры и медлить, не торопясь битвою. Послѣдствіе доказало, что сей совѣтъ былъ хорошъ. Сами Москали потомъ говорили, что, видя значительное войско, наклонны были къ миру. Козаки однакожь, упорствуя въ сво-

емъ мѣнѣн, совѣтовали наступать непременно. Царевичъ послушался ихъ и двинулся со всемъ войскомъ изъ Сѣвска, назначивъ себя въ Гетманы Поляка Пана Адама Дворжицкаго, что прежде былъ Полковникомъ. Подошли близко къ неприятельскому лагерю. Московское войско стояло въ порядкѣ, ожидая насъ было его 30,000, болѣе чѣмъ подъ Новгородкомъ. Начальниками онаго были двоюродный братъ Годунова, Семень Годуновъ и два брата Шуйскихъ. Поляки выстроившись въ порядкѣ, двинулись противъ праваго крыла Московскаго войска. Козаки стали на нашемъ правомъ крылѣ. Поляки построили въ одинъ рядъ 7 ротъ копейщиковъ, смѣшанныхъ съ Пятигорцами, и оставили въ запасъ 200 Гусаръ подъ начальствомъ Пана Бялоскорскаго. Тогда, призвавъ Бога на помощь, роты сразились: Пана Дворжицкаго Гетмана, Пана Ставислава Борши, Пана Вержбицкаго, П. Билинскаго, П. Тышкевича, и П. Мпкулинскаго, и бились такъ мужественно, что прогнали Москву въ лагерь. Тамъ приняли нашихъ очень сильнымъ огнемъ: пули Московскія летѣли на насъ градомъ, но по Божьей милости вредили не много, ибо перелетали черезъ головы. Дымъ отъ сей стрѣльбы повѣялъ на занимавшихъ правое крыло Козаковъ, которые, не сражавшись, побѣжали отъ одного дыма сего. Поляки, думая, что Козаки такъ же съ ними сражаются, сильнѣе еще тѣснили Москву. За дымомъ не видно было, что дѣлается у Козаковъ. Но тутъ нѣсколько Поляковъ прибѣжало съ извѣстіемъ, что Козаки уже утѣкли; тогда и мы стали отступать въ порядкѣ, отбиваясь и отражая Москву. Однакожъ Козацкая пѣхота, бывшая при пушкахъ, сильно стояла противъ Москалей. Но мы, не будучи въ возможности противустоять столь превосходному числомъ неприятелю, все отступали въ ожиданіи, не возвратятся ли Козаки, и ни какъ не могли спасти Козачьей пѣхоты, которую Москали разбили и пушки взяли. Тогда тѣ изъ насъ, которые имѣли лучшихъ лошадей, поскакали за Козаками, уговаривая и умоляя ихъ, дабы не навлекали на себя такого безчестія. Но они, не внимая ни чему, постыдно разбѣгались въ разныя стороны. Царевичъ срубилъ нѣкоторымъ головы, нагоняя ихъ

въ сопровожденіи другихъ Поляковъ : и такъ мы слѣдовали за Козаками 18 миль безъ отдыха до самаго Рыльска. Прийдя въ Рыльскъ, мы отдохнули два дня.

Потомъ двинулись къ Путивлю , 12 миль отъ Рыльска къ Польской границѣ. Войско Борисово слѣдовало за нами, надеясь настигнуть насъ въ Рыльскъ. Они пришли къ Рыльску на другой день послѣ насъ, и расположились лагеремъ. Москаля тутъ же приказали плести туры и копать траншеи, которые подведя къ городу, выставили пушки и сильно стрѣляли по Рыльску. Рыльскіе обыватели такъ же упорно защищались, будучи обнадежены Царевичемъ, что придетъ имъ войско на помощь. Въ самомъ дѣлѣ онъ послалъ 2,000 Москалей и 500 Поляковъ, которые вошли ночью въ городъ такъ удачно, что ихъ Москва не примѣтила, и узнала объ нихъ тогда, когда они уже вошли. Царевичъ же еще увѣрялъ Рылянь, что скоро придетъ на ъручку ихъ съ значительнымъ войскомъ. Извѣстившись о томъ, рать Годунова очень испугалась, а мы еще болѣе трепетали опасаясь, чтобы они на насъ не наступили, ибо насъ было весьма немного, такъ какъ послѣ сраженія подъ Сѣвскомъ нашихъ не только что много, но даже почти и всѣ отправились въ Польшу не распростившись. Тогда Царевичъ сталъ упрашивать Пана Ермолая Блоскорскаго и Пана Станислава Боршу, дабы вѣхали за ними и ради Бога убѣждали ихъ возвратиться. Съ помощію Божіею, по ихъ увѣщанію, многіе возвратились, и малое только число отправилось въ Польшу. Возвратившись въ Путивль, мы опять размѣстили товарищей по хоругвямъ, ибо разбрелись было всѣ въ рознь. Паны Ротмистры снова устроили роты свои, приказавъ подымать какъ можно болѣе копій, въ которыхъ рыцарство терпѣло большой недостатокъ, ибо нѣкоторые были переломаны въ сраженіи, а другія утрачены при отступленіи. Потомъ мы разнесли слухъ, что намъ въ помощь идетъ значительное Польское войско, а именно Панъ Жолкъвскій, Гетманъ Полевой, хотя сіе было вовсе невѣроятно.

Москва Борисова, поймавъ Москаля изъ Путивля допрашивала его, что думаетъ Царевичъ и его войско? и онъ имъ

сказалъ: въ Путивль говорятъ, что большое войско идетъ въ помощь Полкамъ. Повѣривъ тому, весьма встревоженные Москали, отошли отъ Рыльска, и какъ будто гонимые, отступили отъ насъ на 40 миль отъ Рыльска къ Кромамъ, что насъ весьма обрадовало.

Потомъ Царевичъ отрядилъ изъ Путивля и Рыльска 4,000 Козаковъ Донскихъ и Москалей, на помощь Кромскимъ жителямъ. Сіи такъ же вошли скрытно ночью въ городъ, Москва замѣтила ихъ тогда уже, когда послѣдніе входили, и дрались съ ними до тѣхъ поръ, пока и тѣ послѣдніе успѣли вступить въ городъ. Послѣ прибытія сего отряда въ Кромы, Борисово войско открыло жестокую пальбу изъ пушекъ и большихъ мортиръ, слѣдствіемъ коей было сожженіе Кромскаго замка. Но Кромскіе жители защищались неослабно. Войско отъ 7 до 8 недѣль стояло у Кромъ, сильно добывая городъ.

Между тѣмъ доходили до насъ въ Путивль частые слухи, что городъ Кромы взятъ приступомъ. Слухи сіи тѣмъ болѣе тревожили насъ, что въ Путивль причинили сильное негодованіе. Жены оплакивали мужей и сыновей своихъ: отъ того мы были въ опасеніи, не измѣнятъ ли намъ Путивляне, чтобы угодить Борису?

Въ сіе время пришло 500 стрѣльцевъ изъ Борисгорода и изъ Царяграда, которые передались Царю. Они имѣли красное платье, ибо находились прежде въ службѣ Бориса.

Скоро потомъ дошло до насъ несомнѣнное и для всѣхъ насъ весьма утѣшительное извѣстіе, о смерти Бориса. Тотъ же часъ жена Борисова изъ города Москвы послала къ войску, стоявшему подъ Кромами, чтобы присягали сыну ея Федору. Многіе присягнули. Однакожь отъ того произошло не малое замѣшательство.

Мы же, имѣя о всемъ достаточное свѣдѣніе, не дождавшись изъ Польши ни одного живаго челоуька въ помощь, двинулись противъ того войска съ Царевичемъ. У насъ было всего не болѣе 2,000 копѣйщиковъ, да Москалей могло быть, до 10,000.

Двинувшись изъ Путивля, отправили впередъ 3 роты По-

ляковъ, давъ имъ въ начальники Пана Запорскаго, съ ними было также нѣсколько тысячъ Москалей.

Подходя уже близко къ Кромамъ, Панъ Запорскій придумалъ такую хитрость: написалъ письмо къ Кромскимъ обывателямъ слѣдующаго содержания: *Изъясню вамъ, что идемъ къ вамъ на вырубку съ сильными Польскими войсками*, и съ тѣмъ письмомъ отправилъ Москаля, взявъ его изъ Борисовой деревни Бильзовы. Показалъ ему нѣсколько ротъ и далъ рубль, дабы снесъ письмо къ Кромскимъ обывателямъ. Онъ былъ схваченъ людьми Борисовыми, и отведенъ въ лагерь. Читали письмо, отправленное въ Кромы, и весьма встревожились. Въ то же время Московская передовая стража, Татары, разбитые Паномъ Запорскимъ, прибѣжали въ лагерь, сказывая, что народу очень много, ибо наши тогда выступали изъ лѣса, и Татарамъ число нашихъ показалось велико: Москва испугалась, ибо донесеніе ихъ согласовалось съ письмомъ, которое Панъ Запорскій отправилъ нарочно, дабы оно было перехвачено.

Тогда отъ страха, Москва отправила посланныхъ къ Пану Запорскому, объявляя, что все хотятъ бить челомъ Дмитрію Ивановичу, и что цѣлое войско уже ему крестъ цѣлуетъ.

Панъ Запорскій увѣдомилъ немедленно Царевича, и Москва сама вскорѣ прибѣжала къ нему, сказывая, что цѣлое войско цѣлуетъ крестъ тебѣ, а измѣнниковъ твоихъ мы свѣзали. Царь и мы все, находившіеся тогда съ нимъ въ болѣе опасной опасности, весьма обрадованы были всею случившимся.

Потомъ пріѣхалъ Князь Голицынъ, бывшій между прочими начальникомъ и съ нимъ нѣсколько сотъ людей, которые донесли Царевичу, что цѣлое войско и вся земля въ его послушаніи. Рота Пана Борши стояла тогда на стражѣ и Поручикъ Пана Борши прислалъ ему сіе извѣстіе.

Мы, будучи уже тогда въ дорогъ съ Царевичемъ, двинулись далѣе къ столицѣ. А къ Московскому войску послалъ Царевичъ, дабы разѣхались, ибо были изнурены; только знатнѣйшимъ приказалъ ожидать себя у замка Орла.

Потомъ пришли мы съ Царевичемъ подъ замокъ Орелъ.

Туть противъ насъ вывхало войско Московское, числомъ, какъ сказывали, до 80,000 человекъ; и такъ мы провожали его, съ Божьею помощію, благополучно къ столицѣ. Царевичъ однакожъ, не доверяя Московскому войску, приказывалъ располагать оное за полъ мили, а иногда и за милю отъ себя. Мы же, Поляки, были всегда при немъ на квартирахъ и въ походѣ, до самой столицы, держа около него ночную стражу изъ ста человекъ.

Потомъ въ 15 миляхъ отъ Москвы, подъ замкомъ Серпуховомъ, учрежденъ былъ лагерь изъ шатровъ. Присланный изъ Москвы, для принятія Царевича, огромный и многоцвѣтный шатеръ, снабженъ былъ четырьмя воротами съ раскатами, такъ что походилъ на каменный замокъ. Комнаты въ немъ были богатыя и красиво вышитыя золотомъ: особенно столовая, въ коей Царь угощалъ насъ и Бояръ. Сидѣло за столомъ до 500 человекъ. Угощеніе было роскошное, ибо повара пріѣхали изъ Москвы со всемъ нужнымъ, а такъ же и другіе служители и ключники. Двѣсти лошадей вели въ поводу: оныхъ всегда до 500 находится въ Царской конюшнѣ, и также нѣсколько каретъ съ весьма красивыми шестернями. Такимъ образомъ мы шли къ Москвѣ; ежедневно Царя встречали Бояре, принося подарки, соболы, золото, серебро.

Съ помощію Всевышняго, вошли въ столицу при благопріятствующей погодѣ. Народу много стояло на крышахъ, смотря на Поляковъ.

Мы ввели его на самый дворъ въ замокъ, и стояли въ порядкѣ при хоругвахъ, пока онъ не слѣзъ съ лошади и не ушелъ въ палаты.

Квартиры для всехъ нашихъ хоругвей отведены были на одномъ Посольскомъ дворѣ: тамъ было намъ очень тѣсно. Однакожъ потомъ нѣкоторые перешли на другія квартиры.

Короноваться Царь не хотѣлъ до пріѣзда матери, которая была въ дорогѣ. Ожидалъ ее 4 недѣли.

Тогда Шуйскіе, знатные люди, хотѣли ему и намъ учинить измѣну, подложивъ огонь ночью. Мы однакожъ смѣкнули, и Царевичъ приказалъ схватить ихъ и вывести на пло-

шадь. Однакожь по ходатайству нѣкоторыхъ сенаторовъ, Царь даровалъ имъ жизнь, и отослалъ куда-то далеко отъ Москвы: но уже теперъ опять въ милости.

Черезъ нѣсколько дней послѣ прїѣзда его матери коронованіе совершилось. На встрѣчу матери онъ шелъ пѣшкомъ полъ мили, выйдя изъ кареты, съ другими Поляками. А когда она ѣхала городомъ Москвою, то онъ шелъ пѣшкомъ при каретѣ.

Вскорѣ послѣ коронованія произошло большое замѣшательство между Москвою и Поляками, по той причинѣ, что Москва, по маловажному поводу товарища нашего, Шляхтича Польскаго Липскаго, приказала палачамъ бить кнутомъ и водить по улицамъ по своему обыкновенію. Увидѣвъ то, наши бросились на нихъ. Много было убитыхъ и много раненыхъ. Царь былъ весьма недоволенъ, и послалъ сказать Полякамъ, чтобы ему выдали виновныхъ, а не то велить вывестъ пушки, разбить занимаемый нами дворъ до основанія, и потомъ ни малѣйшаго ребенка изъ нашихъ кормить не будетъ. Поляки такъ отвѣчали на сіе посланіе: *Такую полуглаемъ награду за кровавыя услуги наши, которыхъ мы для Царя не щадимъ: мы того не побоимся! пусть умремъ мужениками! Будетъ однакожь о томъ знать Панъ нашъ Король и братья наши. А мы покаместъ хотимъ погибнуть, какъ Рыцарскіе люди, и пока не умремъ, много вреда надѣлаемъ!* Намѣреніе рыцарства, было броситься на Москалей, коихъ было въ сборѣ нѣсколько десятковъ тысячъ; искали только священника, чтобы прежде исповдаться. Донесено было Царю, на что Поляки рѣшаются, и онъ, удивляясь великодушію ихъ, послалъ къ нимъ вторично, дабы не отказывались выдать виновныхъ, обѣщая, что имъ ничего не будетъ сдѣлано, лишь только бы оказали покорность для успокоенія Москалей. И такъ Рыцарство, получивъ отъ него сіе удовольствіе, выдало трехъ человекъ съ условіемъ, дабы не были наказываемы, такъ какъ они не болѣе прочихъ были виновны, ибо всѣ были, а что выдаются они только въ угожденіе Царской милости. Выданы были изъ роты Пана Борши одинъ товарищъ, Павелъ Держбицкій, изъ роты Пана

Вержбицкаго Щигельскій, изъ роты Пана Богухвала Шелиборскій, конхъ Царь обѣщаль возвратити безвредно. Однакожь они были въ большомъ страхѣ, ибо ихъ посадили въ тѣсную темницу, гдѣ около стѣнъ находились узкія скамейки, а подъ скамейками разные, желѣзные, острые крючки, лишь бы только который изъ нихъ сдремаль, то погибъ бы лютою смертію, и они намѣревались уже бѣжать, если бы имъ пришлось оставаться тамъ долѣе, но ихъ продержали только однѣ сутки.

Ротмистры, провожавшіе Царя до столицы, были Паны Дворжицкій Гетманъ, Станиславъ Борша, Иваницкій, Бялоскорскій, Вержбицкій, Запорскій и Богухваль.

Сію Московскую исторію сочинилъ Панъ Станиславъ Борша, Ротмистръ и дворянинъ Великаго Царя Московскаго, Дмитріа Ивановича. Лѣта Божьяго 1606.

КОНЕЦЪ ПРИЛОЖЕНІЯМЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

